

Законодательное собрание Забайкальского края
Министерство международного сотрудничества
и внешнеэкономических связей Забайкальского края
Забайкальское региональное отделение ВПП «Единая Россия»
Забайкальский государственный университет
Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова
Российское общество политологов
Российское историческое общество
Русское географическое общество
Академия военных наук
Забайкальское общество любителей истории

РЕГИОН В ПРИГРАНИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

посвящённая 165-летию образования Забайкальской области,
165-летию Забайкальского казачьего войска
и 95-летию установления дипломатических отношений
между Россией и Монголией

**9 сентября 2016 г.
г. Чита**

Часть 1

Чита
Забайкальский государственный университет
2016

Legislative Assembly of Zabaykalsky Krai
Ministry of International Cooperation
and Foreign Economic Relations of Zabaykalsky Krai
Transbaikal regional branch of VPP "United Russia"
Transbaikal State University
Transbaikal Regional Museum named after A. K. Kuznetsov
Russian Society of Political Scientists
Russian Historical Society
Russian Geographical Society
Academy of Military Science
Zabaykalsky Society of Lovers of History

REGION IN BORDER SPACE

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE

**dedicated to the 165th anniversary of the Transbaikal oblast,
the 165th anniversary of the Transbaikal Cossack Host
and 95th anniversary of the establishment of diplomatic relations
between Russia and Mongolia**

September 9, 2016

Chita

Part 1

Chita
Transbaikal State University
2016

УДК 316.334.52(571.55:517.3)
ББК 60.59(2Рос-4Чит:5Мон)
Р 326

Рецензенты

В. В. Номогоева, д-р ист. наук, доцент, Бурятский государственный университет
М. Н. Фомина, д-р филос. наук, профессор, Забайкальский государственный университет

Редакционная коллегия

Е. В. Дроботушенко (гл. редактор),
А. В. Дроботушенко, М. В. Прыженникова, Ю. Г. Саранчина, О. А. Яремчук

Регион в приграничном пространстве : материалы междунар. науч.
Р 326 конф. [в 2 ч.] / Забайкал. гос. ун-т. – Чита : ЗабГУ, 2016.

ISBN 978-5-9293-1708-8

Ч. 1. – Чита, 2016. – 205 с.

ISBN 978-5-9293-1709-5

В сборник вошли материалы докладов и выступлений участников международной научной конференции, посвященной 165-летию образования Забайкальской области, 165-летию Забайкальского казачьего войска и 95-летию установления дипломатических отношений между Россией и Монголией. Представленные материалы характеризуют самые разные аспекты социально-политического развития России в целом и Забайкалья в частности, а также сопредельных территорий в их историческом развитии.

Конференция проводится в рамках программы ежегодных научных конференций по теме «Приграничное сотрудничество: исторические события и современные реалии».

УДК 316.334.52(571.55:517.3)

ББК 60.59(2Рос-4Чит:5Мон)

Reviewers

V. V. Nomogoeva, Dr. of Historical Sciences, Associate Professor, Buryat State University
M. N. Fomina, Dr. of Philosophical Sciences, Professor, Transbaikal State University

Editorial board

Е.В. Drobotushenko (chief-in-editor),
А. В. Drobotushenko, М. V. Pryazhennikova, Y. G. Saranchina, O. A. Yaremchuk

Region in border space : proceedings of the international scientific
Р 326 conference [2 p.] / Transbaikal State University. – Chita : Transbaikal State
University, 2016.

ISBN 978-5-9293-1708-8

P. 1. – Chita, 2016. – 205 p.

ISBN 978-5-9293-1709-5

The collection includes presentations and appearances of the participants of the international scientific conference, dedicated to the 165th anniversary of the Transbaikal oblast, the 165th anniversary of the Transbaikal Cossack Host and 95th anniversary of the establishment of diplomatic relations between Russia and Mongolia. The proceedings characterize various aspects of socio-political development of Russia in general and the Transbaikal in particular, as well as adjacent territories in their historical development.

The conference held in the framework of the annual scientific conference on “Cross-border cooperation: historical events and modern realities”.

УДК 316.334.52(571.55:517.3)

ББК 60.59(2Рос-4Чит:5Мон)

ISBN 978-5-9293-1709-5 (Ч. 1)
ISBN 978-5-9293-1708-8

© Забайкальский государственный университет, 2016
© Transbaikal State University, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово временно исполняющей обязанности Губернатора Забайкальского края Н. Н. Ждановой	6
Предисловие	7

РАЗДЕЛ 1. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

<i>Жамсаранова Р. Г.</i> К вопросу об этнониме «керэйт»	8
<i>Якупов Р. И.</i> Казачество как социальный феномен	12
<i>Еланцева О. П.</i> Китаист И. Г. Баранов: к 105-летию окончания Восточного института во Владивостоке	15
<i>Карпенко Е. В.</i> Динамика численности китайского купечества в Сибири и Монголии во второй половине XIX – начале XX вв.	19
<i>Ганжуурдалайн Цолмон.</i> Страницы истории барга-монголов	22
<i>Константинова Н. Н.</i> Казаки – потомки горнозаводских крестьян – участники Русско-китайской войны 1900–1901 годов (Китайского похода)	27
<i>Кузнецов В. В.</i> Установление дружественных отношений между Монголией и Россией	32
<i>Косых В. И.</i> Ургинское церковно-приходское попечительство и пропаганда трезвости среди российских колонистов в Монголии (1914–1916 гг.)	35
<i>Таракановский А. А.</i> С. А. Козин и его наследие в Монголии	37
<i>Шемелин А. В., Сизачева Е. Л.</i> Партийная политическая борьба в ДВР: опыт Российской империи в условиях революционных преобразований	41
<i>Чапыгин И. В.</i> Деятельность Казачьего союза в Шанхае	45
<i>Косых Е. С.</i> Адаптация русских эмигрантов первой послереволюционной волны	49
<i>Фартусов Д. Б.</i> Современная российская историография политики репрессий Советского государства 1920–1950-х гг.	52
<i>Дугаров В. Д.</i> Новые тенденции в прочтении в отечественной монголоведческой историографии подписания «Соглашения...» от 5 ноября 1921 г.	56
<i>Суходолов А. П., Кузьмин Ю. В., Рачков М. П., Суходолов Я. А.</i> Российско-монгольские отношения в первой половине XX века: результаты международного исследовательского проекта	59
<i>Родиков Б. Г.</i> Халхин-Гол. Причины и итоги конфликта	65
<i>Хайнзан Шагдар, Гончигдорж Нямдорж.</i> Халхин-Гол – главная стажировка советских военных журналистов	69
<i>Сануйдагва Ганболд, Баярмагнай Очирсурэн.</i> Уроки войны на реке Халхин-Гол	75
<i>Сеченов И. В.</i> «Мемориал 90 героев»	78
<i>Якунин В. Н.</i> Диссертационные исследования по проблеме положения и деятельности Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны	82
<i>Курас Л. В., Цыбенков Б. Д.</i> Делегация МНР на Северо-Западном фронте (по материалам источника на старомонгольской письменности)	85
<i>Таракановская М. Г.</i> Русские в МНР и Великая Отечественная война	90
<i>Гордеев Н. В.</i> Боевое взаимодействие войск Забайкальского фронта и Монгольской Народной Республики в Маньчжурской операции. Август 1945 г.	93
<i>Кирсанов Р. Г.</i> Санкционная политика США в отношении СССР в 1970-е – первой половине 1980-х годов	99

РАЗДЕЛ 2. ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ. ЧЕРТЫ РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

<i>Парамонова В. А., Беликова Е. О.</i> «Регион»: к определению понятия	103
<i>Крылов Д. А.</i> Философия пограничного пространства	106
<i>Ганопольский М. Г.</i> Граничный дискурс в контексте проблемы отечественной регионализации	109
<i>Лобанов К. Н.</i> Политико-стратегический потенциал приграничного сотрудничества в контексте перспективного развития евразийской интеграции (на примере еврорегиона «Слобожанщина»)	114
<i>Ильина Н. Е.</i> Реализация региональной правоохранительной политики на приграничной территории	118
<i>Блохин В. Н.</i> Состояние социально-экономической динамики сельских территорий российско-белорусского приграничья	121
<i>Кирсанова Е. Г.</i> Инновационный потенциал региона: к вопросу о реализации региональной инновационной политики	124
<i>Федотова Т. А.</i> Регион как объект экономического анализа рынка труда	128
<i>Акматалиева А. М.</i> Многовекторность и гетерогенность региона Центральной Азии	130
<i>Халанский И. В.</i> Погранично-территориальные проблемы государств Центрально-Азиатского региона	134
<i>Борноова М. М.</i> Республика Бурятия в контексте сибирской модернизации XX века	139
<i>Дулина Н. В., Наумов И. Н., Шарипов Д. Ю.</i> Этнокультурный туризм как аспект диалога культур в эпоху глобализации (на примере памятников казачьей культуры юга России)	142
<i>Тимиргазиева А. И.</i> Тенденции развития современной образовательной сферы в Башкортостане как одним из ведущих регионов России	145
<i>Биче-оол В. К.</i> Полуостров Таймыр: этнокультура приграничного региона в условиях глобализации	150
<i>Грибова С. Н.</i> Фактор соседства в российско-монгольском экономическом пространстве	153
<i>Нимаева Б. Б.</i> Социокультурные аспекты сотрудничества России и Монголии	159
<i>Яковлев В. И.</i> Перспективы развития закупочной логистики мясоперерабатывающих предприятий Забайкалья в контексте интенсификации внешнеэкономических связей с Монголией	162
<i>Ганхуяг Алтандош.</i> Внешняя политика Монголии в отношении России	165
<i>Цэнд Баатар, Баатар Баттогтох.</i> Трёхстороннее приграничное сотрудничество Россия – Монголия – Китай	169
<i>Загдаа Алтанхуяг.</i> Культурное сотрудничество России и Монголии	175
<i>Алтанхуяг Баярсайхан, Загдаа Алтанхуяг.</i> Международный фестиваль «Алтаргана» как феномен духовной культуры бурят-монголов	181
<i>Суслов Е. В.</i> Гибридные войны как производное от межгосударственных конфликтов гибридных политических режимов	185
<i>Головин Ю. А.</i> Развитие гражданской активности молодёжи в процессе военно-патриотического воспитания	194
Сведения об авторах	198

CONTENTS

Welcoming Address of N. N. Zhdanova, the Acting Governor of Zabaikalsky Krai	6
Introduction	7
SECTION 1. ACTUAL PROBLEMS OF DOMESTIC HISTORY	
Zhamsaranova R. G. To the Question of Ethnonimic Name "Kereit"	8
Yakupov R. I. Cossacks as a Social Phenomen	12
Elantseva O. P. The Sinologist H. G. Baranov: to 105 th Anniversary of Finishing Oriental Institute in Vladivostok	15
Karpenko E. V. Dynamics of Number of the Chinese Merchants in Siberia and Mongolia in The Second Half Of XIX – the Beginning of the XX Centuries	19
Ganzhuurdalain Tsolmon. Pages of history of the Barga Mongols	23
Konstantinova N. N. Cossacks, Descendants of Gornozavodsk Peasants – Participants of Russian-Chinese War of 1900–1901 (the Chinese Campaign)	28
Kuznetsov V. V. The Establishment of Friendly Relations Between Mongolia and Russia	32
Kosykh V. I. Urga Church and Parish Custody and Promotion of Sobriety Among Russian Colonists in Mongolia (1914–1916)	35
Tarakanovskiy A. A. S. A. Kozin and his Legacy in Mongolia	38
Shemelin A. V., Sigachyova E. L. Party Political Struggle in the FER (Far Eastern Republic): the Experience of Russian Empire in Terms of Revolutionary Change	41
Chappygin I. V. The Activites of the Cossack Union in Shanghai	45
Kosyh E. S. Adaptation of Russian Emigrants of the First Post-Revolutionary Waves	49
Fartusov D. B. Modern Russian Historiography of Policy of Repressions of the Soviet State 1920–1950 th Years	53
Dugarov V. D. New Trends in the Interpretation of National Mongolian Historiography Signing of the "Agreement..." Dated by November 5, 1921	56
Sukhodolov A. P., Kuzmin Yu. V., Rachkov M. P., Sukhodolov Ya. A. Russian-Mongolian Relations in the First Half of the Twentieth Century: the Results of the International Research Project	60
Rodikov B. G. Khalkhyn-Gol. Causes and Results of the Conflict	65
Khaynzhan Shagdar, Gonchigdorzh Nyamdorzh. Khalkhyn-Gol – is the Main Traineeship of Soviet Military Journalists	70
Sanuydagva Gandbold, Bayarmagnay Ochirsuren. Lessons of war on Khalkhin-Gol	75
Sechenov I. V. "90 Heroes Memorial"	78
Yakunin V. N. Dissertation Research on the Condition and Activities of the Russian Orthodox Church During the Great Patriotic War	82
Kuras L. V., Tsybenov B. D. The Delegation of the MPR in the North-Western Front (According to the Source of the Old Mongolian Written Language)	86
Tarakanovskaya M. G. The Russians in Mongolian People's Republic and the Great Patriotic war	90
Gordeev N. V. Combat Cooperation Between Transbaikalian Front Troops and the Mongolian People's Republic in Manchuria Military Operation. August 1945	93
Kirsanov R. G. Sanctions Policy of the US Against the USSR in the 1970 ^s – the First Half of the 1980 ^s	99
SECTION 2. PROBLEMS OF SOCIO-POLITICAL DEVELOPMENT OF THE REGIONS. FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF BORDER AREAS	
Paramonova V. A., Belikova E. O. "Region": to the Definition of Notion	103
Krylov D. A. The Philosophy of Edge of Space	106
Ganopolsky M. G. Boundary Discourse in the Context of Domestic Regionalization	109
Lobanov K. N. Cross-Border Cooperation Political and Strategic Potential in the Context of Prospective Development of the Eurasian Integration (on the Example of "Slobozhanschina" Euroregion)	114
Ilyina N. E. Implementation of Regional Law-Enforcement Policy in Border Areas	118
Blokhin V. N. Condition of Social and Economic Dynamics of the Rural Territories of Russia and Belarus Border Area	121
Kirsanova E. G. Innovative Potential of Region: the Issue of Implementation of the Regional Innovation Policy	124
Fedotova T. A. Region as an Object of Labor Market Economic Analysis	128
Akmatalieva A. M. The Multivector and the Heterogeneity of Central Asia	131
Khalansky I. V. Border and Territory Issues of Central Asian States	134
Boronova M. M. The Republic of Buryatia in the Context of the Siberian Modernization of XX Century	139
Dulina N. V., Naumov I. N., Sharapov D. Yu. Ethnocultural Tourism as an Aspect of the Cultural Dialogue in the Era of Globalization (on the Example of Cossack Culture Monuments of the South of Russia)	142
Timirgaziya A. I. Trends of the Development of Modern Educational Environment in Bashkortostan as a One of the Leading Russian Regions	146
Biche-ool V. K. The Taimyr Peninsula: the Ethnic Culture of the Border Region in Conditions of Globalization	150
Gribova S. N. Neighborhood Factor in the Russian-Mongolian Economic Area	153
Nimaeva B. B. Sociocultural Aspect of Russian-Mongolian Cooperation	159
Yakovlev V. I. Prospects for the Development of Procurement Logistics Meat Processing Plants Transbaikalia in the Context of Intensifying Foreign Economic Relations with Mongolia	162
Ganhuyag Almandos. Concept of Mongolia's Foreign Policy and Relations with Russia	166
Send Baatar, Baatar Battogtokh. Mongolia – Russia – China: Cross-Border Triangle Cooperation	169
Zagdaa Altanhuyag. Cultural Cooperation Between Russia and Mongolia	175
Altanhuyag Bayarsaihan, Zagdaa Altanhuyag. International Festival "Altargana" as a Phenomenon of Spiritual Culture of the Buryat-Mongols	181
Suslov E. V. Hybrid Wars as Derived From Inter-State Conflicts of Hybrid Political Regimes	186
Golovin Yu. A. The Development of Civic Engagement of Youth in the Process of Military-Patriotic Education	194
Information about the Authors	198

Уважаемые коллеги!

В этом году мы отмечаем 165 лет со дня образования Забайкальской области и создания Забайкальского казачьего войска. Эти даты неразрывно связаны между собой. Одновременно с созданием в 1851 г. Забайкальской области пограничные и станичные казаки, Забайкальский городской казачий полк, тунгусский и бурятский полки, а также население, жившее оседло в пограничной полосе, составили Забайкальское казачье войско, которое долгое время являлось гарантом спокойствия на границе Российской империи.

В 2016 г. исполняется 95 лет с момента установления дипломатических отношений России и Монголии – 5 ноября 1921 г. было подписано Соглашение об установлении дружественных отношений между двумя странами.

Эти важные для Забайкальского края даты не остались без внимания научной общественности. Организована и проводится большая международная научная конференция «Регион в приграничном пространстве», объединившая в городе Чите учёных из разных стран и ведущих научных центров Российской Федерации.

Неподдельный интерес, который вызвала данная конференция, свидетельствует об актуальности заявленных тем и вопросов, подчёркивает уникальность геополитического расположения Забайкальского края, его богатую историю.

Убеждена, что участники конференции установят новые научные контакты, которые позволят расширить горизонты взаимовыгодного сотрудничества. От всей души желаю вам успешной и плодотворной работы и наилучших впечатлений от пребывания в Забайкальском крае.

Временно исполняющая обязанности
Губернатора Забайкальского края

Н. Н. Жданова

Dear colleagues!

This year we celebrate 165 years of the formation of Transbaikalian oblast and the creation of Transbaikalian Cossack Host. These two dates are inseparably linked with each other. At the same time, with the creation of Transbaikalian oblast in 1851, border and stanitsa Cossacks, Transbaikalian policeman Cossack regiment, Tungus and Buryat regiments, as well as the settled popu-

lation living in the borderland, formed Transbaikalian Cossack Host, which has long been a guarantor of peace at the boundary of Russian Empire.

In 2016, 95 years of the establishment of diplomatic relations between Russia and Mongolia have passed – November 5, 1921 the Agreement on establishing of friendly relations between two countries was signed.

Being important for Zabaykalsky Krai, these dates did not stay without attention of scientific community. Now is organized and carried out a large international scientific conference “Region in the border space”, which incorporates in Chita city scientists from different countries and leading scientific centers of the Russian Federation.

Genuine interest, which was caused by this conference, shows the relevance of the stated topics and issues, it emphasizes the unique geopolitical location of Zabaykalsky Krai, its rich history.

I am convinced that members of this conference will establish new scientific contacts that will allow us to expand the horizons of mutually beneficial cooperation. Wish you successful and constructive work and best experience from staying in Zabaykalsky Krai.

Acting Governor
of Zabaykalsky Krai

A blue ink signature of N. N. Zhdanova.

N. N. Zhdanova

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2016 г. исполняется 165 лет с момента образования Забайкальской области. Это дата значима для региона. В 1851 г. Чита получила статус города – областного центра. Это стало толчком к развитию города. Параллельно с этим произошла организация Забайкальского казачьего войска, которое в дальнейшем сыграет заметную роль в отечественной истории.

Ещё одно значимое событие 2016 г. – это 95-летие с момента установления дипломатических отношений между Россией и Монголией. Данная дата также важна для Забайкальского края, граничащего с Монголией.

Три названных события предопределили значительный интерес общественности и представителей научных кругов к истории Забайкальского края и истории России в целом. В регионе запланирован и проводится ряд мероприятий, посвящённых обозначенным датам. Одно из них – международная научная конференция в г. Чите «Регион в приграничном пространстве» в рамках большого проекта «Приграничное сотрудничество: исторические события и современные реалии» с участием ведущих учёных из России и зарубежных стран.

В сборнике представлены материалы международной научной конференции. Участникам предложены следующие направления работы:

- Актуальные проблемы отечественной истории;
- Проблемы социально-политического развития регионов. Черты развития приграничных территорий;
- Аспекты истории Забайкалья.

Проведение международной научной конференции является значимым событием для Забайкальского края. Её участниками в 2016 г. являются ведущие учёные не только из Читы и районов Забайкальского края, но и иных городов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Белгорода, Стерлитамака, Волгограда, Тольятти, Йошкар-Олы, Уфы, Кургана, Челябинска, Тюмени, Томска, Красноярска, Иркутска, Улан-Удэ, Якутска. Статус международной подтверждает участие в работе конференции учёных из Монголии, Украины, Республики Беларусь, Кыргызской Республики.

Публикуемые материалы могут быть полезны при изучении всемирной и отечественной истории, краеведения, аспектов философии, политологии и социологии. Они будут интересны учёным, преподавателям высших и средних специальных учебных заведений, учителям общеобразовательных школ, студентам, магистрантам и аспирантам.

Редакционная коллегия

INTRODUCTION

2016 marks 165 years since the establishment of the Transbaikal oblast, the important moment for the whole region. In 1851 Chita received the status of city and the regional center, and that gave impetus for the development of the city. Transbaikal Cossack Host was established alongside with these events, and it played a significant role in the Russian history.

Another significant event of 2016 is 95th anniversary since the establishment of diplomatic relations between Russia and Mongolia which is of special importance for bordering Zabaykalsky Krai.

These three events predetermined great interest of general public and academic representatives to the history of Zabaykalsky Krai and the history of Russia as a whole. There are a number of planned and currently held regional activities devoted to those significant dates, and one of them is International Scientific Conference “Region in the Border Space” (Chita) with the participation of leading scientists from Russia and abroad. This event is a part of the larger project called “Cross-border cooperation: historical events and contemporary realities”.

This international scientific conference papers contains materials in the following suggested areas:

- Actual problems of Russian history;
- Problems of socio-political development of the regions. Features of the development of border areas;
- History Aspects of Transbaikalia.

The international conference is a significant event for the Transbaikal Region. The participants of 2016 edition include leading scientists from both Chita, areas of Zabaykalsky Krai another cities of Russia: Moscow, St. Petersburg, Belgorod, Sterlitamak, Volgograd, Togliatti, Yoshkar-Ola, Ufa, Kurgan, Chelyabinsk, Tyumen, Tomsk, Krasnoyarsk, Irkutsk, Ulan-Ude, Yakutsk. The status of international conference confirms with the participation of scientists from Mongolia, Ukraine, Republic of Belarus and the Kyrgyz Republic.

Papers may be useful in the study process of the world and national history, local history, philosophy, political science and sociology. They could be of specific interest for scientists, teachers of higher and secondary special educational institutions, teachers of secondary schools, undergraduate, graduate and post-graduate students.

Editorial board

**РАЗДЕЛ 1
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ**

**SECTION 1
ACTUAL PROBLEMS
OF DOMESTIC HISTORY**

УДК 81'373.6

ББК 81.2

*Раиса Гандыбаловна Жамсаранова,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

К вопросу об этнониме «керэит»

Статья рассматривает одну из возможных этимологических версий средневекового этнонима «керэит», или «кераит». Этноним связан по своему значению с политонимом XII в. Пегая Орда, ранними цзубу, кимаками, поздними чахар-монголами. Этническая и языковая принадлежность кераитов X–XI вв. может быть связана с каким-то угро-самодийским компонентом в этногенезе поздних монголов XIII–XIV вв.

Ключевые слова: керэит, политоним, Пегая Орда, цзубу, кимака, чахар-монголы, уралоязычные народы.

*Raisa G. Zhamsaranova,
Transbaikal State University,
Chita, Russia*

To the Question of Ethnonimic Name “Kereit”

The abstract deals with the possible etymology version of Middle-Aged ethnonim Kereit. The name is connected by its meaning with politonoma of XII Pegaya Orda, tsubu, kimak and later with Chakhar-Mongol. The ethnic and linguistic origin of Kereit is of Ugric and Samoedic elements in the origin of Mongol of XIII–XIV centuries.

Keywords: Kereit, politonoma, Pegaya Orda, tsubu, kimak, Chakhar-Mongol, Ural-speaking peoples.

О кераитах известно немного, за исключением того, что это было довольно многочисленное племя, принявшее в 1009 г. крещение от несторианских проповедников. Кераиты считались самым крупным и самым культур-

ным народом из всех монголоязычных народов Центральной Азии, обитали на территориях бывших держав хунну, тюрков и уйгуров. Согласно Л. Н. Гумилёву, всё население кераитов, включая и детей, и женщин, и стари-

ков, составляло около 400 000 чел. [3, с. 104]. Вождь этого племени Тогорил-хан (Ван-хан) заключил недолговечный военный союз с Темуджином, который, однако, вскоре распался и тем самым способствовал возвышению монголов под началом Чингисхана в 1206 г.

Известно, что в союзе с Тогорил-ханом кераитов Темуджин одержал победу над Джамухой в бою на берегу Аргуни. Когда же началось противостояние Тогорил-хана и Темуджина не известно. В 1203 г. произошло сражение «в урочище Калангин-алт» [10, с. 67], которое описывают как «заболоченный пруд, расположенный недалеко от Борщовочных гор, к северу от реки Онон» [16, с. 146].

Упомянутые слова – это забайкальские топонимы, в которых угадываются гидроним *Аргунь*, ойконим *Калга* (*Калгукан*, *Калангуй*), что вблизи современного Борщовочного хребта. Топонимы *Калга*, *Калгукан*, *Калангуй* этимологизируются только из лексических средств селькупского (одного из южно-самодийских языков), где термин *калж* ~ *кальже* переводится как «кочка; топкое место с кочками»; термин *калжэзан* – «согра (сырое топкое место, поросшее лесом, с кочками)» [7, с. 149]. К тому же, как мы отмечали ранее, присутствует типологическое сходство тунгусо-маньчжурских и селькупского терминов *калген* /эвен./ ~ *калтаку~халтаку* /эвен./ ~ *халчи~хали* /ма./ ~ *калж* ~ *кальже* ~ *калжэзан* /сельк./, обозначающих низменные, сырые места с трясинной (т. е. болотистые места). При этом сопоставлении обнаруживается родо-видовое сходство самодийских и тунгусо-маньчжурских терминов [Там же, с. 150].

При изучении истории сначала союза, а затем противостояния будущих великих монголов с одним из самых могущественных племён Северной Азии – кераитами, исследователи отмечают органичное «вхождение» побеждённых кераитов в состав монгольских племён, когда некоторые из них «стали его (Темуджина) доверенными людьми», что объясняется особой благосклонностью Темуджина к семье Тогорила [16, с. 148].

Мы можем добавить, что все эти средневековые племена, во-первых, были в некотором смысле единым этноязыковым сообществом, представлявшим собой некогда родственные роды, или трайбы. Политоним *монгол* заимствован из койбальского языка от слова *теäng* – «собака, волк» [8, с. 189]. Койбалы – это один из самоедоязычных народов, позднее ассимилированных хакасами в XVIII в. и потому ставших тюркоязыч-

ными, но всё же иноэтничными элементами в среде поздних хакасов. Во-вторых, изученное состояние этнонимии бурят позволяет утверждать о протобурятских племенах как самоедоязычных, кетоязычных и даже угроязычных племенах эпохи далекого Средневековья Центральной Азии.

Более объективные ответы на естественные вопросы об этническом происхождении того или иного народа даёт язык, языковые факты, среди которых заметное место занимает исследование топонимии регионов, этнонимов и исторических антропонимов. К примеру, политоним *чжурчжэнь* произошёл из средств двух разных языков – первая часть политонима – из лексических средств северно-самодийского (ненецкого) языка как *чиорча* – «земля» + китайское *жэнь* – «человек», т. е. по-китайски «земля + человек». Так могли называть северных кочевников Приамурья, обитавших в землянках [6].

Л. Н. Гумилёв пишет, что «в Центральной Азии этническое название имеет двойной смысл: 1) непосредственное наименование этнической группы (племени или народа) и 2) собирательное, для группы племён, составляющих определённый культурный или политический комплекс, даже если входящие в него племена разного происхождения» [3, с. 101]. Действительно, политоним или же соционим, как правило, можно этимологизировать из средств какого-то иного, более древнего языка, тогда как в этом названии могут быть объединены и собраны разноэтничные и разноязыкие группы или элементы, связанные единой территориальной общностью и эпохой.

Статья не ставит цель сделать обзор всех существующих мнений по поводу значения этнонима *керэит*. Опираясь на изученное состояние исторической этнонимии бурят и тунгусов исторической Даурии, мы склонны отмечать очень древнее этноязыковое начало этнонима, связанного с адстратными языками топонимии Забайкалья. Полагаем, что этноним лексически связан с финно-угорскими, также с обско-угорскими языками, представленными в субстратной топонимии Восточного Забайкалья. В финском языке одним из значений лексемы *kirjo* является значение «пёстрый, пегий», которое, на наш взгляд, стало основой позднего политонима *кераит*, или *керэит*. В китайских источниках упоминается загадочный народ Бома как «пеголошадные» люди. В период распада Монгольской империи отдельную Орду составляли народы, объединённые под названием *Пегая Орда*.

Возможно рассмотреть два аспекта данного вопроса по значению этнонима, или политонима, *керэит*. О монголоязычности этнонимного имени «сигналит» говорит аффикс множественности *-ууд* монгольского языка, которое со временем стало произноситься как *-ит*. Не исключено и то, что вопрос о христианизации кераитов возник уже на основе интерпретации из средств монгольских языков, где слово *хэрээһэ(н)* означает «крест; распятие» /бур./ . Если же это так, то это само по себе яркий случай межъязыковой омонимии, распространенной в ономастике. Поэтому первый аспект вопроса связан с той территорией, которая считается ареалом исконного обитания монголоязычных племён эпохи Средневековья. Кераиты, или керэиты, – это, всё-таки, монгольское племя, вначале противостоявшее, а затем подчинившееся монголам. Однако этот исторический факт не даёт веских оснований считать керэитов монголоязычными, или тюркоязычными, как это принято в отечественной историографии.

Второй аспект вопроса связан с поисками того племени или народа финно-угорского языкового происхождения, обитавшего на просторах Центральной Азии. Кого называли пегими, или пёстрыми? Какой признак стал основой подобной практики имянаречения? В финско-русском словаре значению «пегий» соответствует и другая лексема – *kimo* «пегий», позволяющая нам усмотреть в этом связь значения этнонимного *кераит* с не менее древним этнонимным *кимак(и)*. Под этим именем были известны некие племена, обитавшие в начале VII в. в Северо-Западной Монголии. Позже они откочевали в пределы Алтайских гор и Прииртышья, в VIII–XIX вв. кимаки заняли территории Западного Алтая, Тарбагатая и стали этнической основой части современных казахов. Есть исследования, доказывающие связь кимаков и современных киргизов, хакасов, алтайцев в этногенетическом плане.

Некоторые исследователи делают попытки обнаружить в архивных документах сведения о керэитах на основе упоминаемых в некоторых русских источниках такого племени, как керетцы. Как пишет В. К. Чертыков со ссылкой на документ РГАДА «Сибирский приказ» (ф. 214), «в 1647 г. жаловались в Красноярск Кузнецкого уезду кереицкие татаровя Оирот да Тюленко да Конгот, покрали де государь у них на Абакане-реке на острове лабазы промышленные люди» [17, с. 171]. Как из-

вестно, устройством лабазов известны многие сибирские народности, поэтому сопоставить эту этнографическую деталь с каким-либо отдельным народом невозможно. Однако очевидно, что это могли быть таёжные или лесные кочевники, и совсем не степные.

Л. Н. Гумилёв пишет о кераитах как о черных татарах, живших в степи вдали от культурных центров и относящихся к цзубу-кочевникам. Название *цзубу*, вернее, первая часть имени *цзу* – в китайском языке имеет значение «предки; национальность; группа людей» [11], совпадающее и лексически, и семантически с финским апеллятивом *suku ~ suvun* – «род, родня, родственники» [15]. Подобное сравнение позволяет говорить о транслитерации финского *suku ~ suvun* посредством таких норм китайского произношения, как *цзу*-. Вторая идеограмма *-бу* имени *цзубу* сопоставима с китайским апеллятивом *бо* – «пегий; пёстрый». Таким образом, мы полагаем, что экзонимное китайское *цзубу*, как и финское *керэит* и *кимак* имеют в своём значении понятие о некоем пегом или пёстром народе. О *цзубу*, как и о кимаках, известно немного. Их относят к разным народам – татарам, тюркоязычному населению Монголии [2, с. 163–164], телесским племенам [9, с. 125], тубаларам и т. д. Однако связать эти племена с иными племенами, уралоязычными, ранее было невозможно по причине малой изученности топонимии Забайкалья.

Поиски загадочного народа – Пегой Орды заставляют обратиться к такому экзониму, как *Сухэ*, или *Сухын зон*, – «люди/народ Сухэ», известному среди бурят как именование народа, проживающего по р. Чикой. Название *Чикой* по-бурятски звучит как *Сухэ*. Мы склонны полагать, что бурятский экзоним *Сухэ* – это и есть финское *suku* – «род, родня, родственники» и синоним китайского экзонима *цзубу*. Получается, что долину р. Чикой (и не только) издревле занимал народ, который и был, вероятно, тем, кого именовали в историографии «Пегим народом», или бома, кимаки, или цзубу, а также кераиты/керэиты.

Гидроним *Чикой* является этнотопонимом, т. е. собственно этнонимическим значением гидронима является, на наш взгляд, древнее значение апеллятивного *čik [chik]*, как именование древнего европеоидного облика народа, спустившегося с отрогов Саяно-Алтайского нагорья. Гидроним *Чикой* и бурятское *Сухэ* – это именованья одного и того же объекта, только на разных языках. Под этнонимным *čik [chik]* могли «скрываться»

многие из уралоязычных племён – и самоедоязычные ненцы, селькупы, кетоязычные ассаны, котты и арины, угроязычные ханты и манси, чей антропологический облик позволил, по-видимому, исследователям назвать их европеоидными динлинами.

Пристрастие к лошадям пегой или пёстрой масти отмечено в этнографической литературе у хантов и манси. «Там было устроено камлание, которое проводил шаман с бубном. Во время камлания он узнавал, где будет много белки в предстоящий охотничий сезон, благодарил за удачный промысел рыбы. Он определил, что в жертву духу нужно принести семь оленей (из них двух пегих) и одну пегую лошадь» [13, с. 228–229; 14]. Очевидна сакральная ценность принесения в жертву именно тех животных, окрас которых был пегим. Эти данные о ценности пегих лошадей или оленей как наиболее значимых ипостасей в жизни кочевника-ханты или манси сопоставимы с этнографическими реалиями эхиритов и хори-бурят, в легендах которых одними из тотемных прародителей этой группы бурят выступают образы пёстрого быка и пёстрого налима [1, с. 103; 5, с. 132]. Известно, что одним из тотемных первопредков селькупов являлась рыба-налим [12, с. 40].

Л. Н. Гумилев пишет, что «...большая часть этносов, живших и творивших в исто-

рический период, уже не существует. Этносистемы развалились на части, на обломки и на пылинки, т. е. на отдельных людей, которые затем интегрировались в новые системы в обновлённых ландшафтах с новыми традициями» [4, с. 345]. Объединение сибирских племён под названием *Пегая Орда*, как родо-племенное объединение селькупов и кетов в бассейнах рек Нарыма и Томи, существовавшее в XVI в., в монгольский период истории Сибири было известно, по-видимому, как племя чахар-монголов. Позже, во второй половине XVII в., это были тунгусы Нерчинского уезда, принявшие православие и ставшие современным старожильческим русскоязычным населением Забайкалья. Мы не исключаем участия обско-угорских племён, равно как и самоедоязычных, кетоязычных народностей эпохи домонгольского каганата в этногенезе бурят и тунгусского населения Сибири в целом.

Итак, комплексное исследование языковых, этнографических, археологических фактов народов и народностей, населяющих Сибирь, позволит реконструировать далёкие и загадочные страницы истории и происхождения современных насельников Забайкалья. И одну из основных задач в расшифровке прошлого играют этнонимы как ключ к истории регионов и народов.

Список источников и литературы

1. Бурятские летописи / сост. Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова. – Улан-Удэ: Бурят. ин-т общественных наук СО РАН, 1995. – 197 с.
2. Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. – М.: Наука, 1980. – 224 с.
3. Гумилёв Л. Н. Поиски вымышленного царства. (Легенда о «государстве пресвитера Иоанна»). – М.: Айрис-Пресс, 2003. – 432 с.: ил.
4. Гумилёв Л. Н. Конец и вновь начало: популярные лекции по народоведению. – М.: Айрис-Пресс, 2009. – 384 с.: ил.
5. Гурулёв С. А. Фольклор эхиритов как отражение их этногенетических связей с палеоазиатами // Традиционный фольклор в полиэтнических странах. – Улан-Удэ: ВСГАКИ, 1998.
6. Жамсаранова Р. Г. Об этнониме «чжурчжэнь» // Древние культуры Евразии: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама. – СПб.: Инфо-ол, 2010. – С. 270–276.
7. Жамсаранова Р. Г. Субстрат в топонимии Восточного Забайкалья. – Чита: ЗабГУ, 2011. – 237 с.
8. Жамсаранова Р. Г. Концептосфера средневековой монгольской этнонимии. – Чита: Экспресс-изд-во, 2013. – 228 с.
9. Зуев Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алматы: Дайк-пресс, 2002. – 360 с.
10. История Бурят-Монгольской АССР / под ред. А. П. Окладникова. – Улан-Удэ: Бурят-Монгольское гос. изд-во, 1951. – Т. 1. – 574 с.
11. Китайско-русский словарь / под ред. И. Ся Чун. – Пекин: Изд-во Ун-та ин. яз. г. Шанхая, 1992. – 1250 с.
12. Пелих Г. И. Материалы по селькупскому шаманизму // Этнография Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 5-70.
13. Соколова З. П. Проблемы изучения обско-угорского шаманства // Обские угры (ханты и манси): материалы к серии «Народы и культуры». – М.: Наука, 1991. – Вып. 7. – С. 225–241.
14. Федорова Е. Г. Жертвоприношения у северных манси: о роли жреца, шамана, «знающего» в жертвоприношениях северных манси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kunstkamera.ru/files/lib/> (дата обращения: 20.01.2016).
15. Финско-русский словарь / под ред. О. В. Кукконен, Х. И. Лехмус, И. А. Линдрос. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Гос. изд-во ин. и нац. слов., 1955. – 672 с.
16. Хоанг М. Чингисхан. – Ростов н/Д.: Феникс, 1997. – 352 с. – (Сер. След в истории).
17. Чертыков В. К. Кереиты Кыргызской земли XVII века // Тюрко-монгольские встречи: диалог культур: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ: Буряад Үнэн, 2004. – С. 170–173.

УДК 94(470)
ББК 63.3(05)

Риф Исмагилович Якупов,
Институт истории языка и литературы
Уфимского научного центра РАН,
г. Уфа, Россия

Казачество как социальный феномен

Казачество изучается уже более 300 лет. В общем, в историологическом, концептуальном плане казаки вполне изучены, а их традиционная культура в целом описана этнографами и даже в художественной литературе и кинематографии. Но в феноменологическом смысле казачество ещё не достаточно осмыслено. В статье поставлена проблема рассмотрения социума казаков в качестве модели этносоциальных процессов. В частности, анализируются истоки таких ментальных особенностей социума, как патриотизм и гражданская активность. И это, прежде всего, – свобода.

Ключевые слова: казачество, историография, нарративы, традиционная культура, феноменология, патриотизм, гражданская активность, свобода.

Rif I. Yakupov,
Institute of history, language and literature
Ufa scientific center of RAS,
Ufa, Russia

Cossacks as a Social Phenomenon

Cossacks group is studied for more than 300 years. In general, conceptually, the history of Cossacks is well understood, and their traditional culture as a whole is well described in ethnography, and even in literature and cinema. But in the phenomenological sense, Cossacks are not comprehended good enough. The article posed the problem of review of the Cossacks society as a model of ethno-social processes. In particular, it examines the origins of such mental features of Cossacks society, as patriotism and civic activity. And that (the origin) – is freedom.

Keywords: cossacks, historiography, narratives, traditional culture, phenomenology, patriotism, civic engagement, freedom.

История российского казачества в целом вполне хорошо изучена. По меньшей мере, на концептуальном уровне. Известны и описаны основные этапы становления и развития Российского казачества, формирование его ареальных групп – Доской, Уральской, Сибирской, Дальневосточной, Терской и их локальных подразделений. Изучению истории казаков уделяли достаточно много внимания историки ещё в дореволюционное время. Начиная с Н. М. Карамзина и завершая М. К. Любавским, не было исследователей, которые не посвятили бы казакам целых глав в своих обобщающих трудах по истории Российской империи. Также достойное внимание обращали к казакам историки в советскую эпоху, чему немало способствовал тот факт, что казаки, будучи грозной социальной силой, в конце концов поддержали новую

власть и достаточно спокойно вписались в колхозную систему. В том, что сословие казаков, упразднённое советской властью, находилось у неё на особом счету, говорят такие мощные идеологические источники, как широко известная художественная лента «Кубанские казаки» и выдающиеся литературные произведения М. А. Шолохова «Тихий Дон», «Поднятая целина» и др. Они же, вместе с другими произведениями, были мощным инструментом реализации задач культурной революции как в среде самого казачества, так и в сознании общества по отношению к нему. Во всяком случае, они (произведения) немало способствовали открытости темы казачества для гуманитарных исследований (в отличие от многих других тем). Хотя уже в «перестроечную эпоху» многие исследования советской эпохи подвергались кри-

тике, а в исследовательскую проблематику прочно вошёл императив «о трагедии казачества», раскулаченного и якобы униженного советской властью.

Много внимания изучению традиционной культуры казаков уделяли этнографы, более того, на фоне возрождающегося или усиливающегося периодически казачьего особого самосознания и самоидентификации казаки с конца 1980-х гг. были объектом социологического анализа и различных политологических исследований. Пересматривалась и история казаков первой половины XX в.

Всё это общая характеристика историографии казачества. При том, что, как сказано выше, на концептуальном уровне их история более или менее начертана, это не означает, что тема эта в историологическом смысле теряет свою актуальность. Нет. Во-первых, широчайшее поле для исследователей остается в жанре так называемой *oral history*, а также «истории повседневности», тем более, что последняя иногда в методологических дискуссиях объявляется единственно достойной научного внимания, по сути – выдвигается на позиции объекта исторического анализа и всей науки. Полагаем, что в процессуальном смысле (в целом) история ареальных групп казаков изучена не вполне равномерно. В особенности сибирских и дальневосточных. С точки зрения культурологического анализа, исходя из теоретического положения о «движении» традиционной культуры и непрерывного единства и противоречий между традициями и новациями, культурологам и этнологам тоже, видимо, не будет «скучно» и всегда найдётся предмет и актуальные темы для исследовательской работы.

На этом историографическом фоне достижений и задач будущих исследований мы хотели бы обратить внимание на изучение казачества – как социального феномена. Точнее говоря, казаки являются хорошим объектом теоретических и фундаментальных исследований в области методологии истории. Другими словами, они представляют собой прекрасную и, между прочим, редкую модель этносоциальных процессов, непрерывно протекающих в развитии цивилизаций и государств, в особенности империй. Такие исследования серьёзно способствовали бы общему пониманию исторических процессов и тех новых тенденций в них, которые появляются под воздействием глобализации.

Прекращать изучение философии истории ещё рано (мы бы даже сказали – опас-

но), несмотря на присутствующую в сознании современного общества иллюзию, что в этой-то области науки уже «всё понятно и понятно». Это, повторяем, опасная тенденция приводит к известным и обсуждаемым на самом высоком уровне (как в науке, так и в политике) попыткам «ревизии» истории, а проще говоря – её идеологически тенденциозному пересмотру и временами даже к прямой «фальсификации». Причём, нельзя быть уверенным в том, что эти тенденции исключительно субъективны (то есть фальсификации сознательны) и потому не столь опасны, ибо большая часть общества достаточно образована и умна, что бы доверять фальсификациям, отнюдь. Приходится разочаровывать благодушных философов, эти тенденции совсем не безобидны, прежде всего потому, что, как показывает контент-анализ подобных работ по истории, причём не только сегодняшних «европейских» рассуждений о Второй мировой войне или, скажем, по «украинской» истории, а и значительно более ранних трудов, этноцентристки или политически и доктринально убеждённые и ангажированные авторы и следующие за ними адепты – это достаточно убеждённые в своей правоте люди, при этом значительно более активные, чем обычная масса людей. Нужно ли ещё говорить, что тенденциозные пересмотры исторических фактов наносят ущерб не только науке, но и современной и будущей практике жизни общества. Они по-своему формируют общественное сознание или серьёзно влияют на этот процесс.

Возвращаясь в этой связи к истории российского казачества и идее его феноменологического анализа, в качестве социальной модели, мы хотим обратить внимание теоретиков и практиков отечественной исторической науки на необходимость и значение фундаментальных исследований. А в них, без достаточно репрезентативного материала, сложно делать выводы философского уровня. В качестве подтверждения этих мыслей обратим внимание на один лишь аспект или на одну проблему, достойную, на взгляд, того, чтобы стать предметом или темой особого исследования.

Как известно из историографии и источников, казачество возникло на границах Киевской Руси и первоначально представляло собой абсолютную, хорошо организованную изнутри, но не зависимую от государства «вольницу», состоящую из беглого люда, формирующегося крепостного сословия.

В ранних русских нарративах она фигурировала под именем «бродников», хотя, вероятно, уже в те далёкие времена (XII–XV вв.) имела свой собственный соционим «казаки», восходящий к тюркским языкам, что дополнительно свидетельствует об изначальной полиэтничности этой «вольницы». Долгое время «казаки» беспокоили приграничные земли государства, причём не только Российского, но и (в своё время) Польско-Литовского Золотой Орды. В частности, в XVI в. известны их постоянные набеги на приграничье в Персии, Крыму, Болгарии, Румынии, Турции. Несомненно, они беспокоили (что является отдельным предметом исследований) и постзолотоордынские ханства – Астраханское, Казанское, Ногайское, Сибирское.

Завершение этой истории известно лучше, благодаря более надёжным и большим по количеству письменным источникам XVII–XVIII вв. Так, формирующееся Российское государство, сначала Московское царство, а затем и «вся Россия», не говоря уже об Империи, постепенно – шаг за шагом, вовлекли «казачество» в социальную структуру государства. С этого момента и начинается история Российского «казацкого сословия». А с феноменологической точки зрения усиливается значение этой истории, как модели этносоциальных процессов.

И вот, к примеру, одна из проблем (а возможно уже и рассматриваемых закономерностей социального развития) в рамках проблемы взаимодействия государства и социума. В данном случае мы говорим о государстве, как институте управления обществом, о его формах и структурах. Социум «казаков» включенный в структуру Российского государства, занял в ней особое, можно сказать – привилегированное положение. Причем казачество ревностно следило за сохранением этих привилегий, и стоило государству нарушить их, как казачество отвечало «контрмерами». Мы не будем пересказывать известные факты, но обратим внимание, что на протяжении всей истории сословия вплоть до Октябрьской революции казаки сохранили и даже временами умножали эти привилегии. Более того, они из «неспокойной вольницы», самостоятельного социума в конце концов превратились в наиболее надёжную и мощную опору государства, теперь уже взятого и как института управления, и как общества в целом. Ведь известно, что казаки не были исключительно «слепым» инструментом в руках государства, и в глазах общества, в особенности

крестьянства, они служили примером прилежания, и хозяйственной рачительности, и социальной справедливости, и патриотизма. Об этом последнем качестве казацкого сословия стоит сказать особо. Оно, кстати, несмотря на коллизии «с раскулачиванием» в 1930-х гг., проявилось и в годы Великой Отечественной войны, на фронтах которой казацкие бригады были образцом доблести и славы. Это факт. Эти же качества и высокую гражданскую и общественную сознательность демонстрировали казаки и в смутные 1990-е гг. показывают и теперь.

Вопрос, однако, в том, откуда эти общие качества у социума «казаков», совсем не однородного, разделённого пространствами и уже сформировавшимися на местах, какими-то особыми традициями, обычаями и элементами культуры. Можно ли это рассматривать в научной плоскости? Ответ положительный. Не только можно, но и должно. И это подтверждает высказанную выше идею о важности феноменологического изучения социума «казаков» и, конечно, говорит о необходимости не упрощения взгляда на историологию – как научно-популярную или воспитательную науку (хотя она решает и эти проблемы), а понимания её как фундаментальной науки, возможно, более важной (первостепенной), чем другие (естественные), а не наоборот.

Что касается истоков казацкого патриотизма и других обозначенных позитивных качеств социума, понимание их истоков приходит, когда мы начинаем вдумчиво отсекал все второстепенные факторы развития социума и выделять, таким образом, главные – системные. Их несколько – и это тема самостоятельного анализа (во всяком случае, статьи). Самым же, или одним из важнейших оказывается «свобода». Это то, что было и условием формирования социума казаков, и то, чем больше всего дорожили они, и то, что бережно отстаивали и оберегали в своих взаимоотношениях с государством. Но это не свобода, о которой мечтали, скажем, «анархисты» XIX в. Это свобода, основанная на главенстве закона, свобода выбора личности, обеспечиваемая подлинным самоуправлением – демократическим и справедливым. Это и гарантированная защита прав личности, что тоже признак свободы. Это и добровольное соблюдение норм табу (закона), добровольное и потому свободное.

И если эту модель попытаться экстраполировать на уровень государства и рассмотреть типологически различные государства

мира в пространственной и временной координатах, мы увидим, что модель проявляет себя и здесь.

Мы затронули только часть этого в целом значительного теоретического вопроса (проблемы изучения). Дальнейшие рассуж-

дения в данном направлении требуют более тщательного и специального внимания. Именно в этом смысле актуальной остаётся и проблема феноменологического изучения казачества. Обоснование этой мысли и есть цель данной публикации (и доклада).

Список источников и литературы

1. Голубинцев А. В. Казачья Вандея. Древняя история казачества. Историческое исследование. – М.: Вече, 2012. – 288 с.
2. Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. Т. 5. 1818–1829. – СПб.: Тип. Н. Греча, 1819. – С. 393–396.
3. Любавский М. К. Обзор истории Русской колонизации с древнейших времён и до XX века / под ред. А. Я. Дегтярева. – М.: МГУ, 1996. – 682 с.
4. Полное собрание русских летописей. Т. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. – М.: Яз. рус. культуры, 2000. – 544 с.
5. Савельев Е. П. Древняя история казачества. Историческое исследование. – М.: Вече, 2010. – 480 с.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 / под ред. Б. А. Ларина; пер. с нем. О. Н. Трубачёва. – 4-е изд., стер. – М.: АСТ, 2009. – 672 с.

УДК 378
ББК 448

*Ольга Паеловна Еланцева,
Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия*

Китаист И. Г. Баранов: к 105-летию окончания Восточного института во Владивостоке

Статья вносит вклад в изучение биографии синоведа И. Г. Баранова, проработавшего почти 50 лет в Китае. Впервые на основе уникальных документов, извлечённых из личного дела студента Восточного института Баранова, и не менее ценного материала Ипполита Гавриловича «Четыре года в Восточном институте. 1907–1911 гг. Из личных воспоминаний» раскрыты важные аспекты вузовской подготовки востоковедов, повлиявшие на профессиональную карьеру.

Ключевые слова: история взаимоотношений России и Китая, синолог И. Г. Баранов, профессиональная карьера, история Восточного института.

*Olga P. Elantseva,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia*

The Sinologist H. G. Baranov: to 105th Anniversary of Finishing Oriental Institute in Vladivostok

The paper contributes to the study of the biography of the sinologist H. G. Baranov. For the first time the author uses unique archival documents. They are – Baranov's educational record of Oriental Institute and «Four years in the Oriental Institute. 1907–1911 years. From personal memories». Using these documents the author shows important aspects in teaching orientalists, which influenced on a professional career.

Keywords: the history of mutual relations of Russia and China, the sinologist H. G. Baranov, a professional career, the history of Oriental Institute.

В 1899 г. во Владивостоке был открыт Восточный институт. Из его стен вышло немало известных китаистов, долгое время живших и работавших в стране изучаемого языка. Среди них – Ипполит Гаврилович Баранов, знакомый и современникам, и нам своими работами [2; 7]. Цель данного материала – сделать акцент на трудностях прихода И. Г. Баранова в Восточный институт, на накоплении им знаний о Китае и китайцах, их языке и культуре в ходе вакационных командировок в страну изучаемого языка.

«Август 1907 г. Еду учиться во Владивостокский институт восточных языков», – такими словами открываются воспоминания Ипполита Гавриловича Баранова [1, л. 1]. Решение поехать во Владивосток оказалось нелёгким, буквально выстраданным. Достаточно упомянуть, что в 1906 г. И. Г. Баранов окончил по первому разряду Тобольскую духовную семинарию [4, л. 1]. Для продолжения образования из двух российских восточных вузов – Императорского Томского университета и Восточного института во Владивостоке – он выбрал первый. Однако учёба в 1906/1907 академическом году на юрфаке Томского университета оказалась для него непосильной ношей из-за необходимости «добывания» средств к существованию, из-за совмещения работы и учёбы. Молодой человек все больше склонялся к мысли получить образование, рассчитывая на стипендию, в Восточном институте. О вузе он был наслышан от одноклассника по Тобольской духовной семинарии – Александра Лебедева, который с 1906 г. уже учился в институте, идя по стопам своего старшего брата – Евгения Лебедева. Студенты института, в том числе Е. Лебедев, прекрасно рекомендовали себя в качестве переводчиков во время Русско-японской войны. Это был поучительный пример.

Немалое значение имело и то, что, говоря словами И. Баранова, «родина нуждалась в востоковедах» [1, л. 2об.]. Молодого человека привлекала возможность изучать малоизвестные «таинственные» страны Дальнего Востока [Там же]. И такое изучение началось уже по пути во Владивосток. «Остался позади холодный Томск, – фиксировал Ипполит Баранов, – ...Вот позади осталась и Чита. Бескрайние степи и сопки. Среди пассажиров заметны буряты. Забайкальская жел[езная] дорога кончилась. На границе с Китаем станция Маньчжурия. Здесь пересадка на Китайскую Восточную железную дорогу» [Там же, л. 4].

Проезжая по КВЖД, Ипполит Баранов впервые видел Китай и китайцев. «Тогда, – с удивлением замечал он, – ещё и мужчины у них носили косы – знак лояльности к маньчжурской династии, и многие из них одевались в халаты, носили свою национальную обувь. Наблюдался простой народ: торговцы, рабочие, домработники у русских» [Там же].

Восторг вызвала «столица» Северной Маньчжурии, большая станция «с механическими мастерскими и город Харбин на р. Сунгари, берега которой соединены красивым ажурным мостом русской постройки. КВЖД пролегла по чужой территории, но всё на ней удивляло размахом и фундаментальностью русского строительства...» [Там же]. Например станция Пограничная Уссурийской железной дороге: «Видно, что на её линии много ремонтных рабочих-китайцев».

Поступление И. Баранова в Восточный институт совпало с введением министром народного просвещения Российской империи постреволюционных новшеств. В частности, к требуемым прежде документам следовало приложить свидетельство о безукоризненном поведении от местной полиции и фотографии. Всё это рассматривалось в контексте интересов самих вузов, которые, «преследуя исключительно научные и образовательные цели», должны быть всячески ограждены «от доступа в них лиц, вредных для спокойствия и порядка академической жизни» [6, с. 3, 4].

Новичкам, поступавшим в Восточный институт, пришлось выдержать натиск агитационной кампании нескольких студентов, пропагандировавших идею закрытия владивостокского вуза. «Зачем вы приехали сюда?» – спрашивали они. Восточный институт – это никчёмное учебное заведение. Мы разочаровались в нём. Постановка обучения здесь неважная. После окончания института служебной карьеры нет. Студенты не ведут никакой политической работы... Государство только напрасно тратит средства на содержание подобного учреждения» [1, л. 43–44]. Необъективная информация о вузе перекочевала на страницы местной печати [3; 5].

Перед абитуриентами, приехавшими во Владивосток из отдалённых мест России, возникла угроза вернуться домой ни с чем и потерять учебный год. Для Ипполита Баранова это был бы второй потерянный год – непозволительная роскошь!

1 сентября 1907 г. И. Баранов подал прошение на имя директора Восточного института А. В. Рудакова: «Покорнейше прошу за-

числить меня в число студентов вверенного Вам института» [4, л. 7], а уже 17 сентября первокурсники, в том числе Ипполит Баранов, приступили к занятиям. Ведущими стали лекции по разговорному китайскому языку. Их вёл профессор-китаист Пётр Петрович Шмидт, объясняя первокурсникам, что «в России высших учебных заведений мало, не нужно и думать о закрытии их, а следует открывать новые высшие школы». Выпускники Восточного института «в материальном отношении устраиваются очень хорошо. Конечно, – говорил профессор, – у кого нет желания изучать восточные языки с иероглификой, тому лучше не поступать в институт. Кому захочется всю жизнь иметь дело с иероглифами, к изучению которых нет никакого влечения?» [1, л. 46, 46-а].

И. Баранов весьма успешно преодолел первый курс Восточного института, но поиск места учёбы на этом не завершил. Именно об этом говорят документы, написанные Ипполитом Барановым летом 1908 г. 6 июля датировано его прошение «возбудить в установленном порядке ходатайство» о принятии «в число студентов 1-го курса историко-филологического факультета С[анкт]-Петербургского университета. В случае невозможности по каким-нибудь причинам моего перевода на историко-филологический факультет я желал бы быть зачисленным на 1-й курс восточного факультета того же университета» [4, л. 17].

3 сентября 1908 г. к директору А. В. Рудакову поступила просьба Ипполита Баранова: зачислить обратно в число студентов Восточного института. При этом на прошении был такой текст: «При сём имею заявить, что об высылке моих документов из Юрьевского университета в канцелярию Восточного института мною подано прошение на имя ректора Юрьевского университета» [Там же, л. 23].

Таким образом, летом 1908 г. И. Баранов предпринял шаги к продолжению учёбы в университетах европейской России, причём приоритет отдавал историко-филологическому факультету, а не восточному.

Показательно, что уже будучи на третьем курсе Восточного института, этот студент скорректировал профиль своей подготовки, поменяв китайско-монгольское отделение на китайско-маньчжурское [Там же, л. 37]. Маньчжурскую словесность преподавал П. П. Шмидт.

Важное место в формировании профессиональных знаний востоковеда имели командировки в страну изучаемого языка.

Серьёзным сдерживающим фактором являлось скудное финансирование таких поездок [8, с. 285, 286]. Ипполит Баранов не просто ехал в командировку в вакационное время и устраивался в комфортных условиях проживания где-нибудь на морском берегу, имея надёжную крышу над головой, относительно дешёвое питание и приходящих к студенту сьянь-шеней, а ехал туда, где можно было получить больше интересной и значимой профессиональной информации. Прежде всего, это касалось изучения китайского и английского языков, для чего использовалась любая возможность.

Одна из первых командировок – в Пекин. Здесь были осмотрены городские и загородные достопримечательности, состоялись полезные встречи и разговоры с русскими людьми, жившими в столице. По мнению Ипполита, «много любопытного и поучительного» российским студентам давали «наблюдения над уличной жизнью коренного населения столицы... Бросались в глаза малая обеспеченность, очень скромные потребности, забитость простого народа, развитие нищенства, загрязнённость некоторых улиц и переулков. На улицах, кроме рикш, двухколёсных повозок с запряжкой мулов, попадались кареты сановников, сопровождаемые конной свитой, свадебные и похоронные процессии. Впереди последних – нищие по обеим сторонам улицы несут знамёна. А вот идёт цирюльник со своими инструментами и тазиком для мытья головы. Идёт жестянщик, проходит всякий другой рабочий люд, торговцы снедью, фруктами и лакомствами предлагают свой товар. Как много разнообразного и не похожего на уличную жизнь русских городов! Как отличается и уличная китайская толпа лицами, причёсками, одеждой от русской толпы!» [1, л. 171].

Во время следующей командировки студент Восточного института Ипполит Баранов поставил задачу посмотреть южный Китай [1, л. 232, 233]. «Мне хотелось посмотреть Шанхай, где служили кое-кто из наших востоковедов... Я желал узнать, на случай, если мне пришлось бы служить в этом городе, как я буду переносить тамошний климат, об отрицательных сторонах которого ходило много разговоров». Баранов отправился в Российское консульство (в г. Читту), попросил князя Мещерского выдать «мне из моих командировочных денег некоторую сумму на путешествие. Консул встретил мою просьбу словами: "Что? Не выдержали?". Он думал,

что мне наскучил бесконечный дождь, и я спасаюсь от него, уезжая в Шанхай. Деньги он мне распорядился выдать».

Итак, Ипполит Баранов добрался до Шанхая и отмечал: «Я прожил с месяц в этом шумном, жарком и душном людском муравейнике и без сожаления, а, наоборот, с удовольствием, покинул его». И далее: «С трудом я переносил влажный жаркий воздух. Я стал чувствовать себя тоже неважно. Бывали ночи, когда из-за духоты и жары я совершенно не мог спать» [1, л. 247, 250].

Несмотря на тяжёлые условия, студент ознакомился «с нравами и бытом разноплеменного шанхайского населения». Он посмотрел в Шанхае не только территорию самой богатой и благоустроенной концессии – французской, где «образцовая пожарная команда устроила парад», но и, несмотря на отговоры, побывал в туземной части города, которая отличалась удручающим антисанитарным положением; посетил большую прядильную фабрику, одну из лучших по организации труда и отметил: «У станков стояли исключительно женщины. В санитарном отношении фабричные помещения казались довольно благополучными, если не считать слабую проветриваемость при жаре. Здесь я воочию впервые наблюдал массу китайско-

го рабочего люда, занятого длинный рабочий день утомительным трудом» [1, л. 237, 238].

Ипполит, вернувшись в г. Читу, встретился с консулом Мещерским и из его уст услышал оценку сложности закончившейся поездки. «Консул, когда увидел, как я осунулся, похудел и почернел от загара, сказал другим студентам, что если кто хочет убавить себе срок жизни лет на пять, то тот может поехать в Шанхай» [1, л. 250].

Итак, Ипполит Гаврилович Баранов учился в Восточном институте с 1907 по 1911 гг. Он успешно выдержал установленные выпускные испытания и окончил курс Восточного института по первому разряду. Безусловно, такому результату способствовала отмечаемая профессором-китаистом и одновременно директором Восточного института А. В. Рудаковым несомненная даровитость студента Ипполита Баранова, а также сильный профессорско-преподавательский состав и организация учебных занятий в вузе. На страницах своих воспоминаний об этом неоднократно пишет И. Г. Баранов. И, конечно же, давала о себе знать высокая организованность самого студента, его стремление к постоянному пополнению багажа знаний через детальное знакомство с Китаем и китайскими реальностями.

Список источников и литературы

1. АИВР (Архив Института восточных рукописей). Разряд 1. Оп. 1. Китай. Д. 255.
2. Баранов И. Г. Верования и обычаи китайцев. – М.: Муравей-Гайд, 1999. – 304 с.
3. Владивосток (Упадок Восточного института) // Сибирские вопросы. – 1908. – № 45–46. – С. 47–48.
4. Государственный архив Приморского края. Ф. 115. Оп. 1. Д. 72.
5. Необходимость реформы Восточного института во Владивостоке // Сибирские вопросы. – 1908. – № 6. – С. 10–15.
6. Протоколы заседаний Конференции Восточного института за 1907–08 акад. год // Изв. Вост. ин-та. 1907–1908. Прил. 2. – Владивосток: Тип. Вост. ин-та, 1908.
7. Русские китаеведы в Харбине: жизнь, деятельность, научные труды / под ред. Пэн Чуаньюна, Ши Цзиньхуаня. – Пекин: Изд-во Кит. общественных наук, 2014. – 218 с.
8. Соколовский П. Е. Русская школа в Восточной Сибири и Приамурском крае. – Харьков: Тип. и лит. М. Зильберберга и Сыновья, 1914. – 305 с.

УДК 94(5)

ББК Т3(253:5Мон:5Кит)-282.4

*Елена Васильевна Карпенко,
Сибирский федеральный университет
г. Красноярск, Россия*

Динамика численности китайского купечества в Сибири и Монголии во второй половине XIX – начале XX вв.¹

Данная работа актуализирует проблему динамики численности китайских торговцев в Сибири и Монголии в период Цинской империи. Численность китайских торговцев в Сибири была тесно связана с русско-китайской конкуренцией на рынках данных территорий, более того, миграция китайских торговцев в Сибирь находилась в прямой зависимости от изменений в положении китайского купечества на монгольском рынке.

Ключевые слова: Монголия, Сибирь, китайские торговцы, Цинская империя, миграция.

*Elena V. Karpenko,
Siberian Federal University,
Krasnoyarsk, Russia*

Dynamics of Number of the Chinese Merchants in Siberia and Mongolia in the Second Half Of XIX – the Beginning of the XX Centuries²

This article does actual a problem of dynamics of number of the Chinese merchants in Siberia and Mongolia in the period of the Qing Empire. The number of the Chinese merchants in Siberia has been closely connected with the Russian-Chinese competition in the markets of these territories. Moreover, the migration of the Chinese merchants to Siberia was dependence on changes in the provision of the Chinese merchants in the Mongolian market.

Keywords: Mongolia, Siberia, Chinese merchants, Qing Empire, the migration.

Изучение истории трансграничного региона Сибирь – Монголия невозможно без учёта влияния процессов миграции в регионе. Особое место среди миграционных процессов на территории Сибирь – Монголия занимают миграции китайских торговцев – уроженцев северных провинций Китая. Актуализация вопросов, связанных с перемещениями китайских торговцев, позволяет определить основные тенденции развития межгосударственного (Российская и Цинская империи) и межнационального (русские, монголы, китайцы и др.) диалога. Динамика численности китайского купечества в регионе служит показателем, отражающим общее состояние русско-китайской торговли, русско-китайской конкуренции в Монголии.

В отечественной историографии проблем изменения численности китайского купечества в Сибири в своих работах касают-

ся В. Г. Дацышен, Е. Ю. Башкуева и др. [1; 2]. О китайских купцах в Монголии встречаются упоминания в работах А. В. Старцева, Н. Е. Единарховой, С. Б. Намсараевой [3; 5; 9; 10]. Однако отдельных работ, посвященных динамике численности китайских торговцев в регионе Сибири – Монголия, в отечественной историографии нет. Китайская историография большое внимание уделяет изучению китайского присутствия в Монголии эпохи Цин [15; 16; 18]. Проблемы миграции китайских торговцев в Сибирь (далее – приграничная зона) практически не изучены. Также нет работ, раскрывающих связь между численностью китайских торговцев в Сибири и изменениями положения китайского купечества в Монголии. Целью данной работы является актуализация вопроса о численности китайского купечества в трансграничном регионе Сибирь – Монголия в период правления Цинской династии.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 15-11-24002.

² The work is supported by RHSF, the project No. 15-11-24002.

Цинские власти старались контролировать как внутренние (на территории Халхи), так и внешние (Сибирь) миграции. В Монголии торговлю с китайской стороны вели представители купеческого сообщества провинции Шаньси. До второй половины XIX в. они занимали монопольное положение в Монголии, в их руках находилась русско-китайская торговля в Кяхте. В период Цинской империи в Монголии действовала система пропускных свидетельств, строго контролирующая все перемещения китайцев из Центральной равнины за Великую китайскую стену, передвижения китайцев, монгольских князей, рядовых монголов по территории Монголии. Китайскому купцу для въезда в закрытый до второй половины XIX в. район необходимо было получить 印票, «пропуск», разрешение на въезд или выезд. Именно на необходимость получения 印票 указывается во всех статьях «Уложения Китайской палаты внешних сношений»¹, касающихся как перехода границы, так и внутренних передвижений по Монголии. В пропускном виде обязательно указывался срок, по истечении которого необходимо было вернуться, либо пропуск выдавался на срок, который требуется для преодоления расстояния до места отправления [11, с. 298]. Кроме того, китайским торговцам необходимо было иметь при себе «позволительный вид», «отпускной вид» [17, с. 298], в китайской версии документа определяется как 执照. Наличие у них 执照 говорит о позволении администрации проживать на определённой территории [Там же, с. 300], указывает на занятость человека. 执照 позволяло вести торговлю в монгольских кочевьях, но по чётко определённом в свидетельстве маршруту. В «Уложении» подчёркивается, что отсутствие такого рода свидетельства указывает на «бездельничество» [11, с. 69] и «беспорядочность» [Там же, с. 74] человека. Цинские власти контролировали внутренние передвижения китайских торговцев посредством выдачи 路引 [17, с. 299]. Основное содержание данного свидетельства – описание маршрута, по которому будет совершён проезд к указанному месту. Основная функция 路引 – «пресечь все своевольные разъезды и всякое злоупотребление, которое в таких случаях удобно произойти может» [11, с. 70]. Наконец, китайские торговцы обя-

заны были оформлять 部票 – свидетельство о купце и его товаре. Выдача 部票 была ограничена, получить их можно было только от дутуна Чахара, цзянцзюня Суйюаня и тунчжи Долуньнора. В свидетельстве обязательно содержалась информация о месте жительства купца, количестве и качестве товаров, месяце и числе отправления за границу. Выдавался данный документ на срок не более года для того, «чтобы шатающиеся сего рода торгаши, чрез долговременное пребывание в Монголии не произвели каких-либо незаконных связей» [11, с. 71]. Таким образом, цинским правительством контролировались все передвижения китайского купечества по Монголии. Из китайских и российских источников, представленных описаниями цинских чиновников и заметками русских путешественников, известно, что основная масса китайских торговцев, торговые фирмы были сосредоточены в городах Урга, Кобдо, Улясутай. Из городов-центров торговли отправлялись караваны для ведения торговли по хошунам.

Точных данных о численности китайских торговцев в Монголии во второй половине XIX – начале XX в. нет. По сведениям, прибывшего в начале 60-х гг. XIX в. в Монголию Я. П. Шишмарева², по всей территории Халхи насчитывалось более 10 тыс. китайских торговцев [12]. В источниках редко встречаются упоминания о количестве торговцев в том или ином городе, чаще всего очевидцы описывают количество лавок и торговых домов. Количество торговцев в одной лавке в городах варьировалось от 4 до 10 чел. (пропускные свидетельства выдавали на группы купцов в среднем по 4–9 чел. [14, с. 47–49]), штат торговой фирмы был гораздо больше.

Крупнейшим городом в Халхе являлась Урга, здесь же китайские купцы вели оживлённую торговлю. По сведениям того же Шишмарёва, только в Урге насчитывалось более двухсот торговых домов: более 40 пекинских и более 170 шаньсийских [13, с. 83]. Певцов, посетивший Монголию в 1878 г., указывал на 10-тысячное население китайского Маймайчэна³ – города Урги (помимо торговцев здесь проживали ремесленники и др.). А. М. Позднеев в заметках об экспедиции 1892–1893 гг.

² Я. П. Шишмарев (1833–1915) – посол, переводчик. С 1861 г. – секретарь и переводчик консула К. Н. Боборыкина в Урге, позже управляющий консульством, и. о. консула, консул, ген. консул России в Монголии.

³ Маймайчэн (от кит. 买卖 – «купи-продай», 城 – «город») – торговая часть города. В Монголии в части Маймайчэна жили китайские торговцы, ремесленники, там же располагались их лавки и торговые дома.

¹ Лифаньюань 理藩院 (Li Fan Yuan) – Палата по делам вассальных территорий, служба в империи Цин, ведавшая зависимыми монгольскими территориями и надзиравшая за назначением амбаней во Внешнюю и Западную Монголию, Кукунор и Тибет.

даёт более точные сведения: 1800 китайских торговцев в ургинском Маймайчэне при населении в 5 тыс. чел. [7, с. 157]. Он же отмечает стремительный рост китайских лавок в городе [Там же, с. 135]. В материалах Московской экспедиции упоминается более 100 китайских фирм, имеющих магазины и мелкие лавки в Урге [4, с. 296]. В начале XX в. количество китайских фирм в Урге превосходило число русских фирм в 10 раз [Там же]. Постоянный рост китайских лавок в городе свидетельствует о том, что Урга являлась центром миграции китайских торговцев в Монголии.

Заметки в дневниках русских путешественников подчёркивают постоянный рост численности китайских торговцев в Монголии, их лавок, складов. В начале XX в., по свидетельствам Вильгуза, количество лавок достигло 65 [Там же]. Рост численности китайских торговцев в Монголии во второй половине XIX в. связан с конкуренцией двух сообществ китайских купцов: шаньсийской и пекинской. Во второй половине XIX в. пекинцы активизировали торговую деятельность в крупных городах Халхи, потеснили на рынке бывших монополистов – выходцев из провинции Шаньси. Вторым фактором, оказавшим значительное влияние на рост китайских лавок по всей территории Цинской Монголии, являлась русско-китайская конкуренция в Монголии. После подписания ряда договоров во второй половине XIX в. русские купцы стали серьёзным конкурентом китайским торговцам на монгольском рынке. В условиях давления западных государств власти Цинской империи беспокоились о сохранении территориальной целостности и государственного суверенитета. Серьёзные опасения у цинского правительства вызывала деятельность русских купцов в Монголии. Усиление позиций китайского купечества поощрялось китайскими властями.

Подписание русско-китайских договоров во второй половине XIX в. позволило китайским торговцам вести торговую деятельность на территории Российской империи. В 1860-х гг. численность китайских купцов в Сибири была невелика. Одним из первых городов присутствия китайских торговцев в Сибири стал Иркутск: уже в 1863 г. там была открыта китайская лавка [8, с. 125]. В конце 1860-х гг. китайские торговцы достигли Томска и Красноярска [2, с. 41]. Большая часть торговцев оседала в Забайкалье, основная часть вела торговлю в городах, китайские

торговцы в уездах – редкость. В Сибири они были временными жителями, их интересы заключались в получении прибыли: заработав небольшой капитал, китайский торговец покидал Сибирь.

Численность китайских торговцев в Сибири во второй половине XIX – начале XX в. изменилась незначительно. В 1869 г. в Сибирь через Кяхту въехало 557 чел., а в 1894 г. – 674 чел. с целью торговли [Там же, с. 43]. Можно выделить несколько факторов, оказавших влияние на динамику численности китайских торговцев в Сибири. Во-первых, особый режим территории Халхи: въезд китайцев в Монголию был ограничен, а проезд в Российскую империю был сопряжён с ещё большими трудностями. Во-вторых, опасения усиления давления западных держав вынуждали цинское правительство весьма осторожно подходить как к условиям договоров, их трактовке и исполнению, так и к переговорам по новым соглашениям. В 1860-е гг. среди китайского чиновничества постепенно формировалась позиция невмешательства в вопросы, связанные с пребыванием китайского купечества на территории Российской империи: китайские чиновники не стали способствовать активному проникновению китайских торговцев в Россию. Усилия местных чиновников были направлены в область русско-китайской конкуренции в Монголии. Современник И. Носков отмечал: «В китайском трибунале даже не знают, что китайцам дозволено торговать внутри России, так как там полагают, что едва ли они имеют право на выезд из Китая с этою целью» [6, с. 14]. Наконец, китайские торговцы на протяжении всего рассматриваемого периода теряли свои позиции в связи с расширением русской торговли чаем. Русские предприниматели строили свои чайные фабрики, усиливали позиции по ввозу чая в Россию. На фоне русско-китайской конкуренции в торговле чаем в Сибири цель китайских купцов заключалась в сохранении прежних позиций в Сибири, особенно в Забайкалье. Численность китайских торговцев в Сибири была небольшой – не более 1000 чел.

Таким образом, динамика численности китайских торговцев в Сибири и Монголии в период Цинской империи была тесно связана с русско-китайской конкуренцией на рынках данных территорий. Более того, миграция китайских торговцев в Сибирь находилась в прямой зависимости от изменений в положении китайского купечества на монгольском рынке.

Список источников и литературы

1. Башкуева Е. Ю. Из истории китайской миграции в Верхнеудинский уезд Забайкальской области (1860–1910 гг.) (по материалам фондов Национального архива Республики Бурятия) // Центральная Азия и Сибирь: Первые науч. чтения памяти Е. М. Залкинда. – 2003. – С. 268–273.
2. Дацышен В. Г. Китайцы в Сибири в XVII–XX вв.: проблемы миграции и адаптации. – Красноярск: СФУ, 2008. – 327 с.
3. Единархова Н. Е. Русские купцы в Монголии // Восток. – 1996. – № 1. – С. 76–89.
4. Московская торговая экспедиция в Монголию. – М.: Тип. П. П. Рябушинского. – 1912. – 353 с.
5. Намсараева С. Б. Миграции во Внутренней Азии цинского периода: диаспоры «контактной зоны» Кяхта – Маймайчен // Вестн. БГУ. – 2013. – № 1. – С. 21–46.
6. Носков И. Кяхтинская торговля за последние восемь лет. – СПб., 1870. – 18 с.
7. Позднеев А. М. Монголия и монголы. – СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1896. – 696 с.
8. Романов Н. С. Иркутская летопись 1857–1880. – Иркутск, 1914. – 199 с.
9. Старцев А. В. Русская торговля в Монголии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 308 с.
10. Старцев А. В. Численность и состав русских предпринимателей в Монголии во второй половине XIX – начале XX в. // Центральная Азия и Сибирь: Первые науч. чтения памяти Е. М. Залкинда. – 2003. – С. 142–148.
11. Уложение Китайской палаты внешних сношений / пер. С. В. Липовцев. – СПб., 1828. – Т. 2.
12. Шишмарев Я. П. Записка действительного статского советника Шишмарева 27 февр. 1886 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Mongol/Sismarev_otcet/frameset1.htm (дата обращения: 29.02.2016).
13. Шишмарев Я. П. Отчёт о 25-летней деятельности Ургинского консульства // Русский консул в Монголии / под ред. Н. Единарховой. – Иркутск: Оттиск, 2001. – 119 с.
14. 旅蒙商档案集粹 = Коллекция архивных документов по торговцам в Монголии / 主编: 张伸敏 / ред. Чжан Шэньминь. – 内蒙古大学出版社: Изд-во Ун-та Внутренней Монголии, 2009.
15. 葛贤慧 葛 苏雅 商路漫漫五百年——晋商与传统文化 = Торговый путь длиною в 500 лет: купечество Шаньси и традиционная культура. – 武汉 乌汉: 华中理工大学出版社 Изд-во Хуачжунского технологического ун-та, 1996.
16. 郭蕴深 戈 伍ньшэнь 中俄茶叶贸易史 = История русско-китайской чайной торговли. – 哈尔滨 Харбин: 黑龙江教育出版社 Хэйлунцзян цзяоюй чубаньшэ, 1995.
17. 理藩院则例 = Уложение Китайской палаты внешних сношений / 杨选第, 金峰 сост. Ян Суаньди, Цзинь Фэнсяо. – 内蒙古出版社 Изд-во Внутренней Монголии, 1998.
18. 卢明辉, 刘行坤 卢 Минхуй, Лиу Янькунь 旅蒙商—17世纪至20世纪中原与蒙古地区的贸易关系 = Китайские торговцы в Монголии: торговые отношения монгольского района и равнины в 17–20 вв. – 中国商业出版社 Чжунго шанъе чубаньшэ, 1995.

УДК 94(517)
ББК 63.3(5Мон)5

*Ганжуурдалайн Цолмон,
Монгольский государственный университет образования,
г. Чойбалсан, Монголия*

Страницы истории барга-монголов

Это исследование восстанавливает некоторые страницы истории Барги с помощью интервью с людьми, живущими в сомонах Гурванзагал и Хулунбуир, двух крупнейших общинах Барги. Суммируя все эти исторические факты, становится ясно, что мы должны рассматривать в качестве реальных причин миграционных волн в МНР в период 1911–1949 гг. не только признание их угнетения, но многовековую проблему воссоединения со своими соотечественниками. Их усилия, сделанные от имени всего населения Барги, были бескорыстными поступками для исправления исторической несправедливости и возвращения их в Монголию. Это исследование является частью увеличившегося числа работ, посвящённых истории населения Барги, и будет способствовать будущему изучению подобных тем.

Ключевые слова: переселенческое движение, задачи воссоединения, население Барги, Монголия, сомон.

Ganzhuurdalain Tsolmon,
Mongolian State University of Education,
Choibalsan, Mongolia

Pages of History of the Barga Mongols

This study recovers some of the Barga's history through qualitative interviews with people now living in Gurvanzagal, Hulunbuir soums (settlement), home to two largest Barga's communities in the nation. As we summarize all these historical facts, it is clear that we should regard the real causes of these migration movement to People's Republic of Mongolia during 1911–1949 were as being not only recognition of the oppression at the period, where they belonged to, but rather these were due to the centuries-old challenge to be reunited with their compatriots. Their efforts, made on behalf of the all Barga people, were selfless acts, correct historical injustices and reunite them with Outer Mongolia. This study is part of a growing body of research on history Barga nation and will contribute to future research on similar theme.

Keywords: migration movement, challenge to be reunite, barga nation, Mongolia, somon.

Вопрос о независимости Монголии на протяжении первой половины XX в. оказал влияние на формирование российско-китайских отношений. В начале 90-х гг. усиление её роли в качестве самостоятельного субъекта международных отношений тоже сказывалось на степени мировой значимости взаимосвязей России, Монголии и Китая.

Геостратегическое расположение Монголии имело существенное влияние на международную политику Монголии, которое определялось системой русско-китайских договоров середины XIX в. и китайской политикой к началу XX в., будучи окраинной частью цинского Китая.

К 1911 г. монгольский народ оказался разделенным границами трёх образований – Внешней Монголии, Внутренней Монголии (обе в составе Китая) и Бурятии (в составе Российской империи).

Согласно данным тех времён, Внешняя и Внутренняя Монголия обладала скотом в 50 млн крупного и 80 млн мелкого рогатого скота и 25 млн голов лошадей. С 1907 г. в столице Монголии и других городах создавались маньчжуро-монгольские комиссии для подготовки заселения Халха-Монголии китайскими колонистами, развития хлебопашества, были открыты отделения Дайцинского банка.

К 1911 г. Пекин заменил пограничные караулы монгольских отрядов на маньчжуро-китайские, ввёл их в Ургу (ныне Улан-Батор) и другие монгольские города, разместив в них новые гарнизоны.

С учётом нового курса маньчжурской политики и нарастающего недовольства монгольского народа, в июле 1911 г. в Урге

состоялось тайное совещание с участием крупнейших светских и духовных лидеров во главе с Богд Джавзандамба-хутугт и 4 халхаских ханов (Тушээт-хан Дашням, Сэцэн-хан Навааннэрэн, Засагт-хан Содномравдан, Сайн-нойон-хан Намнан-сурэн), где и было принято решение обратиться с просьбой о помощи к российскому императору.

15 августа 1911 г. монгольские представители в составе с князем Ханд-Дорж, да лам Цэрэнчимид и Хайсан гун (Внутренняя Монголия) доставили императору Николаю II личное послание Джавзандамба хутугты. В данном письме-петиции говорилось о мерах китайцев, стремившихся использовать земли монголов для земледелия, не считаясь с монгольскими обычаями, а также содержалась просьба оказать помощь малому государству для защиты своих интересов. Кроме официального обращения было также отправлено письмо из 21 пункта, куда были включены четыре основных вопроса:

а) независимость Внешней Монголии от Китая и вариант протектората России;

б) создание Великой Монголии: объединение Внутренней, Внешней Монголии, Барги, Урянхайского края;

в) военная и политическая помощь со стороны России против Китая;

г) постоянное представительство Урги в Петербурге и дальнейшее расширение российской торговли и привилегий в Монголии.

Царское правительство заявило о своей возможности оказания поддержки, но вопрос о полном отделении от Китая и включении в неё Внутренней Монголии и других территорий так и остался открытым. Русские диплома-

тические и военные агенты в Монголии были проинструктированы: строго воздержаться от «какого-либо вмешательства в отношения между монгольскими и китайскими властями».

Зимой 1911 г. халхаская элита провозгласила официальное отделение Монголии от Маньчжурской империи и образование независимого государства, свергнув более чем двухвековое маньчжурское иго.

В год беловатого Кабана, 9 числа первого зимнего месяца (16 декабря 1911 г.), в монастыре Дзун-Хурэсостоялась торжественная церемония восшествия духовного учителя, солнечно-светлого, десяти тысячелетнего (түмэн наст) Богдо-гэгэна VIII Джавзандамба-хутугта на ханский престол. Буквально через 15 дней после провозглашения Монгольского государства в Хулунбуире Барги вспыхнуло национально-освободительное движение, вдохновлённое событиями в Урге, в результате которого был освобождён г. Хайлаар. Руководителем движения, направленного против маньчжурско-китайской колониальной политики, был Жамсрангийн Дамдинсурэн.

Хулунбуйрские баргутские знатные нойоны отправили своих представителей во главе с Ж. Дамдинсурэн в Ургу с просьбой о принятии своего хошуна в состав новообразованного Монгольского государства.

Жамсрангийн Дамдинсурэн родился 13 марта 1871 г. в семье Жамсрана из рода Хуйслэг, начальника ополчения (занги) сомона Илч баргутского хошуна Хулун-Буир во Внутренней Монголии. С семи лет начал обучаться маньчжурской и монгольской письменности и вскоре стал помощником сомонного писаря, владея тремя языками. В 1908 г., чтобы официально унаследовать от отца чин занги, Дамдинсурэн посетил императорский двор в Пекине, где познакомился с князем Ханддоржем, усвоив от него идеи свержения маньчжурского господства над Халх Монголией. В 1911 г. участвовал в тайном съезде баргутской знати, готовившем антикитайское восстание, а в следующем году – и в самом восстании. В 1913 г. Манлайбаатар командовал войсками, принимавшими участие в боях за освобождение Внутренней Монголии от китайских оккупантов. Манлайбаатар Дамдинсурэн принимал участие в качестве советника в русско-китайско-монгольских переговорах в г. Кяхте, продлившись восемь месяцев, с 8 октября 1914 по 25 мая 1915 гг. Участвовал на 20 заседаниях, он всячески старался добиться признания полной неза-

висимости Внешней Монголии и включения в состав монгольского государства сопредельных территории Барги и Внутренней Монголии. Осенью 1920 года был арестован китайскими оккупационными властями, умер от пыток в тюрьме. Перед смертью он сказал: «Не стану умирать, лёжа перед китайскими зверями, умру стоя!». Похоронен в местности Шинэбулаг Гурванзагал сомона Дорнод аймака.

После прибытия в столицу Внешней Монголии Богд-Гэгээн принял их обращение и пожаловал всем членам делегации титулы – отго жинс с правом закрепить на головном уборе. Ж. Дамдинсурэн был назначен заместителем министра внешних дел Монголии.

<i>Занимаемая должность</i>	<i>Имя, отчество</i>	<i>Титулы</i>
Занги Шулуун цагаан сомона Шинэ барга хошуна	Ж. Дамдинсурэн	Гун, Отго жинс 3-й степени
Первый заместитель Занги Шулуун цагаан сомона Шинэ барга хошуна	Бурэнбадар	Отго жинс 4-й степени
Лам Шулуун цагаан сомона Шинэ барга хошуна	Лувсанжамба гэлэн	Шёлк
Второй заместитель Шулуун цагаан сомона Шинэ барга хошуна	Пунцаг	Отго жинс 4-й степени
Заместитель занги Хөвөөт цагаан сомона Хуучин барга хошуна	Гайхасу	Отго жинс 2-й степени
Писарь Шулуун хөх сомона Хуучин барга хошуна	Дамдинсурэн	Отго жинс 4-й степени
Подданный Хөвөөт шар сомона Хуучин барга хошуна	Жанхар	Отго жинс 5-й степени

Почётным званием от Богдо-хана были награждены пять баргутских воинов, за проявление исключительной храбрости в боях по освобождению.

Первый советник военного министра и заместитель министра иностранных дел Внешней Монголии Ж. Дамдинсурэн получил почётное звание «Манлай Баатар – Передовой богатырь» и княжеский титул «бэйл»; гун Сэргэлэн – «Идтэй Баатар»; Э. Доржпалам – «Зоригт Баатар – Смелый богатырь»; писарь Х. Гэлэнгүнж – «Хавтай Баатар – Храбрый богатырь» и Пунцаг – «Шаламгай Баатар – Шустрый богатырь» получили соответственно.

События восстановления государственности и суверенитета Монголии *вдохновили всю Внутреннюю Монголию и Бурят-Монголию*. К 1913 г. о переходе под власть Богдо-гэгэна заявили 35 хошунов из 49 хошунов Внутренней Монголии, они отправили свои делегации в Ургу (Хухнуурский – 24 хошуна, Чахар – 8 хошунов, Ил Тарбагатай – хошунов). Интенсивная миграция бурят на территорию Монголии была вызвана недовольством устанавливаемыми порядками новых властей. В течение короткого периода на территорию Халхи бежало более одной тысячи семей с большим количеством скота. В 1923 г. буряты в Монголии получили монгольское гражданство, были сформированы бурятские хошуны – шесть административных единиц (Эг Сэлэнгэ, Ерөө гол хошуны Богдо-Хан уульский аймак, Улз гол, Онон гол, Хэрлэн гол, Халх Нумруг хошуны Хан Хэнтий уульский аймак), в которых были размещены 2 843 бурятских семьи, или 12 765 чел., имевших 91 813 голов скота.

О переселении баргутов в Хулунбуирские земли Барги

Предание гласит, что баргуты, оставив свою прародину Баргуджин-Токум, ушли на восток, откуда в 1732 г. были присоединены к Цинской империи. Как известно, кровопролитные сражения с первопроходцами Сибири, имевшие место в 1641 г., привели к массовой миграции населения Баргажин-Тохума.

В 1680 году мигранты из Баргузинской долины расселились на огромных степных пространствах к берегам Верхнего Амура, реки Үдэй и Нуге уула, где осели и жили *спокойно*, владея свободно своими кочевьями. *Некоторая часть осталась по-прежнему обитать на юге Восточного Забайкалья*. После установления границы между Россией и Китаем по Амуру *участились* военные действия из-за территориальных претензий. Обеспокоенные приходом *неспокойного времени* баргуты приняли решение *покинуть эти края, но их мнения разошлись*. Расколовшись по взглядам *на три части*, они двинулись в разные стороны.

Часть баргутов поддерживала присоединение к России и сразу откочевала на север. Та часть баргутов, которая в дальнейшем образовала новых баргутов, двинулась к Халхе под управлением потомков Даян-хана. Третья часть (шивчин, солоон баргуты) дошла до Мугдена и Цицикара и присоединилась к Западной Чахари в составе Цинского государства. По наступлению 1727 г. они же пере-

селились из-под Цицикара в Хулун-Буир и к началу 11-го года (1733) Найралта Төв (Юн Чжэн) Цинской империи, шивчин, солон баргуты были разделены на 8 хошунов (Хуучин баргуты). Небольшая группа баргутов осталась в Цицикаре и Чахарском аймаке, и в настоящее время они именуются чахар барга.

20 августа 1727 года была проведена русско-китайская граница, в результате чего баргуты, буряты, обитавшие *на юге Восточного Забайкалья и совершавшие частые перекочёвки в Монголию для прокорма скота*, оказались отрезанными от своей родины. Будучи близкой роднёй бурятского зайсана Болтиргын Шода (Шодо Болториков), баргутский предводитель Шилдэй занги попытался присоединиться к своим обратно в Забайкалье, был задержан на границе русским караулом и передан маньчжурской стороне. Маньчжуры, казнив Шилдэя, передали других предводителей Дарь, Ургамала в распоряжение халхасских хошунов бэйсэ Жанчивдоржа, бэйл Ванжина, ван Доржжан, засаг Шагдаржав Цэцэнхан аймака.

В 1734 г. баргуты, проживающие в хошунах аймака Цэцэнхана, не ужившись с монгольскими ноёнами, подали просительное письмо, в котором говорилось о гнёте халхасских тайджи, которые третировали их как пришлых людей и облагали более высокими налогами и пошлинами.

Однако часть баргутов в 530 душ, состоявших из 150 семей, *не стали поддерживать переселяющихся и остались жить* в Цэцэнхан аймаке.

Получив разрешение правительства Манж Чин государства о кочевке в Хулун-Буир, баргуты провели *религиозные обряды* у подножья Түмэн хан Уулаа нынешнего Норовлин сомона Хэнтий аймака и читался молебен Цогчин в местности Шажин хурах нынешнего Хулунбуир сомона Дорнод аймака.

Продолжая движение в далёкий путь под предводительством начальников/дарга/занги Цэдэна и Дугара, проезжали мимо местности Мэргэн хамар (ныне Баргын мэргэн хамар) южнее Халхын Таван Ундэр Уула Чойбалсан сомона Дорнод аймака и благополучно добрались до хулунбуирских земель. Для обеспечения землей баргутским переселенцам в районе долины между Оршуун гол и Хулуннуур были выделены большие территории с плодородной землёй. Основные жители хошуна Халхасского Цэцэн Хана Чойжива были переселены в местности Хайрхан на западе Халхын-Гола решением Манж Чинского государства.

Волна миграции в Монголию

Баргутов вынуждало на миграцию не только китайское угнетение, но и *признание единства исторического происхождения, многовековое желание воссоединения со своими соплеменниками.*

Переселенческое движение, начавшееся в 1912 г. во Внешней Монголии, продолжалось вплоть до конца 1949 г.

Первая волна 1916 г.

В 1916 г. Правительство Монголии предоставило право Манлайбаатару Дамдинсүрэнү править хошунами в местностях Артаван харуул. Будучи заместителем министра иностранных дел Манлайбаатар 27 апреля 1916 г. уехал с отпуском на 2 месяца домой, уговорил перекочевать и своих сородичей. Родственники согласились и навьючили лошадей и коров домашним имуществом, тем самым был сформирован баргутский хошун в северо-восточном районе Монголии – Монгол цагаан нуур, Мандал овоо, Загал Уул, Баян-Эрхэтийн овоо (ныне территория Чулуунхороот и Гурванзагал сомонов Дорнод аймака), в котором были размещены 87 баргутских семей, или 340 чел., имевших 17 165 голов скота. По приказу собрания Цэцэн хан аймака от 23 мая 1917 г. Долсон ван (старший сын Дамдинсүрэна) унаследовал отцовский чин и начал править хошуном, называемым Хошун Долсон вана.

Вторая волна 1916 г.

Спасаясь от банд харчин гүн Бавуужава, орудующих в Хайларе и на территории баргутских хошунов, около 1 460 баргутов в составе 240 семей из Шинэ барга хошуна откочевали вслед за своими предводителями Базаргарьд цорж лам, Очирваань гүн, Жамбал гун в 1917 г. Перезимовав в Очирбаянмөнх хошуне (ныне территория Чойбалсан сомона Дорнод аймака), они снялись с кочевья и без остановок двинулись в далёкий путь на запад до Урги.

Шабинское ведомство ламаистской церкви Монголии приняло просьбу баргутов перейти в монастырское подданство Богдо-Гэгэна. Баргуты, преподносив в мандал в 100 штук ембүү достоинством пятьдесят тысяч лан, стали «шаби», т. е. ученикам-послушникам духовного главы. Отдельные оттоки баргутов-переселенцев получили землю в местности Авдархангай уула, Чулуут Дархан Чин ван хошуна Тушээт хан аймака, который в 1926 г. был преобразован в «Зогсоол жаргалант хошуу» (ныне территория Авдарбаян, Баян сомонов Төв аймака).

По заведённому в стране закону араты-шабинеры были полностью освобождены от поборов и транспортно-подводной повинности, их не привлекали также и к военной службе.

Третья волна 1928 г.

Следующая волна оттока баргутов на территорию Монголии вызвана бурными событиями восстания баргутских революционеров.

В августе 1928 г. антикитайское вооружённое восстание во главе с Мэрсээ гун, Буяндэлгэр (выпускники Партийной школы г. Улан-Батора), изгнав с шести хошунов китайскую администрацию, двигалось в направлении Хинганского перевала. 23 августа китайская сторона уничтожила повстанцев крупными военными силами из Цицикара.

После этого события из Барги около 200 с лишним семей (өөлд, солоон, дагуур, баргуты) пересекли пограничный перевал в местности Булан дэрс, Халхын Гол, Хамар даваа.

28 семей из них были возвращены обратно, и 22 марта 1929 года гражданство получила 191 семья (652 чел.), и их распределили на сомон Аршаан Тосон (ныне Өмнөдэлгэр сомон Хэнтий аймака).

Через четыре года этих баргутов опять расселили по городам и сомонам, разбив по двадцать и десять семей: Гурванзагал, Баян-Уул сомоны Дорнод аймака, Норовлин, Худулмур сомоны Хэнтий аймака, Авдарбаян, Баянзүрх сомонов Төв аймака и города Налайх, Улаанбаатар, Дархан.

Четвёртая волна 1945 г.

В силу территориальной близости переселенческие движения происходили через территорию нынешнего Дорнод аймака. Если в основе первых трёх миграционных волн лежали общеполитические причины (гнёт, массовые беспорядки), то последняя волна была тесно связана с международным положением того времени.

Баргутские руководители, считая, что исход освободительной войны открывал новые возможности для развития монгольского единства, обратился ко всем монгольским нациям с призывом к объединению на Съезде баргутских народных представителей от 28 августа 1945 г.

В нём говорилось: «Братья Внутренней Монголии, Бутхан чахар, Ордос, Дээд Монголии! Настало время создания самостоятельного монгольского государства.

Внутренняя Монголия и Барга благодаря наступлению войск Советской и Монголь-

ской народной армии освободились от японской агрессии, которой подвергались десять с лишним лет.

Руководствуясь интересами и выражением вековых чаяний всех монголов, призываем всех монголов к воссоединению к нашему общему корню – Монголии, проповедующей одну религию, имеющей одну историю. Да здравствует МНР. 28 августа 1945 г. местность Ин булаг Шинэ барга хошуна».

Как известно, попытки объединения не имели успеха, в связи с выходом соглашения Ялтинской конференции, давшего окончательное определение границы и сохранение статуса Монголии.

Желая действовать во имя блага Монголии, 20 ноября 1945 г. баргуты Шинэ барга восточного хошуна прикочевали на границу. По данным архивных документов, перепись

населения мигрантов 297 баргутских семей из 1 122 душ, среди которых 991 баргут, 3 китайца, 6 халха, 10 бурят, имевших 51 090 голов скота. Реальная ситуация складывалась таким образом, что Правительство Монголии со своей стороны оказывало всяческое покровительство и содействие всем направляющимся с благонамеренными целями и выразило готовность принимать переселенцев в Монголию, если они пожелают, и сделать их гражданами, обеспечив жильём.

Таким образом, было создано новое административное деление Хулун-Буйр сомон Дорнод аймака Монголии, где по сей день проживают баргуты, в 1945 г. на добровольной основе переселившиеся из Восточного Новобаргутского хошуна (Шинэ барга зүүн хошуу).

Список источников и литературы

1. Баргажин-2007. Барга туух, соел судлал. Олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурал, барга ястны урлаг соелын анхдугаар наадам = Первый Этнокультурный фестиваль баргутов. – Улан-Батор: Онгот Хэвлэл, 2007.
2. Гумилев Л. Н. От Руси до России. – М.: Дрофа, 1996. – 351 с.
3. Дорнодын барга ястан. Очерки и воспоминания. – Улан-Батор, 2007.
4. Дорнодын болор толь / ред. Г. Аким. – Улан-Батор, 1982.
5. Мягмарсамбуу Г. Баргын эрх чөлөөний тэмцэл. – Улан-Батор, 2011.
6. Мягмарсамбуу Г. Полководцы Монголии. Начало XX века. – Улан-Батор, 2012. – С. 134–150.
7. Түмэн Ц. Личный архив.

УДК 94(470)“1900/1901”
ББК ТЗ(2)531

*Наталья Николаевна Константинова,
Забайкальский краевой краеведческий
музей им. А. К. Кузнецова,
г. Чита, Россия*

Казачи – потомки горнозаводских крестьян – участники Русско-китайской войны 1900–1901 годов (Китайского похода)

Участие забайкальских казаков в Русско-китайской войне (Китайский поход) рассматривается в контексте принадлежности их к современной территории Александрово-Заводского района, в пределах которого в основном проживали их предки – горнозаводские крестьяне, переведённые в 1851 г. в казачье сословие. Названы имена Георгиевских кавалеров с указанием их боевых отличий, в основном, в главных баталиях войны. Подобное «районирование» в истории забайкальского казачества ранее не проводилось, сейчас оно особенно важно для исследования казачьих родословных, а также для изучения исторических фактов локальной истории.

Ключевые слова: Русско-китайская война, Китайский поход, горнозаводские крестьяне, забайкальские казаки, «александровозаводские» казаки, Георгиевские кавалеры, ЗОВО (Знак отличия Военного ордена Св. Георгия) 4-й ст., ЗОВО 3-й ст.

*Natalia N. Konstantinova,
Transbaikal Regional Museum
named after A. K. Kuznetsov,
Chita, Russia*

Cossacks, Descendants of Gornozavodsk Peasants – Participants of Russian-Chinese War of 1900–1901 (the Chinese Campaign)

Participation of the Transbaikalian Cossacks in the The Russian-Chinese War (the Chinese campaign) is viewed in the context of their belonging to the present-day territory of Alexandro-Zavodky region which was previously settled by their predecessors – mining peasants who were transferred to Cossack class in 1851. The article features the names of the recipients of the Cross of Saint George with the list of their battle honors from the main events of the war. Such “zoning” in the history of the Transbaikalian Cossacks hasn’t been conducted before. Today, it is especially important in studying of the Cossacks’ genealogy, as well as historical facts of the local history.

Keywords: the Russian-Chinese War, mining peasants, the Transbaikalian Cossack, the Alexandrovo-Zavodsky Cossacks, recipients of the Cross of Saint George, DMO (decoration of the military order) of the 4th class, DMO 3rd class.

Тема участия забайкальских казаков в Русско-китайской войне 1900–1901 гг. к настоящему времени отражена в мемуарной литературе [11; 13–15; 19 и др.], в обобщающих трудах исследователей [3; 8; 9; 16; 18 и др.], отдельных статьях научных сборников [2; 10 и др.]. Но в указанных трудах и статьях не просматривается так называемый региональный (местечковый) аспект, который в настоящее время на волне продолжающегося процесса возрождения казачества привлекает внимание казачьих потомков, составляющих родословные, и профессионалов (вузовских историков, учителей, музейщиков), призванных доносить знания о местной истории для воспитания патриотизма на конкретных примерах.

Данная статья отчасти восполняет этот пробел, даёт представление о доблести забайкальских казаков с указанием персоны и её вклада в боевую историю края, разумеется, очерчивая географию термина «забайкальские казаки» пределами современной территории Александрово-Заводского района, а также прилегающих к ней мест соседних Приаргунского и Калганского районов в Забайкальском крае. К тому же статья ограничивается сведениями лишь о Георгиевских кавалерах, данные о которых стали широко известны благодаря многолетним исследованиям историка казачества В. Ю. Априлкова.

Как известно, в пределах современной территории Александрово-Заводского района к середине XIX в. действовали такие горнорудные предприятия, как Александров-

ский сереброплавильный завод, Акатуевский и Алгачинский рудники, на которых трудились приписные к заводу крестьяне Кабинета ЕИВ. После образования Забайкальского казачьего войска (ЗКВ) в 1851 г., в составе которого были образованы пешие батальоны, туда вошли и крестьяне Александровского Завода и стали выполнять несвойственные ранее для них обязанности: нести внутреннюю и полевую службу. Они составили в основном 1-й батальон 1-й пешей бригады ЗКВ, штаб которой находился в деревне Олочинской [3, с. 41; 12]. На них, вместе с казаками 1-й и 2-й конных бригад, 5-й и 6-й сотен 4-го конного полка ЗКВ (дислоцировались вдоль южной и юго-восточной части забайкальской границы), в 50–60-х гг. XIX в. возлагались пограничные дела, которые регламентировались инструкцией, утверждённой 20 декабря 1853 г. [17, с. 192–194].

После административно-территориальных преобразований ЗКВ 1872 г. ранее пешие «александровозаводские» казаки вошли в состав 2-го конного и 3-го пешего отделов [3, с. 185, 259]. В 1890-х гг. 5 станиц с 13 посёлками «александровозаводских» казаков относились к 3-му военному отделу ЗКВ [4, с. 153, 156, 160, 167, 168]. С 1895 г. «александровозаводскими» казаками формировались в основном 2-й и 4-й Забайкальские казачьи батальоны [3, с. 249]. Когда с 1897 по 1900 гг. постепенно упразднялись пешие батальоны (исключительно в конном составе ЗКВ – с 1908 г.), «александровозаводские» казаки вошли в состав конных полков

[3, с. 257, 258, 259]. К началу XX в. казацкие владения современной территории Александрово-Заводского района Забайкальского края в административном отношении относились ко 2-му и 4-му военным отделам ЗКВ. Во 2-й отдел входили станица Манкечурская с посёлками: Манкечур, Мулино, по некоторым данным – Пуринский; посёлки Савво-Борзинский, Чиндагатайский и Пуринский Быркинской станицы; посёлки Шараканский и Шаринский Донинской станицы. Казаки этих мест направлялись на службу в основном в 1-й и 2-й Читинские казацкие полки. К 4-му отделу относилась Красноярская станица почти со всеми посёлками: Бохтинским, Верхне-Аленуйским, Первым Кокуйским, Вторым Кокуйским, Кузнецовским, Усть-Аленуйским; Онон-Борзинская станица с посёлками: Клинский (Клиновский), Маньковский и Кутугайский. Проживавшие здесь казаки формировали в основном 1-й и 2-й Аргунские казацкие полки [6, с. 365–367, 372]. В военное время «александровозаводские» казаки служили также в Верхнеудинских, Нерчинских и Читинских казацких полках, в Забайкальских (пеших) батальонах, а также в составе артиллерийских батарей.

Первое боевое крещение «александровозаводские» казаки получили в военном конфликте между Россией и Китаем, развившемся в связи с началом восстания ихэтуаней (было направлено против политико-экономических интересов иностранных держав), изначально названного Китайским походом, а современной историографией – Русско-китайской войной [8; 9, с. 325, 328]. В связи с начавшейся войной летом 1900 г. «александровозаводские» казаки были призваны в конные полки ЗКВ, воевали в составе Забайкальских казацких батальонов и батарей. Они участвовали в важнейших сражениях Китайского похода лета-осени 1900 г. в Тяньцзине, у станций Онгунь и Якеши, при взятии укреплений на Большом Хингане и в Цицикаре и других баталиях. Кавалерами Знака отличия Военного ордена Св. Георгия (ЗОВО) в основном 4-й ст. стало, по неполным данным, 56 казаков современной территории Александрово-Заводского, частично Приаргунского и Калганского районов. Около 100 казаков указанных земель после Китайского похода участвовали в Русско-японской войне [Подсчитано авт. по: 5; 6; 7].

Уже с начала военных действий в Тяньцзине и его округе, когда объединившись с правительственными китайскими войсками, повстанцы приступили к обстрелу пози-

ций иностранных миссий, стали разрушать железнодорожные коммуникации и расправляться с европейскими служащими и китайцами-христианами, здесь отличился младший урядник 6-й сотни 1-го Верхнеудинского полка Т. Дмитриев из пос. Пуринский Быркинской ст-цы. Он в составе небольшого отряда в ночь с 5 на 6 июня 1900 г., выбравшись из осаждённого Тяньцзиня, проскакал 40 вёрст через боевые порядки противника, доставил донесение в расположение русских в Тонку генерал-майору Стесселю, а 10 июня пробился обратно в осаждённый Тяньцзин с его донесением. Эта операция забайкальских казаков-охотников позволила прорвать окружение европейских миссий в Тяньцзине, что спасло не только военнослужащих, но и всех европейцев и христиан-китайцев Тяньцзиня. Дмитриеву и его сослуживцам были преподнесены именные золотые часы. С учётом совокупности заслуг казаку Дмитриеву из Пуринского был сразу вручён ЗОВО 3-й ст. [3, с. 283; 5, с. 281; 7, с. 303; 15].

Одновременно с боями в районе Тяньцзиня и Пекина в июне-июле 1900 г. разворачивались военные действия в Южной Маньчжурии, где против мелких отрядов ихэтуаней (боксеров) действовали 1, 4 и 5-я сотни 1-го Верхнеудинского полка, охраняя от китайских повстанцев линию железной дороги, осуществляя разведки и вступая с ними в кратковременные стычки. В этих стычках участвовал казак 1-го Верхнеудинского полка П. П. Швалов из пос. Второй Кокуйский Красноярской ст. «За отличия в делах против китайцев в Южной Маньчжурии в июне и июле 1900 г.» заслужил ЗОВО 4-й ст. [7, с. 471]. При обороне Тяньцзиня 5 июня и «в делах... у деревни Тайнчу 7 сентября 1900 г.» во время боёв в районе крепости Бейтан и укреплений Лутай отличился казак 1-го Верхнеудинского полка В. К. Чипизубов из пос. Мулинский Манкечурской ст-цы, за что был награждён ЗОВО 4-й ст. [3, с. 291; 7, с. 465]. В том же районе боевых действий при взятии Ньючжуанга (Инкоу) 11 сентября 1900 г. отличился старший урядник 1-го Верхнеудинского полка Ф. Былков из Красноярской ст., награждён ЗОВО 4-й ст. [7, с. 276]. В сентябре в походе к приморской крепости Шанхайгуань отличился вахмистр 3-й сотни 1-го Верхнеудинского полка Д. Петров из пос. Усть-Аленуйский Красноярской ст-цы, награждён ЗОВО 4-й ст. ЗОВО 4-й ст. награждён казак того же полка С. Т. Вагин из Манкечурской ст-цы [6, с. 98; 7, с. 279, 397]. После военных операций объединён-

ных иностранных сил в Южной Маньчжурии вся железная дорога от Шанхайгуаня до Инкоу (Ньючжуанга) была занята русскими [18, с. 147].

На участке КВЖД от станции Маньчжурия до Цицикара действовало одно из сильнейших подразделений русских войск – Хайларский отряд генерал-майора Орлова. Его ядро составляли 3, 4, 5, 6-й батальоны Забайкальской пешей бригады, 3-го Верхнеудинский полк, 2-я Забайкальская казачья батарея, в составе которых служили казаки Красноярской, Манкечурской и Онон-Борзинской станиц. Выступив из Забайкалья 11 июля 1900 г. в направлении на Далай-Нор, отряд уже 16 июля, подойдя к станции Онгунь, выбил оттуда китайское конное подразделение. А 17 июля держал здесь оборону против 10-тысячного войска ихэтуаней и китайских регулярных сил. В течение нескольких часов противник обстреливал казаков, но вскоре был подавлен огнём 2-й Забайкальской батареи, после чего отряд Орлова перешёл в наступление. Преследование противника продолжалось 15–18 вёрст, захвачено много оружия и патронов, потери противника превысили 800–900 чел.; казаков убито 7, ранено 17 чел. [18, с. 87]. Этот успех позволил в дальнейшем отряду Орлова 21 июля с минимальными потерями взять Хайлар, где была создана база снабжения русских войск.

Участовавшие в бою под Онгунью 17 июля 1900 г. казаки Красноярской, Манкечурской и Онон-Борзинской станиц проявили мужество и храбрость, многие были награждены ЗОВО 4-й ст. Из Красноярской ст-цы из состава 4-го Забайкальского казачьего батальона: Г. Кузнецов, младший урядник; В. Машуков, фельдфебель; И. Швалов, казак [7, с. 347, 367, 470]; из пос. Верхне-Аленуйского Красноярской ст-цы, также из состава 4-го Забайкальского казачьего батальона: О. И. Макаров, младший урядник; С. Ф. Парыгин, казак [7, с. 362, 393]. Из Манкечурской ст-цы: М. Вагин, младший урядник 6-го Забайкальского казачьего батальона; Е. Юнжиков, приказный 4 Забайкальского казачьего батальона; М. Чистяков, казак 3-й сотни 3-го Верхнеудинского полка [7, с. 279, 467, 480]. Из Онон-Борзинской ст-цы из состава 4-го Забайкальского казачьего батальона: казаки А. Сапожников и Л. Чипизубов [7, с. 423, 466]; также из Онон-Борзинской ст-цы фельдфебель 2-й сотни 6-го Забайкальского казачьего батальона П. Матафонов [6, с. 44; 7, с. 366].

Овладев Хайларом, 1 августа отряд Орлова у станции Якеши вступил в бой с крупным китайским отрядом под командованием наиболее способного из китайских военачальников – генерала Пао. После нескольких часов перестрелки Хайларский отряд перешёл в наступление. «Сделав несколько винтовочных залпов, пешие казаки дружно бросились в штыки, смяли передовые цепи китайцев и обратили их в бегство. Развернувшейся лавой 3-й Верхнеудинский конный полк обрушился на беспорядочно отступающую толпу деморализованного противника... Семитысячный отряд... был почти полностью истреблён. Погиб в бою и генерал Пао [18, с. 90–91]. Среди награждённых за мужество и героизм были казаки 4-го Забайкальского казачьего батальона из Красноярской ст-цы: Ф. Макушев, К. Швалов, И. Чипизубов; им вручили ЗОВО 4-й ст. [7, с. 364, 466, 470]. ЗОВО 4-й ст. был награждён старший урядник 5-го Забайкальского казачьего батальона Г. М. Пазников из пос. Клинский Онон-Борзинской ст-цы [6, с. 81; 7, с. 390].

Потерпев поражение у станций Онгунь и Якеши, противник отошёл на выгодную позицию на Большом Хингане, преградив путь русским. Чтобы не нести лишних потерь при прямой атаке китайских укреплений, 11 августа 1900 г. генерал Орлов направил казачьи батальоны в обход правого фланга противника, а на левый фланг – конных казаков. После обстрела китайских позиций 2-й Забайкальской батареей с одновременной атакой пеших батальонов на правом фланге китайцы, преследуемые казачьей конницей, начали отходить. Другие конные части Хайларского отряда Орлова, пройдя в обход 90 вёрст, нанесли удар по отступавшим китайцам с тыла. В результате большая часть противника была уничтожена, а оставшиеся живыми разбежались по окрестным лесам и болотам [18, с. 91–92]. При штурме и взятии укреплений китайских войск на Большом Хингане 11 августа 1900 г. отличились «александровозаводские» казаки, многие были награждены ЗОВО 4-й ст. Из Красноярской ст-цы: младший урядник И. Е. Былков и казак Е. Чипизубов (оба из 4-го Забайкальского казачьего батальона) [7, с. 275, 466]. Из Манкечурской ст-цы: казак 2-й сотни 4-го Забайкальского казачьего батальона П. В. Окладников [6, с. 146; 7, с. 388]. Младший урядник 6-й сотни 3-го Верхнеудинского полка Г. Е. Мунгалов этой же станицы за этот бой был награждён ЗОВО 3-й ст. (ЗОВО 4-й ст. он заслужил накануне за отражение

нападения неприятеля на бивак полка в ночь на 20 июля 1900 г.) [6, с. 47; 7, с. 376]. Из Онон-Борзинской ст-цы: приказный охотничьей команды 3-го Забайкальского казачьего батальона А. Пазников и зауряд-прапорщик 6-го Забайкальского казачьего батальона М. Н. Чипизубов [7, с. 390, 466].

Далее отряд Орлова направился к Цицикару (здесь активизировались ихэтуани, громя железнодорожные объекты) в подкрепление отряду генерала Ренненкампфа, в составе которого также находились «александровозаводские» казаки. Но Ренненкампф силами своего отряда 15 августа 1900 г. сумел взять китайские укрепления в Цицикаре, захватив 78 орудий, в том числе новейших систем, склады оружия и боеприпасов, фуража и продовольствия, а также денежные запасы казначейства [18, с. 109–110]. В событиях под Цицикаром отличился младший урядник 1-й сотни 1-го Нерчинского полка А. М. Петров из Красноярской ст-цы, за что награждён ЗОВО 4-й ст. [7, с. 396–397].

Одновременно с отрядами Орлова и Ренненкампфа в юго-восточной Маньчжурии действовали отряды на Хунчунском направлении и в направлении Нингута-Омосо. В отряде, который действовал в Хунчунском направлении, сражалась 6-я сотня 1-го Читинского полка под командованием есаула Перфильева и хорунжего Шильникова. Эта сотня, в которой воевали и «александровозаводские» казаки, вместе с частями Восточно-Сибирских стрелковых полков и 1-й Восточно-Сибирской артбригады под непрерывным орудийным огнём китайских войск 17 июля 1900 г. взяла хорошо укрепленный город Хунчун. Бой за крепость Хунчун, начавшись в 5 часов утра, продолжался в течение 15 часов. Город был оставлен 5,5-тысячным хорошо вооружённым китайским гарнизоном, отступившим на Нингуту, преследуемый взводом хорунжего Шильникова [3, с. 307–309; 18, с. 121–122]. При взятии крепости Хунчун отличился казак 6-й сотни 1-го Читинского полка А. Сапожников из Онон-Борзинской ст-цы. Награждён ЗОВО 4-й ст. [7, с. 422].

В данной статье рассмотрены военные действия 1900 г. с участием в них забай-

кальских «александровозаводских» казаков, но не затронуты другие батальоны, в том числе 1901 г., в которых воевали и отличились «александровозаводские» казаки. Например, ЗОВО 4-й ст. были награждены из 1-го Аргунского полка 5-й сотни младший урядник Б. У. Петров и казак 2-й сотни Д. Кузнецов, оба из Красноярской ст-цы, «за отличие в июльской экспедиции 1901 г. против скопищ Людандзыра и Сышеявана» [7, с. 347, 397]. «За отличие во время мартовской экспедиции 1901 г.» ЗОВО 4-й ст. награждён бомбардир 2-й Забайкальской казачьей батареи Г. В. Парыгин из пос. Второй Кокуйский Красноярской ст-цы [7, с. 393]. ЗОВО 4-й ст. награждены казак 6-й сотни 1-го Нерчинского полка С. Вагин из Манкечурской ст-цы «за мужество и храбрость в деле под дер. Эрпадзяна 20 июня 1901 г.» и трубач 2-й Забайкальской казачьей батареи И. А. Ракитин из пос. Шараканский Донинской ст-цы «за отличие в делах 20 марта и 5 апреля 1901 г. на Ипулинском перевале у дер. Хадаин» [7, с. 279, 415]. В данной статье не названы десятки выявленных имён Георгиевских кавалеров, участников Русско-китайской войны 1900–1901 гг., остаются также не выявленными многие имена Георгиевских кавалеров этой войны, не говоря о воевавших, но не награждённых.

В заключение отметим, что в начале сентября 1901 г. забайкальские казачьи части взяли все основные китайские города между Чжили и Маньчжурией, в середине сентября участвовали во взятии городов в направлении на Мукден, самого Мукдена, а в течение семи месяцев 1901 г. освобождали Южную Маньчжурию от остатков объединённых китайских повстанцев и правительственных войск. Вклад забайкальских «александровозаводских» казаков в успешное завершение Русско-китайской войны неоспорим. 7 сентября 1901 г. был подписан «Заключительный протокол». А в 1903 г. на имя военного губернатора Забайкальской области пришло «Благодарственное письмо Николая II к населению Забайкальской области за стойкость и мужество в китайской кампании 1900–1901 гг.» [1].

Список источников и литературы

1. Благодарственное письмо Николая II к населению Забайкальской области за стойкость и мужество в китайской кампании 1900–1901 гг. – 1903 г. // Фонд ЗКМ, ЧОМ 12734.
2. Боксёрское восстание 1900 г. Что это было? // Материалы науч. конф. О-ва изучения Амурского края. – Владивосток, 2000. – Вып. 2. – 91 с.
3. Васильев А. П. Забайкальские казаки: ист. очерк. – Чита: Тип. Войскового хозяйственного правления ЗКВ, 1918. – Т. 3. – 354 с.

4. Высочайше учреждённая под председательством статс-секретаря Куломзина Комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области / сост. С. Руднев. – СПб., 1898. – Вып. 7 – 267 с.
5. Георгиевские кавалеры Забайкальского казачьего войска в Русско-японскую войну 1904–1905 годов / авт.-сост. В. Ю. Апрельков; гл. ред. Г. А. Жеребцов. – Чита: Экспресс-изд-во, 2012. – Т. 1. – 392 с.
6. Георгиевские кавалеры Забайкальского казачьего войска в Русско-японскую войну 1904–1905 годов / авт.-сост. В. Ю. Апрельков; гл. ред. Г. А. Жеребцов. – Чита: Экспресс-изд-во, 2012. – Т. 2. – 392 с.
7. Георгиевские кавалеры Забайкальского казачьего войска в Китайском походе 1900–1902 годов / авт.-сост. В. Ю. Апрельков; гл. ред. Г. А. Жеребцов. – Чита: Экспресс-изд-во, 2014. – 540 с.
8. Дацышен В. Г. Русско-китайская война: Маньчжурия 1900 г. – СПб.: Цитадель, 1996. – Ч. 1. Боевые действия на сухопутном фронте. – 144 с.
9. Дацышен В. Г. История российско-китайских отношений в конце 19 – начале 20 в. – Красноярск: РИО КГПУ, 2000. – 472 с.
10. Забайкальское казачество в историческом развитии и межкультурной коммуникации: материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 160-летию создания Забайкальского казачьего войска, образования Забайкальской области и придания Чите статуса областного центра / под ред. Н. Н. Константиновой. – Чита: Поиск, 2011. – 280 с.: ил.
11. Маковкин А. Е. 1-й Нерчинский полк Забайкальского казачьего войска. 1898–1906 гг. – СПб., 1907. – 212 с.
12. Карта земель ЗКВ. 1850-е гг. Фонд ЗККМ, б/н.
13. Орлов Н. А. От Хайчена до Мукудена: воспоминания участника похода в Китай в 1900–1901 гг. // Военный сборник. – 1904. – № 6. – С. 21–40.
14. Орлов Н. А. Форсированный марш от Хингана до Фулярды // Военный сборник. – 1901. – № 4. – С. 141–165.
15. Ренненкамф П. К. По Амуру и Маньчжурии // Военный сборник. – 1901. – № 3. – С. 89–108; № 4. – С. 57–86; № 5. – С. 55–86.
16. Смирнов Н. Н. Слово о забайкальских казаках: ист. очерк-хроника. – Волгоград, 1994. – 608 с.
17. Смирнов Н. Н. Забайкальские казаки в отношениях России с Китаем и Монголией (1645–1895): краткий ист. очерк. – Волгоград, 1999. – 200 с.: ил.
18. Смирнов Н. Н. Забайкальское казачество. – М.: Вече, 2008. – 544 с.
19. Янчевецкий Д. Г. У стен недвижного Китая. – М.: Эксмо: Око, 2013. – 480 с.

УДК 94:327(517.3+571)

ББК ТЗ(2):Ф4(5Мон+2Рос)

Виктор Владимирович Кузнецов,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Установление дружественных отношений между Монголией и Россией

Статья посвящена анализу важнейшего события в истории Монголии – национально-освободительной революции 1911 г., в ходе которой монгольский народ сумел обрести долгожданную независимость. Подчёркивается роль России в указанных событиях, выявляются обстоятельства подписания монгольско-российского соглашения 1912 г.

Ключевые слова: Монголия, Россия, Китай, национально-освободительная революция, дружественные отношения, суверенитет, договор, соглашение, декларация.

Viktor V. Kuznetsov,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

The Establishment of Friendly Relations Between Mongolia and Russia

This article analyzes the most important event in the history of Mongolia – the national liberation revolution of 1911, during which the Mongolian people have been able to gain a long-awaited independence. The role of Russia in these events revealed the circumstances of signing the Mongolian-Russian agreement in 1912.

Keywords: Mongolia, Russia, China, the national liberation revolution, friendly relations, sovereignty, contract, agreement, declaration.

В 2016 г. монгольский народ отмечает знаменательную дату – 105 лет со дня победы национально-освободительной революции. Это важнейшее событие в истории, ознаменовавшее освобождение кочевого свободолюбивого народа от более чем двухвекового угнетения со стороны маньчжурского Китая. В ходе революции Богдо-Гэгэн (Богдо-хан) Джебзундамба был провозглашён главой возрождённого Монгольского государства. В своём первом обращении к свободному народу, опубликованном 1 декабря 1911 г., Богдо-Гэгэн заявил: «Наша Монголия с самого начала её существования была самостоятельным государством и, поэтому, согласно древнему праву, Монголия объявляет себя независимым государством с новым правительством, с независимой от других властью в вершении своих дел» [2, с. 7].

Возрождённое Монгольское государство по своей форме изначально представляло собой теократическую монархию и главной своей первостепенной целью считало признание её другими странами и подписание с ними дружественных договоров. Безусловный приоритет в соглашении о признании отдавался ближайшим соседям – России и Китаю. Синьхайская революция, коренным образом изменившая всю внешнюю и внутреннюю политику Китая, с одной стороны, способствовала процессу взаимного признания независимой Монголии и рождённой Китайской Республики. Однако имперские амбиции оказавшегося на вершине власти бывшего цинского генерала Юань Шикая чрезвычайно затрудняли данный процесс. Напротив, в поиске общих точек соприкосновения с северным соседом молодому Монгольскому государству не пришлось тратить много времени и усилий. В подтверждение своих позитивных намерений по отношению к Монгольскому государству Россия направила в Ургу опытного дипломата И. Я. Коростовца, о чём уведомило Правительство Монголии ещё в августе 1912 г., на что то в свою очередь во главе с Богдо-Гэгэном Джебзундамба и Сайн ноён ханом Намнансурэном, выразило глубокую благодарность русскому царю в связи с назначением посла Коростовца и принятии предложений северного соседа о подписании договора о дружбе и торговле [3]. И уже 3 ноября 1912 г. в Урге было подписано первое монголо-русское соглашение.

Несмотря на дискуссию, возникшую в ходе формирования соглашения и неко-

торые расхождения в трактовке отдельных пунктов документа, сам факт подписания соглашения и, таким образом, официально признания независимой Монголии влиятельной тогда царской Россией имел важнейшее политическое значение для молодого монгольского государства. Расхождения во взглядах монгольской и российской сторон касались прежде всего понимания внутривнутриполитического аспекта формирования молодого государства. Представители делегации Монголии, добиваясь реализации выработанной теократическим руководством страны внешнеполитической программы, настаивало на чётком признании Барги, Урянхайского края и Внутренней Монголии составными частями единого независимого Монгольского государства, на что первоначально не соглашалась российская сторона. Да и понятие политического суверенитета молодого государства трактовалось по-разному: в монгольском тексте соглашения как «независимость», а в российском варианте договора – как «автономия». Российская делегация также настояла на приоритете интересов царской России в Монголии и предоставлении консульской юрисдикции русским подданным в Монголии.

Объективно анализируя первый документ, подписанный между Монголией и Россией, следует признать ярко выраженный имперский характер требований российской стороны, тем не менее, первый международный акт, подписанный Монгольским государством, открыл эпоху дипломатического признания молодого независимого государства и положил начало истории его самостоятельного суверенного развития. Первое монголо-русское соглашение имело очень важное значение ещё и потому, что ни одно из государств, правительствам которых было направлено послание министра иностранных дел первого Монгольского правительства, извещавшее о создании нового азиатского независимого государства и предлагавшего заключить договор о дружбе и торговле, не ответило взаимностью.

Политические лидеры США, Японии, Великобритании, Франции, Германии, Бельгии, других европейских государств попросту игнорировали обращение Монголии. Неопределённые первые дни существования независимой Монголии оставалась позиция китайской стороны. Однако вскоре политическое руководство Китайской Республики категорично заявило о невозможности заключения каких-либо документов с Монголией, так

как по-прежнему считало её неотъемлемой частью своей территории. И даже согласившись обсудить вопрос о будущем монгольского народа с российскими дипломатами, поставило главным условием данных переговоров расторжение монголо-российского договора. В тот момент российская дипломатия проявила хладнокровие и последовательность в своих действиях. Министр иностранных дел России Сазонов на неоднократные настойчивые призывы китайской стороны аннулировать условия первого международного договора независимой Монголии спокойно и с достоинством отвечал: «...предложение китайской стороны слишком запоздало» [1].

Несмотря на крушение в ходе Синьхайской революции Цинской империи и установление Китайской Республики, имперские амбиции в высших политических кругах Китая по-прежнему были сильны. Президент Юань Шикай понимал, что потеря Внешней Монголии и усиление российского влияния в этом регионе принесёт большие изменения в многовековом равновесии сил между российской и китайской сторонами. Вследствие этого, китайские дипломаты и политики не могли пойти на признание независимым государством части некогда его северной, хотя и экономически отсталой окраины. С ещё большим негодованием они восприняли факт подписания первого договора о дружбе Российской империи и независимой Монголией. И сам текст договора, и другие российско-монгольские дипломатические документы китайская

сторона считала однозначно незаконными и требовала их аннулирования. Российскому послу в Пекине пришлось несколько раз встретиться с министром иностранных дел Китайской Республики и другими представителями китайского руководства с целью убедить их в невозможности «перевода стрелок назад» и в необходимости воспринимать случившееся как свершившийся факт. После обмена нотами российской стороне всё же удалось убедить дипломатов Китая не принимать каких-либо бездумных скоропалительных решений в планированном применении силового подхода к решению «монгольской проблемы», а определить будущее монгольского народа в ходе открытого переговорного процесса.

Несмотря на ещё достаточно продолжительный период времени сохранения «автономного» статуса «Внутренней Монголии» в китайской редакции и «Монголии» в российских текстах, самоопределение монгольского народа ни у кого уже не вызывало сомнений. Документы, являющиеся плодом длительных российско-китайских переговоров о будущем Монголии, – Российско-китайская декларация 5 ноября 1913 г., Тройственное Кяхтинское соглашение 25 мая 1915 г. – подтвердили, что «монгольская автономия» была временной уступкой в процессе окончательного обретения суверенитета Монгольским государством. И главным союзником, и помощником в процессе достижения независимости монгольского народа был российский народ.

Список источников и литературы

1. Гримм Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). – М.: Изд-во Ин-та Востоковедения им. Нариманова, 1927. – 218 с.
2. Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и временного правительств (1878–1917). – Т. 20. – Ч. 2. – М.; Л.: Госполитиздат, 1931. – 614 с.
3. Сборник дипломатических документов по Монгольскому вопросу (23 авг. 1912 – 2 нояб. 1913 гг.). – СПб.: Тип. В. иршбаума, 1914. – 92 с.

УДК 94(47+57:517.3):27
ББК ТЗ(2)534:Э37

Владимир Иванович Косых,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Ургинское церковно-приходское попечительство и пропаганда трезвости среди российских колонистов в Монголии (1914–1916 гг.)

Статья посвящена организации и деятельности церковно-приходского попечительства при Свято-Троицкой церкви Российского Императорского генерального консульства в г. Урга (Монголия), его пропаганде трезвости среди российских колонистов в 1914–1916 гг. Автором использованы материалы газеты «Церковные ведомости».

Ключевые слова: консульство, церковь, клирики, колонисты, попечительство, трезвость.

Vladimir I. Kosykh,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Urga Church and Parish Custody and Promotion of Sobriety Among Russian Colonists in Mongolia (1914–1916)

The article is dedicated to the organization and activities of the parish custody at the Holy Trinity Church of the Russian Imperial Consulate General in Urga (Mongolia) and its promotion of sobriety among Russian colonists in Mongolia in 1914–1916. The is based on materials of the “Church News” newspaper.

Keywords: consulate, church, clerics, colonists, guardianship, sobriety.

Первые не совсем удачные попытки христианизации Монголии относятся ко времени деятельности в Сибири митрополита Тобольского Ф. Лещинского (1707–1711, 1715–1721 гг.). Можно полагать, что гораздо удачливее Монголию начали осваивать русские купцы, казаки и крестьяне, оседавшие здесь в поисках лучшей жизни с разрешения местных властей. Основным местом их расселения являлась Урга – небольшой городок, где располагалось Российское императорское консульство со всеми полагающимися службами, охраной из числа казаков, местами торговли. Русские сбывали здесь свои товары, закупали скот, лошадей и чай, впрок запасали сено (о чём монголы не имели понятия), организовывали фермерские хозяйства и др. Местные власти, равно как и население, воспринимали проживание здесь россиян вполне толерантно. Этому способствовало и то, что некоторые россияне женились на монголках, причём бракосочета-

ние проводилось ламами по буддистскому обряду. Подобное обстоятельство несколько настораживало российского консула, русское население Урги требовало постоянного христианского духовного окормления.

Свято-Троицкая церковь при российском консульстве в Урге была построена в 1872 г., обслуживали её в основном клирики из Забайкалья, что являлось вполне логичным. К 1914 г. российская колония в Урге насчитывала 110 дворов и 650 человек постоянного населения. Кроме того, здесь до начала зимы также проживало ещё до 300 россиян. За пределами Урги, в 30 хошунах, находилось до полутора тысяч русских.

Свято-Троицкой церкви много и хорошо помогал российский консул А. Я. Миллер и сотрудники консульства. Последнее активно поддержало содержание при храме попечительства, в котором сотрудничали не только православные, но и инославные россияне, проживавшие в Урге.

Священника Ф. Парнякова, служившего в церкви, беспокоила «худшая часть» русских колонистов Урги, весьма шаткая «в нравственном отношении», больше предпочитавшая рестораны, иллюзион и др. Именно это заставило священника начать пропаганду среди соотечественников за трезвый образ жизни, чем пыталась заниматься, особенно с началом Первой мировой войны, Забайкальская епархия.

В Урге в июле 1916 г. началась служебная командировка по направлению Синода и Православного Миссионерского общества достаточно известного православному миру протоиерея И. Восторгова. В Монголию он прибыл ознакомиться «с положением ламаизма и миссионерского дела..., наметить пути и способы будущей миссионерской работы в этой стране», которая заметно влияла на бурят в Иркутской губернии и Забайкальской области. С другой стороны, протоиерей намеревался ознакомиться с религиозными нуждами православных россиян, живущих и работающих в Монголии, число которых здесь превысило 3 тыс. чел.

Протоиерею удалось застать в Урге российского консула А. Я. Миллера, готовящегося перебраться на новое место назначения в Бухару. При нём 15 ноября 1916 г. официально начало работу попечительство при Свято-Троицкой церкви. При нём активно действовали восемь отделений, занимавшихся реальными и полезными делами. В частности, в пос. Раздолье на ферме Н. И. Назимова оно разрешило поселиться 12 большим семьям забайкальских старообрядцев, для 20 детей которых открыло хорошо оснащенную и ни в чём не нуждающуюся школу.

Естественно, что протоиерей И. Восторгов ознакомился с различными сторонами работы попечительства при консульской церкви. Он внимательно присматривался и к тому, как проводят досуг россияне Урги и Монголии. По его словам, «среди интеллигентной части русского населения нет злоупотребления спиртными напитками». Естественно, последнее радовало. Правда, протоиерей тут же резюмировал, что «чернорабочая масса, как и везде, пьёт иногда неумеренно».

Поскольку Православная Церковь при российском консульстве в Урге подпадала под юрисдикцию Забайкальской епархии, местное попечительство, как и в России, решило поддержать борьбу за трезвость. Вопрос о способах атаки на многовековую пагубную привычку едва ли не чаще прочих

обсуждался в совете попечительства, причём под вероятную организацию здесь общества трезвости готовился даже и его устав.

Отметим, что организация общества, борьба против пьянства осложнялись местными условиями. Дело в том, что Урга, столица Монголии, являлась не столько потребительницей моря разливного китайского спирта, сколько статуса постоянной его перевалочной базы при доставке в ближайшие к монгольской границе российские поселения. Через Ургу проходило очень много этого губительного зелья. Ургинское городское самоуправление, по утверждению протоиерея И. Восторгова, совершенно бесстрастно и спокойно получало известный и вполне приемлемый процент прибыли с каждого ведра, и поэтому торговля спиртом имела важное значение для бюджета российской фактории. Понятно, что Ургинскому попечительству было сложно достигнуть положительных результатов в борьбе против пьянства только собственными силами.

На помощь пришло Российское консульство в Монголии, которое установило льготный срок для скорейшей распродажи запасов буквально всяческих вин до 31 мая 1916 г. включительно. С 1 июня этот запрет вступил в силу: консульство в предельно жёсткой форме запретило торговлю спиртными напитками. Самое главное, что консульство, поддерживая попечительство, сумело войти в соглашение с китайскими властями о запрете китайцам продавать спиртное российским колонистам. Естественно, что протоиерей И. Восторгов с воодушевлением приветствовал подобные шаги по потенциальному трезвенническому оздоровлению соотечественником в Монголии. Он выразил надежду, что именно теперь попечительству при Свято-Троицкой церкви и приезжающим сюда клирикам из России вообще и Забайкалья, в частности, «откроются широкие горизонты для интенсивной работы среди трезвого, а, следовательно, восприимчивого и чуткого сердцем населения».

Вполне естественно, что активным образом пропагандировал трезвость среди колонистов (как в Урге, так и в хошунах) упоминавшийся выше священник консульской церкви Ф. Парняков. Для этого он использовал время храмовых служб, проповедей, слов, произносимых перед паствой в Урге, при посещении хошунов он совершал крещения, производил требы – везде священник говорил о вреде пьянства как для здоровья физического, так и нравственного.

В июле 1916 г. на помощь своему приятелю, протоиерею И. Восторгову, из Читы прибыл начальник Забайкальской духовной миссии архимандрит Ефрем. К слову, они встретились именно в Монголии ещё летом 1913 г. «для выяснения условий предполагаемого открытия православной миссии». Начавшаяся вскоре Первая мировая война не дала осуществить эти планы.

Помимо вопросов миссионерства, протоиерея и архимандрита притягивало друг к другу ещё одно – неприятие пьянства, трезвенничество в жизни и не показное, но реальное. У архимандрита Ефрема, в своё время священника Епифания Кузнецова, неприятие спиртного сложилось ещё в молодые годы. Служа священником Покровской церкви с. Кокуй, он сразу привлёк к себе внимание прихожан талантливыми проповедями и многочисленными внебогослужебными беседами, «трезвой жизнью и добрым нравом».

Вполне естественно, что июльские дни 1916 г. архимандрит Ефрем отдал проповедям, в которых нашла своё место и мощная поддержка трезвого образа жизни среди российских колонистов в Монголии. Подобная поддержка Ургинскому попечительству при Свято-Троицкой церкви, священнику Ф. Парнякову, всем, кто выражал полное неприятие спиртного, поддержка авторитетного забайкальского иерарха оказалась как нельзя кстати.

Можно утверждать, что в самом скором времени вышеуказанное попечительство прекратит своё короткое существование. В России произойдут самые экстремальные и болезненные по содержанию политические события, появятся иные приоритеты, нежели борьба с пьянством. Отразится это и на соседней Монголии: о работе Ургинского попечительства при Свято-Троицкой церкви останутся лишь воспоминания. Естественно, исследовательская работа по этой теме требует продолжения.

Список источников и литературы

1. Косых В. И. Религиозно-нравственное окормление российских колонистов в Монголии (конец XIX – начало XX в.) // История, этнография, антропология и социология трансграничья: материалы междунар. науч.-практ. конф. «Трансграничье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия» (18–20 окт. 2006 г.). – Чита: ЗабГГПУ, 2006. – С. 90–93.
2. Церковные ведомости (Петроград). – 1916. – № 36. – С. 882–887.
3. Церковные ведомости. – 1916. – № 37. – С. 904, 905.
4. Кудрявцев С. Священномученик Ефрем, Епископ Селенгинский // Православие в Забайкалье: история и современность. – Чита: Экспресс-изд-во, 2004. – С. 24–26.
5. Церковные ведомости. – 1916. – № 37. – С. 908.

УДК 94(517)
ББК 63.3(5Мон)6

Александр Афанасьевич Таракановский,
фонд «Возрождение сан»,
г. Улан-Батор, Монголия

С. А. Козин и его наследие в Монголии

В статье рассматриваются основные направления деятельности выдающегося учёного и государственного деятеля Сергея Андреевича Козина. Особое место уделяется его работе по переводу основных произведений древней письменности и культуры монгольских народов, вошедших в сокровищницу мировой истории. Автор также характеризует государственную деятельность С. А. Козина в качестве советника по финансовым вопросам в Монголии.

Ключевые слова: С. А. Козин, Монголия, научная деятельность, наследие, советник.

Alexander A. Tarakanovskiy,
Fund "Vozrozhdenie San"
Ulan-Bator, Mongolia

S. A. Kozin and his Legacy in Mongolia

The article considers the basic directions of activity of the outstanding scientist and public figure Sergey A. Kozin. Special attention is given to his work translating the major works of ancient literature and culture of the Mongolian nation, in the Treasury of world history. The author also describes state activity S. A. Kozina as Advisor on financial issues in Mongolia.

Keywords: S. A. Kozin, Mongolia, scientific research, heritage, Advisor.

Деятельность Сергея Андреевича Козина в Улан-Баторе в 1914–1917 гг. способствовала упрочению позиций России в сопредельном теократическом государстве, фактически находившемся под протекторатом цинского Китая. Занимая пост советника в Правительстве Монголии в 1914–1918 гг., С. А. Козин оставил свой след в монгольской истории не только в сфере политики, но и в культуре.

В советской науке за С. А. Козиним прочно закреплена дефиниция академика АН СССР и монголоведа. К чистой науке путь учёного был тернист. Окончив в 1903 г. восточное отделение Санкт-Петербургского университета, будущий исследователь за дипломную работу «Обзор странствий бурят и монголов в Тибет» получает звание кандидата наук.

С. А. Козину принадлежит особое место и среди учёных-исследователей древних памятников литературы монгольских народов. Он был блестящим знатоком монгольских языков и проделал огромную, кропотливую текстологическую работу по переводу основных произведений древней письменности и культуры. В академических изданиях 1935–1936 гг. он опубликовал статью «Гесериада. Сказание о милостивом Гесере Мерген-хане, искоренителе десяти зол в десяти странах света», в 1940 г. вышла «Джангариада. Героическая поэма калмыков. Введение в изучение памятника и перевод торгоутской его версии», а в следующем году было опубликовано «Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 года».

Исследование «Сокровенного сказания» С. А. Козин начал гораздо раньше и работал над ним много лет, а завершено оно было к 700-летию памятника. Но в эти годы к учёному обратились за помощью в вопросах датировки и научного издания «Джангара». И ему пришлось работать по этим двум темам параллельно.

Сергей Андреевич Козин был одним из блестящей плеяды монголоведов, благодаря уму, таланту и научным поискам которых российское востоковедение достигло мировой славы. Он совмещал научную работу с общественной деятельностью. Был инициатором создания Восточного института при Ленинградском университете, в котором он преподавал монгольский язык. Кроме переводов и комментариев к названной трилогии, им написаны исследования: «Эпос монгольских народов», «К вопросу о дешифрировании дипломатических документов монгольских ильханов»; «Ойратская историческая песнь о поражении Халхасского Шолой-Убаши хунтайджи в 1578 году войсками ойратского Четырёхцарствия».

Высоко оценили научную деятельность С. А. Козина. Он был награждён орденом Ленина и орденами Монгольской Народной Республики, в 1943 г. был избран действительным членом АН СССР. Но в годы ссылки калмыцкого народа в Сибирь Козин и его научные исследования были также преданы забвению, и даже когда в 1948 г. вышел из печати его фундаментальный труд, итог многолетних исследований учёного в области монголоведения – монография «Эпос монгольских народов», в Большой советской энциклопедии не нашлось места для академика С. А. Козина. И всё же интерес к народному творчеству калмыков в научном мире не угасал и в те мрачные годы. Например, в многочисленной переписке академика сохранилось письмо от Святослава Николаевича Рериха, который в 1947 г. просил прислать ему в Индию калмыцкий эпос «Джангар». Умер С. А. Козин в октябре 1956 г. в Ленинграде. Полная научная биография академика С. А. Козина ещё не написана, она ждёт своего исследователя. Также переиздание его знаменитой трилогии стало бы памятником и данью уважения к великому труду этого вы-

дающегося учёного. С. А. Козину будут благодарны не только монголисты, но и китаисты, и историки Востока» [3].

Государственная деятельность С. А. Козина была связана с Калмыкией, где он в должности «заведывающего калмыцким народом» показал свои незаурядные знания и организаторские способности. Профессор И. А. Кульганек, исследуя новые материалы о жизни Козина, отправляет его в 1906–1913 гг. участником «статистической и экономической экспедиции, проводившей свои исследования в Монголии под руководством министра путей сообщений П. А. Витте». Конечно, Пётр Алексеевич Витте был связан с Монголией, но никогда не был министром (С. Ю. Витте им был). Но фактически он был соратником Козина до прихода в Ургу Красной армии. В указанный период биография Козина, на наш взгляд, проблематична.

Исследователи считают, что С. А. Козин был профессиональным государственным служащим. В Калмыкии он одновременно с несением общих административных обязанностей принимал участие в разработке, а затем и в проведении в жизнь ряда преобразований среди калмыков, в частности, в замене родовых управлений волостными (аймачными), разграничении земель калмыков и русских поселенцев, в проектах административной реформы, проведении экономико-статистических обследований калмыцких степей. Поэтому новое назначение в определённой степени оказалось удачным, хотя сама процедура заняла около года. Об этом в сборнике Института восточных рукописей, посвященном 130-летию С. А. Козина, детально пишут М. В. Мандрик и И. М. Захарова.

С. А. Козин был принят на монгольскую службу советником по выработке законов и правил, направленных на улучшение финансового и гражданского управления страной, а также для разработки законопроектов, составление которых будет ему поручено монгольским правительством. После подписания контракта, 27 декабря 1913 г., российский МИД обратился к Министру финансов В. Н. Коковцову с ходатайством о зачислении С. А. Козина по ведомости финансового аппарата в чиновники особого поручения. В документе «Табель о рангах» Российской империи это была весьма высокая должность.

В секретной телеграмме дипломатического агента в Урге от 16 июля 1914 г. сообщалось: «Составленная советником Монгольского правительства Козиным первая

роспись государственных расходов и доходов в Монголии на 1914 г. сегодня одобрена Монгольским правительством. Экземпляр этой росписи представляется мною почтою тайному советнику Нератову при донесении от 3 июля № 1715». С. А. Козину оказалось достаточно двух месяцев на обустройство и вхождение в дела. В 1913–1917 гг. он стал советником по финансовым вопросам при Правительстве Монголии [2].

Предпосылки создания института экономических советников в Монголии представлены в статье М. В. Мандрика и И. М. Захаровой «К истории назначения на должность советника: С. А. Козин на пути в Монголию», при написании которой ими использованы архивные документы, хранящиеся в Санкт-Петербургском филиале архива РАН. В этой статье детально исследована история назначения С. А. Козина на пост экономического советника при Монгольском правительстве и обсуждения его кандидатуры до событий, связанных с назначением и приездом его в Ургу. Отметим, что ему как экономическому советнику вменялось наблюдение за целесообразностью использования кредитов, выдаваемых Россией Монголии и корректировка их использования. На эту должность, как нельзя кстати, в начале XX столетия пошёл С. А. Козин.

Работа С. А. Козина в должности финансового советника Монгольского правительства в 1914–1916 гг. являлась важной составной частью общей политики России в Монголии. К сожалению, имя С. А. Козина, несмотря на все заслуги перед российским и монгольским народами, не заметно в истории.

В Монголии, в Улан-Баторе, сохранился дом, в котором жил Сергей Андреевич Козин. Помня и чтя память о С. А. Козине, несмотря на то, что его дом находится в частном владении, здание взято под охрану Монгольского государства (Приказ Собрания народных депутатов столицы от 24.10.07 г. за № 197 и Решение столичной мэрии от 04.08.08 г. за № 257). Этот дом и его история незначительно представлена и в музее г. Улан-Батора. В начале XX в. в окрестностях столицы был построен и названный монголами «гоожингийн ондор – высокий (дом) Гоожина» (в нашей современности назывался бы «высотка Козина»). Козин, на слух монголов, слышится как Годжин, пишется Гоожин (Прим. авт.). В честь Козина, была названа и улица, на которой стоял этот дом. Это двухэтажное зда-

ние построено для Богд Хан в подарок от премьер-министра Монголии хана Намнансурэна. В этом здании выходили в свет законы Монголии, была типография, в которой наборщиком текстов с 1919 г. работал вождь монгольской революции Д. Сухэбатор. Тут же и состоялся его арест китайскими империалистами, они удерживали его с 25 октября по 14 декабря 1920 г. В 1914 г. часть дома перешла основанному С. А. Козиным Министерству финансов, который стал экономическим советником при министре Данзане. Данзан и назвал улицу, на которой стоял дом Гooжингийн гудамж (улица Козина). В дальнейшем здание перешло в жилой фонд и в нём проживало 9 семей. Как памятник историко-культурного значения, это здание было выкуплено Советским Союзом 27 декабря 1971 г. (Постановление № 420).

Когда-то, в недалёком прошлом, этот дом был самым большим и высоким зданием Урги (Улан-Батора). На сегодня это последний артефакт, при должном оформлении которого современное население Монголии сможет составить себе истинное представление об их истории и реанимировать утраченное с годами уважение к России. Здание на сегодня находится в полуразрушенном состоянии, и мы намерены его восстановить и реставрировать. В связи с этим нами разработан проект создания в этом доме музея, в котором объективно освещается роль России в истории современной Монголии.

Современное поколение монголов считает, что все блага, коими пользуется сейчас всё население, досталось им от предыдущей истории, начиная со времён Чингисхана. Оно считает, что Монголия была под оккупацией России, и, возможно, недалёк тот день, когда на улицах Улан-Батора мы услышим: «Кто не скачет – тот орос (русский)». Молодое поколение думает – не будь русских, то страна бы

процветала. Стирается из памяти представление о той миссии, которую провели русские дипломаты, врачи, ученые, военные, политические и экономические советники, преподаватели, геологи, инженеры и наконец, просто рабочие на стройках, в цехах, на полях.

В начале прошлого века население Монголии насчитывало немногим более 200 тыс. чел., против современного населения около 3 млн чел. Население гибло от венерических заболеваний, чумы, туберкулёза и других серьёзных болезней, в чём был заинтересован достаточно, по тем временам, высокоразвитый южный сосед, провинцией которого, в конечном счёте, и была Монголия. Россия понимала необходимость содержания буферной территории и прилагала все усилия в развитии Монголии как в дореволюционные времена, так и во времена Советского Союза. Создание дома-музея истории отношений Монголии и России носит не только культурологическое, но и экономико-стратегическое значение. К сожалению, в послевоенные времена роль России в жизни этой огромной, богатейшей сырьём территории резко упала.

Экспозиции музея мы полагаем разместить в тематическом и временном контексте (раздел крестьянства и земледелия, раздел развития дипломатических отношений, раздел геологоразведки и так далее). Всё это представим во временном развитии, начиная с дореволюционных времён и заканчивая нашим временем. На сегодня в Монголии ещё существует прослойка интеллигенции, которая по-доброму помнит всё то, чему они научились у россиян, окончив русские школы и российские вузы. Но этот небольшой слой всегда готов прийти на поддержку нам, россиянам, проживающим здесь. Нам, как никому другому, видно, что мы теряем добрососедские отношения с огромной страной, в которой, как нам говорили в школе, могло бы разместиться восемь Франций. В наших силах, при поддержке русофилов Монголии, организовать в монгольских школах обязательные экскурсии в музей для уроков истории, обеспечить посещаемость музея иностранными гражданами в туристический сезон.

Наконец, дом, в котором проживал Сергей Андреевич Козин, – это одна из немногих русских реликвий за пределами России, которую просто надо беречь как зеницу своего ока, поскольку Россия сыграла в современной истории основную, главенствующую роль в становлении государственности Монголии.

Список источников и литературы

1. Архивные документы музея г. Улан-Батор.
2. Захарова И. М., Мандрик М. В. С. А. Козин – учёный на посту реформатора // Культурное наследие монголов: рукописные и архивные собрания Санкт-Петербурга и Улан-Батора: материалы междунар. конф. (Санкт-Петербург, 19–20 апр., 2013 г.) / отв. ред. С. Чулуун; науч. ред., сост. И. В. Кульганек. – СПб.; Улан-Батор, 2014. – С. 54–68.
3. Митиров А. Один из блестящей плеяды великих монголоведов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bumbinom.ru/folclor/1138963266-odin_iz_blestjashhejj_plejady_velikikh_mongolovedov.html (дата обращения: 08.02.2016).
4. Монголика-IX: сб. ст., посвящ. 130-летию со дня рождения С. А. Козина / сост. И. В. Кульганек. – СПб.: Петерб. Востоковедение, 2010. – 176 с.
5. Русские в Монголии. – Улан-Батор, 2009. – 208 с.

**УДК 94(571)
ББК ТЗ(2)6**

*Аркадий Валерьевич Шемелин,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

*Елена Леонидовна Сигачева,
Забайкальский институт железнодорожного транспорта,
г. Чита, Россия*

**Партийная политическая борьба в ДВР:
опыт Российской империи
в условиях революционных преобразований**

Статья характеризует политические отношения, возникшие на рубеже XIX–XX вв. в системе Дальневосточной республики, в работе характеризуются особенности политической борьбы партий, являющихся приемниками политической системы Российской империи. Произведен анализ политических решений, принимаемых в условиях революционных преобразований.

Ключевые слова: партии, парламент, политическая система, республика.

*Arkady V. Shemelin,
Transbaikal State University,
Chita, Russia*

*Elena L. Sigachyova,
Transbaikal Institute of railway transport,
Chita, Russia*

**Party Political Struggle in the FER
(Far Eastern Republic): the Experience
of Russian Empire in Terms of Revolutionary Change**

The article characterizes the political relations that arose at the turn of 19–20 centuries in the system of the far Eastern Republic, the article reveals the peculiarities of the political struggle of parties that receive political system of the Russian Empire. The analysis of political decision-making in conditions of revolutionary change.

Keywords: parties, parliament, political system, republic.

Международная политическая обстановка и борьба внутренних политических сил на территории Дальнего Востока требовали

формирования ДВР. К 1920 г. власть в Дальневосточном регионе пытались осуществлять несколько правительств, что впоследствии

порождало разногласия в вопросе о создании «буферного» государства. Обостряла ситуацию иностранная интервенция, белый и красный террор. Руководитель Советского государства В. И. Ленин следующим образом объяснял необходимость создания ДВР: «...обстоятельства принудили к созданию буферного государства – в виде Дальневосточной республики... вести войну с Японией мы не можем и должны всё сделать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без неё...» [7, с. 178].

С целью координации процесса по созданию ДВР по инициативе В. И. Ленина сформировали Дальневосточное бюро Российской Коммунистической партии большевиков, Дальбюро РКП(б), в августе 1920 г. А в марте-октябре 1920 г на базе партизанских соединений была создана народная революционная армия ДВР (НРА ДВР).

С целью легимитизации власти на демократических началах было избрано учредительное собрание ДВР, которое за короткий срок своей деятельности (с 12 февраля по 27 апреля 1921 г.) приняло Конституцию ДВР, определившую политический строй и структуру органов власти республики.

Следует отметить, что при разработке Конституции ДВР использовались Конституция РСФСР, Конституция США, учитывались «Краткие тезисы по Дальневосточной республике», утверждённые Политбюро ЦК РКП(б) 13 августа 1920 г. Это, безусловно, не могло не отразиться на содержании конституционных положений, регламентирующих статус центральных органов власти [6, с. 35–41]. При создании этого документа были учтены особенности политической обстановки на Дальнем Востоке и в Забайкалье в 1921 г. В Конституции законодательно закреплялась новая экономическая и политическая система, допускались свободное предпринимательство, государственная, частная и кооперативная торговля, многообразие форм собственности.

Парламентское большинство в собрании принадлежало коммунистам. Таким образом, при отрицательном отношении В. И. Ленина к буржуазному парламентаризму [8] использовались положительные его черты, в том числе принцип представительства трудового населения в государственных законодательных органах [4, с. 20–24].

Основная роль в координации управлением ДВР в соответствии с «краткими тези-

сами по ДВР», утверждёнными Политбюро ВКП(б) 13 августа 1920 года в директиве Политбюро от 10 октября 1921 г., ложилась на Дальбюро ВКП(б). Таким образом, по мнению коммунистов, «буферное» государство должно быть лишь формальной буржуазно-демократической республикой. Однако, многопартийная система ДВР требовала от правящей партии действовать не только как звено государственного аппарата, но и как политическая организация.

В основе программных установок партии социалистов-революционеров (СР) к концу гражданской войны лежали две взаимосвязанные идеи. Прежде всего, это идея народовластия как высшей политической и гражданской справедливости, некоего оптимального пути действенного и безболезненного решения едва ли не всех сразу общественных противоречий. Во-вторых, эсеры, как революционная и социалистическая партия, пытались достичь социального идеала через установление социализма, понимаемого как власть всех без исключения трудовых слоёв населения России [2, с. 99–107].

В условиях внутренней смуты реализация идеи народовластия означала достижение гражданского мира через обращение к единственному, на взгляд эсеров, источнику прочного правопорядка – демократическому строю и всеобщему избирательному праву. Парламентаризм в эсеровском понимании становился идеальной универсальной системой, представляющей политическую коалицию трудовых и цензовых (буржуазных) общественных элементов, где устремления различных по своей природе социальных групп выражались и учитывались наиболее полно, и тем самым достигалось национальное согласие. Через демократию в форме парламентаризма, по мнению идеологов ПСР, разрешалась и социалистическая перспектива. Всевластие народа, адекватно отражённое в представительной демократии, должно было означать установление диктатуры большинства – трудовых слоёв, но одновременно защищало бы и права меньшинства – эксплуататорских элементов. Тем самым выбивалась почва из-под острейшей социальной конфронтации, загнавшей Россию в тупик Гражданской войны. В подлинном народовластии эсеры видели промежуточную «третью силу», призванную сбалансировать притязания правых и левых экстремистских политических групп на власть, прийти на смену и большевистскому режиму псевдо-

классовой диктатуры, неминуемо вырождающемуся в диктатуру партийную, и режимам военно-буржуазной реставрации. В качестве потенциальной социальной базы «третьей силы» выступало крестьянство – большинство населения страны. Система последовательно проведенного народовластия становилась, в понимании эсеров, универсальным способом к закреплению завоеваний народной революции, едва ли не единственным средством обеспечить за деревней ту долю политического влияния, которая соответствовала её численности и удельному весу в хозяйственной жизни России. Только через фетишизируемый парламентаризм достигалось действительное равенство в правах всех трудящихся, рабочих и крестьян, кончалось господство города над деревней.

Одновременно народовластие означало не только обеспечение господства большинства, но и учёт, даже охрану, прав меньшинства – буржуазии. В представительном органе меньшинству отводились функции сдерживания и контроля, что, в теории, должно было обеспечить необходимый для внутреннего мира баланс интересов, поистине всенародный консенсус [9, с. 34–49].

К моменту появления идеи дальневосточного «буфера» партия эсеров оказалась расколотой на несколько организационно, идейно и политически самостоятельных групп. В самом конце 1919 г. из её рядов выделилась очередная группировка, хотя и незначительная по численности, которая придерживалась левой ориентации. Вначале она получила название «Автономно-сибирская группа эсеров», позже (с середины 1920 г.) выступала под флагом «Сибирского союза социалистов-революционеров». В Сибири и на Дальнем Востоке оказались, таким образом, сразу три «крестьянских» партии: ПСР, ПЛСР (левые эсеры) и Сибсоюз эсеров. Две последние группировки отвергали идею народовластия (парламентаризма), считая её продолжением тактики соглашательства с буржуазией.

Единственно возможной формой проведения в жизнь своего идеала – «диктатуры трудящихся» и левые эсеры, и Сибирский союз эсеров считали органы трудовластия – советы [1, с. 94–105].

Развернувшееся осенью 1919 г. в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке широкое массовое движение «снизу» против колчаковской реставрации и атамановщины ПСР попыталось использовать для осуществления своих политических идеалов наро-

доправства и «чистой» демократии. ЦК ПСР сразу же поддержал идею «буфера», заявив, что «в связи с международным положением находит целесообразным основание Восточно-Сибирской республики».

Вопрос о «буферной» государственности обсуждался на заседаниях ЦК ПСР 14, 19 и 25 января, 5 и 9 февраля 1920 г. Была установлена постоянная связь полулегально действовавшего в Москве ЦК с сибирским партийным центром и мирной делегацией иркутского демократического правительства – Политцентра.

ЦК ПСР одобрил примирительную позицию Политцентра в отношении Советской России. Членам партии разрешалось входить в состав органов «буферной» власти при условии опоры политического курса последней на платформу народоправства. Только в этом случае ЦК ПСР полагал возможным на практике обеспечить единство революционного фронта против реакции и её союзников.

В качестве необходимого условия организации подлинно демократического «буфера» эсерами рассматривался созыв полноценного представительного органа власти, избранного на основе всеобщего избирательного права. Не случайно организация ПСР в Приморье была единственной политической силой, открыто и резко выступившей против восстановления советской формы власти после антиколчаковского переворота 31 января 1920 г., в то время как остальные социалистические партии и даже левое крыло кадетов тогда не стали противодействовать советизации, хотя, разумеется, и не приветствовали её [2, с. 94–105].

Тем не менее, обсудив сделанные большевистскими представителями на межпартийном совещании в Иркутске 24–25 февраля 1920 г. предложения по созданию фиктивно независимого от РСФСР государства, Всесибирский крайком ПСР решил отказаться от участия в создании власти. Было заявлено, что большевистские условия нарушают «требования государственной самостоятельности» «буфера». В частности, сибирский эсеровский партийный центр посчитал неудовлетворительным как разрешение вопроса о реальной роли «буферной» государственности (отказ большевиков от осуществления принципов полного народовластия и от равноправного партнёрства с социалистами), так и о территориальных границах «буфера» (исключение Иркутска и губернии из территории «буфера») [3, с. 170–173.]

6 марта 1920 г. это решение поддержал и ЦК ПСР. В принятой по докладу представителей сибирской делегации ЦК и сибирского крайкома ПСР резолюции отмечалось, что партия «уклоняется от участия в образовании верховной власти» «буферной» государственности. Правда, не исключалось, что «хождение во власть» возможно в дальнейшем, но «только при условии, если государственный порядок нового образования будет покоиться на основах полного народовластия и, в частности, на институте всеобщего избирательного права, а само государство не явится орудием как советской власти, так и других держав». Более того, ЦК ПСР потребовал от Москвы обеспечить ещё и «одновременную» санкцию (т. е. гарантии) других держав, имеющих интересы в регионе, на образование государства – «буфера».

В духе решений своего руководства сибирскими и дальневосточными организациями ПСР были осуществлены практические шаги в сторону отказа от участия в создаваемых большевиками органах власти так называемого Верхнеусинского (Прибайкальского) «буфера», принявшего наименование «Дальневосточная республика». Так, неоднократные попытки местных большевиков едва ли не силой поставить прибайкальское областное земство перед необходимостью выполнять во всём объёме функции временной государственной власти ДВР как раз по этой причине провалились. В конце марта 1920 г. сначала эсеры, а затем и меньшевики отозвали своих представителей из земства. «Формы государственности... надо было строить не только формально, но и фактически формами самодовлеющими, с содержанием внешней и внутренней политики не советским, а широко демократическим, – отмечалось в совместном заявлении двух социалистических партий в Президиум временной земской власти Прибайкалья. В процессе нашей работы мы убедились, что не так хотят смотреть инициаторы “буфера”, представители партии коммунистов. Они берут на себя руководить политикой “буфера” не только внутри власти, но и извне, из Иркутска, Омска и Москвы... Было бы детским лепетом защищать одну формальную сущность “буфера” без его фактического содержания» [5, с. 140–143].

В директиве Всесибирского крайкома ПСР дальневосточным организациям указывалось на необходимость самым решительным образом противиться «буферной»

политике Москвы, требовать от большевиков либо создавать однопартийную советскую власть, либо соглашаться на условия, предъявленные ЦК ПСР и сибирским эсеровским центром [2, с. 111–112].

В беседе с посетившей Россию в мае-июне 1920 г. делегацией британских социалистов идеолог эсеровской партии В. М. Чернов недвусмысленно обвинил большевистское руководство в «измене» и «разложении» «буфера».

Таким образом, руководство партии социалистов-революционеров заняло жёсткую и бескомпромиссную позицию по вопросу о форме и содержании власти создаваемого «буферного» государства. ПСР последовательно отстаивала курс на его полную демократизацию, считая парламентаризм как политическое выражение народовластия единственно приемлемым для «буфера» вариантом государственного устройства. На практике политика эсеров в отношении «буфера» ставила под угрозу срыва начавшийся процесс его государственного оформления. Однако в то же время такая тактика побуждала большевиков к более существенным уступкам в сторону демократизации составивших «буфер» властных институтов.

Другой социалистической партией, призванной сыграть важную роль в строительстве дальневосточного «буфера», были социал-демократы (меньшевики). Основным программным положением РСДРП в переустройстве общества на социалистических началах являлось, как и у большевиков, установление классовой пролетарской диктатуры. Но такая диктатура, по мнению меньшевиков, была неотделима от самой широкой, хотя и, в интерпретации руководства РСДРП, «классовой» демократии. Как раз в акценте на последний постулат – особенность «правой» идеологической метаморфозы меньшевизма к концу российской смуты.

Вначале о своеобразном понимании меньшевиками институтов демократии. С одной стороны, базируясь на принципах пролетарской, рабочей демократии, они, как и большевики, утверждали, что сущности пролетарской диктатуры не только не противоречит, а даже, напротив, органически ей соответствует ограничение или даже лишение политических и гражданских прав социальных групп, стоящих вне этой демократии, то есть «нетрудовых» элементов. С другой стороны, меньшевики полагали, что

тенденция рабочей демократии заключается не в самозамыкании, не в истреблении и не в превращении в эксплуатируемый класс исключённых из пользования гражданскими и политическими правами побеждённых «классов», а в их «вовлечении в ассоциацию трудящихся» и, следовательно, в установлении всеобщей универсальной демократии.

Список источников и литературы

1. Азаренков А. А. Методы ликвидации Дальневосточной Республики в 1922 году // *Вопр. истории.* – 2006. – № 8.
2. Азаренков А. А. Демократические доктринёры и идея дальневосточного государства – «буфера» в конце 1919 – начале 1920 г.: шанс на политическое выживание? // *Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. История и политические науки.* – 2009. – № 1.
3. Галлямова Л. И. Дипломатия как альтернатива войне (внешняя политика Дальневосточной республики) // *Россия и АТР.* – 2008. – № 3.
4. Дондоков Ц. С. Народное собрание: высший законодательный и представительный орган Дальневосточной республики // *Мир политики и социологии.* – 2012. – № 2.
5. Жукова Н. Е. Общественно-политическая жизнь Забайкалья в период 1917–1923 гг. // *Вестн. БГУ.* – 2012. – № 7.
6. Князев С. Д., Шишкина О. Е. Конституционные основы парламентаризма в Дальневосточной республике (1920–1922 гг.) // *Акад. юрид. журн.* – 2013. – № 3.
7. Ленин В. И. Речь на пленуме Московского Совета 20 ноября 1922 г. // *Полн. собр. соч.* – Изд. 5-е. – Т. 45.
8. Санжиев Г. Л. В. И. Ленин и национально-государственное строительство в Сибири (1917–1937 гг.). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1971. – 176 с.
9. Цуканов С. С., Орнацкая Т. А. Внешняя политика Дальневосточной республики (1920–1922 гг.) // *Краеведение Приамурья.* – 2011. – № 1.

УДК 94(470)“1925/1931”
ББК Т3(2)

Игорь Викторович Чапыгин,
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Россия

Деятельность Казачьего союза в Шанхае

В статье на основе как ранее опубликованных работ, так и материалов Государственного архива Российской Федерации рассматривается жизнедеятельность дальневосточной казачьей эмиграции в Шанхае. Особое внимание автор уделяет культурно-просветительной деятельности казачества и сохранению национальной идентичности в условиях инокультурного пространства.

Ключевые слова: казачество, Шанхай, Китай, эмигранты, культура, традиции, духовность, диаспора.

Igor V. Chapygin,
Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia

The Activities of the Cossack Union in Shanghai

The article, based on both previously published works and materials of the State Archive of the Russian Federation, considered vital activity of Far Eastern Cossacks emigration in Shanghai. The author pays special attention to cultural and educational activities of the Cossacks and to the preservation of their national identity in the conditions of foreign culture space.

Keywords: cossack, Shanghai, China, emigrants, culture, traditions, spirituality, diaspora.

В Китае в первой половине XX в. сложилась одна из крупных и активных за рубежом российских диаспор. Это было следствием крушения Российской империи в революциях и Гражданской войне и массовым исходом с её территории представителей проигравшей белой стороны (военных, казаков и гражданского населения). В стране с ярко выраженными социокультурными особенностями, каковой являлся Китай, после первого периода адаптации и даже ранее перед эмигрантами из России остро встали проблемы сохранения национальной идентичности, сохранения себя русскими.

Особенно интересной, на наш взгляд, представляется деятельность организовавшегося в Шанхае казачества, которое разумным и сбалансированным сочетанием таких важных составляющих адаптации, как сохранение национальной самобытности и освоение нового, инокультурного пространства, вписало себя особой страницей в историю всей русской эмиграции. Сложность исследования казачества в Шанхае объясняется тем, что в России, кроме документов фонда Казачьего союза в Шанхае [1] Государственного архива Российской Федерации, мы не располагаем документами о жизни казаков в этом регионе Китая.

Самыми крупными центрами российской казачьей эмиграции в Китае стали Маньчжурия и Шанхай. Именно там разместились основные массы бывших российских подданных, многие из которых были казаками. Так, выбор Маньчжурии (Северо-Восток Китая) был подготовлен исторически и географически: задолго до революционных событий в России здесь уже складывалась русская диаспора, этот регион Китая лежал на пути отступающих белых армий и был недалеко от России, куда эмигранты вскоре планировали вернуться. В Шанхай же центр русской эмиграции в Китае стал перемещаться по причине японской оккупации Маньчжурии и продажи КВЖД «независимой суверенной Маньчжурской империи». Отметим также, что порт Шанхай всегда был «перевалочной базой» постоянно мигрировавших в страны Азиатско-Тихоокеанского региона русских беженцев. Именно в Маньчжурии и Шанхае были ведущие казачьи союзы, станицы и войсковые объединения, оказывающие влияние на деятельность всех казаков-эмигрантов, в том числе за пределами Китая.

До 1922 г. казаков в Шанхае было немало, но с падением Владивостока, с при-

бытием флотилии адмирала Старка в Шанхай, и особенно Дальневосточной казачьей группы генерал-лейтенанта Ф. Л. Глебова, общее количество казаков эмигрантов сильно увеличилось, и в 1925 г. здесь был создан Казачий союз. Кроме того в рассматриваемый период, особенно в 1930-е гг., прибывали казаки из Маньчжурии, ставшей своего рода проходным пунктом русской эмиграции в другие регионы.

Оказавшиеся в иной географической, государственной, национальной, конфессиональной, языковой и культурной среде, казаки, как и другие российские эмигранты, оказались перед необходимостью социокультурной адаптации. Вписывая себя в исторически сложившиеся новые системные отношения, русские эмигранты в Шанхае с одной стороны, могли опереться на давно проживающих здесь соотечественников (коммерсантов, сотрудников царского дипломатического корпуса, служащих и др.), хорошо знающих местный язык, нравы и обычаи, а также хорошо знакомых с системой работы местной администрации. Но с другой стороны – русские в Шанхае не могли особо рассчитывать на помощь местной администрации и местного коренного населения (как было в некоторых странах Европы) в силу их недоверчивого и часто агрессивного отношения. Поэтому переселенцам приходилось рассчитывать только на себя и на своих братьев, то есть на внутренний ресурс эмигрантской общины.

Поэтому вторым по важности вопросом (после решения задач социально-экономического плана: пропитание, жильё, работа), который стремились решить казаки в эмиграции, – было обустройство духовной жизни. А так как основу духовной жизни казаков составляло Русское Православие, то необходимой задачей была организация отправления православного культа. С одной стороны возведение культовых сооружений в столь сложное время можно смело назвать духовным подвигом народа, а с другой, и это факт, организация православных приходов была настоятельной потребностью для русского эмигрантского населения. Храм играл объединяющую, консолидирующую роль, что сказывалось во всех сферах жизни, а кроме того, не секрет, что потребность в религии значительно возрастает в критические моменты истории обществ и их групп. Храм выполнял умиротворяющую функцию в жизни сообщества людей, оказавшихся в экстремальной

ситуации. Поэтому русские эмигранты стремились быстрее обзавестись молельным домом, часовней или церковью.

Надо сказать, что при всех тяготах существования, казаки были в более выгодном положении при организации приходов. Благодаря консолидации и целенаправленному использованию войсковой и союзной казны, они могли аккумулировать достаточно большие (для тех непростых условий) суммы денег на общественно-полезные нужды (какими были постройка храмов и содержание священства). Поэтому достаточно большая часть православных храмов, построенных на территории проживания эмигрантского населения, была создана и содержалась казаками. Общее количество небольших «казачьих» или домовых церквей доходило до десятка. При этом их прихожанами часто были не только казаки, но и представители других групп эмиграции, особенно в районах со «смешанным» населением. В 1932 г. генерал-лейтенантом Глебовым была подана мысль о сооружении на Французской Концессии капитального храма-памятника Императору Николаю II. Ему удалось организовать группу в 100 прихожан, которые взяли на себя обязанность выплачивать ежемесячно, в продолжение года, на дело постройки храма по 10 долл. Он повёл пропаганду святого дела не только среди русских, но и среди иностранцев. Перед закладкой храма-памятника, на этом участке была сооружена временная маленькая церковь, в которой и совершались службы до окончания постройки храма. Храм был построен, работал, закрывался в сложные периоды китайской истории, но службы в нём были все-таки возобновлены с 2010 г.

Одной из важнейших проблем культурного строительства казаков в Шанхае стала организация образования подрастающего поколения. В решении этой проблемы большую роль играла казачья администрация. Казачьим союзом открывались школы и курсы. Самым массовым образовательным учреждением была начальная школа для детей. Характерно, что при этом учебном заведении функционировал родительский комитет, председателем которого был выборный представитель от казаков. Последнее говорит о включённости родителей в образовательный процесс, что, кроме прочего, было продиктовано сложностями в организации учебных заведений.

Российское казачество в эмиграции стремилось сохранить такие казачьи традиции,

как военно-техническое обучение, физическая подготовка молодёжи, чествование заслуженных казаков-георгиевских кавалеров и т. п., то есть всё то, что называется военно-патриотическим воспитанием. Характерно в этом отношении постановление правления Казачьего союза в Шанхае от 9 июня 1929 г.: «Обратить серьёзное внимание на подрастающих казачат и принять все возможные меры к воспитанию их в духе славных прошлых традиций; с этой целью организовать специальный спортивный отдел:

а) обучение верховой езде и элементарному правилу вольтижировки;

б) обучение стрельбе, хотя бы из духовых ружей, если не удастся получить разрешение на покупку малокалиберных огнестрельных;

в) обучение владению пикой и шашкой;

г) гимнастические упражнения и военные игры;

д) по мере подготовки организовать состязания с выдачей призов победителям и их родителям» [3].

Одной из важнейших сторон культурной жизни казачьей эмиграции и средством её влияния на культуру всей русской диаспоры была периодическая печать. Сам факт появления эмигрантских журналистских коллективов, издательских центров и типографий говорит, во-первых, о достижении определённых положительных результатов в экономическом и культурном развитии переселенческого сообщества, а во-вторых, об осознанной необходимости в собственной периодике. И не случайно, ведь именно пресса во многом создаёт и поддерживает единое информационное и интеллектуальное поле, особенно в суровых условиях эмиграции, когда каждое печатное слово на родном языке воспринималось по-особому.

Надо сказать, что организация казачьих изданий сталкивалась с целым рядом как экономических, так и политических трудностей. Поэтому многие издания, которые планировались как периодические, выходили в свет всего один или несколько раз.

В пределах Шанхая регулярно выходил один казачий журнал «Голос казака». В нём размещались статьи как о событиях местной жизни, так и сведения о мировых событиях и даже материалы беллетристического характера. Также освещались экономические, полемические, хозяйственные, культурные проблемы казачьей эмиграции. Иногда «казачья периодика» реализовывалась в форме вкладных страниц в неказачьих газетах.

Мировую известность казакам-эмигрантам принесла деятельность созданных в эмиграции музыкальных хоров. Это помогло сохранить и развить традиции музыкального и хорового искусства казачества, а также неплохо зарабатывать, что было весьма насущным в эмигрантских условиях. Конечно, до всемирной славы «Донского имени ат. М. Платова казачьего хора» или «Донского казачьего хора» С. А. Жарова, созданных в западной части эмиграции, шанхайским казакам было трудно дотянуться, но, тем не менее, свои казачьи музыкальные коллективы были и в восточной ветви эмиграции.

Огромное впечатление на всю русскую эмиграцию и на иностранцев в Шанхае произвел, например, казачий бал 1929 г., устроенный Казачьим союзом в отеле «Мажестик». Местная русская пресса об этом бале и выступлении казачьего хора писала: «Казачьи песни в третьем отделении, исполненные хором в 70 человек под управлением Ф. Я. Астраханского и Агафонова, вызвали шумные аплодисменты. Из всех песен самое большое впечатление произвели: “Ермак”, “За Уралом за рекой”, и плясовая песня “В огороде”. Весь хор в форме производил внушительное впечатление. Чувствовалась в песнях безудержная мощь и сила. Такого казачьего хора Шанхай ещё не слышал. В финальных казачьих песнях и танцах выступали г-жа Г. Занд, Шура Степанова, В. Воробьева и г. Карганов» [2].

Можно сделать вывод, что культура играла объединяющую роль и как следствие – помогала выжить представителям эмиграции. Казаки в эмиграции как продолжали сохранять свою традиционную бытовую культуру, так и развивали культуру общественную. (В отличие от крестьянства, ориентированного на сохранение и развитие, прежде всего, традиционной бытовой культуры, и в отличие от интеллигенции, ориентированной, прежде всего, на развитие культуры общественной). Кроме того, благодаря казачьей войсковой и общественной организации им было проще строить церкви, организовывать школы, издавать периодику и т. д. Таким образом, казачество, благодаря своей консолидированности и культурным традициям, во многом было мобилизующим фактором в культурном строительстве русской эмиграции и выступало силой, сохраняющей и развивающей как народно-бытовую, так и общественную культуру русского зарубежья.

Несомненно, что изучение дальневосточной казачьей эмиграции на территории Китая позволит полнее и глубже исследовать историю всей русской диаспоры страны в указанный период, понять характер процессов, происходивших в этом русскоязычном анклав. Полную и целостную историю российской эмиграции невозможно исследовать, не изучая историю отдельных слоёв и групп этой эмиграции со свойственными им мировоззрением, традициями, сложившимся укладом жизни.

Список источников и литературы

1. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 5963. Казачий союз в Шанхае. 53 ед. х., 1925–1931 гг.
2. Худобородов А. Л. Российское казачество в эмиграции, 1920-1945 гг.: социальные, военно-политические и культурные проблемы: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. – М., 1997. – С. 286–287.
3. Чапыгин И. В. Казачья эмиграция в Китае. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. – С. 110.

УДК 94(470)“1917/1922”
ББК ТЗ(2)61

*Елена Семёновна Косых,
Стерлитамакский филиал
Башкирского государственного университета,
г. Стерлитамак, Россия*

Адаптация русских эмигрантов первой послереволюционной волны

В статье рассматриваются этапы адаптации русской эмиграции первой послереволюционной волны; анализируются психологические и социально-экономические факторы, влиявшие на адаптацию русских эмигрантов в стране-реципиенте. Показано, что русская эмиграция не ассимилировалась, она сохранила свой язык, культуру и обычаи.

Ключевые слова: адаптация, эмиграция, беженцы, социальный статус, диаспора, маргинальность.

*Elena S. Kosyh,
Sterlitamak branch
Bashkir State University,
Sterlitamak, Russia*

Adaptation of Russian Emigrants of the First Post-Revolutionary Waves

The article considers the stages of adaptation of the Russian emigration of the first post-revolutionary waves; Analyzes the psychological and socio-economic factors influencing the adaptation of Russian immigrants in the host country. It is shown that Russian emigration is not assimilated, it has retained its language, culture and customs.

Keywords: adaptation, emigration, refugees, social status, Diaspora, marginality.

Миграция и адаптация – процессы, действующие на протяжении всей человеческой истории. Адаптация – процесс приспособления человека или социума к изменившимся условиям. Адаптационный процесс может протекать в трёх вариантах: безболезненное вживание в среду обитания; отстранение от контактов с социумом страны реципиента; неполное приспособление с сохранением элементов родной культуры.

Февраль и октябрь 1917 года породили первую послереволюционную волну эмиграции. Люди, покинувшие родину в то время, в равной степени могут считаться эмигрантами и беженцами. Первая волна эмиграции – 1917–1922 гг. – носила массовый характер и получила название Великого исхода. Традиционно, обозначая численность, ссылаются на В. И. Ленина и называют цифру в 1,5–2 млн чел. Существуют и другие точки зрения на численность эмиграции, напри-

мер, 900 тыс. чел. и др. [4, с. 22]. Подавляющее большинство людей, выехавших в эту волну эмиграции, составили не принявшие советской власти и всех событий, связанных с её установлением.

Различные чувства охватывали людей, они испытывали сильные потрясения, были сбиты с толку, расстроены. Примером служат отрывки из воспоминаний: «...Дрожит пароход, стелет чёрный дым. Глазами широко, до холода в них, раскрытыми смотрю. И не отойду. Нарушила свой запрет и оглянулась. И вот, как жена Лота, застыла, остолбенела навеки, и век видеть буду, как тихо, тихо уходит от меня моя земля» [5, с. 20]. «Я покидал Россию, покидал надолго и горький, солёный вкус слёз почувствовал на своих губах. “Прощай”, – думал я, – прощай, моя дорогая милая Родина, сделавшая из меня верного и искреннего сына России» [1, с. 169].

Эмигрировали представители всех социальных слоёв старой России, которых объединял страх перед «красным террором» и массовое неприятие нового большевистского режима. Интеллигенция и представители аристократических семей сосредоточились в основном во Франции, а военные – в Болгарии, Сербии, в Китае. Русская диаспора за рубежом периодически пополнялась за счёт бывших сослужащих. Эмиграция представляла собой довольно пёструю картину – от способных адаптироваться в новой среде людей до открытых авантюристов; были учёные, писатели, инженеры, актёры, чья деятельность за рубежом снискала им мировую славу: С. Рахманинов, И. Бунин, А. Павлова, В. Набоков и др. Большинство русских эмигрантов быстро убедились, что никакое блестящее воспитание и образование не гарантируют им хорошего места.

Адаптация выходцев из России и любых других эмигрантов зависела от ряда факторов: психологического, социально-экономического, политического, культурного. Всё имело важное значение. Например, адаптацию русских в Латинской Америке очень затруднял климат. Соотношение, значимость их в каждом конкретном случае способствует или препятствует адаптации.

Первая стадия адаптации русских эмигрантов первой послереволюционной волны сопровождалась культурным шоком, неопределённостью правового статуса, потерей прежнего социального статуса. Эта стадия характеризовалась очень сложной адаптацией в силу психологической установки эмигрантов на краткосрочное пребывание на чужбине. Эмигрантами остро сознавалась инакость – отличие от местного населения. Психологи считают это одним из проявлений культурного шока. Неопределённость правового статуса эмигрантов, понижение статуса социального и профессионального – всё работало на неприятие окружающего, возник страх за будущее: «Воздух Парижа особый... Магический воздух, которым мы вдруг незаслуженно начали дышать, пожалуй, возмещал многие потери, порой даже с лихвой. Отсюда присущее нам чувство непорочности обрётённого счастья и страха, страха перед грядущим» [8].

Вторая стадия – враждебного отношения эмигрантов – определялась целым комплексом проблем: бытовыми трудностями, языковым барьером, неблагоприятными условиями на рынке труда. Характерной чертой этой

стадии адаптации является маргинальность социального положения абсолютного большинства эмигрантов. Следствием этого становится раздвоение личности. Адаптация на этой стадии осложнялась такой ментальной чертой русских, как стремление несмотря ни на что сохранить свою «русскость» и прежнюю социальную значимость. Успешную адаптацию затрудняло постоянное желание вернуться на Родину и бесконечные мысли о судьбе России.

Для большинства российских эмигрантов на этом этапе были характерны безденежье, случайные заработки, бытовая неустроенность: «...Я вообще устала от земной жизни. Руки опускаются, когда подумаешь, сколько ещё предстоит вымытых и невымытых полов, вскипевших и не вскипевших молоко, хозяек, кастрюлек и пр.» [6, с. 21]. Для многих чужбина оказалась неласковой. В сравнении с местным населением они ощущали себя ущербными, да и местное население нередко неблагоприятно относилось к пришельцам.

Россиянам, попавшим на чужбину, приходилось, с одной стороны, адаптироваться к новой стране, к новым условиям жизни, а с другой – к новой профессии, ведь жизнь в эмиграции ознаменовалась для многих потерей прежнего социального статуса. Двухмиллионная эмиграция не могла быть исключительно элитной. Она была в своей массе трудовой. Те, кто был с самого начала эмиграции достаточно материально обеспечен, имел опыт в предпринимательской деятельности и экономические связи в бизнесе, активно шли на деловые контакты и вращались в местную среду. В то же время эмигранты, имеющие специальности «широкого спроса», легче и скорее проходили «период бытовой адаптации», обретали относительную материальную самодостаточность и заключали смешанные браки. Эти группы стремились получить гражданство и активно овладевали государственным языком страны пребывания.

Во Франции, где была достаточно развита профессиональная корпоративность, даже для француза непросто было стать членом престижной профессиональной группы. Для русских было практически невозможно, и многие из них оказались без работы. Врачам, адвокатам была запрещена частная практика: они могли работать лишь среди русского населения, да и то полуофициально. Человеку физического труда адаптироваться было легче, чем интеллектуалу, молодому,

чем старому, имеющему «нужную» профессию найти работу проще, чем обладателю профессии, не столь необходимой в данной стране.

Бегство из России сопровождалось утратой всего имущества. Лишь небольшая часть эмигрантов успела переправить в Европу свои капиталы и продолжала вести привычный образ жизни. Основная масса беженцев была неимущей и малоимущей. Сотням тысяч людей пришлось начинать с нуля; вот пример М. Цветаевой: «Дела мои ужасны, все притоки прекратились, перевожу, но больше даром, и часто зря, то есть на авось! Есть ещё переводы анонимные, вернее перевожу – я, а подписывает другой. Получила за 60 страниц (машинных) художественного перевода – 150 франков. Словом, бьюсь и временами почти разбиваюсь» [7, с. 73].

В тех странах, где правительственные круги содействовали адаптации эмигрантов, процесс этот развивался быстрее. Например, в Чехословакии была разработана целая программа помощи русским беженцам – «русская акция». «Русская акция» была нацелена на создание таких условий, в которых эмигранты сами могли найти средства к существованию, получить образование, продолжать научную, педагогическую, культурную деятельность.

Тяжело шла адаптация дальневосточной ветви русской эмиграции. Незнание и трудности освоения восточных языков, незнакомая культура и среда обитания, невозможность конкурировать с местным населением на рынке труда по причине страшной дешевизны рабочей силы, политическое бесправие – вот, что характеризовало положение наших соотечественников в Китае и других странах Востока. Большую помощь эмигрантам в адаптации оказал Харбинский комитет помощи русским беженцам. В харбинской диаспоре существовали землячества, созданные по национальному принципу. Многочисленные корпоративные организации объединяли людей по различным признакам, в том числе и по роду их занятий, оказывали материальную помощь. Существовали «Союз бывших военных», «Союз Георгиевских кавалеров», общество предпринимателей, учителей, журналистов, студентов, духовенства и т. д. Их существование предоставляло беженцам возможности выражения национальных, религиозных, культурных, корпоративных интересов [2, с. 10–11].

В эмигрантской среде широко распространялось явление социально-психологи-

ческого характера – «раздвоение личности». Основной причиной была маргинальность социального положения абсолютного большинства эмигрантов. Работая по контракту таксистами, швейцарами, поварами, бывшие высокопоставленные чиновники и военные, политики и журналисты, учёные высокого ранга были угнетены своим непривычным положением: «В подавляющем большинстве они не вышли в тот класс, который соответствовал бы их новому социальному положению. Ночной сторож – бывший прокурор или уборщик, который в прошлом командовал дивизией, конечно, оказались выше уровнем своих товарищей по новой профессии» [3]. Приходя домой после ненавистной работы, как свидетельствуют мемуаристы, «они как бы вступали в прошлую жизнь», упивались иллюзорными «встречами с прошлым», вот как вспоминает об этом Л. Любимов: «Князь Шаховской. Это добрый малый. Уже лет 25, как работает поваром в ресторанах. Но спросите его, кто он такой, и он ответит не задумываясь: “Я конногвардеец”» [3].

Третья стадия адаптации, начавшаяся в середине 20-х гг., характеризуется как «выздоровление». «Выздоровление» проявлялось в исчезновении «чемоданного настроения», превращении эмигрантов в иммигрантов, росте смешанных браков, активных культурных контактах. Завершающий этап адаптации приходится на середину 30-х гг. На этом этапе диаспора сформировалась окончательно.

Для российской белой эмиграции было характерно стремление сохранить себя как единое целое, не раствориться в чужом для неё зарубежном мире. Успех адаптации зависел от страны-реципиента (в балканских странах адаптировались легче, чем в странах Дальнего Востока и США), от социальной принадлежности (рядовые приспосабливались легче, чем офицеры и чиновники, ввиду их большей способности к физическому труду).

В Шанхае к 30-м гг. русская колония насчитывала около 30 тыс. чел. Русские уже не занимались разгрузкой пароходов, у них были свои предприятия, банки, были построены русские школы, клубы, церкви. Многие эмигранты имели собственные автомобили, выпускали свои газеты, имели свои издательства и библиотеки.

Во Франции наиболее активными в профессиональном плане были российские эмигранты в обрабатывающей промышленности, коммерции, транспорте, где особенно важно

было знание французского языка. В этой стране, потерявшей в годы войны много молодых людей, эмигранты, особенно знавшие французский язык, были встречены радушно. Легко устраивались во Франции донские казаки, немногие выходцы из крестьян. Низкие цены на землю позволяли получать небольшие наделы земли в провинции и успешно заниматься сельским хозяйством. В округе Парижа были многочисленные сады и огороды выходцев из России, снабжавших русские рестораны овощами и фруктами. Во Франции российская диаспора сформировалась как общество закрытого типа. Русская коло-

ния в Париже жила своей собственной жизнью, и многие так и не стали разговаривать по-французски. Например, так и не выучил французский язык А. И. Деникин.

Русские эмигранты в процессе адаптации не ассимилировались, но не сохранили и абсолютно особенное существование, а выбрали срединный путь: эмигранты из России первой волны существовали вне Родины как самостоятельная этнически-политическая общность, сохранившая язык, культуру, обычаи и вобравшая в себя все последующие волны эмиграции. Это была «Россия № 2» – «Зарубежная Россия».

Список источников и литературы

1. Дети русской эмиграции. Книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники / сост. Л. И. Патрушева. – М.: Терра, 1997. – 496 с.
2. Лазарева С. И. Роль Харбинского комитета помощи русским беженцам в становлении социальной защиты русских эмигрантов в Маньчжурии (1923 – начало 40-х гг. XX в.) // Изв. Вост. ин-та. – 2013. – № 1. – С. 10–19.
3. Любимов Л. Д. На чужбине [Электронный ресурс] // CoolLib. – Ташкент, 1990. – Режим доступа: <http://coollib.com/b/293240/read#110> (дата обращения: 29.03.2016).
4. Рар Г. Зарубежная Россия // Диалог. – 1991. – № 18. – С. 21–26.
5. Тэффи Н. Из воспоминаний / Н. Тэффи // Театральная жизнь. – 1989. – № 17. – С. 18–24.
6. Цветаева М. И. Сочинения: в 7 т. Т. 7. – М.: Терра: Кн. лавка-РТР, 1998. – Кн. 1. Письма. – 330 с.
7. Цветаева М. И. Сочинения: в 7 т. Т. 7. – М.: Терра: Кн. лавка-РТР, 1998. – Кн. 2. Письма. – 352 с.
8. Яновский В. С. Поля Елисейские. Книга памяти [Электронный ресурс] // Imwerden. – Режим доступа: http://www.imwerden.info/belousenko/books/yanovsky/yanovsky_elisey.htm (дата обращения: 29.03.2016).

УДК 94(470)''1920/1950''
ББК Т3(2)

Дмитрий Борисович Фартусов,
Бурятский государственный университет,
г. Улан-Удэ, Россия

Современная российская историография политики репрессий Советского государства 1920–1950-х гг.¹

В статье даётся историографический обзор работ, посвящённых политическим репрессиям в 1920–1950-е гг. В ходе рассмотрения научных работ учёных, изучавших различные аспекты репрессивной политики СССР, выделяются направления исторической науки, являющиеся наиболее популярными, при этом не берутся во внимание работы наиболее радикальных авторов, которые занимаются оправданием самой личности Сталина. В заключение автор приходит к выводу о поступательности и преемственности исторической науки, отмечая, что проблемы, разработка которых началась ещё в конце 80-х годов XX века, получили развитие в современных трудах российских учёных.

Ключевые слова: историография, СССР, Бурят-Монгольская АССР, «Большой террор», И. В. Сталин, политические репрессии, тоталитаризм, сталинизм, историография, история репрессий, научные труды.

¹ Работа выполнена в рамках базовой части проекта государственного задания Министерства науки и образования РФ № 3797.

*Dmitry B. Fartusov,
Buryat State University,
Ulan-Ude, Russia*

Modern Russian Historiography of Policy of Repressions of the Soviet State 1920–1950th Years¹

In article the historiographic review of the works devoted to political repressions in the 1920–1950^s is given. During consideration of scientific works of the scientists studying various aspects of repressive policy of the USSR it is allocated the directions of historical science, being the most popular thus avoiding work, the most radical authors who are engaged in a justification of the identity of Stalin, and political persecutions. In the conclusion the author comes to a conclusion about progressiveness and continuity of historical science noting that problems which development began still in the late eighties of the XX century, gained development in modern works of the Russian scientists.

Keywords: Historiography, USSR, Buryat Mongolsky Autonomous Soviet Socialist Republic, "Big terror", I. V. Stalin, political repressions, totalitarianism, Stalinism, historiography, history of repressions, scientific works.

Исследовательскую литературу по репрессивной политике в СССР можно условно разделить на три блока – советский, постсоветский и региональный. В данной работе будет исследована современная общероссийская историография в хронологическом порядке.

Аресты по политическим мотивам в эпоху И. В. Сталина являются продолжением преследований, вызванных политикой большевиков в Советской России, которые начались сразу после Октябрьского переворота 1917 г. [19].

В то же время политические преследования во время правления Сталина отличаются от более ранних репрессий масштабом. Жертвами становились не только активные политические противники большевиков, но и те, кто просто не был согласен с их политикой и проявлял это зачастую пассивным способом [20].

В 1990-е гг. появляется понятие «сталинизм» [12] и расшифровывается как «массовые политические репрессии, осуществлявшиеся в СССР в период правления И. С. Сталина (конец 1920-х – начало 1950-х гг.)» [Там же]. В связи с этим в большей части исторических работ термин понимается как тоталитарная, политическая система, с помощью которой управлялся СССР в данный период времени. Сам термин «сталинизм» [18] впервые появляется в эмигрантской социалистической среде ещё в конце 30-х гг. XX в.

Изменения, произошедшие в стране в начале 1990-х гг., непосредственно отрази-

лись на состоянии исторической науки. О качественном изменении говорит следующий факт: «В этот период были открыты более 600 тыс. дел архивов КГБ, более 70 млн дел архивов КПСС, издано не менее 285 сборников архивных документов, в 1992–1997 гг. в системе государственных архивов оказалось рассекречено более 5 млн ранее закрытых архивных дел» [11]. «Основная масса работ была создана уже в русле теории тоталитаризма, эти работы сформировали представление о сталинизме как о тоталитарном государственном режиме» [4]. Так, значительное внимание рассматриваемой проблеме уделено в монографии А. Н. Мерцалова и Л. А. Мерцаловой «Сталинизм и война». Прежде всего, авторы определяют актуальность темы, замечая, что «отношение к сталинизму и сегодня характеризует профессиональную и политическую культуру» [14]. «Истоки сталинизма авторы видят в Гражданской войне и "выкорчёвывании" демократических свобод. Сталинизм при этом приравнивается к новому термину «административно-командная система» [5]. В сборнике «Власть и общество в СССР: политика репрессий» (1999) прямо заявлено, что «тоталитаризм как понятие помогает в сравнении российского процесса с общемировым» [17].

Опираясь на «характеристики сталинизма как тоталитарного режима, исследователи постсоветского периода сосредоточиваются на отдельных темах, смежных с теорией

¹ Work carried out as part of the base portion of the project of the state task of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, No. 3797.

тоталитаризма, но призванных расширить положения теории в отношении феномена «сталинизма». К данным исследованиям, в частности, относятся работы, посвящённые изучению политических репрессий, прошедших в период правления Сталина. К этим работам относятся исследования таких авторов, как: О. В. Хлевнюк [21], Г. М. Ивановой [8], С. Ю. Рыбас [16] и др.

В своей монографии «Политбюро: механизмы политической власти в 30-е годы» (1996) О. В. Хлевнюк ставит задачу исследования организационной стороны функций Политбюро, механизма принятия решений – «политической кухни», изучения сути конфликтов и их роли в формировании большой политики. В качестве источников используются материалы пленумов, журналов записей посетителей и протоколы заседаний Политбюро периода 1929–1938 гг. [22].

Другой подход, воспринятый из 1980-х гг. и получивший широкое распространение в период 1990–2000-х гг., – исследование личности И. В. Сталина. Большинство созданных биографических работ о И. В. Сталине написаны либо в жанре апологетики, либо абсолютного отрицания и представления о нём как о тиране и больном человеке [1]. В то же время в 1990–2000-е гг. на базе новых источников были сделаны попытки объективного рассмотрения личности «вождя народов». Одним из подобных исследований, заслуживающих внимание благодаря методологии и теоретической основе, является работа Б. С. Илизарова «Тайная жизнь Сталина» [10].

Процессы исследования тоталитаризма и социальной истории, казалось, «шли встречными курсами» [9]. Но в 1990–2000-е гг. исследователи приходят к мнению, что, имея право на любой из подходов, историк должен использовать или, по крайней мере, учитывать их оба: анализировать как политическую, так и социальную природу сталинизма.

Значимость социальной истории в изучении феномена «сталинизма» демонстрирует появление ряда работ по данной тематике» [13]. Ещё одной животрепещущей темой по сей день является выяснение количественного показателя политических репрессий. Больших успехов в этом деле добились такие выдающиеся учёные, как Д. А. Волкогонов [2], В. Н. Земсков [7], В. Б. Жиромская [3].

Оценки масштабов репрессий сильно различаются главным образом из-за разного определения понятия «репрессии» и набора

категорий лиц, включаемых в понятие «жертвы репрессий», а также в связи с противоречиями в доступных исследователям документах и существующими пробелами в знании. К жертвам репрессий различные исследователи относят следующие категории граждан: только осуждённых за «контрреволюционные преступления» (преимущественно по 58-й статье) (например, В. Н. Земсков); дополнительно включаются все осуждённые органами госбезопасности, а также сосланные на спецпоселения раскулаченные крестьяне, репрессированные народы; дополнительно включаются жертвы неоправданно жестоких наказаний по некоторым уголовным статьям; подсчитывается общее число заключённых в лагерях, либо общее количество осуждённых судами (включая наказания без лишения свободы).

На наш взгляд, объективнее будет относить к категории «жертвы политических репрессий» не только осуждённых по «политическим» статьям, но и такие категории людей, как: сосланные на спецпоселение, раскулаченные крестьяне, принудительно перемещённые граждане (например, квалифицированные работники заводов, переселяемые в Сибирь принудительно), потерявшие собственность из-за отрицания понятия «частной собственности» и ближайшие родственники всех категорий репрессированных. Если вести подсчёт по этим категориям то по подсчётам историка В. Н. Земскова [6], за период с 1 января 1934 по 31 декабря 1947 гг. в исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа умерло 963 766 заключённых, однако в это число входят не только политические заключённые, но и осуждённые за уголовные преступления.

По оценкам историка В. П. Попова, общее число осуждённых за политические и уголовные преступления в 1923–1953 гг. составляет не менее 40 млн. По его мнению, эта оценка «весьма приближительна и сильно занижена, но вполне отражает масштабы репрессивной государственной политики» [15].

Завершая анализ представленных работ, можно сделать вывод о том, что темы, научная разработка которых началась в период перестройки, продолжали активно изучаться в последующий период. При этом исследователями была значительно расширена источниковая база.

Большинство академических авторов, изучающих феномен политических репрессий, оценивают его как величайшую трагедию России, которая по своим масштабам

уверенно удерживает первенство в мире. В то же время большинство исследователей сходятся во мнении, что по ряду причин, прежде всего политических, объективная оценка сталинских репрессий, в том числе и их масштабов, не возможна в нынешней России. В современной России, когда после «свободных 90-х» вновь наступает реакция и «откат» к потерянными советским ценностям, поднимать тему о преследованиях по политическим мотивам и тем более критиковать

политику Сталина, становится не «патриотичным», а если качество реакции будет высоким, то и опасным. Тем не менее, вестернизация сознания неизбежно продолжается, идеологические и политические ограничения не только на научные работы, но и на повседневные, обыденные рассуждения людей со временем будут преодолены. С преодолением этих ограничений повысится как качество научных работ, так и качество функционирования общественных институтов.

Список источников и литературы

1. Антонов-Овсеенко А. В. Театр Иосифа Сталина. – М.: АСТ, 2000. – 412 с.
2. Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия: политический портрет И. В. Сталина: в 2 кн. Кн. 1. – М.: Новости.– 1989. – Ч. 1. – 304 с.
3. Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. – М.: РОССПЭН, 2001. – 278 с.
4. За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма / под ред. М. Гейера; Ш. Фицпатрик; пер. с англ. В. И. Матузова, Л. Е. Сидикова, Г. И. Германенко, С. В. Шулятьев. – М.: РОССПЭН, 2011. – 679 с.
5. Замковой В. И. Сталинизм: сталинская модель тоталитаризма. – М.: ИМПЭ, 1995. – 40 с.; Трукан Г. А. Путь к тоталитаризму: 1917–1929 гг. – М.: Наука, 1994. – 167 с.; Романовский Н. В. Лики сталинизма. – М.: РАГС, 1995. – 226 с.; Попов Г. К. Блеск и нищета административной системы. – М.: ПИК, 1990. – 240 с.
6. Земсков В. Н. Заключение в 1930-е годы: социально-демографические проблемы // Отечественная история. – 1997. – № 4. – С. 54–79.
7. Земсков В. Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные // История СССР. – 1991. – № 5. – С. 151–165; Земсков В. Н. Заключение в 1930-е годы: социально-демографические проблемы // Отечественная история. – 1997. – № 4. – С. 54–79.
8. Иванова Г. М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспект. – М.: Наука, 2006. – 438 с.
9. Игрицкий Ю. И. Ещё раз по поводу «социальной истории» и «ревизионизма» в изучении сталинской России // Отечественная история. – 1999. – № 3. – С. 121–125.
10. Илизаров Б. С. Тайная жизнь Сталина: по материалам его библиотеки и архива. – М.: Вече, 2002. – 480 с.
11. Кип Дж., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России: современная историография. – М.: РОССПЭН, 2009. – 328 с.
12. Куртуа С., Верт Н., Панне Ж.-Л. Чёрная книга коммунизма. – М.: Три века истории, 2001. – 780 с.
13. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии: 1920–1930 годы. – СПб.: Летний сад, 1999. – 320 с.
14. Мерцалов А. Н., Мерцалова Л. А. Сталинизм и война: из непрочитанных страниц истории (1930–1990-е гг.). – М.: Родник, 1994. – 399 с.
15. Попов В. П. Государственный террор в советской России 1923–1953 гг. (источники и их интерпретация) // Отечественные архивы. – 1992. – № 2. – С. 20–27.
16. Рыбас С. Ю. Сталин. – М.: Молодая гвардия, 2009. – 902 с.
17. Сенявский А. С. Российский тоталитаризм: урбанизация в системе факторов его становления, эволюции и распада // Власть и общество в СССР: политика репрессий (1920–1940-е гг.). – М.: ИРИ РАН, 1999. – С. 33–58.
18. Троцкий Л. Д. Сталинизм и большевизм // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). – 1937. – № 58–59. – 28 авг.
19. Фартусов Д. Б. Изучение репрессивной политики СССР в трудах советских исследователей 1940–1990 гг. // Вестн. БГУ. Сер. История. – 2015. – № 7. – С. 152–155.
20. Фартусов Д. Б. Репрессивная политика в Бурят-Монгольской АССР в годы Великой Отечественной войны // Вестн. БГУ. Сер. История. – 2015. – № 7. – С. 43–47.
21. Хлевнюк О. В. 1937: Сталин, НКВД и советское общество. – М.: Республика, 1992. – 268 с.; Хлевнюк О. В. Политбюро: механизм политической власти в 1930-е годы. – М.: РОССПЭН, 1996. – 304 с.; Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. – М.: РОССПЭН, 2010. – 479 с.
22. Хлевнюк О. В. Политбюро: механизм политической власти в 1930-е годы. – М.: РОССПЭН, 1996. – 304 с.

УДК 94(470)“1911/1921”
ББК ТЗ(2)

*Владимир Доржиевич Дугаров,
Бурятский государственный университет,
г. Улан-Удэ, Россия*

Новые тенденции в прочтении в отечественной монголоведной историографии подписания «Соглашения...» от 5 ноября 1921 г.

Данная статья посвящена анализу новых явлений в отечественной монголоведной историографии международных взаимоотношений между царской и Советской Россией с Монголией в 1911–1921 гг. Автор указывает на то, что появление новых архивных данных, содержащих сведения о российско-монгольских отношениях, вносят изменения в отечественную историографию.

Ключевые слова: Монголия, Россия, революция, Богдо-гэгэн, Коростовец, Коминтерн, Унгерн, МНП, РКП(б).

*Vladimir D. Dugarov,
Buryat State University,
Ulan-Ude, Russia*

New Trends in the Interpretation of National Mongolian Historiography Signing of the “Agreement...” Dated by November 5, 1921

This article is devoted to the analysis of new phenomena in national Mongolian historiography of international relations between Tsarist and Soviet Russia and Mongolia in 1911–1921. The author points out that the appearance of new archival data, which contains information about Russian and Mongolian relations, makes changes in the national historiography.

Keywords: Mongolia, Russia, revolution, Bogdo-gegen, Korostovets, Comintern, MPP, RCP(b).

Отказом от советской квалификационной оценки драматических революционных событий в аратской стране в первой четверти XX в. характеризуются значительные методологические изменения в трактовке истории Монголии в отечественном монголоведении на рубеже XX–XXI вв.

На рубеже XIX–XX вв. межгосударственные проблемы Азиатско-Тихоокеанского региона заключались в разрешении противостояния между Россией и Китаем за обладание Монголией. Из этого многовекового межцивилизационного противостояния «вытекает» насущная проблема в монголоведной историографии, заключающаяся в определении места и роли малых государств того и настоящего времени в глобальных и региональных конфликтах в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

При анализе этих внешнеполитических отношений оригинальной является мысль вос-

токоведа С. Г. Лузянина выделившего внешнеполитическую особенность Монголии в тот период: сочетание активного и пассивного начала в монгольском курсе на мировой арене (Монголия как объект политики России, Китая, Японии и, одновременно, Монголия как субъект собственной государственной политики) [13, с. 38]. Эта проблематика не утратила актуальности и в наши дни. Внешнеполитическая ситуация в начале XXI в. по этой проблеме диалектически повторяется.

В настоящее время весь этот комплекс внешнеполитических особенностей связан с проводимой руководством Монголии в начале XXI в. эффективной международной «политики третьей или мягкой силы». При её реализации во многом теряются внешнеполитические позиции современной России в региональном монгольском сегменте [15; 18].

В этой связи целесообразно критически проанализировать материалы историографического блока ключевых событий: национальной революции 1911 г.; образования суверенной Монголии и утверждения её теократического правительства во главе с Богдо-гэгэн Джебзун-Дамба хутухтой; трёхстороннего Кяхтинского соглашения, определяющего международный и региональный характер новой Монголии; ввод частей РККА Советской России вместе с Народной армией Монголии в страну в 1921 г.; политика и деятельность Коминтерна и РКП(б) в отношении аратской страны и многое другое [5; 7; 8; 14].

В современном монголоведении значительный теоретический блок вопросов связан с особенностями эволюции МНР по «некапиталистическому пути развития», такие вопросы являются дискуссионными в наши дни. В новых исторических условиях выявилась, несмотря на наличие большой научной теоретической литературы, недостаточная разработанность собственно понятия «некапиталистического пути развития» как в общетеоретическом плане, так и в специфических чертах его монгольского варианта [2, с. 37–46; 3, с. 202–220].

В русле этих теоретических споров ряд учёных Монголии (Д. Дашдава и др.) выступают против хрестоматийного в советской монголоведной историографии положения о том, что В. И. Лениным был обоснован план на некапиталистическое развитие Монголии. Они утверждают, что это положение было впоследствии разработано и доработано видным бурят-монгольским общественным и научным деятелем Э.-Д. Ринчино и другими.

В этом плане особого интереса заслуживает изданная за последние десять лет квалифицированная монографическая литература, посвящённая революционным событиям 1920–1921 гг., анализу фактов и событий, предшествующих подписанию Соглашения 1921 г.

Одним из основных историографических источников в наши дни является огромный теоретико-методологический международный российско-монгольский научный проект «Россия и Монголия в первой половине XX века: дипломатия, экономика, наука», начатый Байкальским государственным университетом экономики и права (г. Иркутск) совместно с Академией наук Монголии (Институтом истории, Институтом международных исследований, Институтом национального развития).

Начатый в 2011 г. проект ознаменовался выходом в 2013–2016 гг. шести научных книг – трудов ведущих учёных двух стран, объединивших все ведущие вузы и научные учреждения двух стран, вышедших общим объёмом свыше 120 п. л., форматом 60×90 (довольно большой формат). Эти выпуски стали возможны при ведущей роли видного современного монголоведа России, доктора исторических наук, профессора кафедры мировой экономики и международного бизнеса Байкальского государственного университета экономики и права, Почётного профессора Монгольского государственного университета Юрия Васильевича Кузьмина.

Скруплёзный анализ вышедших четырех изданий провёл в пятом томе высококвалифицированный российско-монгольский монголовед, доктор исторических наук, профессор Е. И. Лиштованный [12, с. 89–94].

Шестой том серии, изданный в 2016 г., знакомит специалистов с добротным научным материалом международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию установления дипломатических связей между Советской Россией и Монголией. Эти материалы напрямую связаны с проводимой международной научной конференцией «Регион в приграничном пространстве».

В рассматриваемый период лидирующей роли в монгольских событиях видных деятелей Коммунистического интернационала, его аппарата и советников посвящены материалы фундаментального научного сборника документов под редакцией члена-корреспондента РАН, доктора исторических наук, профессора, директора Института монголоведения, тибетологии СО РАН Б. В. Базарова: «Монголия в документах Коминтерна (1919–1929)» (Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. Ч. 1. 528 с.) и «Монголия в документах Коминтерна (1930–1934)» (Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. Ч. 2. 479 с.). Этот сборник документов явился первой систематической публикацией на русском языке документов, освещающих историю взаимоотношений между Коминтерном и МНРП, роль руководящих органов ИККИ и уполномоченных Коминтерна в Монголии в политической жизни Монгольской Народной Республики в 1919–1934 гг.

В сборник включено 243 документа. Абсолютное большинство из них на русском языке публиковалось впервые, за исключением 8 документов (№ 74, 76, 78, 80, 84, 91, 93, 178), вошедших в сборник документов

«Российско-монгольское военное сотрудничество. 1911–1946» (Улан-Удэ, 2008) и освещающих роль Секции восточных народов Сиббюро РКП(б), Монголо-Тибетского отдела и уполномоченного Коминтерна на Дальнем Востоке Б. З. Шумяцкого в создании МНРП и оказании помощи в борьбе монгольского народа за независимость против китайской оккупации и белогвардейских формирований Унгерна на территории Монголии в 1920–1921 гг.

В переходный период от автономии к формирующейся социалистической модели аратского общества Монголии противоречивый историографический характер имеет эпопея барона Р. Ф. Унгерн фон Штернберга, пытавшегося противопоставить советской модели развития, свой, монархический проект евразийского государства и традиционного общества. Хотя этот проект и не был реализован, он оставил заметный след в истории и имел далеко идущие геополитические последствия. Действительно, исторически велика была роль барона Р. Ф. Унгерн фон Штернберга в окончательном изгнании из столицы Монголии Нийслэл-хурэ маньчжуров и восстановившего на троне Богдо-гэгэн Джебзун – Дамба хутухты-хана. До недавнего времени наши соотечественники недооценивали его и знали лишь в тех рамках, которые были очерчены в РСФСР ещё в 1920-е гг.

Вновь опубликованные архивные данные меняют методологическую картину роли этой личности в революционных событиях в Монголии в 1920–1921 гг. [9, с. 3.; 10; 16]. Советской исторической мемуарной литературе были малоизвестны ранее секретные материалы, которые начинают занимать особое историографическое место в современном монголоведении. Привлечение новых до-

кументов и мемуаров позволило отказаться от обвинений Р. Ф. Унгерн фон Штернберга в бандитизме, фашизме, оккупации Монголии, установления там диктатуры и т. д. Ситуация изменилась с открытием российских и монгольских архивов в 1990-х гг. Советско-российский учёный Е. А. Белов первым доказал, что обвинения Унгерна в том, что он был агентом Японии, опровергается документами [1, с. 173–177]. Новые данные, обнаруженные с тех пор (в том числе и в Японии), подтверждают это мнение: Унгерн действовал в Монголии по своему усмотрению, японцы в его дивизии были не инструкторами или советниками, а простыми наёмниками, которые не только не влияли на решения барона, но даже не наладили разведку [11, с. 215; 12, с. 115–133].

В ходе острых дискуссий, многочисленных споров в мировом и отечественном монголоведении социально-политические катаклизмы в аратской стране на рубеже 20-х гг. характеризуются так: «Монгольскую революцию можно определить как национально-демократическую. Она началась как общенациональное освободительное движение, её главнейшей целью было национальное возрождение, восстановление государственности. В этом смысле она стала прямым продолжением движения 1911 г. и была призвана довести его до победы. Но революция 1921 г. пошла дальше: она носила демократический характер, поскольку существовала и другая цель – реформирование и модернизация традиционного монгольского общества, с учётом национальных особенностей [4, с. 64].

Таким образом, продолжилось будущее развитие Монгольской Народной Республики и проблем отечественной монголоведной науки.

Список источников и литературы

1. Белов Е. А. Был ли барон Унгерн агентом Японии? // Китай, кит. цивилизация и мир: история, современность, перспективы: тез. докл. XII Междунар. науч. конф. (Москва, 25–27 сент. 2001 г.). – М.: ИДВ РАН, 2001. Ч. 2.
2. Гольман М. И. К вопросу о теории некапиталистического пути развития // История. Источниковедение. Экономика. Археология. Этнография: VI Междунар. конгресс монголоведов (Улан-Батор, авг. 1992 г.). – М., 1992.
3. Гольман М. И. К оценке роли Коминтерна в Монголии // Научно-информационный бюллетень РЦХИДНИ. – М.: РЦХИДНИ, 1996. – Вып. 8.
4. История Монголии. XX век / отв. ред. Г. С. Яскина. – М.: Наука, 2007. – 448 с.
5. Жабаева Л. Б. Элбэг-Доржи Ринчино и национально демократическое движение монгольских народов. – Улан-Удэ: ВСГТУ, 2001. – С. 272–273.
6. Коростовец И. Я. Девять месяцев в Монголии: дневник русского уполномоченного в Монголии, август 1912 – май 1913 гг. / сост. О. Батсайхан; отв. ред. Н. Тацуо, О. Бакич. – Улан-Батор: Эмгэнт, 2009. – 440 с.
7. Коростовец И. Я. От Чингисхана до Советской республики (краткая история Монголии с особым учетом новейшего времени). – Улан-Батор: Эмгэнт, 2004. – 560 с.
8. Кузьмин С. Л. Легендарный барон: неизвестные страницы Гражданской войны. – М.: Т-во науч. изд. КМК, 2004. – 336 с.

9. Кузьмин С. Л. Барон Унгерн в документах и мемуарах. – М.: Т-во науч. изд. КМК, 2004. – 661 с.
10. Кузьмин С. Л. История барона Унгерна. Опыт реконструкции. Действия барона Р. Ф. фон Унгерна-Штернберга в Монголии // Россия и Монголия на рубеже XIX–XX веков. Экономика, дипломатия, культура. – Улан-Батор: Изд-во БГУЭП; Иркутск, 2013. – С. 213–221.
11. Кузьмин С. Л., Батсайхан О., Нунами К. Барон Унгерн и Япония // Восток (Oriens). – 2009. – № 5.
12. Лиштованный Е. И. О некоторых результатах международного научно-исследовательского проекта // Россия – Монголия в первой половине XX века: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений (дипломатия, экономика, наука): сб. науч. тр. – Улан-Батор; Иркутск, 2015. – Кн. 5. – 415 с.
13. Лузянин С. Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. – М.: ОГНИ, 2005. – 319 с.
14. Михалев А. В. Монголия в Новой большой игре: борьба за влияние и неформальные институты «мягкой силы». – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2013. – 251 с.
15. Оссендовский Ф. И звери, и люди, и боги. – М.: Пилигрим, 1994. – 325 с.
16. Першин Д. П. Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак. – Самара: Агни, 1999. – 280 с.
17. Родионов В. А. Россия и Монголия: новая модель отношений в начале XXI века. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – 228 с.
18. Роцин С. К. Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). – М.: ИВРАН, 1999. – 327 с.

УДК 94:327(571+517.3)
ББК Т3(2):Ф4(2Рос+Мон)

Александр Петрович Суходолов,
Юрий Васильевич Кузьмин,
Михаил Парфирьевич Рачков,
Яков Александрович Суходолов,
Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Россия

Российско-монгольские отношения в первой половине XX века: результаты международного исследовательского проекта¹

Представлена характеристика международного российско-монгольского научного проекта «Россия и Монголия в первой половине XX века: дипломатия, экономика, наука». Публикация Байкальского государственного университета и Академии наук Монголии шести томов научных трудов в 2013–2016 гг. – важный итог международного научного сотрудничества. Дана характеристика статей основных разделов шести томов, представленная российскими и монгольскими авторами – ведущими монголоведами двух стран. Освещены основные научные результаты совместного проекта. Выделены проблемы российско-монгольских отношений 1900–1945 гг., имеющие дискуссионный характер. Особое внимание в статьях уделено проблемам методологии, историографии и источниковедения проблемы. Определены основные особенности данного международного проекта. Публикация оригинальных исторических источников изучаемого периода – важнейшее направление международного проекта.

Ключевые слова: российско-монгольские отношения, международный проект, новая трактовка, методология, публикация исторических документов, история и экономика Монголии, историография темы.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ. Грант 15-21-03007 «Концептуальные вопросы российско-монгольских отношений в первой половине XX века: история, политика, экономика». Грант 15-21-03008 «Энциклопедия российско-монгольских отношений».

*Alexander P. Sukhodolov,
Yury V. Kuzmin,
Mikhail P. Rachkov,
Yakov A. Sukhodolov,
Baikal State University,
Irkutsk, Russia*

Russian-Mongolian Relations in the First Half of the Twentieth Century: the Results of the International Research Project¹

The characteristics of the international Russian-Mongolian scientific project “Russia and Mongolia in the first half of the twentieth century: diplomacy, economy, science”. Publication of the Baikal state University and the Mongolian Academy of Sciences six volumes of scientific papers in the years 2013–2016 is an important result of international scientific cooperation. The characteristics of the Russian and Mongolian authors of six volumes – the leading Mongolian two countries, major sections of the collections. Given the basic scientific results of the joint project. Selected issues in Russian-Mongolian relations, 1900–1945 having the discussion. Important attention is paid to problems of methodology, historiography and source studies of the problem. Identified the main characteristics of this international project. Publication of original historical sources of the studied period – the most important direction of the international project.

Keywords: Russian-Mongolian relations, international project, a new interpretation, methodology, publication of historical documents, the history and Economics of Mongolia, historiography of the topic.

В декабре 2015 г. Байкальский государственный университет издал пятый, завершающий том «Россия и Монголия в первой половине XX века. Концептуальные вопросы российско-монгольских отношений: дипломатия, экономика, наука» [15]. В марте 2016 г. БГУ совместно с Академией наук Монголии провел международную научно-практическую конференцию «Россия и Монголия: история, дипломатия, экономика, наука», посвященную 95-летию установления дипломатических отношений между Россией и Монголией, были подведены некоторые итоги международного исследовательского проекта и опубликованы материалы конференции, в качестве шестого тома научных трудов.

В 2013–2015 гг. Байкальский государственный университет совместно с Академией наук Монголии, Институтом истории, Институтом международных исследований, Институтом национального развития провёл значительную исследовательскую работу по изучению наиболее важных и сложных проблем истории Монголии и российско-монгольских отношений середины XIX – середины XX в. Каждый том в среднем готовился 50 российскими и монгольскими учёными

в течение полугода, были изданы: «Актуальные вопросы истории российско-монгольских отношений первой четверти XX века» (2013), «Россия и Монголия на рубеже XIX–XX веков: экономика, дипломатия, культура» (2013), «Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука» (2014), «Россия и Монголия: новый взгляд на историю: дипломатия, экономика, наука» (2015), «Россия и Монголия в первой половине XX века: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений (дипломатия, экономика, наука)» (2015) [1; 11–15]. Общий объём опубликованных материалов составил 240 печатных листов.

Байкальский государственный университет совместно с Академией Наук Монголии (Институт Истории, Институт международных исследований, Институт национального развития) в 2013 г. начал реализацию международного научно-исследовательского проекта «Российско-монгольские отношения в первой четверти XX века».

Ранее, в октябре 2011 г. в Улан-Баторе по итогам переговоров между БГУ и Академией наук Монголии был подписан Меморандум по вопросам сотрудничества в области

¹ This research was done with the financial support of RHSF. The grant 15-21-03007 “Conceptual questions of relations between Russia and Mongolia during the first half of the XXth century: history, politics, and economics”. The grant 15-21-03008 “Encyclopedia of relations between Russia and Mongolia”.

образования и подготовки кадров. В целях реализации данного соглашения был создан творческий коллектив из российских и монгольских исследователей, перед которым была поставлена задача подготовить обобщающую работу по истории российско-монгольских отношений в XX веке.

К участию в Проекте были привлечены ведущие востоковеды и монголоеды России: научные сотрудники Института востоковедения АН РАН (д-ра наук М. И. Гольман, В. В. Грайворонский, Е. В. Бойкова), Института Дальнего Востока (канд. ист. наук А. А. Сизова), Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО АН РАН (проф. Ц. П. Ванчикова, Е. В. Сандуева), РГГУ (Москва) (проф. Л. Г. Скородумова, А. Д. Цендина), Тувинский институт гуманитарных и прикладных исследований (г. Кызыл) (проф. Н. В. Моллеров, А. А. Самдан), Сибирского федерального университета (Красноярск) (проф. В. Г. Дацышен), Бурятского государственного университета (Улан-Удэ) (проф. В. Д. Дугаров, проф. Л. Б. Жабаяева, доц. О. Н. Полянская, доц. А. В. Михалев), Иркутского государственного университета (проф. Е. И. Лиштованный, доц. В. А. Василенко), Иркутского государственного университета путей сообщения (проф. В. Г. Третьяков), Алтайского государственного университета (Барнаул) (проф. А. В. Старцев), Иркутского краеведческого музея (ведущий научный сотрудник, канд. ист. наук А. И. Шинковой), Государственного архива Иркутской области (начальник отдела Е. В. Ильина).

Руководство международным проектом с монгольской стороны осуществляли президент Академии наук Монголии, академик Б. Энхтувшин и вице-президент Академии академик Т. Дорж, директор Института истории, доктор С. Чулуун, директор Института международных исследований Д. Шурхуу, заместитель директора Института национального развития профессор Б. Болдбаатар, ведущие учёные Монголии, авторы крупных научных трудов и имеющие мировое признание в монголоведении.

С монгольской стороны были привлечены ведущие специалисты Монгольского государственного университета (профессора Ж. Урангуа, М. Зулькафиль, З. Лонжид, доц. Н. Отгонсайхан, Ч. Чойсамба), Института истории АН Монголии (С. Чулуун, Н. Хишигт, Б. Пунсалдулам), Института международных исследований (Д. Шурхуу, К. Дэмбэрэл, А. Даваасурэн), Института национального

развития (Б. Болдбаатар). Часть научных материалов публиковалась на монгольском языке.

Особенностью данного проекта является привлечение наряду с маститыми учёными молодых исследователей – аспирантов (А. С. Шмыт-Хеубшман, Б. Гулгуу, Л. Н. Крайнова, А. А. Гавриков, А. А. Матвеев, В. В. Куфтарева, И. А. Дамбуева), двое из которых (А. А. Гавриков, Л. Н. Крайнова) за время работы над проектом успешно защитили кандидатские диссертации.

Целью Проекта является создание фундаментальной работы по истории российско-монгольских отношений 1900–1945 гг. и сборника оригинальных архивных документов по данному периоду.

Байкальский университет в апреле 2013 г. подготовил и издал сборник научных трудов российских учёных «Актуальные вопросы истории российско-монгольских отношений первой четверти XX века», в котором обозначил основные подходы к проблеме [1]. Были опубликованы проблемные статьи ведущих сибирских монголоедов, а также опись архивных материалов по истории русско-монгольских отношений Иркутского государственного архива, опись карт Иркутского краеведческого музея [1; 11–13].

В мае 2013 г. в Улан-Баторе и в июне 2013 г. в Иркутске проведены российско-монгольские рабочие совещания руководителей международного Проекта и участников Проекта по проблемам и структуре коллективной работы. Российские участники получили консультации ведущих историков Монголии, новейшую литературу по данной проблеме и опубликованные источники. Монгольские специалисты работали в БГУ и иркутских архивах по вопросам российско-монгольских связей на рубеже веков.

В октябре 2013 г. в Улан-Баторе проведена международная научная конференция «Россия и Монголия на рубеже XIX–XX вв.» в рамках дней Иркутской области в Монголии [11]. Международная конференция позволила выявить дискуссионные проблемы изучаемой темы, уточнить структуру планируемой к изданию коллективной монографии.

Российско-монгольские отношения в 1900–1945 гг. – важный и сложный период становления и формирования системы современных международных отношений в регионе Северо-Восточной Азии, в треугольнике Россия – Монголия – Китай. Он был отмечен важными дипломатическими вехами: русско-монголь-

ским соглашением 1912 г., русско-китайской декларацией 1913 г., Кяхтинским соглашением 1915 г., российско-монгольским договором 1921 г., войной на Халхин-Голе 1939 г. Объективные и взвешенные оценки дипломатической истории России и Монголии имеют огромное значение для развития современных двусторонних отношений [18].

Российские учёные-монголоведы (Б. В. Базаров, В. Ц. Ганжуров, Е. А. Белов, Е. В. Бойкова, Е. М. Даревская, В. В. Грайворонский, В. А. Василенко, Ц. П. Ванчикова, А. С. Железняков, С. К. Рощин, Л. Г. Скородумова, М. И. Гольман, Н. Е. Единархова, А. В. Старцев, В. Г. Дацышен, Ю. В. Кузьмин, Е. И. Лиштованный, Н. В. Моллеров, А. В. Михалев, В. Д. Дугаров, Л. Б. Жаббаева, А. А. Сизова, С. Г. Лузянин, Ш. Б. Чимитдоржиев, Д. Б. Улымжиев, О. Н. Полянская, И. В. Кульганек, А. В. Попов, Л. В. Курас и др.) за последние 30 лет проделали объёмную исследовательскую работу по изучению отдельных направлений российско-монгольских отношений. Иркутская школа монголоведения имеет глубокие традиции изучения именно этого периода русско-монгольских отношений [8–10]. Назрела объективная потребность в коллективной обобщающей работе по данной теме и введение её результатов в научный оборот на русском, монгольском и английском языках.

Введение в научный оборот новых источников, различие оценок в российской, монгольской и западной историографии требуют от российской науки чётко обозначить свою позицию, а также аргументированно её отстаивать. Российские архивы, в том числе Архив внешней политики Российской империи, Государственный архив Иркутской области, обладают уникальными архивными материалами по истории российско-монгольских отношений, поэтому введение их в научный оборот представляет несомненную ценность для мирового востоковедения [13].

Шеститомное издание «Россия и Монголия в первой половине XX века: дипломатия, экономика, наука» – плодотворный результат международного сотрудничества российских и монгольских учёных, включивших итоги многолетних научных поисков ведущих монголоведов двух стран. Данное издание будет интересно и полезно как для практиков, дипломатов, экономистов, журналистов России и Монголии, как энциклопедическое и справочное издание, так и для маститых и молодых исследователей истории, дипломатии, экономики и науки двух дружествен-

ных стран. Наиболее полезна публикация будет для студентов, магистрантов, аспирантов и докторантов, изучающих историю политических и экономических отношений России и Монголии.

Плодотворный итог международного сотрудничества монгольских и российских монголоведов в шести томах, включивших научные результаты учёных целого поколения, представляется важным научным событием развития современного монголоведения, успешного совместного сотрудничества, актуального научного ответа современной научной мысли на поставленные временем сложные проблемы истории Монголии и российско-монгольских отношений. Впервые в российской историографии в совместном российско-монгольском научном коллективе представлены как научные сотрудники Академии наук и университетов, так и практические работники: дипломаты, сотрудники архивов, музеев России и Монголии. Были привлечены также китаеведы, японоведы, лингвисты, искусствоведы, культурологи [1; 11; 12].

Впервые в российской историографии так подробно и тщательно представлены ключевые проблемы исторического развития Монголии и динамики международного статуса страны. В процессе подготовки научных материалов и дискуссий на рабочих совещаниях и совместных международных конференциях 2013 (Улан-Батор), 2014 (Иркутск), 2015, 2016 гг. (Иркутск) происходило сближение научных позиций российских и монгольских учёных и формирование современной концепции истории Монголии и системы международных отношений в 1900–1945 гг. Авторы стремились избегать крайних оценок российско-монгольских отношений, однако некоторые оценки исторических событий различаются у российских и монгольских исследователей [12; 13].

Несомненным достоинством данного проекта стало тесное научное сотрудничество специалистов различных гуманитарных направлений: историков, экономистов, филологов, этнографов, политологов, культурологов, музееведов, архивистов и искусствоведов двух стран [1; 11; 12]. Комплексно в шести томах проанализированы проблемы истории, экономики, дипломатии, научного и культурного сотрудничества России и Монголии. Традиционно исследования историков, экономистов и филологов – исследователей Монголии проводятся изолированно друг от

друга, редко соприкасаясь в совместных работах, но мы старались избегать этой изолированности.

В шести опубликованных книгах статьи и материалы подразделяются на пять основных разделов: Россия и Монголия в начале XX века: история и геополитика; российско-монгольские торгово-экономические отношения; политико-дипломатические отношения 1900–1945 гг.; «монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России, проблемы культурного взаимодействия; Монголия и Восточная Сибирь: вопросы регионального сотрудничества [11–15].

Первый раздел 5-го тома специально посвящён теоретическим проблемам российско-монгольских отношений: методологии, историографии, источниковедения [17]. В XX в. российская историография в своём развитии прошла три основных этапа: 1900–1917 гг. – дореволюционный этап, 1917–1991 гг. – советский этап, с 1991 г. по настоящее время – современный этап. На каждом этапе менялись методология и методика, а также основная тематика научных исследований.

Основное внимание в данном разделе уделяется проблемам историографии и источниковедения российско-монгольских дипломатических и экономических отношений в первой половине XX в. Представлены статьи А. В. Старцева «Российско-монгольские торгово-экономические связи в досоветский период и их отражение в отечественной историографии» [16], Ю. В. Кузьмина «Российская историография XX века русско-монгольских отношений (1900–1921 гг.)» [7], Ж. Урангуа «Историография и исторические исследования Монголии в XX–XXI вв.», М. Зулькафиль, Ч. Чойсамба «К вопросу исследования монгольской журналистики: методологические и теоретические проблемы», В. А. Василенко «Урянхайский вопрос» в международной политике России, Монголии, Китая (первая четверть XX в.): источниковедение и историография проблемы» [4], Л. Н. Крайновой «Буддизм-ламаизм Монголии. Историографические особенности и проблемы изучения в XVIII – начале XXI века». В статьях выявлены степень изученности проблемы, основные этапы исследований, сильные и слабые стороны научных поисков, «белые пятна» или вопросы, требующие дальнейшего исследования.

В статьях и докладах на международных конференциях А. П. Суходолова, Ю. В. Кузь-

мина, М. П. Рачкова предложена новая трактовка войны на Халхин-Голе 1939 г., которая (война) рассматривается как начало Второй мировой войны [12].

Торгово-экономические отношения России и Монголии представлены в работах ведущих специалистов данной темы В. В. Грайворонского, А. В. Старцева, Ж. З. Тагарова, Н. Е. Единарховой, А. Даваасурэна, Н. Отгонсайхан, В. Г. Третьякова, В. В. Синиченко. В научный оборот введены обширные статистические и фактические данные о динамике, структуре торговых отношений России и Монголии. Представлены торговые отношения двух стран на протяжении 100 лет, от установления российского консульства в Урге в 1860 г. и до полного международного признания в 1945 г. Профессор В. Г. Третьяков опубликовал целый ряд статей, посвящённых истории строительства железных дорог в Монголии. Влияние кяхтинской торговли на экономическое развитие Монголии, России, Китая рассмотрено в статьях Н. Е. Единарховой и Ж. З. Тагарова [6]. Организация и инфраструктура русской торговли в Монголии во второй половине XIX – начале XX в. проанализированы в публикациях профессора А. В. Старцева (Барнаул).

Сложные вопросы российско-монголо-китайских отношений в 1911–1924 гг. проанализированы в статьях В. В. Грайворонского, О. Батсайхана, Ц. Батбаяра, С. Л. Кузьмина, Ж. Урангуа; отмечается сложность международного статуса Монголии в 1915 и 1924 гг., двойственность и противоречивость международного положения Монголии в отношениях России и Китая [2]. Сущность характера монгольской революции 1921 г. проанализировал Ч. Дашдаваа. В статьях В. А. Василенко, Д. Шурхуу, В. Г. Дацышена, Н. М. Моллерова представлена современная характеристика «урянхайского вопроса» в системе русско-монголо-китайских отношений. История деятельности российского генерального консульства в Урге и других консульств в Монголии, особенности консульской службы основательно проанализированы в публикациях А. А. Сизовой.

Специальный раздел проекта посвящён вопросам истории российского монголоведения и общественно-политической мысли, истории изучения русско-монгольских отношений, характеристике различных центров российского монголоведения (Улан-Удэ, Москва, Санкт-Петербург, Иркутск, Кызыл, Барнаул, Владивосток) и роли отдельных крупных монголоведов

(Я. П. Шишмарев, В. Л. Котвич, А. М. Позднеев, Ю. В. Кузьмин, Н. П. Шастина, Е. М. Даревская) [5; 9]. Данной проблеме посвящены в шеститомнике статьи В. Д. Дугарова, Л. Б. Жабаевой, О. Н. Полянкой, И. В. Кульганек, Е. И. Лиштованного, Ю. В. Кузьмина. Коллективными усилиями современных историографов созданы предпосылки и условия для создания обобщающей работы по истории российского монголоведения.

В научный оборот введены новые сюжеты российско-монгольских отношений: российское военное монголоведение (Ф. К. Боржимский, В. Л. Попов, А. М. Баранов) [3], секретные русско-монгольские соглашения, история формирования художественной буддийской коллекции, становление и развитие монгольской журналистики.

Таким образом, международным коллективом был собран и обобщён значительный

научный материал по истории, экономике, дипломатии и культуре России и Монголии, который позволяет на втором этапе совместной работы подготовить к публикации обобщающий коллективный фундаментальный труд, посвящённый сложному и важному периоду отношений двух дружественных стран.

Предложенные научным коллективом методология, источниковедение и историография российско-монгольских отношений позволяют разрешить сложные задачи истории Монголии и российско-монгольских отношений в первой половине XX в., международного статуса Монголии в треугольнике Китай – Монголия – Россия. Это поможет избежать односторонних оценок сложных внутренних и международных проблем истории и дипломатии Монголии и России.

Список источников и литературы

1. Актуальные вопросы истории российско-монгольских отношений первой четверти XX века: сб. науч. тр. – Иркутск, 2013. – 232 с.
2. Батсайхан О. Русско-китайско-монгольский договор 1915 года // Россия и Монголия в первой половине XX века: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений (дипломатия, экономика, наука). – Улан-Батор; Иркутск, 2015. – С. 200–207.
3. Ванина И. Ю., Кузьмин Ю. В. Российское военное монголоведение: исследования русско-монгольских отношений полковника А. М. Баранова // Россия и Монголия в первой половине XX века: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений (дипломатия, экономика, наука). – Улан-Батор; Иркутск, 2015. – Кн. 5. – С. 340–343.
4. Василенко В. А. «Урянхайский вопрос» в международной политике России, Монголии, Китая (первая четверть XX века): источниковедение и историография проблемы // Россия и Монголия в первой половине XX века: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений (дипломатия, экономика, наука). – Улан-Батор; Иркутск, 2015. – Кн. 5. – С. 99–113.
5. Даревская Е. М. Сибирь и Монголия: очерки русско-монгольских связей в конце XIX–XX века / Е. М. Дарецкая. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1994. – 404 с.
6. Единархова Н. Е. Влияние хянтинской торговли на экономическое развитие России, Монголии и Китая // Россия и Монголия в первой половине XX века: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений (дипломатия, экономика, наука). – Улан-Батор; Иркутск, 2015. – Кн. 5. – С. 136–157.
7. Кузьмин Ю. В. Российская историография XX века русско-монгольских отношений (1900–1921) // Россия и Монголия в первой половине XX века: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений (дипломатия, экономика, наука). – Улан-Батор; Иркутск, 2015. – С. 45–61.
8. Кузьмин Ю. В. Монголия и «монгольский вопрос» в общественно-политической жизни России. – Иркутск, 1997. – 232 с.
9. Кузьмин Ю. В. Иркутская школа монголоведения (XVIII–XX вв.) / под науч. ред. А. П. Суходолова. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. – 438 с.
10. Кузьмин Ю. В., Суходолов А. П., Манжигеев А. Ф. Иркутская школа монголоведения и современные историко-экономические исследования Байкальского университета // Изв. Иркут. гос. экон. акад. – 2015. – Т. 25. – № 2. – С. 232–238.
11. Россия и Монголия на рубеже XIX–XX веков: экономика, дипломатия, культура: сб. науч. тр. – Улан-Батор; Иркутск, 2013. – 405 с.
12. Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука: 3-я Междунар. науч.-практ. конф. – Иркутск; Улан-Батор, 2014. – Кн. 3. – Ч. 1. – 384 с.
13. Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука: история отношений России и Монголии в документах: сб. арх. док. – Иркутск; Улан-Батор, 2014. – Кн. 3. – Ч. 2. – 218 с.
14. Россия и Монголия: новый взгляд на историю: дипломатия, экономика, культура: сб. науч. тр. – Улан-Батор; Иркутск, 2014. – Кн. 4. – 374 с.
15. Россия и Монголия в первой половине XX века: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений: дипломатия, экономика, наука. – Улан-Батор; Иркутск, 2015. – 416 с.
16. Старцев А. В. Российско-монгольские торгово-экономические связи в досоветский период и их отражение в отечественной историографии // Россия и Монголия в первой половине XX века: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений: дипломатия, экономика, наука. – Улан-Батор; Иркутск, 2015. – С. 27–44.
17. Суходолов А. П., Кузьмин Ю. В., Манжигеев А. Ф. Концептуальные вопросы российско-монгольских отношений первой половины XX века: история, дипломатия, экономика // Россия и Монголия в первой половине XX века: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений: дипломатия, экономика, наука. – Улан-Батор; Иркутск, 2015. – С. 23–26.
18. Суходолов А. П., Болдбаатар Б., Кузьмин Ю. В. Российско-монгольские отношения в начале XX века (1900–1921 гг.): экономика, дипломатия, культура // Изв. Иркут. гос. экон. акад. – 2013. – № 62. – С. 92–99.

УДК 94(5)
ББК ТЗ(2)614-68

*Борис Георгиевич Родиков,
ветеран военно-воздушных сил,
г. Чита, Россия*

Халхин-Гол. Причины и итоги конфликта

В статье раскрываются причины возникновения военного конфликта на р. Халхин-Гол и степень совместного участия в нём советско-монгольских войск при поддержке с воздуха во взаимодействии с монгольскими авиационными частями. Заметный интерес представляет принятие мер со стороны Советского Союза в ответ на подготовку Японии к военным действиям и открытие, в связи с этим, двух летних школ в Чите, в одной из которых учился Алексей Петрович Маресьев.

Ключевые слова: война, конфликт, сражение, военные действия, Халхин-Гол, Япония, Монголия.

*Boris G. Rodikov,
veteran of the Air Force,
Chita, Russia*

Khalkhyn-Gol. Causes and Results of the Conflict

The article describes the causes of the military conflict on Khalkhin-Gol river and extent of the joint participation of Soviet-Mongolian armies with air support in cooperation with the Mongolian aviation units. Notable interest represents taking actions by the Soviet Union in response to Japan's preparation for military action and opening of the two flight schools in Chita as result. Alexey P. Maresyev studied in one of these flight schools.

Keywords: war, conflict, battle, war, Khalkhin-Gol, Japan, Mongolia.

Истоки событий на Халхин-Голе начались в конце 20-х гг., когда японские правящие круги стремились к мировому господству. Первым шагом к нему планировалось насильственное объединение всех стран востока под властью божественного японского императора. Они не скрывали своих намерений и заявляли о перспективных планах довольно откровенно. Так, в меморандуме военного руководства Японии от 15 июля 1927 г. говорилось: «Для того, чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай... Захват в свои руки контроля над Маньчжурией и Монголией является первым шагом... В программу нашего национального роста входит необходимость вновь скрестить наши мечи с Россией на полях Монголии...» [5, с. 3–4].

Завоевание Китая Япония начала в 1931–1932 гг. с оккупации Маньчжурии. Это событие существенно изменило расстановку сил на Дальнем Востоке. Если раньше на всём протяжении советско-маньчжурской границы Красной армии противостояли ма-

лочисленные и неорганизованные китайские отряды, с которыми она легко справилась в 1929 г. во время событий на КВЖД, то теперь приходилось иметь дело с сильной, дисциплинированной и хорошо вооружённой Квантунской армией Японии.

Впрочем, Япония пока не проявляла особой агрессивной активности по отношению к СССР. Её ближайшей целью, согласно меморандуму, была Монголия. Тем более, что Япония видела в Монголии намного более слабого противника, чем Советский Союз. В 1935 г. японские военные спровоцировали несколько вооружённых стычек с монголами с целью проверить на прочность монгольско-маньчжурскую границу. Последствием этих провокаций стал подписанный в 1936 г. правительствами СССР и Монголии протокол о взаимопомощи. Согласно этому протоколу Советский Союз брал на себя обязательство защищать территорию Монгольской Народной Республики от любых посягательств с применением всех сил и средств, включая военные. Следуя положениям про-

токола, в 1937 г. на территории МНР разместились 57-й особый корпус, включающий в себя 30 000 военнослужащих, 265 танков, 280 бронемашин и 101-я специальная авиационная бригада ВВС в составе 150-го бомбардировочного и 70-го истребительного авиационных полков с общим количеством самолётов 67 единиц [4, с. 207].

Видимо, предпринятые с нашей стороны меры адекватно подействовали на японцев. По крайней мере, 1937-й год прошёл относительно спокойно, однако спокойствие длилось недолго. Летом 1938 г. японцы предприняли попытку немного исправить в свою пользу линию границы с Советским Союзом, захватив две сопки в районе озера Хасан. Но попытка оказалась неудачной, потому что через десять дней непрерывных боёв они были отброшены на исходные позиции. Выводы из этого кратковременного военного конфликта они сделали правильные и затихли почти на целый год, не предпринимая никаких провокаций на границах СССР. Но уже ранней весной 1939 г. японцы приступили к очередным военным действиям, местом которых должен был стать 70-километровый участок монгольско-маньчжурской границы вдоль реки Халхин-Гол. И, надо сказать, что причина для этого у них была довольно основательная.

Дело в том, что в 1938 г. началось строительство железнодорожной ветки Солунь – Халун-Аршан – Хайлар. На первый взгляд ничего особенного в строительстве дополнительных путей сообщения нет, однако ветка строилась в направлении границы с Советским Союзом, и в случае войны с СССР она приобретала стратегическое значение. Но был в этом заманчивом проекте один крупный недостаток. Прокладывать дорогу можно было только вдоль западных отрогов хребта Большой Хинган, стоящих на небольшом расстоянии от границы с Монголией. У реки Халхин-Гол это расстояние на некоторых участках составляло всего несколько километров. Конечно же, подобная ситуация не укладывалась ни в какие рамки оперативного искусства, поскольку в случае военных действий дорога оказывалась доступной для обстрела даже мелкокалиберной артиллерией. Для ликвидации сложившейся неприятной ситуации требовалось что-то предпринять. Но что?

Вариантов было немного. Поскольку Хинганский хребет передвинуть невозможно, японцы решили любым способом отодвинуть границу хотя бы на 20–30 км к западу. Для

начала японцы предъявили монгольской стороне карты XIX в. с утверждением, что граница между Монголией и Маньчжурией должна проходить по реке Халхин-Гол. Монголы при поддержке СССР объявили эти карты фальшивкой и продолжали настаивать на линии границы в 10–20 км к востоку от Халхин-Гола. И тогда японцы решили применить силу.

Надо сказать, что ни Япония, ни СССР не хотели большой войны, однако у обеих сторон ещё не затихли давние затаённые обиды. Японские военные горели желанием отомстить за Хасан и мечтали хотя бы о небольшом реванше, а советская сторона не могла простить Японии поражения в Русско-японской войне, а заодно интервенцию и откровенный грабёж японцами Дальнего Востока в 1920–1922 гг. В результате с мая по октябрь 1939 г. в одной из самых пустынных территорий мира развернулись жесточайшие бои между советско-монгольскими войсками и войсками японо-маньчжур, в которых погибли десятки тысяч людей.

Советское руководство, несомненно, знало о военных приготовлениях Японии и принимало все доступные меры для противодействия, в том числе по формированию военных учебных заведений в Сибири и Забайкалье для подготовки авиационных специалистов.

В мае 1931 г. была создана Иркутская военная школа авиамехаников. В 1937 г. в Толмачёво открылось Новосибирское авиационное училище по подготовке лётчиков-истребителей. 19 августа 1938 г. в соответствии с приказом Наркома обороны СССР в Чите началось формирование 30-й школы пилотов-истребителей и 27-й лётной школы по подготовке лётчиков бомбардировочной авиации. В числе первых курсантов 30-й школы пилотов был будущий легендарный лётчик-истребитель, Герой Советского Союза Алексей Петрович Маресьев.

Курсанты школы понимали и знали, что время тревожное, что участились случаи нарушения советской границы со стороны японских самураев, и хотя граница была не рядом с Читой, но всё же не так уж и далеко, всего один перелёт истребителя. Поэтому чувствовали они себя чуть ли не основными защитниками Отечества на восточных рубежах, от которых зависит безопасность Родины. Несмотря на трудности, учились они настойчиво.

Первые выстрелы на Халхин-Голе прозвучали 11 мая, когда отряд маньчжурской конницы при поддержке броневиков атако-

вал монгольскую пограничную заставу [3, с. 5]. Однако основные события начались 28 мая, когда подразделения 23-й японской пехотной дивизии численностью до трёх тысяч штыков и сабель с артиллерией и бронемашинами при поддержке сорока самолётов с воздуха начали наступление. К сожалению, начало военных действий для нашей стороны, особенно в воздухе, не заладилось. И тому были веские причины. Истребители И-15бис, И-16 и лёгкие штурмовики ЛШ-5, созданные на базе самолёта-разведчика Р-5, были устаревших типов и имели невысокий боевой потенциал. А новые бомбардировщики СБ лётный состав освоить ещё не успел. Лётчики-истребители были обучены только технике пилотирования одиночных самолётов и не владели тактикой группового боя. Кроме того, большинство из них не имели навыков воздушной стрельбы. Одним словом, назрела необходимость принять действенные меры. И они были приняты.

Для усиления советской авиационной группировки в Монголии 21 мая началось перебазирование из Забайкальского военного округа 23-й авиабригады под командованием майора Куцевалова. 23 мая на аэродроме Баин-Тумэн приземлились истребители 22-го ИАП майора Глазыкина и скоростные бомбардировщики 38-го СБАП под командованием капитана Артамонова. Состояние самолётного парка 22-го полка оценивалось как хорошее, однако уровень подготовки лётчиков был явно недостаточный, что сказалось в первом же столкновении с противником. 27 мая шестёрка И-16 сошлась в воздушном бою с девятью японскими Ки-27. В скоротечном бою три наших самолёта были сбиты, а два получили значительные повреждения. Японцы же ушли без потерь. Аналогичная картина повторилась на следующий день. По этому поводу 28 мая командир 57-го особого корпуса комкор Фекленко в боевом донесении в Генеральный штаб РККА писал, что японская авиация полностью господствует в воздухе и что удержать плацдарм на восточном берегу Халхин-Гола можно только с большими потерями от авиации противника [3, с. 9]. Так что принятие экстренных мер требовало своего продолжения.

С подмосковного аэродрома 29 мая в обстановке строгой секретности взлетели три новеньких, только что закупленных в США транспортно-пассажирских самолёта «Дуглас» ДС-3. На самолётах летели 48 бывалых лётчиков и опытных инженеров во гла-

ве с заместителем начальника Военно-воздушными силами Красной Армии комкором Я. В. Смушкевичем. В их числе были 11 Героев Советского Союза – ветераны войн в Китае и в Испании. Маршрут полёта «Дугласов» пролегал через Свердловск, Омск, Красноярск, Иркутск и Читу.

В Чите с началом военных действий на аэродроме 30-й школы пилотов размещалась боевая авиация. Учебные полёты прекратились. Тяжёлые бомбардировщики ТБ-3 непрерывно с рёвом поднимались в воздух, медленно набирали высоту и плотным строем уходили на восток. Отбомбившись по японским позициям, они на обратном пути садились на прифронтовые площадки, забирали раненых и возвращались в Читу. Вся тяжесть погрузки и разгрузки огромных самолётов легла на плечи курсантов. С утра до вечера они носили ящики с медикаментами, катали бомбы, помогали переносить раненых. А инструкторы с рассвета и до темноты несли боевое дежурство на истребителях, готовые к взлёту в случае появления японских бомбардировщиков. На этот же аэродром для дозаправки приземлились три транспортных самолёта, на которых в район Халхин-Гола летела группа лётчиков-истребителей.

По прибытии в район боевых действий они в кратчайшие сроки организовали обучение пилотов, реорганизовали и укрепили систему воздушного наблюдения, оповещения и связи. После этого силы сторон в воздухе стали равными. Не осталась в стороне от проводимых мероприятий и монгольская авиация в виде истребительного авиационного полка под названием «Монгольский Арат». История этого дружественного для нас полка началась в 1931 г., когда Монголия получила от Советского правительства подарок в виде трёх новых самолётов-разведчиков Р-5. Вместе с самолётами в Монголию прибыли советские лётчики, которые по статусу считались военными советниками, но на самом деле до 1934 г. исполняли обязанности лётчиков монгольских ВВС и одновременно обучали монгольских пилотов. В начале 1934 г., после того как к Р-5 добавились ещё четыре У-2, был создан первый в Монголии авиационный отряд под названием «Сухэ-Батор».

Первое боевое крещение военная авиация Монголии прошла в августе-сентябре 1934 г., когда в провинции Ховд вспыхнул мятеж и для его подавления были направлены войска. С воздуха действия войск поддерживала пятёрка самолётов, но на этот раз из

пяти пилотов двое были монголами. После завершения конфликта тревожный период для авиаотряда не закончился. В 1935 г. правительство марионеточного государства Маньчжоу-Го неоднократно заявляло претензии на некоторые участки монгольской территории. Японцы и маньчжуры неоднократно переходили границу и пытались закрепиться в стратегически важных пунктах. С учётом происходящего к концу 1935 г. численность боевых самолётов была доведена до эскадрильи, которая в период с 15 января по 7 апреля 1936 г. неоднократно принимала участие в столкновениях японо-маньчжур с монгольскими войсками.

К осени 1938 г. в военной авиации Монголии числилось уже 39 самолётов, организационно сведённых в два авиационных полка: 1-й штурмовой и 2-й лёгкий бомбардировочный. Однако на всю авиационную группировку имелось всего 27 лётчиков-монголов, многие из которых были слабо подготовлены. Не лучше обстояло дело и с авиационной техникой, потому что на этот раз монгольской стороне передавались не новые, а уже бывшие в эксплуатации самолёты из ВВС ЗабВО. Однако это не помешало монгольской авиации успешно участвовать в воздушных боях на Халхин-Голе и при разгроме японской Квантунской армии в 1945 г.

В послевоенные годы состав монгольской авиации несколько раз видоизменялся в количественном, качественном отношении и по предназначению. К середине 70-х гг. она превратилась в истребительный авиационный полк, вооружённый самолётами МиГ-23. Однако традиции взаимного сотрудничества, заложенные ещё в начале 30-х гг., сохранились. Монгольской стороне по-прежнему передавались самолёты из Забайкалья, и в их составе по-прежнему работали наши летчики. Видимо, монгольские пилоты чувствовали себя намного увереннее и спокойнее, когда в их рядах находились советские мастера воздушного боя.

Но вернёмся к событиям тех далёких дней. В начале июня командир 57-го корпуса Н. В. Фекленко был отозван в Москву, а на его место был назначен Г. К. Жуков. Вместе с Жуковым прибыл начальник штаба корпуса М. А. Богданов. Именно он после изучения обстановки в районе военного конфликта предложил новый план боевых действий, в основу которого было положено ведение активной обороны на плацдарме за Халхин-Голом и подготовка мощного удара по противо-

стоящей группировке японской Квантунской армии. Наркомат обороны и Генеральный штаб РККА согласились с предложенным Богдановым планом. Началось создание необходимой ударной группировки войск.

Необходимые силы и средства подвозились по Транссибирской железнодорожной магистрали к Улан-Удэ, а далее своим ходом следовали по территории Монголии в район боевых действий. Помощником Жукова по командованию монгольской кавалерией стал корпусной комиссар Ж. Лхагвасурэн. Для координации действий советских войск на Дальнем Востоке и частей Монгольской народно-революционной армии в район Халхин-Гола из Читы прибыл командующий 1-й Отдельной Краснознамённой армией командарм 2-го ранга Г. М. Штерн.

Пока в первой половине июня проходили все эти перебазирования, перестановки и переформирования, обстановка как на земле, так и в воздухе была относительно спокойной. На земле шли эпизодические бои, а в небе изредка вспыхивали короткие воздушные схватки между истребителями обеих сторон. Первое крупное нападение на советско-монгольские войска японцы предприняли 22 июня 1939 г. Оно началось массированным налётом 120 самолётов противника, для отражения которого в воздух поднялись 95 наших истребителей. Это было настоящее воздушное сражение, длившееся два с половиной часа. Солнечное монгольское небо разрывалось от треска пулёмётных очередей, трассирующих пуль и гула работающих на предельных оборотах авиационных моторов. Самолёты загорались в воздухе и взрывались от удара о землю; 43 костра остались гореть на земле после сражения от упавших самолётов, из которых 31 был японский. С этого дня действия противника заметно активизировались. 26 июня в районе озера Буир-Нур встретились в ожесточённом воздушном бою 60 японских и 50 советских истребителей. Через два часа японцы, потеряв 25 самолётов, ушли на свои аэродромы. Наши потери составили три самолёта. Возможно, что эти потери на долгое время так и остались бы всего лишь элементом статистики, если бы не то, что один из этих самолётов оказался истребителем командира 70-го ИАП майора В. М. Забалуева, и что в этом бою подвиг высшей пробы совершил летчик того же полка майор С. И. Грицевец.

В ходе воздушного боя Грицевец вдруг заметил, что самолёт командира вдруг

клюнул носом и резко пошёл вниз. Впоследствии выяснилось, что пулемётная очередь разрушила у истребителя мотор, но Забалуев сумел посадить израненную машину на ровный участок местности. Вот только местность эта была чужая за 60 км от границы. Решение пришло мгновенно. Посадку Грицевец рассчитал точно, как на своём аэродроме. Приземлился рядом с командиром, непостижимым образом втиснул его в кабину между левым бортом и бронеспинкой и взлетел на виду у подбегавших к самолёту японцев. За этот и ряд других подвигов майор С. И. Грицевец награждён второй Золотой Звездой Героя Советского Союза [1, с. 167].

Курсанты Читинской школы пилотов внимательно следили за развитием событий на Халхин-Голе. Они по-хорошему завидовали опытным лётчикам, которые оказывали интернациональную помощь монгольскому народу в разгроме японских захватчиков [2, с. 58]. Им очень хотелось встретиться и побеседовать с героями неба над Халхин-Голом. И однажды в казарму в сопровождении комиссара пришёл незнакомый лётчик. Фамилию его курсантам не называли, звание тоже определить было невозможно, поскольку ни

петлиц, ни знаков различия на гимнастёрке не было. Беседа с гостем затянулась надолго. В заключение он пожелал курсантам успехов в освоении лётного мастерства, а курсанты ему – побед в воздушных боях с японцами. Лишь осенью 1939 г. по окончании событий на Халхин-Голе они из газет узнали, что с ними беседовал известный лётчик Сергей Иванович Грицевец, ставший в боях с японцами первым в стране дважды Героем Советского Союза.

Боевые действия на Халхин-Голе прекратились 16 сентября 1939 г. Итоги этого военного столкновения оказались внушительными. За весь период боевых действий, с 22 мая по 16 сентября, японо-маньчжурские войска потеряли около 61 тыс. чел. убитыми, ранеными и пленными. Авиация ЗабВО и приданные ей авиачасти Монголии уничтожили около 650 вражеских самолётов при своих потерях в 207 самолетов. Потери личного состава наших войск составили 18 тыс. чел. убитыми и ранеными. И хотя наши бойцы воевали и погибали не на своей земле, но, как оказалось, та победа, которую они обеспечили на Халхин-Голе, напрямую повлияла на события Второй мировой войны.

Список источников и литературы

1. Бруз В. С., Пинчук В. М., Шумихин В. С. Воздушная мощь Родины. – М.: Воениздат, 1988. – 432 с.
2. История авиации ордена Ленина Забайкальского военного округа (1917–1976 гг.). – Чита: ИВВАИУ, 1977. – 120 с.
3. Кондратьев В. Халхин-Гол: война в воздухе. – М.: Б-ка журн. «Техника – молодежи». Сер. Авиация, 2002. – 64 с.
4. Родиков Б. Г. Крылатая слава Забайкалья. – Чита: Поиск, 2014. – 440 с.
5. Румянцев Н. М. Герои Халхин-Гола. – М.: Воениздат, 1988. – 384 с.

УДК 94(470)''1939/1945''
ББК ТЗ(2)62

Хайнзан Шагдар,

НИИ обороны Монголии

Гончигдорж Нямдорж,

газета «Соёмбо» вооружённых сил Монголии,

г. Улан-Батор, Монголия

Халхин-Гол – главная стажировка советских военных журналистов

В статье освещается служба офицеров – советских военных журналистов в войне на Халхин-Голе в 1939 г. Автор на примере работ Д. И. Ортенберга и других советских и монгольских журналистов показывает, что участие в боевых действиях в Монголии сделало их известными журналистами в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., а также в послевоенное время.

Ключевые слова: газета «Героическая красноармейская», военные журналисты, Халхин-Гол, МНРА.

Khaynzan Shagdar,
Mongolia Research Institute of Defense
Gonchigdorz Nyamdorzh,
Newspaper "Soyombo"
of the Mongolian Armed Forces,
Ulan-Bator, Mongolia

Khalkhin-Gol – is the Main Traineeship of Soviet Military Journalists

The article demonstrates officer's service – the Soviet military journalists in the war at Khalkhin-Gol in 1939. Using the work of D. I. Ortenberg and other Soviet and Mongolian journalists as an example, author shows that their participation in the fighting in Mongolia made them well-known journalists in the Great Patriotic War of 1941–1945, and in the postwar period.

Keywords: newspaper "Heroic Red Army", military journalists, Khalkhin-Gol, Mongolian People's Revolutionary Army.

Имена защитников Отечества вечно живут в памяти и сердце народа. Самые отважные из них вошли в историю того или иного государства. Для монгольского народа таким человеком является Ортенберг Давид Иосифович, который выполнял интернациональный долг, воевал в 1939 г.

на восточном рубеже Монголии. Он помогал нашему народу двумя руками. В одной держал оружие, как кадровый офицер Красной армии, в другой – карандаш, как профессиональный военный журналист. За войну на Халхин-Голе военный журналист Д. И. Ортенберг награждён монгольским орденом Полной Звезды.

В 1939 г. Давид Ортенберг был заместителем ответственного редактора газеты «Красная звезда», затем редактором полевой газеты «Героическая красноармейская» в Монголии. Перед главными событиями на Халхин-Голе Ортенберг, решая вопросы увеличения штата газеты, «мобилизовал» в армейскую многотиражку писателей Бориса Лапина, Захара Хацревича и Льва Славина. Затем в коллектив влился писатель Владимир Ставский и молодой поэт Константин Симонов. С ними работали и служили В. Вишневский, Е. Петров, фотокорреспонденты М. Бернштейн, В. Темин и др. Во время войны в Монголии в районе реки Халхин-Гол они выполняли свою задачу по-военному, отдавали

себя целиком и полностью журналистской работе, лаконично, точно и красноречиво писали о событиях и людях, чем помогли войскам группировки разгромить японских захватчиков.

О том, как они с честью выполняли свои служебные обязанности, написал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в своей книге «Воспоминания и размышления»: «Советские войска знали, что наш пролетарский, интернациональный долг состоит в том, чтобы помочь братскому монгольскому народу в час тяжёлых испытаний. Большую политическую работу проводила газета «Героическая красноармейская». В каждом номере она популяризировала боевые дела бойцов и командиров войск армейской группы и боевые традиции Красной армии. С началом операции редакция газеты должна была заняться главным образом изданием и быстрым распространением листовок для информации бойцов и командиров» [1, с. 172].

«Редактором газеты "Героическая красноармейская" был Д. И. Ортенберг, способный и оперативный работник. Он умел

сплотить коллектив сотрудников газеты и привлечь к активному участию в ней многих бойцов, командиров и партийно-политических работников» [1, с. 173].

В газете «Независимость» (прежнее название военной газеты Монголии «Соёмбо») я увидел большое интервью, взятое монгольским журналистом у Д. И. Ортенберга. Корреспондент «Независимости» Х. Шагдар (ныне полковник в отставке, доктор исторических наук) встретился с генералом в отставке, писателем Д. И. Ортенбергом в Москве в августе 1988 г. и четыре года спустя опубликовал материал, полученный на встрече с Давидом Иосифовичем, в своей газете. Этот живой рассказ известного военного журналиста был ценным в прошлом и является актуальным сегодня. В нём много сведений о войне в районе реки Халхин-Гол в 1939 г. Ортенберг лично преодолевал все тяготы той войны, был на передовой, вдохновлял бойцов словом на совершение подвигов ради родного Отечества и дружеского монгольского народа, подбирал материал для очередного номера непосредственно в местах боевых действий.

Монгольский корреспондент спросил Ортенберга: «Среди историков идёт спор о том, что масштабные боевые действия с большими потерями военнослужащих на Халхин-Голе – это была вовсе и не война, а боестолкновение, пограничный конфликт или “малая” война. Другие учёные твёрдо считают, что это была настоящая война. Какое из этих понятий, на Ваш взгляд, правильное?» На что Д. Ортенберг ответил: «Несомненно, это была война. Понятия “событие”, “бой” или “пограничный конфликт” не отражают реальной картины происходящего. Японцы в мае 1939 г. захватили часть территории Монголии. Они плыли по воде и шли по суше как захватчики с целью воевать, а не конфликтовать. Я не согласен с тем, что некоторые любезно говорят, что японцы были слабыми, а мы просто шли за ними и преследовали. Нам пришлось воевать против очень сильного и храброго противника. Мне хочется назвать две детали этой войны. Во-первых, мы оказали интернациональную помощь, выраженную тактическими и стратегическими военными понятиями. Если бы мы не решились на оперативные действия, то японцы смогли бы захватить всю Монголию и её народ. Во-вторых, о другой задаче Красной армии у нас никто не говорит. Почему это была война? Да потому, что советские офицеры и солдаты в тех боях защищали свою Родину на подступах врага

к центру Земли – русской Сибири. Командованию было известно, что целью японцев было не только захватить Монголию. Японцы выжидали благоприятное для своих планов время, чтобы пройти к Байкалу и остановить движение по Восточно-Сибирской железной дороге, тем самым хотели создать условия для поражения Советского Союза.

Мы оказали интернациональную помощь, но и монгольские войска, со своей стороны, оказали интернациональную помощь нам. Об этом никто нигде не сказал. Мы часто говорим: “Мы помогали монгольскому народу”. Это одностороннее понимание сложившейся ситуации на Дальнем Востоке в 1939 г. Монголы вместе с нами защищали нашу границу. Мы не должны забывать об этом» [2].

Рассказ Давида Иосифовича Ортенберга даёт нам много ценных сведений о войне на Халхин-Голе. Сразу после возвращения из Монголии в СССР три «халхингольца» совместно написали книгу. Это была единственная книга о Халхин-Голе, которую напечатали во время Великой Отечественной войны. Редактором книги был Ортенберг. В этой книге есть статья Г. К. Жукова. Ортенберг сказал, что статья маршала ранее нигде не публиковалась. В неё включены слова одного из японских генералов, который назвал цель нападения: «Подойти к границе и отрезать железную дорогу». Это говорит о том, что цель японских милитаристов была ясной и понятной для советских генералов. Японцы хотели, чтобы территория Монголии послужила плацдармом для дальнейшего наступления на богатую русскую Сибирь. Красная армия, таким образом, сработала на упреждение действий хитрого, сильного и коварного врага.

Книга Д. И. Ортенберга «Это останется навсегда» вышла в свет в 1984 г. Издание стало первой попыткой собрать воедино материал о работе большой группы журналистов и фотокорреспондентов центральной военной газеты «Красная звезда», показать индивидуальное своеобразие журналистского почерка каждого и то общее, что определяло лицо газеты, её профессиональные традиции. По-разному проходило это становление у «прирождённых» военных газетчиков, таких как «халхингольцы» Константин Симонов, Павел Трояновский, Ефим Гехман и другие, которые в послевоенные годы стали известными писателями. Некоторые отважные журналисты-«халхингольцы» погибли на фронте в 1941–1945 гг.

Ортенберг писал: «В ту пору Трояновский служил в Чите в газете Забайкальского военного округа “На боевом посту”, который был как бы дальним тылом Халхингольского фронта. Именно через этот округ шли войсковые формирования, велось снабжение, осуществлялась связь с Москвой. Естественным поэтому было желание редакции окружной газеты, кстати сказать, одной из боевых газет Красной армии, в которой в разные годы служили писатели Георгий Марков, Иван Молчанов-Сибирский, Наум Мар, Иннокентий Луговской и другие, широко освещать боевые события в Монголии. С этой целью в МНР и был командирован из Читы специальный корреспондент “На боевом посту” Павел Трояновский» [4].

«Накануне генерального контрнаступления наши войска получили строгий приказ: восстановить статус-кво на границе Монголии, не переходить её. Вот этим и объяснялось то обстоятельство, что о военных действиях на Халхин-Голе, кроме редких официальных сводок ТАСС, в советской, в том числе и в военной, прессе, кроме “Героической красноармейской”, ничего не печаталось.

Понятно, почему прибывшие из Москвы журналисты оказались вроде не у дел. Но мы быстро подыскали им работу: зачислили в штат “Героической красноармейской” корреспондентами. Все они охотно “осели” в нашей фронтовой газете и трудились, как говорится, не за страх, а за совесть», – говорил Д. И. Ортенберг.

Он особо подчёркивал, что некоторые события, проходившие во время войны на Халхин-Голе, скрывали долго в Советском Союзе и Монголии. Скрывать правду о войне и героизме офицеров и солдат бессмысленно. К этой очевидной закрытости добавим, что 70 отличившихся в боях командиров, бойцов и политработников представили к званию Героя Советского Союза и почти 80 тысяч солдат и офицеров получили боевые ордена и медали, но в указе у всех формулировка боевых заслуг и подвигов была одинаковой: «За проявленную доблесть и храбрость». Вместе с тем, каждый из героев Халхин-Гола заслужил литературного описания его подвига. После войны на Халхин-Голе Ортенберг говорил, что они напечатали несколько книг. К сожалению, все под грифом «Для служебных целей». Писатели жаловались по этому поводу, но им отвечали, что товарищ Сталин советовал и говорил: «Не надо обвинять японцев».

Отвечая на вопрос, в чём он видел отличие монгольского, советского, японского и германского солдата друг от друга, Ортенберг сказал, что монголо-советские войска – это защитники свободы и независимости Родины, а японские и немецкие солдаты были оккупантами. То есть, главным отличием являлась разная идеология.

«Японцы воевали очень хорошо, – продолжал свой рассказ Давид Иосифович. Они были храбрыми. Это доказывал тот факт, что во время войны японцы не попадали в плен. В конце войны небольшое количество японских солдат и офицеров оказались в плену на нашей стороне. У меня есть одно воспоминание. Мы увидели, как во время воздушного боя японский самолёт был подбит и упал на землю. Красноармейцы быстро пришли к месту падения самолёта, чтобы заставить лётчика сдаться в плен. К сожалению, японский лётчик вспорол себе ножом живот, то есть сделал харакири. Я расскажу вам и другой интересный случай. Четверо наших корреспондентов пошли из полевой редакции газеты на переднюю линию фронта. Шли по своей территории в тылу, но внезапно нас обстреляли из ближнего окопа. К счастью, ни в одного из нас пули не попали. Пришлось разобраться в сложившейся ситуации, и оказалось, что всего один японский солдат проник в наш тыл и без боязни погибнуть воевал против нас».

Он даже показал фотографию японского солдата, лежавшего на краю траншеи. Это был тот самый японский солдат, который в одиночку, без группы, в тылу неприятеля смело стрелял по советским военным журналистам. Эти примеры говорят о том, что наши войска встретились с сильным противником и, вынужденные защищаться, обороняться и наступать, мужественно шли к долгожданной победе.

Давид Иосифович характеризовал личный состав Монгольской народно-революционной армии (МНРА) положительно. По храбрости советские и монгольские войска не отличались друг от друга. Свои слова он подтвердил следующим рассказом. На сопке Хамар-Дабу инженеры оборудовали ставку командующего Г. К. Жукова. Появилась проблема, где взять деревья? В ближайшей округе не было леса... И вдруг через три дня монгольские солдаты притянули к командному пункту свежесрубленные столбы. Офицеры расспрашивали их, как и где они нашли этот ценный материал. Бойцы сообщили сле-

дующее. Хорошо знакомые с местностью, они проникли в глубину тыла японцев и срубили телеграфные столбы, предназначенные для их войск связи. И долго тянули столбы через линию фронта. Кажется, простой пример, но он говорит о смекалке, находчивости, выносливости и смелости монгольских солдат. Всюду работали японские диверсанты.

Однажды мы с Владимиром Ставским пришли в кавалерийскую дивизию МНРА для корреспондирования её боевых успехов. Беседовать пришлось с личным составом взвода, собирающимся в разведку. Старший группы сказал: «Готовимся тщательно, нам необходимо показать противнику работу монгольских будёновцев». С нашей помощью название кавалерии союзника «Монгольские будёновцы» ушло в печать. Неопытную кавалерию не называли бы «Будёновцами». В то время имя воина-кавалериста Семёна Будённого было овеяно славой. Он был примером мужества и героизма для каждого кавалериста Монголии».

После войны служба военных журналистов продолжается, герои и военачальники пишут свои воспоминания – мемуары. Так, о героизме монгольских солдат, с которыми сражался плечом к плечу в Маньчжурии в конце лета 1945 г., вспоминал советский военачальник, генерал армии Исса Александрович Плиев. Командовавший Конно-механизированной группой в Освободительной войне 1945 года, он в своей книге «Через Гоби и Хинган» писал: «Беседуя с тремя героями-друзьями из 7-й монгольской бригады – с товарищем Ю. Цеденбалом, мы решили от имени командования Конно-механизированной группы советско-монгольских войск написать представление в Малый хурал о присвоении звания Героя Монгольской Народной Республики Аюушу и другим воинам, показавшим образцы мужества и отваги при штурме укрепрайона» [5].

Добрых слов о подвигах монгольских воинов военными журналистами и писателями сказано много. Отражение реальной картины боевых действий и описание конкретных деталей совершённого на войне солдатского подвига часто было сделано офицерами-журналистами и специалистами, связанными так или иначе с писательским творчеством и штабной работой.

Вернёмся в Москву в август 1988 г. к беседе с военным журналистом, генералом в отставке Д. И. Ортенбергом. Наш корреспондент попросил Ортенберга назвать глав-

ные принципы работы военного журналиста на войне. Он назвал четыре: мужество, профессионализм, знание и аккуратность. В военных условиях очень важен принцип аккуратности. Во время войны всякое бывает. Надо понимать, что к журналисту поступают недостаточные сведения о подвигах и событиях. Известные цифры и факты надо аккуратно подать читателю газеты. К тому же, русские бойцы, да и японцы, не любили говорить о боевых успехах. Многословие на войне исключалось. Например, перед взятием какой-нибудь важной высоты они писали: «с боем взята высота». А реально, за каждую отметку шёл упорный бой, лилась кровь, приходилось сутками биться с надеждой достичь успеха и «взять высоту». Д. И. Ортенберг вспоминает: «Иногда мы не успевали включать сведения в новый выпуск газеты, и редакция пропускала описание боя за ту или другую высоту. Первостепенной задачей прессы на войне являлась подача читателю свежей и достоверной информации. Если на войне давать воинам неправильную информацию, то наказание последует быстро и будет очень суровым. Работать военным корреспондентом на войне – очень ответственное дело».

Надо отметить, что Ортенберг был «командующим» целым писательским взводом в войне на Халхин-Голе. Он рассказал нашему корреспонденту о журналисте и поэте Константине Михайловиче Симонове. Известно, что именно Ортенберг попросил Москву об откомандировании в военную газету поэта. Симонов в начале войны в среде военных журналистов своим не считался. Он окончил Литературный институт, написал поэму, издал сборник стихов. Но на войне он стал настоящим офицером, похожим на своего отца – Георгиевского кавалера и генерала Первой мировой войны 1914–1918 гг., вводившего в бой целый армейский корпус¹. Во всём следуя своему отцу, Константин Симонов в войне на Халхин-Голе не отсиживался в штабе, а находился на линии фронта. В окопе рядом с солдатами писал статьи и стихи. Ортенберг несколько раз слышал,

¹ Отец – Симонов Михаил Агафангелович, род. 29.03.1871 г. Получил образование в Орловском Бахтинском кадетском корпусе, 3-м Александровском военном училище и геодезическом отделении Николаевской академии Ген. штаба. С 14.08.1913 г. – командир 12-го пехотного Великолуцкого полка. Награждён Георгиевским оружием (Пр. от 09.03.1915). Генерал-майор Ген. шт. (с 06.12.1915). На 01.08.1916 г. – начальник штаба 43-го армейского корпуса (с 08.07.1915).

что Симонов вместе с политруком поднимал солдат в атаку, ходил в тыл противника с разведкой. Благодаря его смелым действиям, редакция получала статьи с проверенными, профессионально описанными событиями и фактами. Война на Халхин-Голе повлияла на дальнейшую творческую деятельность писателя и поэта К. М. Симонова.

Ортенберг вспоминал, что его фронтовая газета «Героическая красноармейская» в каждом выпуске давала стихотворение. Она публиковала стихи Алексея Суркова, Константина Симонова, Александра Прокофьева и Александра Безыменского. Воины не только читали стихи русских «халхингольских» поэтов, но заучивали их наизусть. Нередко музыкально одарённые солдаты сочиняли мелодию на военные стихи, затем разучивали и пели перед боем. Завтра их ждал смертельный бой, кто-то мог из него не вернуться живым. Но прочитать стихи, сочинить мелодию и спеть песню – это была культура поведения живых, счастливых на ту минуту, людей. Сила песни и стихов велика. По фронтовой почте каждый день поступало в части много стихов о любви солдата к Родине. Считается, что одно из видов оружия на войне – это сила слова. Армейская газета и винтовка принесли нам Победу.

В июне 1941 года, когда он (Д. И. Ортенберг) работал главным редактором газеты «Красная звезда», то заново после «Халхин-Гола» прочувствовал этот важный фактор. В первые дни войны он позвонил своему товарищу по редакции Льву Соловейчику и попросил новые стихи, чтобы опубликовать в рубрике газеты «Война». Тот обратился к знакомым поэтам. Но желание не всегда исполняется в нужное время. Откликнулся один Василий Иванович Лебедев-Кумач. Соловейчик сходу, без приветствия потребовал написать стихи о войне. В. И. Лебедев-Кумач спросил о сроках, когда оно должно быть готово. Соловейчик ответил, что завтра утром.

Утром В. И. Лебедев-Кумач принёс в редакцию своё произведение. Оно начиналось так:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой тёмною,
С проклятою ордой...

Стихи опубликовали 24 июня в свежем номере «Красной звезды». В этот же день их напечатали в газете «Известия». Никто не предполагал, что именно эти стихи станут песней-символом долгой и тяжёлой Ве-

ликой Отечественной войны 1941–1945 гг. Под первые звуки и слова «Вставай, страна огромная...» все замирали, как по команде «смирно» и слушали песню «Священная война» – гимн защиты Отечества – стоя.

Военные журналисты газеты «Героическая красноармейская» тесно сотрудничали с монгольскими коллегами. Центральная военная газета «Улан-Од» направила своих лучших корреспондентов на театр военных действий в район Халхин-Гола. Они посылали свои репортажи, корреспонденции, статьи в газету «Улан-Од», одновременно выпускали фронтовую газету «За Родину!». Данная газета освещала боевые действия, героизм монгольских и советских воинов, решения высшего командования и принимаемые меры. В своих воспоминаниях генерал-полковник С. Равдан, работавший в то время редактором газеты «За Родину!», писал: «В неимоверно тяжёлых условиях мы выпустили 80 номеров фронтовой газеты за 130 дней» [3, с. 22].

Позже монгольские военные корреспонденты нередко вспоминали опытных советских коллег, их бесценную помощь в издании фронтовой газеты. Чаще других товарищей назывался Владимир Ставский. Он имел свою штатную машину, по долгу службы подвозил монгольских корреспондентов. С. Равдан рассказывал: «Владимир Петрович Ставский доставлял “горячие новости” для очередного выпуска. Он показал, как планировать и делать макет газеты. После работы над выпуском газеты он много раз кушал с нами на полевой кухне. Я никогда не забывал слова Ставского: “У меня есть грозное оружие... Это моя ручка, которая является и самым метким оружием”. Слова журналиста не расходились с делом. Он говорил и писал точно, грамотно и умными работами в газете влиял на эмоциональное состояние людей» [3, с. 74].

Таким образом, советские военные журналисты – Д. И. Ортенберг и его коллеги – силой слова, как оружием, выполнили поставленную им главную задачу – помогали военнослужащим двух армий показывать мужество и проявлять героизм, идти на подвиг и ценой собственной жизни защищать Родину.

Ранее мы не часто писали о военных журналистах и их нелёгком труде в далёком 1939 г. В старых подшивках газеты военного времени хранятся ценные материалы, доставленные военными журналистами с линии фронта. Они отражали каждый шаг солдата и офицера, демонстрировали читателю картины сражений, вселяли уверенность, по-

могали выжить. В патронах, в хлебе и точном слове нуждался солдат и генерал. Сегодня работу фронтовых журналистов изучают историки.

Я согласен с тем, что война на реке Халхин-Гол была началом Второй мировой войны. Победа на Халхин-Голе сказалась на итогах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., а победа в Освободительной войне 1945 г. поставила точку во Второй мировой войне. В этих войнах участвовали монгольские и советские войска. Рядом с бойцами и офицерами наших армий сражались военные журналисты.

Участие в войне на Халхин-Голе стало испытанием и в то же время стажировкой для будущих профессиональных монгольских и советских военных журналистов. Опытные «халхингольские» военные журналисты с честью прошли дорогами самой кровопролитной войны прошлого столетия с 1939 по 1945 гг.

В заключение мне хочется сказать, что война на Халхин-Голе 1939 года и Освободительная 1945 г. – это взаимосвязанные события как устье и приток реки. Эта статья посвящается военным журналистам, в ней мы поделились своими мыслями с читателем.

Список источников и литературы

1. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: в 2 т. – М.: Олма-Пресс, 2015.
2. Независимость. – 1992. – № 29. – 1 сент. – С. 5.
3. Ортенберг Д. И. Это останется навсегда. – М.: Политиздат, 1984. – С. 162.
4. Плиев И. А. Через Гоби и Хинган. – М.: Воениздат, 1965. – С. 80.
5. Нямдорж Г. Центральное издание для всех воинов. – Улан-Батор, 2014.

УДК 94(47+57:5)

ББК ТЗ(2)614-6

**Сануйдагва Ганболд,
Баярмагнай Очирсүрэн,**

*Центр исследования военной истории в НИИ обороны Монголии,
г. Улан-Батор, Монголия*

Уроки войны на реке Халхин-Гол¹

Статья посвящена изучению роли транспортной инфраструктуры в восточной части МНР в годы военного противостояния на р. Халхин-Гол. Авторами рассматривается история строительства железной дороги, её военно-стратегическая роль в регионе. Исследованы также вопросы строительства железнодорожной ветки Баянтүмэн – Тамсагбулаг – Хамар.

Ключевые слова: МНР, СССР, Халхин-Гол, японцы, железная дорога, строительство, инфраструктура.

**Sanuydagva Gandbold,
Bayarmagnay Ochirsuren,**

*Research Center of Military History
at the Mongolia Research Institute of Defense,
Ulan-Bator, Mongolia*

Lessons of war on Khalkhin-Gol²

The article is devoted to studying the role of transport infrastructure in the eastern part of People's Republic of Mongolia (PRM) during the military confrontation on the Khalkhin-Gol. The authors discussed the history of railway construction, its military and strategic role in the region. Also studied issues concerning the construction of a branch line Bayantümen – Tamtsagbulag – Hamar.

Keywords: PRM, USSR, Khalkhin-Gol, Japanese, railway, construction, infrastructure.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке проекта РГНФ-МиноОКН Монголии № 15-2103005 а/м «Монголия во Второй мировой войне».

² The work was financially supported by the RHSF and MinOKN of Mongolia No. 15-2103005 a/m "Mongolia in World War II".

Уроки войны на реке Халхин-гол определяются многими факторами. Актуальной была необходимость строительства железной дороги для Монголии и СССР для транспортировки большого количества товаров в короткое время и на дальние расстояния.

В Восточной Монголии, в регионе, прилегающем к реке Халхин-Гол, была слабо развита транспортная инфраструктура. Имелась возможность использовать только воздушные, автомобильные и иные наземные транспортные средства. В большинстве случаев обходились только автомобильными средствами. С одной стороны можно считать, что этот факт оказал положительное влияние на ход боевых действий и их результат, но с другой – многочисленные автомашины, водители и работники ремонтно-восстановительных служб использовались только для снабжения тыла, и это оказывало отрицательное влияние на повышение количества военнослужащих на передовом фронте.

В книгах об истории войны на реке Халхин-Гол упоминаются разные факты о количестве транспортированных грузов на фронт. Чтобы обеспечить фронт необходимыми товарами, использовались только автотранспортные средства. Известно, что во время войны транспортировалось около 55 тыс. т разных грузов на фронт, но по другим историческим данным это количество грузов было значительно больше.

Например, с мая по сентябрь 1939 г. количество затраченных в воинских частях горюче-смазочных материалов составляло 52 116,6 тыс. т, в то же время количество привезённых боеприпасов в склад Тамсагбулаг составляло 22032,4 т, и всего получается 74 149 т [4, с. 354–356]. Понятно, что если посчитаем еще и количество продуктов питания, форму, жилищные и строительные средства для построения инженерного сооружения и других необходимых товаров, то выйдет цифра намного больше. В том числе, если учитывать перевозку питьевой воды. Все эти товары были перевезены от Соловьёвска на фронт, с фронта в Соловьёвск, расстояние примерно в 1500 км проходили в 6 сут. На этой дороге 25 % автомашин от всего автопарка вышли из строя.

Приводя эти примеры, хотим сказать, что в регионе на реке Халхин-Гол, где слабо развита инфраструктура, в том числе транспортная, было затрачено много усилий для того, чтобы непрерывно обеспечивать тыл фронта. Командовавшие войсками Штерн, Жуков считали что именно организация ты-

лового обеспечения представлялась одним из трудных и важных аспектов боевых действий. Если в то время имелась возможность использовать железную дорогу, то она, несомненно, положительно повлияла бы на ход и на результат боевых действий, в том числе, она могла бы сэкономить большое количество времени.

Приведу один документ, в котором указано, что в самом начале боевых действий пытались решить эту проблему. На 5-м собрании Совета народных комиссаров СССР, Центрального Комитета КПСС от 14 июля 1939 г. вышло Постановление «О строительстве железнодорожного пути Борзя – Соловьёвск – Баянтумэн», и принято решение: «Нынешнюю железную дорогу основного направления временно открыть с 1-го октября 1939 г., полностью завершить строительную работу и на постоянной основе открыть с 1-го октября 1940 г., построить облегчённым образом линию железной дороги от станции Борзя через посёлок Соловьёвск до Баянтумэна». Было также указано: «На строительство железной дороги выделить необходимые технические и экономические средства, привлечь два железнодорожных полка, 2000 рабочих из района Читы и 3000 людей из воспитательных лагерей [2, с. 291–293].

Этот вопрос касается строительства железной дороги Борзя – Баянтумэн. Хотя решение приняли с небольшим опозданием, в стратегическом плане оно было оправдано, потому что боевые действия день за днём расширялись и охватывали всё больше районов, и соответственно непрерывное всестороннее боевое обеспечение стало жизненно важным вопросом.

Эта военно-стратегическая значимая железная дорога поставлена на эксплуатацию после войны на реке Халхин-Гол и тем самым на совещании Центрального Комитета КПСС 27-го февраля 1941 года было принято решение об утверждении проекта договора между Правительством СССР и Правительством МНР об условиях использования и управления железной дорогой Эрэнцав – Баянтумэн, построенной силами и средствами СССР на территории МНР [3, с. 41].

Война на реке Халхин-Гол показала, что в 30–40-х гг. СССР для своей военной, стратегической, геополитической цели уделял большое внимание строительству железной дороги на территории МНР. С такой же целью японская сторона строила железную дорогу и пыталась всеми силами и средствами защитить её.

Это можно наблюдать в следующем документе. В докладной записке командира бригады Богданова, написанной в адрес народного комиссара Молотова от 04.11.1939 года, о причине захвата японцами территории МНР в районе реки Нумруг, указано, что «оперативная цель японского командования заключалась в том, чтобы отодвинуть границу МНР от своей в выгодном положении, которым являются железная дорога и степная дорога Халуун-Рашаана, Ханширээ, Жанжин-сүм, Хайлаара и прикрыть себя высотами с левого берега Нумруг-реки [4, с. 541]. Эта же идея была предложена Г. К. Жуковым.

Во время переговоров по вопросу прекращения огня в войне на реке Халхин-Гол Молотов и Того высоко обсуждали вопросы о железной дороге в районе реки Нумруг, но в конечном счёте японцы отстаивали свои позиции для защиты железной дороги. Молотов не отказал. Это соответствовало военно-политической обстановке мира и было связано с интересом скорейшего завершения войны на реке Халхин-Гол. Во время переговоров о прекращении огня японцы с целью прикрытия своей железной дороги тщательно стремились получить район горы Мана на своей стороне. Исходя из этого, можно понять, что для японской стороны железная дорога представляла собой военно-стратегически важный объект.

После войны на реке Халхин-Гол вопрос о железной дороге для руководства СССР стал более актуальным, примером этому является железная дорога Баянтумэн – Тамсагбулаг. Идея построения этой железной дороги родилась в начале 40-х гг. Советская сторона придерживалась позиции присоединить стратегически важный район Тамсагбулага, где располагались монгольские и советские воинские части с железной дорогой.

По Постановлению Государственного Комитета обороны СССР от 6 июня 1942 г. было поручено народному комиссару путей и сообщений завершить исследовательскую работу и разработку технического проекта для построения на территории МНР железнодорожной линии Баянтумэн – Тамсагбулаг – Хамар с перекрёстком Жинбулаг-шахт и Тамсагбулаг – Яковлев в 1942 г., а народному комиссару внутренних дел предоставить соответствующие затраты, а также выделить экспедицию проекта исследования в количестве 150 чел. [3, с. 52].

В исторических документах не было достаточно описано строительство этой железной дороги, и можно считать что узколинейная железная дорога Баянтумэн –

Тамсагбулаг протяжённостью 280 км была построена в середине 40-х гг. По этой железной дороге доставлялось снабжение воинских частей, которые располагались в том районе, предоставлялись необходимые средства Монголо-Советской Конно-механизированной группе и Советским 53-й и 39-й армейским соединениям, частям, которые были сосредоточены для участия в Освободительной войне 1945 г.

Вторая мировая война завершилась победой, и советские войска, находившиеся на территории Монголии, вернулись на Родину, в СССР. Правительство МНР проводило политику перехода на мирное развитие страны, поэтому расформировались воинские части, соединения МНРА, и в течение 10 лет проходил процесс сокращения количества военнослужащих. В результате этой политики оборона страны отошла на второй план, и финансовые средства и имущество страны были распределены для мирной перестройки страны.

В рамках этой политики не развивались транспорт, связь и инфраструктура в стратегически важном направлении. Развивались только направления, выгодные в экономическом плане. В связи с этим, военно-стратегическая значимость железной дороги Баянтумэн – Тамсагбулаг снизилась, и в дальнейшем не было необходимости её использовать. Таким образом, впоследствии железная дорога была разграблена и разрушена, местные жители стали перевозить и использовать шпалы, рельсы в бытовых целях.

Сейчас на месте бывшей железной дороги можно обнаружить следы плотин железной дороги, гвозди для шпал, остатки угля. Считаем, что нужно немедленно начать определенное исследование с целью восстановления истории этой железной дороги.

В результате политики, проведённой Правительством Монголии, строилась железная дорога, проходящая через центральную часть страны и соединяющая РФ и КНР. Сегодня строится дорога «тысячелетия», и вместе с тем широко обсуждается вопрос о строительстве новой железной дороги в восточной части страны. Это говорит о том, что железная дорога к Тамсагбулагу была инфраструктурой, выгодной и соответствующей интересам государства.

Вышесказанное о строительстве железной дороги показывает, что при строительстве были учтены интересы не столько Монголии, сколько военно-стратегический интерес СССР. Хотелось бы, чтобы в этом случае соответствовали и интересам Монголии.

Список источников и литературы

1. Монгол цэргийн түүхийн товчоон. Дэд дэвтэр. – Улан-Батор, 1996.
2. Монголын тухай БХК(б)Н-ын баримт бичгүүд (1920–1952): сб. док. 1933–1940. – Улан-Батор, 2005. – Т. 2.
3. Монголын тухай БХК(б)Н-ын баримт бичгүүд (1920–1952): сб. док. 1941–1952. – Улан-Батор, 2009. – Т. 3.
4. Халхын голын дайн: Нэгэн жарны тэртээд: сб. док. – Улан-Батор, 1999.

УДК 93/94:725.945
ББК ТЗ(2):Щ13

Игорь Вячеславович Сеченов,
Поисковый отряд «Восточный рубеж»,
г. Иркутск, Россия

«Мемориал 90 героев»

Мы находимся на святом для каждого русского человека месте.
Здесь похоронено 30 Героев Советского Союза.
Из речи на траурном митинге, сентябрь 2008 г.

В статье делается попытка развенчания некоторых мифов и легенд, связанных с историей войны на р. Халхин-Гол в Монголии. Автор говорит о существующих искажениях в истории рассматриваемых событий, фактов, которые не находят подтверждения при серьёзной исследовательской работе. Отмечается, что воссоздание «настоящей» истории военных действий 1939 г. возможно только при серьёзных поисковых исследованиях.

Ключевые слова: исторические легенды и мифы, документы, архивы, Монголия, Халхин-Гол, «Мемориал 90 героев».

Igor V. Sechenov,
Search group “East line”
Irkutsk, Russia

“90 Heroes Memorial”

The article attempts to debunk some of the myths and legends related to the history of the war on the river Khalkhin-Gol in Mongolia. The author talks about the existing distortions in the history of the event in question, facts which do not find confirmation of serious research. It is noted that the reconstruction of the “real” history of the military actions of 1939 is only possible when a serious search research.

Keywords: historical legends and myths, documents, archives, Mongolia, Khalkhin-Gol, the “Memorial 90 heroes”.

В этой статье речь пойдёт о нескольких легендах и мифах, связанных с войной на Халхин-Голе и её последствиями. Если целесообразность появления таких «произведений» во время самой войны можно было как-то оправдать, хотя бы в интересах повышения морально-политического состояния войск, то в настоящее время этому нет ни логичного объяснения, ни целесообразности. На основании известных и уже

опубликованных фактов хочется развенчать некоторые мифы халхингольской войны. Одним из первых воинских мемориалов РККА в районе боевых действий стало дивизионное кладбище 36-й мотострелковой дивизии. Оно расположено на крутом левом берегу Халхин-Гола в двух километрах к западу от места расположения центральной переправы советско-монгольских войск. В 1939 г. этот погост находился вблизи главной дороги, по

которой шло основное перемещение советских войск и материального обеспечения, особенно во время майских и июльских боёв. Практически всех бойцов и командиров, погибших в ходе боёв 28–29 мая 1939 г., похоронили именно на этом воинском кладбище. Воинов, умерших от ран на этапе санитарной эвакуации в районе Центральной переправы, как правило, хоронили здесь же. Можно смело утверждать, что это кладбище является самым крупным воинским захоронением халхингольской войны. Сейчас оно называется «Мемориал 90 героев». На вопрос, почему «90 героев», ответа нет.

В 1954 г., к 15-летию победы советско-монгольских войск в боях на Халхин-Голе Правительством Монгольской Народной Республики на дивизионном кладбище был установлен монументальный мраморный обелиск, на котором были увековечены имена некоторых советских воинов – героев халхингольской войны. Всего на обелиске увековечены имена 54 человек, из них: 15 удостоены звания Героя Советского Союза (посмертно), 17 награждены Орденом Ленина (посмертно) и 22 награждены Орденом Красного Знамени (посмертно). По какому принципу отбирались фамилии бойцов и командиров, для увековечения на монументе навсегда останется загадкой. Подавляющее большинство похороненных здесь воинов РККА (не менее 2000 чел.) остались безымянными. При этом на самом обелиске можно прочитать имена людей, которые не имеют к этому мемориалу никакого отношения. Особо стоит отметить одну фамилию. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29.08.1939 г. Орденом Красного Знамени (посмертно) был награждён командир батальона 7-й мотобригады майор Владимир Северьянович Стрекалов. Парадокс, но этот человек пережил не только халхингольскую, но и Великую Отечественную войну. Участник боя 3 июля на горе Баин-Цаган майор Стрекалов в бессознательном состоянии попал в плен к японцам, 27 сентября 1939 г. при обмене пленными был возвращён и после непродолжительной проверки уволен из РККА. С июля 1941 г. в армии участвовал в обороне Ленинграда, был дважды ранен. Во время Великой Отечественной войны был награждён Орденами Красной Звезды, Красного Знамени, Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией». Из рядов Советской армии уволен в декабре 1951 г. [4, с. 145]. В год торже-

ственного открытия обелиска на «Мемориале 90 героев» ему исполнилось 50 лет. Каким образом фамилия живого человека затесалась в перечень к мёртвым остаётся загадкой.

В погоне за сенсацией журналисты, не имея времени и желания проверять факты, зачастую выдают недостоверную информацию и тем способствуют появлению новых мифов или продвижению старых. К примеру, весной 2011 г. оператор телекомпании «АИСТ» Дмитрий Слободчиков, монтируя фильм о воздушной войне на Халхин-Голе «Мы вас никогда не забудем» столкнулся с интересной проблемой. На различных сайтах в Интернете ему были предложены 3 варианта ответа на вопрос: «Сколько лётчиков – Героев Советского Союза прибыло в Монголию для обучения советских пилотов?» Варианты ответа: 17, 21 и 22. Хорошо, что у Дмитрия была возможность проконсультироваться, и он ею воспользовался. Какого же было его удивление, что ни один из найденных в Интернете ответов не соответствовал действительности. Реально в Монголию прибыли 11 лётчиков, Героев Советского Союза. Вот их имена:

1. Комбриг Денисов Сергей Прокофьевич, звание Героя СССР присвоено Постановлением ЦИК от 04.07.1937 г.

2. Полковник Гусев Александр Иванович, звание Героя СССР присвоено Указом ПВС СССР от 14.11.1938 г.

3. Майор Грицевец Сергей Иванович, звание Героя СССР присвоено Указом ПВС СССР от 22.02.1939 г.

4. Майор Герасимов Никола Семёнович, звание Героя СССР присвоено Указом ПВС СССР от 22.02.1939 г.

5. Полковник Душкин Иван Иванович, звание Героя СССР присвоено Указом ПВС СССР от 14.03.1938 г.

6. Майор Коробков Павел Терентьевич, звание Героя СССР присвоено Указом ПВС СССР от 22.02.1939 г.

7. Полковник Лакеев Иван Алексеевич, звание Героя СССР присвоено Постановлением ЦИК от 03.11.1937 г.

8. Комкор Смушкевич Яков Владимирович, звание Героя СССР присвоено Постановлением ЦИК от 21.06.1937 г.

9. Полковник Шевченко Владимир Илларионович, звание Героя СССР присвоено Указом ПВС СССР от 14.03.1938 г.

10. Капитан Зверев Василий Васильевич, звание Героя СССР присвоено Указом ПВС СССР от 22.02.1939 г.

11. Майор Кравченко Григорий Пантелевич, звание Героя СССР присвоено Указом ПВС СССР от 22.02.1939 г. [2].

Этот момент не только вносит ясность в вопрос о количестве советских лётчиков-героев, прибывших в Монголию для «исправления ситуации», но и имеет непосредственное отношение к «Мемориалу 90 героев». Ни один из прибывших в Монголию лётчиков-героев не погиб в воздушных боях с японскими асами. Соответственно, не мог быть похоронен на этом мемориале. К слову сказать, комкор Я. В. Смушкевич и комбриг С. П. Денисов лично в боевых вылетах не участвовали. Денисова вообще скоро отозвали в Москву, а Смушкевич осуществлял оперативное руководство действиями советской авиации с земли.

Миф о 30 похороненных на «Мемориале 90 героев» Героев Советского Союза несостоятелен, так как за подвиги, совершённые во время халхингольской войны, посмертно этого звания были удостоены только 20 чел. Вот их имена:

1. Аминев Виктор Алексеевич, мл. командир, 8 мббр, звание Героя СССР присвоено Указом ПВС СССР от 17.11.1939 г.

2. Аношин Михаил Степанович, мл. командир, 11 лтбр, звание Героя СССР присвоено Указом ПВС СССР от 29.08.1939 г.

3. Балашов Александр Иванович, капитан, 22 иап, звание Героя СССР присвоено Указом ПВС СССР от 29.08.1939 г.

4. Бранец Иван Иванович, мл. командир, 6 лтбр, звание Героя СССР присвоено Указом ПВС СССР от 17.11.1939 г.

5. Бурмистров Михаил Фёдорович, майор, 150 сбп, звание Героя СССР присвоено Указом ПВС СССР от 17.11.1939 г.

6. Глазыкин Николай Георгиевич, майор, 22 иап, звание Героя СССР присвоено Указом ПВС СССР от 29.08.1939 г.

7. Грухин Николай Фёдорович, майор, 127 сп., звание Героя СССР присвоено Указом ПВС СССР от 17.11.1939 г.

8. Ермаков Андрей Павлович, капитан, 149 мсп, звание Героя СССР присвоено Указом ПВС СССР от 17.11.1939 г.

9. Киселёв Африкан Иванович, ст. политрук, 11 лтбр, звание Героя СССР присвоено Указом ПВС СССР от 29.08.1939 г.

10. Кожухов Василий Николаевич, ст. лейтенант, 24 мсп, звание Героя СССР присвоено Указом ПВС СССР от 17.11.1939 г.

11. Кочетов Михаил Сергеевич, мл. командир, 9 мббр, звание Героя СССР присвоено Указом ПВС СССР от 29.08.1939 г.

12. Кустов Виктор Павлович, капитан, 56 иап, звание Героя СССР присвоено Указом ПВС СССР от 29.08.1939 г.

13. Московский Александр Николаевич, ст. политрук, 8 мббр, звание Героя СССР присвоено Указом ПВС СССР от 17.11.1939 г.

14. Поднавознов Степан Трофимович, мл. командир, 6 лтбр, звание Героя СССР присвоено Указом ПВС СССР от 17.11.1939 г.

15. Попов Николай Захарович, мл. командир, 175 мап, звание Героя СССР присвоено Указом ПВС СССР от 17.11.1939 г.

16. Рахов Виктор Георгиевич, ст. лейтенант, 22 иап, звание Героя СССР присвоено Указом ПВС СССР от 29.08.1939 г.

17. Ремизов Иван Михайлович, майор, 149 мсп, звание Героя СССР присвоено Указом ПВС СССР от 29.08.1939 г.

18. Суворов Александр Иванович, ст. политрук, 6 лтбр, звание Героя СССР присвоено Указом ПВС СССР от 17.11.1939 г.

19. Тихонов Василий Иванович, мл. политрук, 9 мббр, звание Героя СССР присвоено Указом ПВС СССР от 17.11.1939 г.

20. Яковлев Михаил Павлович, комбриг, 11 лтбр, звание Героя СССР присвоено Указом ПВС СССР от 29.08.1939 г. [3].

Удивительно, но в 2014 г. появляется новый миф, связанный с похороненными на «Мемориале 90 героев» Героями Советского Союза. Видимо, специально к юбилею. Теперь называется цифра 17 чел. В связи с этим стоит отметить три аспекта. Во-первых, фамилии захороненных воинов традиционно не называются, просто даётся цифра «17». Во-вторых, эта цифра не соответствует количеству имён, увековеченных на обелиске. Напомним, там указано 15 фамилий. В-третьих, к великому сожалению, этот миф создали и продвигают в массы люди, претендующие на роль знатоков халхингольской войны, люди, обременённые высокими должностями и учёными степенями, т. е. те, к чьему мнению прислушиваются. А это уже проблема. Документально установленным можно считать следующее:

Командир 11-й танковой бригады комбриг М. П. Яковлев похоронен в г. Чите, увековечение его имени на обелиске можно считать отданием должного уважения [2, с. 203].

Старший политрук А. И. Киселев и младший командир М. С. Аношин похоронены в г. Ундурхане, на братской могиле им установлен в качестве памятника танк БТ-5 [2, с. 140, 160].

Старший политрук А. И. Суворов похоронен в братской могиле на горе Зун-Хан, в настоящее время там обустроен одноименный воинский мемориал [2, с. 195].

Старший лейтенант В. Н. Кожухов умер от ран в военном госпитале в Улан-Баторе и, вероятнее всего, похоронен на русском кладбище монгольской столицы [2, с. 162].

Примечательно то, что в перечне погибших Героев Советского Союза на обелиске нет ни одного лётчика. При этом увековечены имена абсолютно всех Героев СССР из наземных частей. Тогда как среди награждённых Орденами Ленина и Красного Знамени встречаются фамилии лётчиков бомбардировочной авиации. Например, Орденом Ленина награждён батальонный комиссар М. А. Ююкин (150 сбав), а Орденом Красного Знамени – старший лейтенант С. У. Супрун (56 сбав).

Видимо, называя цифру 17 Героев, люди дополнительно имели в виду кого-то из «красных соколов». Однако и здесь промашка. Попробуем внести ясность в вопрос захоронения авиаторов – Героев Советского Союза.

Старший лейтенант В. Г. Рахов похоронен в г. Чите, его могилу с Девичьих горок перенесли на территорию 15 школы [2, с. 185].

Майор Н. Г. Глазыкин похоронен в районе г. Хамар Даба [1, с. 40].

Капитан А. И. Балашов похоронен на кладбище хирургического отряда, в районе Баин-Бурду-Нур [1, с. 40].

Майор Н. Ф. Бурмистров – не найден. Бомбардировщик СБ № 11/132 был сбит зенитной артиллерией противника, экипаж сгорел [3, л. 36].

Капитан В. П. Кустов – не найден. Истребитель И-16 № 1021918 таранил бомбардировщик противника, взорвался и сгорел в воздухе [3, л. 26].

Как видно из документов, ни одного из погибших лётчиков-героев на кладбище 36-й мотострелковой дивизии нет. Документально установлено, что из 20 Героев Советского Союза, удостоенных этого звания посмертно, 8 похоронены в других местах, а у 2 лётчиков вообще нет могил. По остальным 10 фамилиям также нет полной уверенности, что они захоронены на этом воинском мемориале. Необходимо поднимать архивные документы и выяснять доподлинно. Так откуда же взялась цифра 17 похороненных Героев Советского Союза? Кому и зачем нужен этот миф? Три десятилетия назад, в 1983 г. тиражом 5000 экземпляров в Иркутске вышла в свет монография «Первые Герои Советского Союза», в которой есть биографии всех советских воинов, удостоенных звания Героя Советского Союза в 1936–1939 гг. Почему в своём «творчестве» её игнорируют современные горе-исследователи, совершенно не понятно. Или люди просто не считают нужным утруждаться чтением «устаревшей» литературы?!

В настоящее время составляется список танкистов 11-й лтбр, погибших в бою на горе Баин-Цаган 3 июля 1939 г. и, с большой долей вероятности, похороненных на Мемориале 11-й танковой бригады, именуемом «Мемориалом яковлевцев». После составления он будет перепроверяться, и только после выверки публиковаться. Вместо того чтобы создавать новые мифы о Героях Советского Союза, похороненных на «Мемориале 90 героев», гораздо полезнее составить полный и выверенный мартиролог этого воинского захоронения.

Список источников и литературы

1. Вестник Международного центра азиатских исследований. – Иркутск: Вост.-Сиб. гос. акад. образования. 2010. – № 17. – 218 с.
2. Кузнецов И. И., Джоба И. И. Первые Герои Советского Союза (1936–1939). – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1983. – 224 с.
3. РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 32113. Оп. 1. Д. 519. Аварии и катастрофы, совершённые в результате боя.
4. Свойский Ю. М. Военнопленные Халхин-Гола. История бойцов и командиров РККА, прошедших через японский плен. – М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2014. – 320 с.

УДК 271.2:94(470)''1941/1945''
ББК ЭЗ72:ТЗ(2)

*Вадим Николаевич Якунин,
Поволжский государственный университет сервиса,
г. Тольятти, Россия*

Диссертационные исследования по проблеме положения и деятельности Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны

В статье даётся анализ диссертационных исследований проблемы положения и деятельности Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны, государственно-церковных отношений, положения религии в СССР. Автор рассматриваются как диссертационные исследования как светских, так и церковных историков с 1961 г. до наших дней. Автор приходит к выводу, что разница в концептуальном подходе исследователей к деятельности Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны обусловлена как хронологическими рамками исследований, так и идеологическими, и региональными аспектами.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, религиозная политика, Великая Отечественная война, государственно-церковные отношения, историография, диссертации.

*Vadim N. Yakunin,
Volga Region State University of Service,
Tolyatti, Russia*

Dissertation Research on the Condition and Activities of the Russian Orthodox Church During the Great Patriotic War

The article provides an analysis of dissertation research problem, provisions and activities of the Russian Orthodox Church during the great Patriotic war, Church-state relations, religion in the USSR. The author discusses how the dissertation research secular and Church historians from 1961 to the present day. The author comes to the conclusion that the difference in the conceptual approach of researchers to the activities of the Russian Orthodox Church during the great Patriotic war due to both chronological framework of the research and the ideological and regional dimensions.

Keywords: Russian Orthodox Church, religious policy, Great Patriotic war, Church-state relations, historiography, thesis.

В диссертационных исследованиях по проблеме можно выделить два основных этапа: 1) 1961–1989 гг. и 2) с 1990 г. до настоящего времени.

На первом этапе изучения проблемы исследователей интересовали следующие вопросы: объяснение патриотической деятельности РПЦ в годы Великой Отечественной войны, последствия, которые повлекла за собой эта деятельность, изменение государственно-церковных отношений, коллаборационистская деятельность православного

духовенства и верующих, объяснение повышения религиозной активности населения в годы Великой Отечественной войны, преодоление обновленческого раскола и попытки анализа зарубежной историографии проблемы под видом критики «буржуазной фальсификации» положения религии в СССР. Так, диссертация О. В. Андреевой посвящена критике англо-американской историографии положения Православной Церкви в СССР.

А. А. Шишкин связывал повышение авторитета церкви в военные годы с задачей пре-

одоления обновленческого раскола. Патриотическую деятельность РПЦ в 1941–1945 гг. он объяснял стремлением повысить свой авторитет. Эта позиция была общей для советских исследователей в те годы, все они предпочитали писать не о патриотической деятельности церкви в годы войны, а о коллаборационизме её представителей на оккупированных территориях.

В диссертации Э. И. Лисавцева в одной из глав анализировалась деятельность РПЦ в военные годы. В этом исследовании была сделана попытка отойти от традиционного освещения темы, преодолеть некоторые устаревшие положения и стереотипы. Э. И. Лисавцев впервые в советской историографии подчеркнул, что на оккупированной территории РПЦ для части населения выступала хранительницей национальных традиций.

Проблема положения и деятельности РПЦ в годы Великой Отечественной войны интересовала церковных историков – священнослужителей РПЦ. В системе интересующих церковных историков вопросов были: патриотическая деятельность церкви в 1941–1945 гг., церковная жизнь Ленинграда во время блокады 1941–1944 гг., положение и деятельность церкви на оккупированных фашистами территориях Украины, оказание СССР моральной поддержки со стороны христианских церквей мира и наших православных соотечественников за границей, международная деятельность церкви. При этом надо понимать, что требования к качеству рукописей диссертаций в системе духовных академий РПЦ в то время были совершенно отличны от требований к диссертациям в светских учебных заведениях.

К концу 80-х гг. происходит процесс переосмысления в отечественной светской историографии оценок деятельности РПЦ в период Великой Отечественной войны. Серьёзные пробелы в изучении темы были вызваны предвзятым отношением исследователей к рассматриваемой проблеме. Религия, церковь рассматривались как пережиток прошлого, с которыми необходимо было сосуществовать, но в то же время и вести идеологическую борьбу.

Переход к следующему этапу был предопределён качественно новым отношением в условиях перестройки к малоизученным проблемам, неизвестным сюжетам истории, месту и роли Православной Церкви в различные, в том числе переломные периоды нашей истории.

С 1990 г. появляются докторские и кандидатские диссертации, посвящённые в основном взаимоотношениям Советского государства, общества и РПЦ. Первой диссертацией, защищённой в 1990 г., стала работа О. Ю. Васильевой. Основное внимание авторами уделяется созданию новой системы государственно-церковных отношений в 1941–1945 гг. и анализу работы Совета по делам РПЦ и его уполномоченных. Исследовалось правовое регулирование взаимоотношений государства и РПЦ в военные годы, а также правовой статус РПЦ в Советском государстве [2–6; 8–10; 12–16]. Церковное подполье 1920–1940-х гг. в СССР изучалось также в контексте государственно-церковных отношений [1].

Изучая государственно-церковные отношения, исследователи не могли обойти своим вниманием патриотическую деятельность РПЦ. По мнению большинства исследователей, запрещать, умалять или не замечать патриотическую деятельность церкви со стороны государства было делом бессмысленным и даже компрометирующим власть. Поэтому государство было вынуждено пойти на сотрудничество с этим ещё сохранившимся общественным институтом, поставив его под свой контроль [15; 16].

Основными факторами улучшения государственно-церковных отношений авторы исследований считают внутренние и внешние: стремление Советов реабилитировать себя в глазах мировой общественности, ускорив открытие второго фронта союзниками; желание Сталина использовать заграничные связи РПЦ в своих целях; попытки создать в противовес гитлеровской политике на оккупированных территориях, не препятствовавшей открытию храмов, свою собственную, также лояльную политику по отношению к церкви; намерения Сталина использовать религиозный подъём населения во время войны, направить его в нужном направлении и с помощью Московской Патриархии активизировать патриотизм верующих людей; исчезновение иллюзий у советского руководства об успешном и повсеместном «преодолении» религии в годы войны, которые уступили место правде жизни, требующей реалистичного подхода к нуждам верующих страны, устремившихся в православные храмы; опасное обострение противоречий между возросшими потребностями в удовлетворении гражданами религиозных чувств и реальными, крайне незначительными возможностями для этого, так как

на оккупированной врагом территории остались многие сотни церквей, а массы верующих эвакуировались в те районы, где их или вовсе не было, или было очень мало; необходимость сплочения всех антифашистских сил в странах антифашистского блока и оккупированных Германией; желание советского руководства побудить патриотически настроенную эмиграцию к примирению с советским режимом и его стремление усилить влияние среди православных балканских народов; признание и уважение патриотической деятельности церкви не только со стороны верующих, но и атеистов, понимание Сталиным «священного» характера войны, выиграть которую можно было, только объединив патриотический порыв и верующих, и атеистов; изменение внутренней политики Советского государства, начавшееся ещё в предвоенные годы, от интернациональной к национальной [2–6; 8–10; 12–16].

Авторы исследований считают, что патриотическая деятельность церкви способствовала: укреплению национального самосознания народа, его духа, традиций и культуры, воспитанию патриотизма, трудолюбия, высокой нравственности, терпения, милосердия и других необходимых воюющему народу качеств, обеспечивших победу над фашистскими агрессорами; консолидации сил страны в противодействии врагу, укреплению морально-политического единства братских народов; активизации антифашистской борьбы поработанной Европы и расширению антифашистского фронта; укреплению собственного авторитета Церкви; изменению государственно-церковных отношений [Там же].

Внешние связи Московской Патриархии в период войны исследовались в следующих аспектах: взаимосвязь изменения государственно-церковных отношений с внешней политикой Советского государства, проблема церковных разделений и воссоединение православных приходов с Московской Патриархией, положением приходов РПЦ и РПЦЗ за границей (в США, Германии), взаимодействие РПЦ с экуменическим движением [16].

Получила новое звучание тема положения и деятельности РПЦ на оккупированных фашистами территориях СССР. Был развенчан миф о «профашистской» ориентации экзарха Прибалтики митрополита Сергия (Воскресенского) и Псковской православ-

ной миссии. Большинство авторов признаёт вклад верующих на оккупированных территориях в партизанское движение и тот факт, что возрождение там религиозной жизни оказало определённое влияние на изменение религиозной политики советского руководства в военный период [6; 7; 11; 16].

Исследовалось обновленческое движение в Русской Православной Церкви, «закат» которого пришёлся на годы Великой Отечественной войны, преодоление других церковных расколов [15; 16].

Свой вклад в освещение положения и деятельности Церкви в период Великой Отечественной войны историки вносят на региональном уровне [2; 5; 7–16]. Во всех региональных работах по проблеме изучается патриотическая деятельность Церкви и государственно-церковные отношения [Там же].

Проблема положения и деятельности РПЦ в 1941–1945 гг. активно изучается нашими коллегами из ближнего зарубежья: Украины, Республики Беларусь, Кыргызстана. И если исследователи из Беларуси и Кыргызстана исследуют положение и деятельность РПЦ в своих республиках в 1941–1945 гг. объективно и беспристрастно, акцентируя внимание на государственно-церковных отношениях, патриотической деятельности РПЦ, её внутренней жизни и структуре управления [10], то в Украине ситуация несколько иная. Диссертации историков западных и восточных регионов страны по проблеме отличаются концептуально. Политические настроения оказали большое влияние на исследовательниц Западной Украины.

Проблема положения и деятельности РПЦ в годы Великой Отечественной войны была затронута в 77 диссертациях: 15 докторских и 62 кандидатских, в том числе церковными исследователями было защищено 4 диссертации на соискание учёной степени кандидата богословия. 10 светских диссертаций охватывают период 1941–1945 гг., остальные исследуют проблему на более длительном промежутке времени. Только 3 диссертации светских исследователей и все 4 диссертации исследователей церковных были защищены в период 1961–1987 гг., остальные – после 1990 г. 3 диссертации были защищены по философии, 3 – по юридическим наукам, 1 – по политическим наукам, 4 – по богословию, 66 – по историческим наукам.

Список источников и литературы

1. Беглов А. Л. Церковное подполье 1920–1940-х годов в СССР в контексте государственно-церковных отношений: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 2004. – 249 с.
2. Гераськин Ю. В. Взаимоотношения Русской Православной Церкви, общества и власти в конце 1930-х – 1991 гг. (на материалах областей Центральной России): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. – М., 2009. – 558 с.
3. Грашевская О. В. Политика Советского государства в отношении Русской Православной Церкви в 1940–1980-х гг.: центр и местные власти (на материалах Мурманской области): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Мурманск, 2005. – 198 с.
4. Зин Н. В. Взаимоотношения государства и церкви в 1943–1953 гг. (на материалах Владимирского края): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 2010. – 234 с.
5. Ибрагимов Р. Р. Государственно-конфессиональные отношения в Татарстане в 1940–1980-е гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Казань, 2004. – 225 с.
6. Ковалев Б. Н. Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм в России, 1941–1944 гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. – СПб., 2002. – 553 с.
7. Ковалёв Б. Н. Антифашистская борьба: анализ пропагандистского противостояния (1941–1944 гг.). На материалах временно оккупированной территории Северо-Запада РСФСР: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – СПб., 1993. – 15 с.
8. Козлов Ф. Н. Взаимоотношения государства и Русской Православной Церкви в 1917 – начале 1940-х гг.: по материалам Чувашии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Саранск, 2009. – 258 с.
9. Молодов О. Б. Советское государство и Русская Православная Церковь на Европейском Севере в 1960–1980-е годы: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Архангельск, 2006. – 303 с.
10. Носова Е. В. История взаимоотношений государства и Русской Православной Церкви в Кыргызстане: конец XIX – середина XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Бишкек, 2006. – 179 с.
11. Обозный К. П. Псковская православная миссия как фактор церковного возрождения на временно оккупированных территориях Северо-Запада России в 1941–1944 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 2006. – 192 с.
12. Петюкова О. Н. Правовые формы отношений советского государства и Русской Православной Церкви в 1917–1945 годах: дис. ... д-ра. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2011. – 494 с.
13. Потапова А. Н. Религиозная политика советского государства и её осуществление на Южном Урале в 1941–1958 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Оренбург, 2004. – 247 с.
14. Потапова Н. В. Религиозная жизнь Сахалина (во второй половине XIX – начале XXI в.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Южно-Сахалинск, 2004. – 275 с.
15. Сердюк М. Б. Религиозные организации в советском обществе 1941–1954 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. – Владивосток, 2012. – 309 с.
16. Якунин В. Н. Правовой статус, положение, деятельность, внешние связи Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. – Самара, 2003. – 20 с.

УДК 94(47+57:517.3)

ББК ТЗ(2)622

Леонид Владимирович Курас,

Базар Догсонович Цыбенев,

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,

г. Улан-Удэ, Россия

Делегация МНР на Северо-Западном фронте

(по материалам источника на старомонгольской письменности)¹

Статья посвящена изучению поездки монгольской делегации во главе с секретарём ЦК МНРП Ч. Сурэнжавом на Северо-Западном фронте в декабре 1942 г. Основой статьи послужили материалы монгольского источника «О фронте», написанного на старомонгольской письменности. Впервые детально исследованы вопросы пребывания делегации МНР в конкретных воинских частях Северо-Западного фронта.

Ключевые слова: СССР, МНР, монгольская делегация, Красная армия, Северо-Западный фронт, подарки.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке проекта РГНФ-Минобрнауки Монголии № 15-2103005 а/м «Монголия во Второй мировой войне».

Leonid V. Kuras,
Bazar D. Tsybenov,
*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ulan-Ude, Russia*

The Delegation of the MPR in the North-Western Front (According to the Source of the Old Mongolian Written Language)¹

The article studies trip of the Mongolian delegation headed by Secretary of the Central Committee of the MPRP Surenjav in the North-Western front in December 1942. The basis of the article was the source materials "On the front" written on Old Mongolian writing. The authors first examined in detail the questions raised by the delegation of the MPR in the military units of the North-Western front.

Keywords: USSR, MPR, Mongolian delegation, Red Army, North-Western front, presents.

Одним из направлений помощи МНР Красной армии в годы Великой Отечественной войны был сбор подарков для красноармейцев. В сентябре 1941 г. была создана центральная комиссия, которая занималась организацией сбора подарков и их отправкой на фронт. В октябре 1941 г. и феврале 1942 г. были отправлены два эшелона с подарками. 27 ноября 1942 г. со станции Наушки выехал подарочный состав из 236 вагонов. В числе подарков были: полушубки – 30 115, меховые жилеты – 31 090, рукавицы – 31 257, шубы-дохи – 3 050, шерстяные свитера – 2290, кожаные пальто – 150, поясные ремни – 33 300, одеяла из овчины – 2011, шапки для лыжников – 900, валенки – 30 500 пар, унты – 240, бурки – 2335, сапоги из тонкой кожи – 150, кирзовые – 300, лазаретные тапочки – 7158 пар; юрты – 150, войлок – 2428 м, казачьи седла – 600 шт.; конверты – 56 050; записные книжки – 27 875, а также часы, ножи. Продовольственная часть состояла из 316 т мяса, 26 758 туш дзеренов, 92 т масла, 84,8 т колбасы, 12 954 кг варенья, 36 900 кг конфет и сладостей, 70 400 кг печенья и кондитерских изделий, 480 ящиков водки. Здесь же были 127 ящиков общих подарков и 22 176 индивидуальных посылок [8, с. 71–72]. Общая стоимость подарочного состава по курсу того времени оценивалась в 9 252 340 тугриков. Подарочный состав в сопровождении делегации во главе с премьером-министром МНР маршалом Х. Чойбалсаном был разделён на 4 эшелона: первый эшелон возглавил председатель президиума Малого Хурала Г. Бумцэнд, второй – секретарь ЦК МНРП Ч. Сурэнжав, третий – командующий добровольными

кавалерийскими отрядами народной самообороны Ч. Мижид, четвёртый – премьер-министр МНР Х. Чойбалсан [1, с. 31].

В статье мы уделяем основное внимание делегации, сопровождавшей 2-й эшелон с подарками. Материалы о пребывании этой группы монгольских делегатов на Северо-Западном фронте имеются в источнике на старомонгольской письменности под названием "Front-un tuqai" («О фронте»). Источник, несмотря на надпись на корешке книги «Направившиеся на фронт. 1944», очевидно, написан в 1945 г., после окончания Великой Отечественной войны. Сведения о пребывании делегации МНР на Северо-Западном фронте имеются на страницах 44–51 текста источника. В нём не говорится о полном составе делегации, в основном упоминается секретарь ЦК МНРП Сурэнжав, и в некоторых случаях – секретарь Восточно-Гобийского аймачного комитета партии Чойдок и лучший скотовод Средне-Гобийского аймака Цэгмид (имя в источнике записано как Цэбэгмид – авт.). Информацию о составе делегации содержит сообщение в отдел НКВД СССР, отправленное, предположительно, до 27 ноября 1942 г. В нём указано, что в делегацию 2-го эшелона входили секретарь ЦК МНРП Сурэнжав, секретарь Восточно-Гобийского аймачного комитета партии Чойдок, работница артели Дульген Убур-Хангайского аймака Жадамба, председатель 2-го отделения Эрдэнэ-Бурина сомона Кобдоского аймака Монхорин Зана, мастер-ударник кожевенного завода Промкомбината Минжурина Гомбо, секретарь Булганского аймачного комитета Ревсомола Дандар, секретарь партийной ячейки Цаган-нур

¹ The work was financially supported by the RHSF and MinOKN of Mongolia № 15-2103005 a/m "Mongolia in World War II".

сомона Хубсугульского аймака Цэрэнжав, лучший скотовод Средне-Гобийского аймака Цэгмид, инструктор ЦК МНРП Сидоров, командир 7-й дивизии МНРА Одсүрэн [9, л. 15–16; 10, с. 126]. Раздел начинается с выезда ночью 11 декабря 1942 г. (в тексте год записан как 1943, что не соответствует действительности – авт.) монгольской делегации по железной дороге в штаб Северо-Западного фронта. В штабе их встретили член Военного совета, генерал-лейтенант В. Н. Богаткин и генерал-майор В. Н. Глазунов [11, с. 44]. Перед прибытием делегации МНР, 6 декабря 1942 г., Богаткину было присвоено звание «генерал-лейтенант». По воспоминаниям современников, он был политработником, умевшим оказать влияние на окружающих. Хорошее знание человеческих характеров помогало ему разрядить назревающий конфликт в коллективе. Он был принципиален, если возникала необходимость действовать в интересах общего дела. О В. Н. Глазунове известно, что он был одним из лучших кадров, переданных ЦК КПСС с гражданской партийной работы в армию [6]. Следует заметить, что Военный совет, членом которого был В. Н. Богаткин, в годы Великой Отечественной войны был наделён большими полномочиями, например, имел право назначать на должности и присваивать воинские звания, самостоятельно награждать отличившихся красноармейцев и командиров от лица Верховного Совета СССР [4, с. 76–79].

13 декабря 1942 г. делегация выехала в армию генерал-лейтенанта П. А. Курочкина. Согласно официальным данным, с августа 1941 по октябрь 1942 гг. Курочкин находился на посту командующего Северо-Западным фронтом. В ноябре того же года он стал командующим 11-й армией. Как сообщает источник, по дороге в расположение армии делегатам были показаны разрушенные немецкие укрепления. Там же отмечается, что «города и сёла подверглись страшному разрушению, от больших прекрасных строений не осталось ничего, от многих зданий остались одни фундаменты» [11, с. 44]. Руководство 11-й армии тепло, по-братски встретило монгольских делегатов, рассказало им о трудностях борьбы с немецкими захватчиками и чинимых ими зверствах. Затем в сопровождении армейских чинов делегаты направились в расположение бригады, находившейся в 5 км от передовой линии. В это время бойцы занимались отработкой тактических приёмов. Делегаты наблюдали, как

красноармейцы, вернувшись с передовой, вместе с отдыхом занимались окапыванием на пересечённой местности. Пробираясь ползком по мокрому снегу, тащили на лыжах артиллерийские орудия. С удовлетворением отметили делегаты, что бойцы были вооружены лёгкими и тяжёлыми пулемётами, минометами, артиллерийскими орудиями, поэтому они могли оказать достойный отпор противнику. Делегаты МНР были удивлены меткостью стрельбы из 25-миллиметрового артиллерийского орудия (речь, очевидно, идёт о 25-мм зенитной автоматической пушке – авт.) [Там же]. На собрании в честь прибытия делегации МНР секретарь ЦК МНРП Ч. Сүрэнжав передал от имени всего монгольского народа братский привет отважным бойцам и командирам бригады. Затем более чем 300 бойцам и командирам были вручены подарки.

После посещения бригады делегаты направились в энский (номера воинских частей в тексте не указаны – авт.) артиллерийский полк. Их тепло встретили в штабе полка. В источнике далее отмечено, что глава делегации Сүрэнжав, лучшая женщина-скотовод Цэгмид, командир 7-й конной дивизии МНРА Одсүрэн стреляли из 200–300-миллиметровых артиллерийских орудий (калибры орудий, на наш взгляд, записаны неверно, в годы войны на вооружении в Красной армии находились 45 и 76-мм пушки, 122-мм гаубицы – авт.) по вражеским позициям. Из наблюдательного пункта сообщили, что убито 30–32 противника, уничтожено 2 пулемёта, 2 противотанковых артиллерийских орудия [Там же]. Подобные мероприятия со стрельбой по противнику в честь прибытия монгольских делегаций проводились и на других фронтах. Например, 18 декабря 1942 г. другая группа делегатов во главе с маршалом Чойбалсаном находилась на Западном фронте и наблюдала за ведением артиллерийского и минометного огня по вражеским позициям [2, с. 180]. Далее в источнике сообщается, что командир полка созвал всех на собрание, где делегаты раздали красноармейцам подарки и письма-наказы.

Из участников делегации военная пресса особо отмечала лучшую женщину-скотовода Цэгмид, которая, как сказано выше, стреляла по вражеским укреплениям из пушки. Она также совершила полёт на советском истребителе. В армейской газете Северо-Западного фронта ей была посвящена заметка, в котором говорилось, что Цэгмид была на-

граждана Орденом Трудового Красного Знамени на первом совещании скотоводов Монголии. Ей был также вручён значок лучшего скотовода страны. Цэгмид подарила фронту двух лучших, крепких и выносливых коней [3, с. 1]. В сборнике «Монгольский народ: всё для фронта, всё для победы» имеются фотографии Цэгмид, сделанные во время пребывания на Северо-Западном фронте, а также послевоенные фото 1985 и 2015 гг. [10, с. 149].

Утром 15 декабря 1942 г. делегаты МНР прибыли в расположение миномётчиков. Ранним утром началась стрельба по противнику из реактивных установок «Катюша» (в тексте записано как удивительное оружие «Катюша» – авт.). В течение 2–3 мин продолжалась стрельба, огненный столб вздымался почти на 200 м, и снаряды падали на вражеские позиции. Делегаты чрезвычайно заинтересовались этим оружием, удивлению их не было предела. В источнике говорится, что «Германия прилагала большие усилия, чтобы узнать тайну этого оружия, однако она ещё не смогла изучить его. Это оружие имеется в больших количествах в Красной армии. Делегаты, воочию увидев силу советского оружия, беспрестанно прославляли силу и мощь любимого Советского государства» [11, с. 46].

После осмотра реактивных установок монгольская делегация отправилась для вручения подарков в дивизию, где командовал Герой Советского Союза Чайжулев (?) (фамилия командира дивизии не выяснена – авт.). Согласно источнику, данная дивизия в период с 15 апреля по 30 декабря 1942 г. нанесла ощутимый урон противнику. Она уничтожила 20 самолётов, 4 танка, 65 артиллерийских орудий, 20 миномётных батарей, 347 пулемётных расчётов и пулемётов, 28 наблюдательных пунктов, 145 укреплений различного типа. Кроме того, было уничтожено 9 169 немецких солдат и командиров, из которых 2 762 чел. были снайперами [Там же].

Дивизия располагалась в болотистой и лесистой местности. Как отмечали монгольские делегаты, «нельзя было сказать, что здесь располагается целая дивизия, можно было увидеть лишь лес и красивую природу». Противнику было трудно обнаружить расположение этой дивизии, штаб дивизии и техника были надёжно укрыты. Преодолевая все трудности, бойцы дивизии мужественно защищают Родину. 240 командиров, политработников, красноармейцев были награждены орденами и медалями. Особое вни-

мание делегация уделяла солдатскому быту. В источнике говорится, что бойцы оснащены местами с горячей водой, хорошо накормлены (ежедневное 3-разовое питание). Они полностью обеспечены тёплой одеждой, командиры и бойцы одеты в тёплые меховые полушубки, валенки и шапки с мехом. Бойцы и командиры дивизии провели с делегатами дружескую беседу, передали слова благодарности братскому монгольскому народу, каждый из них написал письмо и передал делегатам.

Ознакомившись с бытом красноармейцев, делегаты МНР, взяв более 300 именных подарков, отправились в госпиталь. Раненые обрадовались прибытию делегатов, как записано в тексте, «словно увидели своих родных, отца и мать». Моряк с простреленной насквозь грудью посмотрел на делегатов и произнёс: «Приносим горячую благодарность монгольскому народу! После выздоровления я снова буду сражаться и бить врага». Запомнились делегатам слова одного тяжелораненого бойца: «Наши врачи – золото! Я умирал, и не было никакой надежды на спасение. Сейчас я уже могу вставать. Через несколько дней начну ходить. Как только поправлюсь, начну истреблять врагов, буду мстить за себя и свой народ» [Там же, с. 47].

Из госпиталя делегаты МНР отправились в армию под командованием генерал-лейтенанта П. А. Курочкина, взяв с собой более 1000 подарков. Они подарили их отличившимся бойцам и командирам [Там же, с. 48].

С 17 по 20 декабря 1942 г. делегация МНР находилась в армии под командованием генерал-лейтенанта А. И. Лопатина. Делегаты посетили расположения трёх стрелковых дивизий, артиллерийский полк, госпиталь. Во всех воинских подразделениях проводились дружеские беседы. Как записано в тексте, «когда прибывали делегаты, то везде развевались лозунги на русском и монгольском языках, раздавалась красивая музыка. Внимание делегатов привлекали мужественные речи выступавших бойцов и командиров» [Там же]. Монгольские делегаты, очевидно, встретились с легендарным снайпером Северо-Западного фронта С. Д. Номоконовым, уроженцем Сретенского района Забайкальского края. В тексте источника «О фронте» записано, что «награждённый Орденом Ленина снайпер Номоконов уничтожил из охотничьей винтовки 258 немцев, обучил более 40 снайперов. Они истребили несколько сотен фашистов. На счету его ученика, также

награжденного Орденом Ленина, 118 вражеских солдат и офицеров. Другой ученик уничтожил 111 чел. противника и был награжден Орденом Красного Знамени» [11, с. 48]. Всего за время войны С. Д. Номоконов уничтожил 367 вражеских солдат и офицеров. О его меткости в годы войны говорили, что с 300 м он попадает в спичечный коробок [7, с. 135]. Известно, что в апреле 1942 г. читинская делегация во главе с секретарём обкома ВКП(б) Г. И. Вороновым побывала на Северо-Западном фронте и наградила своего земляка именными часами. Как отмечает историк Н. С. Модоров, воины-снайперы из национальных районов выступали инициаторами снайперского движения почти на всех участках фронта. Широко известны имена снайперов Т. И. Паршуткина, Ж. Е. Тулаева, Ц. Доржиева, С. Д. Номоконова, Ф. М. Охлопкова, И. Н. Кульбертинова [5, с. 15].

В источнике «О фронте» также говорится о посещении делегатами авиационной эскадрильи и гвардейской стрелковой дивизии, беседе с немецкими военнопленными [11, с. 49–50].

Вечером 23 декабря 1942 г. военный комитет Северо-Западного фронта организовал прощальный вечер для делегации МНР, где выступил с концертом армейский ансамбль песни и пляски. От командования Северо-За-

падного фронта были высказаны слова признательности монгольскому народу. И вместе с тем всем делегатам были подарены пистолеты и автоматы с документами на них. Также были переданы подарки маршалу Чойбалсану, секретарю ЦК МНРП Цэдэнбалу, всем главам аймачных партийных ячеек, высшему руководству Монгольского правительства. Кроме того, военный комитет Северо-Западного фронта по наказу бойцов и командиров фронта написал письмо благодарности монгольскому народу, и высказал пожелание делегации распространить его и дать каждому гражданину МНР [Там же, с. 48].

В результате изучения вопросов пребывания делегации МНР во главе с секретарём ЦК МНРП Ч. Сурэнжавом на Северо-Западном фронте мы делаем вывод о его несомненной ценности как источника по истории советско-монгольского боевого братства. В настоящее время в архивах РФ и Монголии не обнаружено других документов по этой делегации, поэтому можно говорить об уникальности изучаемого источника. Продолжение исследований, включая сравнительный анализ материалов источника с отечественными монографиями и научными статьями по изучаемой проблематике, поможет более подробно восстановить хронику событий военных лет.

Список источников и литературы

1. Базаров Б. В., Курас Л. В. Монголия во Второй мировой войне // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. – 2015. – Т. 12. – С. 30–39.
2. Базаров Б. В., Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Монгольские делегации на Западном фронте // Вестн. Бурят. науч. центра Сиб. отд-ния РАН. – 2015. – № 4. – С. 177–189.
3. Исбах А. Дочь монгольских степей // За Родину: ежедневная красноармейская газета Северо-Западного фронта. – 1942. – № 356. – 23 дек.
4. Калинин Л. В. Военные советы фронтов и армий в годы Великой Отечественной войны // Воен. акад. журн. – 2014. – № 2. – С. 75–81.
5. Модоров Н. С. Интернациональный подвиг сибиряков в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Мир Евразии. – 2015. – № 3. – С. 11–18.
6. На Северо-Западном фронте / под ред. и с предисл. П. А. Жилина; сост. Ф. Н. Утенков; Ин-т военной истории Министерства обороны СССР. – М.: Наука, 1969 // Военная литература [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://militera.lib.ru/h/nwf/index.html> (дата обращения: 22.03.2016).
7. Тимонин Е. И. Сибиряки на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Инновационное образование и экономика. – 2010. – № 6. – С. 132–138.
8. Хишигт Н. Помощь монгольского народа Советскому Союзу в годы Великой Отечественной войны // Монголия во Второй мировой войне: фотоальбом / науч. ред. Ч. Дашдаваа, Л. В. Курас. – Иркутск, 2011. – С. 71–74.
9. ЦАВСМ (Центральный архив внешних связей Монголии). Ф. 2. Д. 65.
10. Монголын ард түмэн: бүхнийг фронтод, бүгдийг ялалтын төлөө = Монгольский народ: все для фронта, все для победы / гл. ред. С. Чулуун; сост. Н. Хишигт, Ч. Дашдаваа, Ч. Болд, Ч. Баасанжаргал. – Улан-Батор: Адмон, 2015. – 384 с. (на монг. яз.).
11. Front-un tuqai = О фронте. – Улаан-Багатур = Улан-Батор, 1945. – 171 с. (на старомонг. яз.).

УДК 94(470)''1941/1945''
ББК ТЗ(2)622

Марина Геннадьевна Таракановская,
член совета Общества российских граждан в Монголии,
г. Улан-Батор, Монголия

Русские в МНР и Великая Отечественная война

Статья представляет собой рассуждения о русских мигрантах в Монголии, об их деятельности во время Великой Отечественной войны. На основе воспоминаний очевидцев приводятся неизвестные факты из жизни обычных граждан. Отмечается сегодняшнее плачевное состояние памятных мест, связанных с «русской историей» Монголии. Говорится об обществе российских граждан в стране, деятельность которого призвана к воссозданию и сохранению истории русских в стране.

Ключевые слова: русские, миграция, Монголия, Великая Отечественная война, возрождение.

Marina G. Tarakanovskaya,
Member of the Board of Community
of Russian Citizens in Mongolia,
Ulan-Bator, Mongolia

The Russians in Mongolian People's Republic and the Great Patriotic war

The article is a discourse about Russian migrants in Mongolia's, on their activities during the great Patriotic war. Based on eyewitnesses, to learn unknown facts of life of ordinary citizens. It is noted the present deplorable state of the memorial sites related to "Russian history" of Mongolia. They say about the society of Russian citizens in the country, the activity of which aims to rebuild and preserve the history of Russian in the country.

Keywords: Russian, migration, Mongolia, the Great Patriotic war, revival.

Массовая иммиграция в Монголию русских началась с 20-х гг. прошлого столетия. Тысячи русских людей бежали с приграничных родных мест под страхом уничтожения и наступившего голода, в лучшем случае на подводах с ребятишками, целыми семьями и в одиночку молодые девушки и парни уходили в Китай, Монголию. Возникали смешанные браки. Другая часть русского населения даже и не знала, что живёт на территории другого государства, т. к. чётких границ до 30-х гг. не было. Селились, где было больше пахотных земель, где были пастбища для выпаса скота. Образовывались дальние заимки, отцы отделяли сыновей, и те строились отдельно в нескольких километрах от родителей. Со временем образовывались деревни семейских и казаков. В 30-х гг. приезжали по вербовке на работу, в целях политической пропаганды, отправлялись отряды девушек краснокосыночников. Приезжали врачи, учи-

теля, медсёстры, инженеры, инструкторы, советники в разных областях деятельности. Открывались промторги, нефтебазы, автобазы, медпункты и т. д. Много было служащих НКВД. События на Халхин-Голе 1939 г. держали в резерве тысячи военнослужащих и гражданских лиц в Баян-Тумэне (ныне г. Чойбалсан).

С первых дней войны на фронт уходили из Монголии те, кто был участником военных действий на Халхин-Голе, и добровольцы из осевших здесь русских. Отзывались на Родину приезжие врачи, автомеханики, вскоре образовались Улан-Баторский РВК, Чойбалсановский Улентуйский РВК, Кобдинский РВК. Для русских, которые постоянно жили или родились в Монголии, официальный призыв в ряды Красной армии был в начале октября 1942 г., затем в 1943 и в 1944 гг. Забирали из деревень почти всё мужское население. Из семьи уходили отцы и сыновья. Многие, по

паспорту 18-летние, тоже уходили воевать, хотя им не было и 17 лет, т. к. напуганные безграмотные родители, у которых не было паспортов, завышали на 1 или 2 года возраст детей, когда разрешили давать паспорта. Монголы накладывали бронь на нужных им работников, но долг перед Отечеством и стыд перед родными и знакомыми был превыше всего. Из писем домой прослеживается путь солдат от Сухэ-Батора до Читы и дальше до Москвы. Тёплые полушубки и валенки из дома менялись в Чите на солдатские шинели и сапоги. По архивным источникам из Монголии ушло на фронт от 5 до 7 тыс. чел. В эти призывы вошли и те, кто постоянно проживал, и те, кто был командирован и военнослужащие из Баян-Тумэна, Кобдо и с погранзастав. Точную цифру ушедших местных русских и русских из Монголии подсчитать невозможно. В архивах ЦАМО указано, какими РВК призывались, но во всех наградных листах заштрихованы места проживания и место нахождения родственников. Через Кяхтинский РВК призывались и те, кто жил на территории Монголии, и те, кто жил в Советском Союзе. По заполненным документам Монголия и Бурят-Монгольская АССР на тот момент считались одной областью. Фамилии забайкальских казаков и семейских также одинаковы, разделить, кто призван из Монголии, а кто нет, до сих пор представляет определённую трудность. В некоторых архивных списках погибших есть место проживания родственников и самого погибшего. Нами достоверно собрано материалов на 746 фронтовиков из числа русских, постоянно проживавших в Монголии. Из 746 погибло 380. Каждый знал друг друга, многие были дальними и близкими родственниками. Относительно полный список участников ВОВ представлен в книге «Герои войны» (М. Г. Таракановская и др., Улан-Батор: Сэлэнгээкспресс, 2015). Все эти участники учтены в Книгах памяти СССР – России.

На фронте служили снайперами, водителями, танкистами, разведчиками. Награждены были Орденами Красной Звезды, Орденами Славы, медалями «За отвагу». Не было изменников. Изменниками они были до войны и после. Исходило это от тогдашнего руководства Советского посольства, поставившего клеймо всей русской диаспоре, как на недобитых белогвардейцах барона Унгерна, остатках банд атамана Семёнова. И это беспрецедентный случай в истории защиты исторической Родины русскими иммигранта-

ми из-за границы, из Монголии, официально призванными Советским Союзом. Они с честью выполнили свой долг.

По архивным документам ЦАМО рядовые из Монголии, призванные в 1942 г., большей частью пополнили ряды 23-й и 183-й стрелковой дивизии, 15-й гвардейской Харьковской стрелковой дивизии (звание присвоено в августе 1943), трижды Краснознамённой орденов Суворова и Богдана Хмельницкого железной дивизии.

Они сразу попали на передний край фронта величайших битв в истории. Безвозвратные потери наших воинов приходится на период начала ноября 1942 по 29 января 1943 гг. Курская и Калининская области стали братской могилой для сотен тысяч бойцов. Наши родные сражались под Москвой, Великими Луками, на Курской Дуге, на подступах к Сталинграду, в Крыму, на Кавказе, освобождали Прагу, брали Вену, Будапешт, Берлин, принимали участие в разгроме японских милитаристов на Дальнем Востоке в 1945 г.

Из воспоминаний Любови Дмитриевны Протасовой (дочери Дмитрия Андреевича Протасова): «Дмитрий Андреевич Протасов происходил из донского казацкого рода. Каким образом его предки оказались в Сибири, никому не ведомо, но вытравить из их фамилии лихой казацкий дух не удалось ни реформам, ни революции, ни репрессиям. Дмитрий Андреевич, родившись в Бурятии и прожив большую часть жизни среди исконных русаков в Монголии, не утратил казацких привычек, – пел и плясал, как это делали когда-то на Дону, имел особый говор и выправку. Во время летних ярмарок Дмитрий Андреевич запрягал своих вороных и правил исключительно стоя, а иногда выказывал и более затейливые трюки: на полном скаку рубил шашкой баранью шкуру или сползал под лошадиное брюхо и поднимался в седло с другой стороны. Так же искусно и стрелял. Может, поэтому и на войну снайпером взяли. Служил он исправно, молодёжь наставлял и домой вернулся, хоть и побитый (ранение в руку, ногу), но с «иконостасом» на груди: две медали «За отвагу», два Ордена Красной Звезды и два Ордена Славы. В тот день, когда его жене сообщили, что герой едет с фронта и к ночи дома будет, не спали даже младшие. Сидели на полу и ждали. К дому подъехала зелёная машина, из кузова кто-то выпрыгнул, заскрипела дверь, и в дом вошёл какой-то улыбающийся дядька в красивой военной форме. Обнял всех по очере-

ди, развязав петли вещмешка, одарил каждого по красному польскому яблоку. Дети, а их было девять, смотрели на яблоки, нюхали, а что делать с ними не знали... Дмитрий Андреевич в дер. Шамар всегда был на виду: то председатель колхоза, то руководит разделом сенокосных делян, на всех собраниях и праздниках в президиуме сидит. Строгий, резкий, чуть что не так, вожжей по спине. Но справедлив. Охотник и рыбак. Эта страсть его и свела в могилу: застудился по осени, слёг с пневмонией и умер в пятьдесят с небольшим».

Николай Иванович Власов родился в 1924 г. в Улан-Удэ. В 1923 г. родители переехали в Атан-Булак. В 1942 г. добровольцем ушел на фронт. Из воспоминаний: «Воевал я на Орловско-Курском направлении, под Ленинградом, под Москвой, под Минском, в Прибалтике, в Берлине. Военные события описаны многократно в военных мемуарах, а мне запомнился мирный эпизод. После освобождения Минска нас отвезли в небольшой деревянный городок Речица на несколько дней, затем переправили нас под Ленинград. А когда переправлялись через Финский залив, встретил старшего брата Дмитрия Шульгина из Монголии – Ивана. Самым памятным днём, конечно, стал День Победы. Я был в Берлине, бои закончились. И вот он, поверженный город, к которому вели трудные дороги войны. Рейхстаг. Надписи на обожженных стенах этого серого дома. Нашёл уголёк, нашлось и местечко, где я тоже расписался – Власов из Монголии». После войны служил в Польше, на Кавказе (г. Гори). В 1947 г. демобилизовался. Награждён 2 медалями «За отвагу» (2196590, 2489357), медалью «За взятие Кёнигсберга», медалью «За Одер, Ниссу, Балтику», медалью «За Победу над Германией», медалью Жукова, Орденом Отечественной войны 2-й ст. Окончил Монгольский государственный университет, работал до 1991 г. в Государственном педагогическом институте русского языка и литературы. Николай Иванович Власов был председателем совета ветеранов ВОВ, активным членом Общества советских граждан, постоянно проживающих в Монголии.

Георгий Александрович Ермолаев родился в пос. Цаганчулуутай. Проживал в Атан-Булаке. Рано начал работать на золотых приисках реки Ероо. В 1934 г. окончил водительские курсы. В 1939 г. был призван на воинскую службу в ряды Монгольской народно-революционной армии. Служил в 1319-м истребительном полку противотан-

ковой артиллерии 17-й армии МНР. Был участником Халхин-Гола. В 1942 г. прошёл ускоренные курсы сержантов и был назначен командиром мототяги артиллерии. Из воспоминаний Георгия Александровича: «Хорошо помню начало войны, как подавал заявление на фронт. А вместе со мной Иван Кулаков. Я был молод, а ему под сорок, шестеро ребят. Ему говорят “ну, куда ты, Иван, смотри какая у тебя семья”, а он на своём – “беда у всех одна – пойду защищать родную землю”».

Однажды тянули тягачами пушки на передовую, вдруг налетели вражеские самолёты, мы все повыскакивали из кабин и залегли. Иван говорит мне: “Молись, Гоша, монгольскому богу”. Это спасло или нет, не знаю, но из отделения в живых остались мы вдвоём. Ещё не раз были на краю гибели. Да видно дружба с Иваном заслонила от всех пуль. Всю войну он был у меня в отделении. И мы с ним дошли до Берлина. После Победы отбирали водителя, чтоб возить командующего артиллерией. Стал возить на “Студебекере” командующего Пласкова, демобилизовался в 1948 г. и вернулся к родителям и жене в Монголию».

Первое боевое крещение получил в тяжёлых боях под Москвой. Воевал в составе Украинского, Белорусского фронтов, был участником Курской битвы, освобождал Вену, Прагу, Будапешт, Берлин, где и встретил день Победы. Георгий Александрович был награждён Орденом Красной Звезды (1706582), Орденом Отечественной войны III ст., медалью «За отвагу» (800559), медалью «За взятие Берлина», медалью «За освобождение Варшавы».

Николай Иванович Власов и Георгий Александрович Ермолаев похоронены на русском кладбище в Улан-Баторе, где покоится прах и других шестидесяти трёх участников Великой Отечественной войны, проживавших после демобилизации в Улан-Баторе.

К сожалению, кладбище, несмотря на то, что там поставлен обелиск участникам ВОВ, находится в плачевном состоянии, ожидая хотя бы какой-то косметической реставрации.

Места захоронений граждан одной страны на территории другой как не что иное

показывают отношение к ним их Отечества, их защищённость. Так уж случилось, что россияне – потомки казаков и семейских – выходцев из центральных регионов России, посланные царём устанавливать российские кордоны волею судьбы оказались в Монголии. В советское время со стороны Советского Союза сложилось однозначное презрительное отношение к россиянам, постоянно проживающим в Монголии, как, в общем, и ко всем россиянам, оказавшимся за рубежом. Соответственно такое же отношение и к их местам захоронений – делайте, что хотите, что позволяет закон.

В настоящее время отношение не изменилось. Поэтому нами был создан официально, юридически зарегистрированный фонд «Возрождение», деятельность которого пока ещё не развёрнута.

УДК 94(571.55:5)
ББК ТЗ(2)62

*Николай Васильевич Гордеев,
Читинский институт
Байкальского государственного университета,
г. Чита, Россия*

Боевое взаимодействие войск Забайкальского фронта и Монгольской Народной Республики в Маньчжурской операции. Август 1945

Исследован короткий, но исторически важный период боевого взаимодействия советских и монгольских войск в разгроме японской Квантунской армии в августе 1945 г. Освещены ход Маньчжурской операции и успешное выполнение советско-монгольскими войсками поставленных перед ними боевых задач. Сделан вывод о вкладе войск Забайкальского фронта и МНР в ликвидацию угрозы со стороны милитаристской Японии на Дальнем Востоке. Используются отечественные и монгольские источники и литература.

Ключевые слова: Маньчжурская стратегическая наступательная операция, советско-монгольское военное сотрудничество, Забайкальский фронт, группа войск МНРА.

*Nikolay V. Gordeev,
Chita Institute of Baikal State University,
Chita, Russia*

Combat Cooperation Between Transbaikal Front Troops and the Mongolian People's Republic in Manchuria Military Operation. August 1945

Combat cooperation between the troops of Transbaikal Front and the Mongolian People's Republic in Manchuria military operation. August 1945. The article describes short but historically significant period of military cooperation of Soviet

and Mongolian troops in defeating the Japanese Kwantung Army in August 1945. The Manchurian military operation and successful performance of the tasks facing Soviet-Mongolian troops are described in the article. Their joint contribution to the common victory is presented. The article stresses the contribution of the troops of Transbaikalian Front to the elimination of the threat of war from militarist Japan in the Far East. Some historical data supplementing the information about Soviet-Mongolian military cooperation taken from national and Mongolian sources are used in the article.

Keywords: Manchurian strategic offensive operation, Soviet-Mongolian military cooperation, Trans-Baikalian Front, MPR's military forces group.

Выдающейся операцией советских войск на завершающем этапе Великой Отечественной и Второй мировой войн явилась небывалая по масштабам и значению Маньчжурская стратегическая наступательная операция. В её ходе с минимальными для СССР потерями была обеспечена ликвидация военной угрозы на Дальнем Востоке, достигнута полная победа над противником уже в начальный период ведения боевых действий. По праву эта операция вошла в историю войн и военного искусства как «новые стратегические Канны».

Важной характерной особенностью Маньчжурской операции явились совместные боевые действия войск Забайкальского фронта и Народно-революционной армии МНР (МНРА) в разгроме и капитуляции японской Квантунской армии, дислоцировавшейся на территории оккупированной Маньчжурии и созданного там Японией марионеточного государства Маньчжоу-Го.

В соответствии с разработанными замыслами стратегического наступления Забайкальский фронт силами четырёх общевойсковых, 6-й гвардейской танковой армии и группы войск МНРА должен был нанести удар из восточной части Монголии в общем направлении на Чанчунь и Мукден. Силы Группы войск МНРА составляли 25-я и 27-я мотострелковые и 43-я танковая бригады, 3-й мотоциклетный полк, 5, 6, 7, 8 и 59-я кавалерийские дивизии со средствами усиления. Этими силами планировалось начать наступление со стороны Тамцаг-Булакского выступа МНР в долоннорском и калганском направлениях [4, с. 38–39].

Советско-монгольское военное сотрудничество, начатое в период 1936–1940 гг., в возрастающих масштабах осуществлялось по следующим направлениям:

- предоставление советским правительством финансовой помощи Монголии на содержание армии и пограничных войск;
- поставка вооружения, военной техники и снаряжения для вооружённых сил Монголии;

– помощь в организации, обучении монгольской армии и пограничных войск, подготовке национальных кадров для них в советских военных учебных заведениях и созданных в Улан-Баторе военных училищах и школах;

– направление в Монголию советских военных инструкторов, специалистов [1, л. 1–2].

Монгольская Республика, имея непосредственную границу с японскими агрессорами, вынуждена была в 1943–1945 гг. значительно расширить и укрепить свою армию. Монгольское правительство, учитывая назревшую в этот период новую международную обстановку на востоке, приняло и провело целый ряд мероприятий по подготовке страны к войне и по усилению армии новыми формированиями, техникой и офицерскими кадрами.

В ходе подготовки к наступлению ещё более окрепла дружба между советскими и монгольскими воинами. Опытные фронтовики охотно делились с братской армией боевым опытом. Монгольские бойцы и командиры, хорошо знающие местные условия, передавали советским войскам опыт совершения маршей в полупустынной местности, учили искусству ориентирования в бескрайних степях, как находить воду и др.

Войскам Забайкальского фронта и МНРА противостояли в приграничной зоне передовые части Квантунской армии. Японское командование считало её наиболее мощной и компактной, лучшей по оснащённости и боевой выучке личного состава, полностью готовой к действию. С войсками Маньчжоу-Го и монгольского князя Дэвана эта армия насчитывала до 1,5 млн чел. По существу, она представляла собой подчинённую японцам Квантунскую группировку войск. Кроме того, японская сторона делала ставку на использование в своих интересах материальных и людских ресурсов оккупированной Маньчжурии.

Особые меры японским командованием принимались по строительству в Маньчжурии

вблизи границ СССР 17 укрепленных районов – мощных сооружений, напоминающих «линии Маннергейма» в дальневосточном варианте. Их общая протяженность составляла около 3,4 тыс. км, каждый из укрепрайонов занимал до 100 км по фронту и не менее 50 км в глубину. Самые мощные Чжалайнор-Маньчжурский и Хайларский укрепрайоны были размещены в непосредственной близости забайкальского участка границы.

Система укрепрайонов включала до 8 тыс. дотов, была снабжена многочисленными подземными переходами, складами оружия и боеприпасов, помещениями для питания и отдыха личного состава, медпунктами, вентиляционными сооружениями и санузлами, что позволяло каждому укрепрайону автономно вести боевые действия на протяжении длительного времени. Японское командование полагало, что маньчжурский железобетонный пояс неприступен, называло его «бансей-дзиоокаку» – «вечная стена», точнее – «стена, запертая на замок навечно» [3, с. 25].

Ставка Верховного главнокомандования учитывала, что для разгрома противостоящей сильной стратегической группы японских и марионеточных войск в сжатые сроки сил, находившихся на Дальнем Востоке, было недостаточно. В связи с этим в мае-июне 1945 г. была проведена перегруппировка значительного количества сил и средств с запада на Дальний Восток по единственной Транссибирской магистрали на 9–12 тыс. км. Эта операция также не имела аналогов в истории.

За время подготовки к войне с Японией в Забайкалье и на Дальний Восток поступило с запада около 136 тыс. железнодорожных вагонов с войсками и грузами. Особенно напряженными были июнь и июль, когда на железную дорогу восточнее Байкала поступало ежедневно от 22 до 30 поездов, нередко шедших один за другим на расстоянии зрительной связи.

Забайкальский фронт, в состав которого направлялось около половины всех эшелонов, испытывал большие трудности. Прибывавшие части и соединения должны были разгружаться в Чойбалсане. Однако пропускная способность участка железной дороги от станции Карымская до Борзи и от Борзи до Чойбалсана не обеспечивала такого потока эшелонов. Поэтому командование фронта решило моторизованные части и артиллерию выгружать на участке Чита – Карымская,

в 500 км от районов сбора, и направлять их дальше своим ходом по грунтовым дорогам [2, л. 89–90].

Марши были исключительно трудными. От жары перегревались двигатели, выходили из строя аккумуляторы, над дорогами висели тучи песчаной пыли. Несмотря на это суточные переходы колонн достигали 100 км. Для каждого прибывшего в Чойбалсан соединения был выделен район сбора. Танковая армия получила новые танки, доставленные заблаговременно с Урала. Следовавшие по железной дороге части соединились с частями и соединениями, совершавшими марш своим ходом. После этого стрелковые дивизии, механизированные и танковые корпуса в полном составе выдвигались в районы сосредоточения ещё на 300–400 км.

Основная работа по планированию фронтовой наступательной операции была завершена к середине июля. В период с 12 по 18 июля командующий войсками фронта Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский лично поставил задачи всем армиям и Группе войск МНРА. За эти дни самолёт командующего пролетел несколько тысяч километров. Ставка запретила фронтам отдавать какие-либо письменные распоряжения, относящиеся к операции, задачи ставились только устно.

16 июля командующий фронтом с генерал-полковником И. А. Плиевым, в подчинении которого находилась конно-механизированная группа (КМГ) советско-монгольских войск, вылетели в Улан-Батор. Там с Главкомом МНРА, Героем и Маршалом МНР Х. Чойбалсаном были отработаны все вопросы взаимодействия, уточнены оперативные и тактические задачи [8, л. 1–28].

4 августа командный пункт фронта переместился из Читы в Мамат-Сомон и расположился в землянках северо-западнее города. Ещё раньше сюда с оперативной группой прибыл Р. Я. Малиновский, а перед самым началом боевых действий он уже находился в Тамцаг-Булаке.

7 августа все фронты получили директиву о начале боевых действий против Японии с 9 августа [9, л. 192–193]. На следующий день правительство СССР объявило войну Японии.

Японские солдаты умели упорно сражаться, стойко переносили трудности походной жизни. Однако и на Хасане, и на Халхин-Голе советские войска показали своё морально-боевое превосходство. С учётом

того, что большинство личного состава войск Забайкальского фронта было участниками сражений с немецко-фашистскими захватчиками, это преимущество становилось ещё более значительным.

Высок был патриотический подъём монгольских воинов. 10 августа Малый Хурал и Правительство МНР, действуя в полном соответствии с Протоколом о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и МНР от 1 марта 1936 г., объявили войну с Японией. В декларации по этому поводу подчёркивалось, что на пути независимого существования Монгольской Народной Республики как суверенного государства стоял и стоит японский империализм – один из злейших врагов самостоятельного существования монгольского народа [6, с. 118].

Перед началом военных действий к личному составу группы войск МНРА обратился Главнокомандующий Х. Чойбалсан. В обращении говорилось: «Солдаты, сержанты, офицеры и генералы Монгольской народной армии! Сегодня по приказу своего Правительства вы переступили границы нашего свободного и независимого государства и вступили на землю наших братьев – внутренних монголов и баргутов, стонущих под игом заклятых врагов всех монголов – японских самураев.

Вы вступили в священную и справедливую войну за освобождение, независимость и объединение всех монгольских племён в единое свободное, независимое и суверенное государство. Вы сражаетесь на стороне армий Объединённых Наций плечом к плечу с братской героической Красной армией за мир среди демократических свободных народов всего мира, за уничтожение последнего фашистского агрессора – японского империализма.

К вам обращаюсь я с призывом быть достойными сынами нашей свободной и независимой Родины.

Сражайтесь храбро, мужественно и героически за наше правое дело, за свой народ, за свою Родину...» [11, л. 114–115].

Во время боевых действий Х. Чойбалсан, являясь также премьером Правительства, что требовало его пребывания в Улан-Баторе, всё же на протяжении короткого периода трижды вылетал на фронт, где находился непосредственно в войсках.

Ю. Цеденбал, являвшийся Генеральным секретарём ЦК МНРП и одновременно начальником Политического управления МНРА, впоследствии писал: «В ходе подготовки

и проведения наступательной операции, потребовавших колоссального напряжения сил личного состава наших войск, между советскими и монгольскими воинами, от солдата до генерала, царила волнующая атмосфера искренней дружбы, подлинного братства и взаимопомощи, что способствовало успешному выполнению поставленных командованием боевых задач».

Боевые действия на Забайкальском фронте начались в ночь на 9 августа, в 0 часов 10 минут по местному времени, мощным броском передовых отрядов – сильных, хорошо вооружённых и оснащённых техникой соединений на хингано-мукденском направлении. В короткой схватке эти соединения уничтожили японские пограничные заставы и, углубившись на 1–2 км, закрепились на территории противника. В 4 часа 30 минут одновременно на всех оперативных направлениях перешли границу главные силы фронта.

Ввиду того, что основные силы противника были отведены в глубь Маньчжурии, а оставленные ими в приграничной зоне части и соединения не смогли оказать серьёзного сопротивления, войска фронта к исходу 9 августа на правом крыле и в центре продвинулись на отдельных участках почти на 50 км, а подвижные соединения – на 120–150 км.

Части и соединения МНРА, закончив сосредоточение и произведя перегруппировку, вечером 8 августа заняли исходные позиции у государственной границы в соответствии с намеченным ранее планом наступления на долоннорском и калганском направлениях. Личный состав, воодушевлённый предстоящими сражениями, с нетерпением ожидал перехода в решительное наступление.

Группа войск МНРА главными силами на долоннорском направлении продвинулась на 55 км. Другая часть её сил, действуя на калганском направлении, продвигалась вдоль государственной границы от крайней точки фронта на его правом крыле.

Действия основных сил на этом крыле фронта обеспечивала КМГ советско-монгольских войск. Командовал группой генерал-полковник И. А. Плиев, его заместителем по монгольским войскам был генерал-лейтенант Ж. Лхагвасурэн. В итоге первого дня боевых действий все кавалерийские дивизии вышли дальше намеченных рубежей, выполнив задачу с превышением на 15 км [8, л. 29–30].

Высокий темп и внезапность советско-монгольского наступления, достигнутые уже

в первый день операции, позволили войскам Забайкальского фронта с самого начала захватить инициативу и максимально наращивать первоначальный успех. Советско-монгольские войска на всех оперативных направлениях быстро продвигались к жизненно важным центрам Маньчжурии.

В результате было сорвано выполнение японским командованием плана отвода главных сил Квантунской группировки войск на оборонительные рубежи, подготовленные заранее в глубине Маньчжурии, и навязывания затяжных боевых действий наступающим советско-монгольским войскам.

Японское командование было вынуждено в спешном порядке отдавать приказы о начале повсеместного отступления. Отходившие части противника, выполняя эти приказы, взрывали мосты, склады, телеграфные линии, отдельные участки железнодорожных путей, уничтожали или отравляли водные источники, пытались организовать партизанские действия в советско-монгольском тылу. Но все эти меры не принесли японцам ожидаемых результатов. Они были запоздавшими, не осуществлялись повсеместно из-за нарушения управления войсками.

Конно-механизированной группе советско-монгольских войск предстояло на долоннорском направлении овладеть Долоннором, затем наступать на город Жэхэ и развернуть движение на калганском направлении. Основную оборону на этом участке обеспечивала конница князя Дэвана.

От рубежа, на котором А. И. Плиев получил приказ командующего фронтом, до Долоннора было 300 км. Их предстояло преодолеть за трое суток. Это была задача огромной трудности. Соединения и части КМГ действовали в пустыне Гоби с её сыпучими песками и бурями, безводьем. Отступавшие японцы отравляли колодцы, нападали на тылы.

Для поддержки группы была направлена авиация, которая разметала основную массу дэвановской конницы. Остальная её часть была ликвидирована действиями советских воинов и монгольских цириков. Выход частям и соединениям фронта на оперативные просторы Маньчжурской равнины был открыт.

Разгромив кавалерийские дивизии Дэвана, части советско-монгольской КМГ вели бои с мелкими группами противника на подступах к городу Калгану. Здесь войска вышли на рубеж Калганского перевала, по которому были размещены сильные японские укрепрайоны. Советские и монгольские войска неожидан-

но атаковали мощные калганские оборонительные рубежи противника и ожесточенным штурмом взяли их. Передовой танковый отряд КМГ, действовавший на жэхэйском участке, преодолел большой Хинган, занял города Линьсинь, Дабаншан и Цзинпин.

В боях за Чжанбэй завершился полный разгром частей Дэвана. Этот город дэвановцы обороняли от наступающих советско-монгольских войск совместно с японскими диверсионными группами. 14 августа КМГ вступила в Чжанбэй, но встретила упорное сопротивление танков и пехоты противника, который контратаками пытался перехватить инициативу.

Конно-механизированной группе были приданы части 27-й мотострелковой бригады, танки и авиация, артиллерия. Три дня шли ожесточенные бои. Вечером 16 августа японо-дэвановская оборона была сломлена. Противник потерял только убитыми более 500 солдат и офицеров. Остатки кавалерийских дивизий князя Дэвана в количестве 1635 чел. сдались в плен [10, л. 11–12].

Успехи советско-монгольских войск в войне с Японией создали благоприятные условия для развёртывания действий народно-освободительных войск Китая. Их главное командование 8 августа направило в адрес И. В. Сталина телеграмму. «От имени китайского народа, – указывалось в ней, – мы горячо приветствуем объявление Советским правительством войны с Японией. Стомиллионное население и вооружённые силы освобождённых районов Китая будут координировать свои усилия с Красной армией и армиями других союзных государств в деле разгрома ненавистных захватчиков» [7, с. 194].

11 августа главнокомандующий 8-й освободительной армии Чжу Дэ подписал приказ о переходе в контрнаступление. В Жэхэ конники И. А. Плиева вошли в соприкосновение с народно-освободительными войсками Китая и организовали взаимодействие с ними. Это произошло с 16 на 17 августа. Войска Забайкальского фронта в совместных боевых действиях с 8-й китайской армией продвинулись в глубь Маньчжурии, атаковали Хайлар и Чжалантунь, подошли к Муқдену и Чанчуню.

Развивая наступление, войска фронта и МНРА расчленили отборные части Квантунской группировки, оторвали её значительную часть от войск, действовавших на северо-западе Маньчжурии, и глубоко проникли в оборону противника. Скорое завершение

Маньчжурской операции стало очевидным. Советские и монгольские войска успешно выполняли замысел командования фронтом, поставленные перед ними боевые задачи.

19 августа в 14 часов 10 минут в Чаньчуне, где находилась ставка японского командования, уполномоченный командующего войсками Забайкальского фронта полковник И. Т. Артеменко принял от главнокомандующего Квантунской армии генерал-барона О. Ямады акт о полной и безоговорочной капитуляции японских войск. Акт был объявлен по радио. Последующие два дня продолжались сражения с мелкими японскими подразделениями, которые либо не знали о подписании Ямадой акта о капитуляции и его приказе японским войскам о прекращении сопротивления, либо не признавали этого приказа и фанатично продолжали борьбу. К концу августа разоружение и приём в плен японских войск были завершены. Квантунская армия прекратила своё существование.

Менее 20 августовских дней продолжалось выполнение Маньчжурской операции. Велик вклад советско-монгольских войск в ликвидацию постоянного очага напряжённости на Дальнем Востоке – опасности вторжения на территории Советского Союза и МНР милитаристской Японии.

15 сентября в соответствии с приказом командования фронтом группа войск МНРА начала походным порядком возвращение в районы постоянного расквартирования на территории Монголии [8, л. 80].

Группа войск МНРА в боях с Японией участвовала в составе Южной группы войск Забайкальского фронта и, взаимодействуя

с ними, своим стремительным продвижением по трудно проходимой местности обеспечила захват важнейших оперативных пунктов Квантунской армии в северо-западной части Маньчжурии. Прирождённые кавалеристы, монгольские цырики на своих выносливых конях без труда ориентировались в условиях бескрайних степей, с редкими селениями и колодцами, под палящим зноем. Всё это значительно помогало успешному совершению рейдов КМГ на 700–900 км.

За образцовое выполнение приказа командования фронтом большая группа воинов МНРА была награждена орденами Советского Союза. Маршал Х. Чойбалсан был удостоен ордена Суворова I степени, Ю. Цеденбал – ордена Кутузова I степени, Ж. Лхагвасурэн – ордена Суворова II степени. От Сталина лично Чойбалсан также получил особо памятный подарок – экземпляр известной советской картины «Василий Тёркин на привале».

27 февраля 1946 г. в связи с окончанием десятилетнего срока действия Протокола о взаимопомощи между СССР и МНР Президиум Верховного Совета СССР и Президиум Малого Хурала МНР приняли решение превратить Протокол от 12 марта 1936 г. в Договор о дружбе и взаимопомощи со сроком действия на 10 лет. В ходе предварительного обсуждения этого вопроса И. Сталиным было высказано, что согласно протоколу о взаимопомощи советские войска должны быть выведены из МНР. Однако Х. Чойбалсан просил ни в коем случае этого не делать, так как «пребывание соединений Красной Армии на территории МНР является лучшей гарантией спокойствия страны» [5, л. 2].

Список источников и литературы

1. АВП РФ (Архив внешней политики Российской Федерации). Ф. За. Оп. 1. П. 12. Д. 106.
2. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. П-3. Оп. 1. Д. 197.
3. Гордеев Н. В., Грибова С. Н., Жданова Н. Н. Забайкалье – КНР // Межрегиональные отношения. 1945–2012 / под ред. Н. В. Гордеева. – Чита: Экспресс-изд-во, 2015. – 360 с.
4. Последние решающие сражения Второй мировой войны. Дальневосточная компания советских войск 1945 года / В. П. Зимонин, В. А. Золотарев, А. М. Соколов, В. М. Шуралёв. – М.: Кучково поле, 2015. – 184 с.
5. РГАНИ (Российский государственный архив новейшей истории). Ф. 89. Оп. 63. Д. 34.
6. Российско-монгольское военное сотрудничество от Халхин-Гола до линкора «Миссури» (1939–1946 гг.): сб. док. – Улан-Удэ; Улан-Батор: Оттиск, 2012. – 192 с.
7. Советско-китайские отношения 1917–1957: сб. док. – М.: Вост. лит, 1959. – 467 с.
8. ЦАМО РФ (Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации). Ф. 210. Оп. 2897. Д. 3.
9. ЦАМО РФ. Ф. 66. Оп. 178499. Д. 80.
10. ЦАМО РФ. Ф. 369. Оп. 189. Д. 15.
11. ЦНА (Центральный национальный архив Монголии). Ф. 1. Оп. 3. Д. 401.

УДК 327:330
ББК Ф4:У5

*Роман Геннадьевич Кирсанов,
Институт российской истории Российской академии наук,
г. Москва, Россия*

Санкционная политика США в отношении СССР в 1970-е – первой половине 1980-х годов

Статья посвящена актуальному на сегодняшний день вопросу – истории санкционного противостояния между США и СССР в 1970-е – первой половине 1980-х гг. Автор приходит к выводу, что, несмотря на прилагавшиеся американской стороной усилия по организации экономической и кредитной блокады СССР и вовлечению в эту политику западноевропейских государств, санкции создавали, прежде всего, неблагоприятные условия для развития американского и европейского бизнеса и финансовой сферы. В исследовании использованы архивные источники, ранее не введённые в научный оборот.

Ключевые слова: экономические санкции, банковский сектор, кредиты и займы, Экспортно-импортный банк США, советско-американские отношения.

*Roman G. Kirsanov,
Institute of Russian History Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

Sanctions Policy of the US Against the USSR in the 1970^s – the First Half of the 1980^s

The article is devoted to the topical subject – the history of the sanctions confrontation between USA and USSR in the 1970^s – the first half of 1980^s. The author comes to the conclusion that despite the American party made efforts to organize economic and credit embargo against the Soviet Union, the sanctions created, first of all, unfavourable conditions for the development of American and European business and Finance. The author used archival sources not previously introduced into scientific circulation.

Keywords: economic sanctions, the banking sector, loans and borrowings, Export-import Bank of the United States, Soviet-American relations.

В 2014 г. руководство США инициировало в отношении Российской Федерации целый ряд ограничительных политических и экономических мер, которые затем были поддержаны странами Евросоюза. Несмотря на реализуемые на федеральном уровне программы по стабилизации макроэкономической ситуации, перед российскими регионами также стоят задачи выработки новой экономической стратегии и развития контактов и взаимовыгодного партнёрства с зарубежными деловыми кругами. В этой связи большой практический интерес представляет обращение к историческому опыту политического и экономического противостояния между Советским Союзом и Соединёнными Штатами Америки, поиска точек сближения и налаживания конструктивного сотрудничества.

Начало 70-х гг. было ознаменовано рядкой международной напряжённостью и налаживанием диалога между СССР и США. Это привело к активизации советско-американской торговли, появлению в ней элементов долгосрочного характера, способствовало развитию взаимных деловых контактов.

Однако уже в 1974 г. большинством членов конгресса США, негативно относившихся к развитию советско-американских торгово-финансовых отношений, был принят закон об Экспортно-импортном банке США, который ограничил предоставление Советскому Союзу кредитов суммой всего в 300 млн долл. Если в течение предшествующих нескольких лет с Экспортно-импортным банком было подписано 17 кредитных соглашений на общую сумму 470 млн долл.,

то после принятия этого закона отношения с банком оказались фактически сведены к нулю. Вскоре была одобрена предложенная сенатором Генри Джексоном и членом палаты представителей Чарльзом Вэником поправка к новому кредитно-торговому законодательству, которая ставила предоставление режима наибольшего благоприятствования в торговле и государственных кредитах Советскому Союзу в зависимость от соблюдения им прав человека и, прежде всего, права на свободу эмиграции.

В 1976 г. по инициативе США ведущими капиталистическими странами было заключено так называемое «джентльменское соглашение» об установлении единых, более жестких требований к экспортным кредитам, предоставлявшимся странам (в том числе СССР).

В 1977–1978 гг. администрация президента Дж. Картера запретила продажу Советскому Союзу двух передовых компьютеров для гидрометеослужбы СССР и ТАСС, а также прекратила выдачу лицензий на экспорт в СССР машин и технологий для производства нефтегазового оборудования.

В 1979 г. в США был принят новый закон о контроле над американским экспортом, который значительно расширил список запрещённых к поставке в СССР товаров и наделил министра обороны США полномочиями по составлению запретительного списка [3, л. 35–37].

В начале 1980 г. под предлогом афганских событий администрация Картера предприняла ряд мер по ограничению торгово-экономических отношений с Советским Союзом, которые коснулись, главным образом, поставок зерна, суперфосфорной кислоты и некоторых видов передовых технологий и оборудования. Был также введён запрет на осуществление торговых операций и платежей, связанных с проведением Олимпийских игр в Москве. Помимо этого, был начат бойкот советских судов и грузов профсоюзом грузчиков Восточного побережья США и Мексиканского залива. Американские власти усилили нажим на своих союзников с целью расширения списков запрещённых к экспорту в СССР наукоёмкой продукции и технологий.

В апреле 1981 г. новый президент США Р. Рейган отменил прежние ограничения на поставки в СССР зерна и других продовольственных продуктов, но установил более жёсткий контроль над экспортом в соцстраны технологий, которые потенциально могли быть использованы в военных целях. В до-

полнение к этому была усилена проверка грузов, отправлявшихся из США в Советский Союз. Как сообщалось в американской печати, на тот момент под следствием находилось около 50 предпринимателей, обвинявшихся в нарушении правил экспорта в СССР.

Новая «порция» санкций последовала в конце 1981 г. Так, был введён запрет на поставки в СССР американскими компаниями оборудования для строительства газопроводов (речь шла, в первую очередь, о газопроводе Уренгой – Ужгород), были запрещены посадки самолётов «Аэрофлота» на территории США, прекратила свою работу советская закупочная комиссия в Нью-Йорке, были аннулированы лицензии на экспорт в СССР наукоёмкой продукции (главным образом, электроники и компьютеров).

В 1982 г. США перенесли акцент в своей антисоветской экономической политике в сферу кредитных отношений [1, с. 12]. Дело в том, что именно благодаря успешному развитию связей в области кредитования в 70-е гг. был обеспечен бурный рост торговли западноевропейских стран и Японии с Советским Союзом и другими соцстранами. Соединённые Штаты были крайне заинтересованы в подрыве этих связей, которые неизбежно привели бы к сокращению товарооборота. По словам бывшего госсекретаря США А. Хейга, «с точки зрения эффективности санкций против Советского Союза, без всякого сомнения, самой чувствительной областью являются экспортные кредиты».

В течение весны 1982 г. заместитель госсекретаря США Джеймс Бакли вёл активные переговоры с представителями стран Западной Европы, стараясь добиться от них согласия на введение новых ограничений на предоставление странам социалистического блока экспортных кредитов и кредитных гарантий. В результате были приняты поправки к упомянутому выше «джентльменскому соглашению», касавшиеся увеличения для советской стороны минимальных ставок по кредитам – с 10,5–11 до 12,15–12,4 % [2, л. 35–36]. Ставка делалась и на то, что если официально гарантируемые западные кредиты Советскому Союзу предоставляться больше не будут, то и западные коммерческие банки воздержатся от предоставления дальнейших займов Москве. В США была создана специальная служба, занимавшаяся сбором и анализом информации о кредитных отношениях банков стран – членов СЭВ с кредитными организациями капиталистических стран.

В июне того же года на встрече «Большой семёрки» в Версале был подписан итоговый документ, в котором заявлялось о необходимости выработки международной системы контроля за экспортом стратегических товаров в страны СЭВ. Выражая удовлетворение итогами этих переговоров, министр финансов США Дональд Риган заявил в интервью телекомпании «Эй-Би-Си», что «до сих пор использовались только дипломатические и военные методы», но теперь «впервые в истории семь стран, собравшись вместе, провозгласили, что отныне будут прибегать к экономическим и финансовым методам против Советского Союза» [2, л. 36]. Одновременно с этим в западной прессе началось распространение информации о неплатёжеспособности социалистических стран.

Вместе с тем Запад не столь однозначно относился к политике экономического бойкота СССР и его союзников и не был намерен в одностороннем порядке свёртывать с ними кредитно-торговые связи. Наоборот, экономическое сотрудничество с советским блоком было выгодно для капиталистических стран (включая США), поскольку способствовало улучшению торговой конъюнктуры и сокращению уровня безработицы. Помимо этого, западные страны получали в лице Советского Союза надёжный источник снабжения сырьём и топливом. Так, по оценкам западных экспертов, «восточная торговля» обеспечивала работой в Западной Европе не менее 2 млн чел., а каждый миллиард зернового экспорта в СССР давал работу около 350 тыс. американцам. Всего за два года после принятия конгрессом США в 1974 г. уже упоминавшегося закона об Экспортно-импортном банке американские фирмы потеряли заказы на сумму свыше 3 млрд долл. Была и другая проблема: ухудшение условий функционирования единого сельскохозяйственного рынка ЕЭС в связи с образованием крупных излишков сельскохозяйственной продукции и, как следствие, необходимость искусственной поддержки рентабельности хозяйств 8 млн фермеров [2, л. 41–42]. Многие страны пытались смягчить её за счёт расширения поставок сельскохозяйственной продукции в страны СЭВ, но в условиях свёртывания кредитных линий последним, на чём так настаивали США, это оказывалось весьма затруднительно.

По этой причине Соединенные Штаты приняли решение отказаться от открытого диктата в отношениях со своими союзника-

ми в сфере экономических связей «Восток – Запад» и стали говорить о «гибком» подходе к контактам с Советским Союзом. Было заявлено о начале «делового разговора» между США и СССР, а в скором времени Рейган поддержал заключение нового долгосрочного контракта о поставках зерна советской стороне.

В октябре 1983 г. в Москве на территории выставочного комплекса «Экспоцентр» в Сокольниках проходила американская выставка машин и оборудования для производства и переработки сельскохозяйственных продуктов – «Агробизнес США-83». В выставке приняли участие более 100 фирм, а большая часть экспонатов была закуплена заинтересованными советскими организациями. Мероприятие получило широкое освещение в средствах массовой информации США. Примечательно, что в американской печати содержалось множество критических высказываний относительно линии администрации США в вопросах торгово-экономических отношений с СССР и подчёркивалась несостоятельность политики санкций и ограничений [2, л. 47–49].

Экономические санкции против СССР, помимо нанесения прямого ущерба экономике западных стран, подрывали их международную репутацию как надёжных торговых партнёров. В первую очередь, это относилось к кредитно-банковской сфере, где, как известно, особенно ценится репутация контрагента. Ярким примером такого отрицательного воздействия ограничительных мер служило нарастание недоверия международных экономических кругов к американским банкам в результате «замораживания» финансовых активов Ирана администрацией Картера в 1979 г., а также отток капиталов из Лондона после блокирования банковских авуаров Аргентины в 1982 г.

Интересное совместное исследование в начале 80-х гг. провели эксперты ЦРУ и госдепартамента США. Согласно их прогнозу, если бы Запад в 1982–1983 гг. сократил наполовину экспорт готовой продукции в СССР, то прирост советского валового продукта замедлился бы всего на 0,2 % (что составляло 4,5 млрд долл.), в то время как в странах Запада падение ВВП составило бы 30 млрд долл. США.

Как отмечал тогда президент «Бэнк оф Америка» О. Клаузен, «ограничения в торговле обладают саморазрушительным эффектом, в нынешних условиях подобные

действия могут привести лишь к результатам, противоположным задуманным, и единственными проигравшими будут американский бизнес и доллар» [2, л. 41].

Что касается советской платёжеспособности, то банковские круги на Западе были вынуждены признать успехи соцстран в сфере управления своими иностранными долговыми обязательствами. К примеру, по итогам 1982 г., в отличие от других групп стран-земщиков, социалистические государства сократили объём внешней задолженности западноевропейским и американским банкам на 4,7 млрд долл., одновременно с этим увеличив национальные валютные резервы (на 2 млрд долл.).

Тем не менее, в первой половине 80-х гг. отношения между США и СССР характеризовались резкой конфронтацией. Были практически заморожены финансово-экономические, научно-технические и культурные связи. Помимо этого, в середине 80-х гг. Конгресс США несколько раз инициировал (правда, безуспешно) поправки в Закон об управлении экспортом, наделяющие главу государства правом ограничивать или запрещать экспорт капитала в СССР и другие социалистические страны [5, с. 8].

В этот период основная часть советско-американской торговли осуществлялась на основе трёх долгосрочных контрактов: пятилетнего межправительственного соглашения по зерну от 25 августа 1983 г., договора с концерном «Оксидентал Петролеум» о взаимных поставках удобрений и соглашения

с компанией «Пепсико» о поставках в США советской водки против закупки концентратов безалкогольных напитков [4, л. 6].

Пришедшее к власти в СССР в 1985 г. новое поколение партийных руководителей осознавало необходимость отказа от конфронтации с Западом. В дипломатических кругах стали обсуждаться перспективы встречи глав СССР и США. В свою очередь Соединённые Штаты и их западноевропейские союзники с пониманием отнеслись к переменам во внешней политике Москвы и также проявили готовность к диалогу. После встреч М. С. Горбачёва с ведущими представителями деловых кругов США значительно возросла заинтересованность американского бизнеса в налаживании связей с советскими партнёрами. В повестке дня двух ведущих держав стояла ревизия основ и принципов международных отношений.

Таким образом, постоянно вводившиеся в период администраций Картера и Рейгана ограничительные меры в отношении стран социалистического блока, хотя и затрудняли получение кредитов на Западе и импорт некоторых видов технологического оборудования, однако не наносили существенного ущерба экономике Советского Союза. Санкционная политика руководства США, в первую очередь, приводила к падению рентабельности американского бизнеса и вызывала сильное недовольство деловых кругов, что, в конечном счёте, повлияло на пересмотр приоритетов в экономических отношениях с СССР.

Список источников и литературы

1. Картамышева С. Н. Советско-американские отношения в конгрессе США (1984–1988 гг.). – Курск, 1997. – 125 с.
2. РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 2324. Оп. 32. Д. 2347.
3. РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 32. Д. 2928.
4. РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 32. Д. 3725.
5. Thompson S. Bipartisan challenge to «untied loans» // Executive Intelligence Review. Washington D.C., 1988. – December 9.

**РАЗДЕЛ 2
ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ. ЧЕРТЫ РАЗВИТИЯ
ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ**

**SECTION 2
PROBLEMS OF SOCIO-POLITICAL DEVELOPMENT
OF THE REGIONS. FEATURES OF THE DEVELOPMENT
OF BORDER AREAS**

**УДК 316.334.52:32
ББК С59:С032.2**

*Вера Александровна Парамонова,
Екатерина Олеговна Беликова,
Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград, Россия*

«Регион»: к определению понятия

Глобальный мир рубежа XX–XXI вв. породил массу проблем регионального уровня. Решение возникших задач в регионах требует не только практических решений, но и теоретического осмысления самого понятия «регион». Анализируется проблема теоретического осмысления региона как научной категории. Обозначены проблемы, связанные с определением понятия «регион». Акцентируется внимание на возможности «однонаправленности» в изучении региона.

Ключевые слова: глобализация, регион, научная проблема, системный подход, территориальное образование.

*Vera A. Paramonova,
Ekaterina O. Belikova,
Volgograd State University,
Volgograd, Russia*

“Region”: to the Definition of Notion

The global world of the turn of the XX–XXI centuries. spawned a lot of problems at the regional level. Solving tasks in regions requires not only practical but also theoretical reflection on the concept of “region”. Examines the problem of the theoretical comprehension of the region as a scientific category. Identified problems with definitions of the concept of “region”. Focuses on the possibility of “one-way” in exploring the region.

Keywords: globalization; region; scientific problem; systematic approach; territorial education.

Вторая половина XX в. ознамена попыткой регулирования человеческой деятельности в планетарном масштабе, что, по мнению Г. А. Комиссарова и И. М. Подзигун, было направлено на «расширение связей между странами и культурами, увеличение общего числа факторов, соединяющих различные народы и культурные традиции» [9, с. 59]. Результатом подобного «объединения», как отмечает Я. И. Слинин, стало появление «единого глобального общества, с единой глобальной экономикой и единой культурой» [14, с. 334]. В свою очередь А. И. Неклесса акцентирует внимание на том, что «Мир Нового времени стремительно уходит в прошлое. Обозначился системный кризис архитектоники общества, основанного на определённости национальных культур и устойчивости ценностно-рациональных форм мироустройства» [12, с. 165], т. е. произошла замена мира «разнообразия» (регионов) на мир «похожести» (глобальный). При этом А. В. Петров подчёркивает, что глобальная «информатизация, принципиально меняя характер трудовой деятельности, способствует разделению экономики на “реальную” и “виртуальную”, усилению влияния “демонстрационного эффекта”, создаёт предпосылки для глобальной дезинтеграции и появления новых коммуникационных барьеров» [13, с. 162, 164].

Глобальный мир – это также мир высоких технологий и информатизированного общества, которые, по мнению А. В. Петрова, определяют увеличение мобильности капитала, который (мобильный капитал), в свою очередь, «лишь способствует ускоренному накоплению фиктивного капитала, оторванного от движения реальных материальных активов и, тем самым, приводит к формированию предпосылок для глобальных финансово-экономических кризисов, наносящих серьёзный урон национальным экономикам развивающихся стран и мировому производству...» [Там же, с. 162].

Социально-политические и экономические реалии начала XXI в. привели к пониманию того, что мир «сузился»: финансово-экономические потрясения в «ядерных» (центральных) государствах (классификация И. Валлерстайна [17]) получают «отклик» в различных уголках земного шара. Всё больше и больше внимание стало уделяться конкретным регионам и наличию/отсутствию различных видов капитала для решения возникающих проблем. И зачастую региону приходится реагировать на глобальные про-

блемы мирового сообщества (например, ситуация в Ираке и Сирии обусловлена попыткой Запада «подключиться» напрямую к природным энергоресурсам данного региона).

Решение задач регионального развития невозможно без понимания: что же такое – регион. Активное использование понятия ещё не гарантирует наличия его (понятия) чёткой трактовки. Понятие «регион» не относится к числу точных научных терминов. Анализ проблемы отсутствия единообразного определения региона позволил исследователям выделить разнообразные причины сложившейся ситуации. Так, У. Айзард и его последователи, базовую причину в отсутствии единого определения понятия «регион» видят в том, что регион определяется «только как научная проблема...» и он «детерминирован тем вопросом, изучением которого мы занимаемся» [Цит. по: 10]. В свою очередь, И. С. Карабулатова отмечает, что «и в отечественной, и в зарубежной научной литературе отсутствует чёткость в определении предмета самой региональной науки» [7, с. 18]. По мнению А. Г. Чернышова, это связано с тем, что «в современной общественной науке регион выступает преимущественно как метафора или собирательный образ, который воплощает экономические, политические явления в их специфическом содержании применительно к провинциальным условиям функционирования общественных отношений» [16, с. 126]. При этом Г. А. Аванесова полагает, что многозначность «понятия связана с тем, что в выделении... региона разные специалисты, как правило, руководствуются различными основаниями и критериями» [1, с. 187]. Условность определения подчёркивается также и А. К. Матвеевым, указывающим, что это «территория исследования, избранная на основании топонимических (как правило, предварительных) и нетопонимических показаний» [11, с. 62].

В связи с этим, каждая отрасль научного знания, обращающаяся к региональному аспекту, вынуждена вырабатывать собственную трактовку данного понятия. Ведь, как отмечает К. Арви, «расплывчатость термина означает, что он лавирует между несколькими школами, не интегрируя их» [Цит. по: 10]. Именно поэтому регион может трактоваться как:

– территория, отличная от других районов по совокупности признаков и целостность которой обеспечена взаимосвязанными между собой элементами, входящими в её состав [4, с. 42];

– определённая часть народно-хозяйственного комплекса страны, для которой характерны специфические географические условия и природно-ресурсная специализация [8, с. 14];

– социально-территориальная общность, определяемая единством экономической, политической и духовной жизни [2, с. 53];

– территория, самостоятельная в хозяйственно-экономическом и административном отношении [15, с. 34];

– территория, расположенная в административных границах РФ, для которой характерно наличие политико-административных органов управления [3, с. 18] и пр.

В результате исследователю предлагается выбрать из огромного количества различных определений одно, которое позволяет изучать объект исследования под определённым ракурсом. При изменении взгляда на изучаемый объект исследователю приходится прибегать к иному определению региона. Анализ различных трактовок понятия «регион» позволил А. Макарычеву [10] выявить характерные черты, присущие различным определениям. Парадокс в том, что, несмотря на всё разнообразие трактовок понятия «регион», существует признак, который выявляется во всех определениях – во всех акцентируется внимание лишь на достаточно узком аспекте исследования, а остальные аспекты, по сути дела, игнорируются.

Помимо вышеуказанного общего признака разнообразных трактовок региона су-

ществуют ещё характеристики, которые проявляются, так или иначе, в различных определениях: это понимание роли региона как территориального образования, задачей коего является формирование условий для воспроизводства населения. В большинстве определений не учитывается также социокультурная составляющая регионального развития, на которую указывает Н. В. Дулина, отмечая, что именно взаимодействие «индивидуальных и/или коллективных агентов в рамках конкретной культуры есть основной источник воспроизводства и изменений социального пространства региона» [5, с. 52].

Попытка по преодолению существующей односторонности трактовки понятия «регион», свойственная большинству современных определений, была сделана коллективом исследователей под руководством Н. В. Дулиной. Они предлагают рассматривать регион как «сложную систему, расположенную в конкретных условиях географического пространства, поскольку вероятность появления и скопления социально-значимых ролей региона зависит от наличия природных ресурсов, климата и т. п.» [6, с. 18].

Таким образом, процесс глобализации как объективный процесс, определяющий качественные изменения в мировом социальном пространстве, не отменяет регионализацию как таковую. Системный подход к определению трактовки понятия «регион» помогает преодолеть однонаправленность в исследованиях.

Список источников и литературы

1. Аванесова Г. А. Ядро – периферия и процессы регионализации культуры: обзор // Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия / сост. Б. С. Ерасов. – М.: Аспект-Пресс, 1997. – С. 186–189.
2. Аитов Н. А. Социальное развитие регионов. – М.: Мысль, 1985. – 220 с.
3. Игнатов В. Г. Регионоведение (экономика и управление). – Ростов н/Д.: МарТ, 2000. – 416 с.
4. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. – М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2000. – 496 с.
5. Дулина Н. В. Социокультурное поле региона как условие и ресурс его развития // Условия, ресурсы и факторы развития России в XXI веке: сб. науч. ст. по итогам Всерос. науч. конф. (Волгоград, 20–22 окт. 2009 г.). – Волгоград: Изд-во ВолгГТУ, 2009. – С. 51–56.
6. Дулина Н. В. Социокультурное пространство региона: методология исследования / М-во образования РФ; Волгоградский гос. техн. ун-т. – Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2011. – 131 с.
7. Карабулатова И. С. Региональная этнолингвистика: современная этнолингвистическая ситуация в Тюменской области / М-во образования РФ; Тюмен. гос. ун-т. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2001. – 226 с.
8. Кожурин Ф. Д. Совершенствование регионального управления. – М.: Знание, 1990. – 61 с.
9. Комиссарова Г. А., Подзигун И. М. Образование и глобализация // Глобализация и философия / отв. ред. К. Х. Делокаров. – М.: Экспресс, 2001. – С. 56–81.
10. Макарычев А. Влияние зарубежных концепций на развитие российского регионализма: возможности и пределы заимствования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.prof.msu.ru/publ/book/round3.htm#Мак> (дата обращения: 01.03.2016).
11. Матвеев А. К. Ономатология. – М.: Наука, 2006. – 290 с.
12. Неклесса А. И. Конец истории, или цивилизации, или Зигзаг истории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.intelros.org/books/opera_selecta/opera_selecta_29.pdf (дата обращения: 28.02.2016).
13. Петров А. В. Политическая стабильность и развитие эффективного гражданского общества в России и Китае // Седьмой Китайско-Российский форум: сравнительный анализ проблем социально-

экономического развития КНР и РФ. Международный симпозиум по вопросу политической стабильности в процессе строительства демократической системы многонациональной страны (Тяньцзинь, 23–26 окт. 2009 г.). – Тяньцзинь: Тяньцзин. пед. ун-т, 2009. – С. 160–166.

14. Слинин Я. И. Наука, культура и будущее общества // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира: сб. филос. ст. / под ред. Б. В. Маркова, Ю. Н. Солониной, В. В. Парцвания. – СПб.: Петрополис, 2001. – Вып. 1. – С. 333–350.

15. Словарь прикладной социологии / сост. К. В. Шульга. – Минск: Университетское изд-во, 1984. – 317 с.

16. Чернышов А. Г. Регион: границы политического пространства // Регион как субъект политики и общественных отношений. – М.: Моск. общественный науч. фонд, 2000. – С. 125–135.

17. Wallerstein I. The modern World-System: Capitalist Agriculture and Origins of the European World-Economy in the XVIth Century. – New York; London: Academic Press, 1974. – 440 p.

УДК 321.01:94(47+57)

ББК Х400.51:ТЗ(2)-69

*Дмитрий Анатольевич Крылов,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Философия пограничного пространства

В статье рассматриваются проблемы современного состояния Дальнего Востока и Сибири. Появившиеся как результат колониальной экспансии на восток, они остаются территориями сырьевого назначения. Изменение ситуации возможно лишь при признании равного значения всех территорий страны с предоставлением им большей самостоятельности от центра.

Ключевые слова: пограничное пространство, внутренний колониализм, имперский дискурс, региональное самосознание, Сибирь, слабые регионы.

*Dmitry A. Krylov,
Transbaikal State University,
Chita, Russia*

The Philosophy of Edge of Space

The article considers the problems of modern state of the Far East and Siberia. Emerged as a result of colonial expansion to the East, they remain territories of the commodity destination. Changing the situation is possible only if the recognition of the equal value of all areas of the country, providing them with greater autonomy from the centre.

Keywords: boundary space, internal colonialism, Imperial discourse, regional identity, Siberia, the weak regions.

Формирование единого российского пространства – процесс, затянувшийся на столетия и не завершённый до сих пор. Просматривается строгое противопоставление центра и периферии, которое остается почти неизменным. Русский историк В. О. Ключевский высказал идею о том, что «история России есть история страны, которая колонизируется» [3, с. 50]. Современный историк культуры А. Эткинд считает, что смысл этой идеи не изменился и сегодня, отражая содержание современной внутренней политики в стране [6, с. 9–10].

Действительно, расширение пределов России в восточном направлении сформировало устойчивое представление о бескрайних просторах страны. От воззрений М. В. Ломоносова «о прирастании могущества России Сибирью и Северным океаном» до взглядов современных сторонников идеи пространства как показателя политического превосходства мы видим род некой панидеи.

В рамках той же панидеи отстаивается необходимость вхождения России в свои прежние границы, которое должно обеспечить ей геополитическое господство в харт-

ленде. Утверждается самодостаточность страны, которой нечему учиться ни у Запада, ни у Востока. Правда, при этом остаётся без ответа как парадокс одновременная развитость и отсталость страны [2, с. 294, 295]. Заметим, что таким же парадоксом является неравномерность развития территорий, где лишь 12 субъектов Российской Федерации не являются дотационными (на 2016 г.) [5]. Хроническое неблагополучие территорий является результатом не только сложившейся неблагоприятной ситуации, но и проводимой центром политики, направленной на сдерживание внутренней конкуренции и выражения самостоятельности, способной привести к сепаратизму.

Рассматривая территорию Сибири и Дальнего Востока в первую очередь на предмет природных ресурсов или «кладовых страны», вполне можно говорить не столько о государственном универсуме, а о колониальной территории, где метрополия решает задачи обеспечения исключительно собственного благополучия. В этой связи заметим, что совершенно не случайно в 2012 г. появился план создания госкорпораций, которые должны были действовать в обход федеральных законов и, соответственно, не считаясь с федеративным устройством государства. Не меньшая проблема и опасность скрыты в периодически возникающих разговорах об укрупнении или оптимизации регионов.

Сибирский публицист и один из основателей областничества Н. М. Ядринцев в своё время писал о двойственном характере освоения Сибири – казённом и народном. Первое было связано с насаждением острогов и крепостей, строительством трактов. Для второго же было характерно движение «народа-плотника» и жизни [7, с. 154].

Описание исследователем местных народов и русских переселенцев совпадает с представлениями о жителях колоний как экзотах, живущих в диких условиях и не обладающих развитым сознанием. Максимум, на что они способны в своей массе, – это оставаться в рамках обыденной жизни, грубой и отсталой. Впрочем, здесь нет особой оригинальности, и подобную мифологию можно услышать и в наши дни. Более интересен вывод о формальной стороне участия государства в колонизации восточных земель, где рассматривается идея утверждения границы.

Сибирская экспансия обеспечила Россию приростом пространства, которое она

не смогла освоить и спустя пять столетий. Но при этом было сформировано устойчивое представление об охране границ от внешних угроз, что и требовало от государства направленных усилий. Тогда как собственное развитие приграничных территорий вызывало сомнение в целесообразности подобных усилий. никоим образом изменения в постановке проблемы не видны и при рассуждениях об особой роли Сибири и Дальнего Востока в судьбах России и в новейших условиях. Достаточно вспомнить множественные проекты создания специальных экономических зон, которые могли бы способствовать экономическому развитию приграничных территорий.

Сошлёмся на разработанную ещё в 2000 г. программу развития Сибири и Дальнего Востока, так и оставшуюся мертворожденным документом: «В основе нового подхода к оценке ситуации в Сибири и на Дальнем Востоке должны находиться четыре принципиальных положения: а) признание *объективного характера* процессов формирования экономической (в том числе внешнеэкономической), социальной, демографической (в том числе миграционной), этно-национальной ситуаций; содержание и направленность всех этих процессов на территории России, Сибири и Дальнего Востока обусловлены закономерностями трансформационного периода; б) использование *системного подхода* к оценке взаимовлияния предпосылок и последствий указанных процессов; каждое явление следует оценивать в единстве причин и эффектов политического, экономического, социального, этнонационального и т. п. характера; в) учёт огромных качественных и количественных *различий отдельных частей* Сибири и Дальнего Востока; территориальная дифференциация – наиболее явная и обычно наименее учитываемая характеристика этого региона; г) рассмотрение связей Сибири и Дальнего Востока с европейской частью России не только в традиционном контексте экономического межрегионального обмена, а с позиций *всего спектра социально-экономических отношений*» [1, с. 6].

В результате сдерживающей деятельности метрополии активность населения в регионе ограничена, а местное руководство стремится лишь к получению денежных траншей для последующего их распределения из столицы. Даже такой ресурс, как использование возможностей по транзиту товаров через пограничную территорию, находится под кон-

тролем федерального центра и его таможенных структур. Принижение роли приграничных районов накладывает свой отпечаток, формируя род комплекса неполноценности для периферийных регионов.

Возможно, что некая подвижка произойдёт после запуска проекта «Дальневосточный гектар», который сравнивают с проектом переселения крестьян в Сибирь во времена столыпинских реформ. Но и здесь виден «произвол» или волюнтаризм центра, готового пойти на переселение части населения на Восток без учёта современных тенденций и изменившихся стандартов жизни. Чем смогут заниматься переселенцы, не ясно или представляется в простейших формах: дом построить, пасеку завести и т. п. [4].

Условия жизни в пограничье формируют потребности в расширенных коммуникациях и постоянных контактах с населением сопредельных территорий. Для этого наиболее всего подходит развитие торговли и туризма, а также снижение имперского стремления к жёсткому контролю и фиксированной идентичности, который характерен для задач охраны территорий, а не их развития. Стремление к закрытости и самодостаточности исторически себя не оправдало, позволяя решать задачи тактического уровня без стратегической перспективы на будущее. При этом имперский дискурс не только не получает не-

обходимого движения вовне, но и не решает внутренних проблем из-за постоянно сокращающихся финансовых ресурсов.

Заманчиво пойти по пути воплощения в жизнь геополитических теорий, но итог может оказаться прямо противоположным, так как пресловутый хартленд не гарантирует господства для страны с явно недостаточным ВВП, формированию которого может способствовать лишь активная экономическая позиция, а не бряцание оружием и сообщение всем и вся о своей мощи. Разумеется, что это замечание из разряда эмоциональных сентенций, но за внешнеполитическими действиями должны просматриваться и действия, направленные на улучшение ситуации внутри страны и в её регионах.

В качестве предварительного итога и, считая, что начатый разговор должен быть продолжен, следует высказать следующее: слабые регионы – слабая страна.

Необходимо изменить отношение к территории Сибири и Дальнего Востока, говоря не об эксплуатации её природных ресурсов, а о развитии. Нужно изменить отношение к периферии, предложив для начала вариант формирования полупериферии, обладающей более широкими полномочиями и самостоятельностью при принятии хозяйственных и финансовых решений. Колониальная ментальность имперского типа должна отойти в прошлое.

Список источников и литературы

1. Андреева Е. Н., Зайончковская Ж. А., Кузнецова О. В. Стратегия для России: новое освоение Сибири и Дальнего Востока. – М., 2001. – Ч. 1. – 140 с.
2. Ильин В. В. Философия истории. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. – 380 с.
3. Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1987. – 430 с.
4. Кофман А. Гектаром не нужно [Электронный ресурс]. // Совершенно секретно. – Режим доступа: <http://www.sovsekretno.ru/articles/id/4715> (дата обращения: 28.04.2016).
5. Самым дотационным субъектом России в 2016 году станет Дагестан // РИА «Дербент» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://riaderbent.ru/economy/270-samym-dotacionnym-subektom-rossii-v-2016-godu-stanet-dagestan.html> (дата обращения: 30.04.2016).
6. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. – М.: Новое лит. обозрение, 2013. – 448 с.
7. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1889. – 472 с.

УДК 81'42:327(470)
ББК Ш105.51:Ф4(2Рос)

Михаил Григорьевич Ганопольский,
Институт проблем освоения Севера СО РАН,
г. Тюмень, Россия

Граничный дискурс в контексте проблемы отечественной регионализации¹

В статье проанализированы основные формы и способы артикуляции граничного дискурса в общественно-политической лексике Российской Федерации, показана история его появления и развития. Особое внимание уделено месту граничного дискурса и его роли в контексте проблемы отечественной регионализации, предшественником которой стало разрушение особого рода тотальности.

Ключевые слова: граница, граничный дискурс, регион, регионализация, Тюменская область.

Mikhail G. Ganopolsky,
Institute of Problems of Development of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Tyumen, Russia

Boundary Discourse in the Context of Domestic Regionalization²

The article analyzes basic forms and methods of boundary discourse articulation in the social and political lexicon of the Russian Federation, the history of its emergence and development. The author assesses the place and role of boundary discourse in the domestic regionalization as a successor of a particular kind of totality destruction.

Keywords: border, boundary discourse, region, regionalization, Tyumen oblast.

Термин регион приобрёл популярность в отечественном общественно-политическом и экономическом лексиконе сравнительно недавно. В 90-е гг. из специальной научной литературы он переключался в статьи публицистов и речи политиков, прочно обосновался в повседневной лексике, стал ключевым в особом региональном дискурсе, ознаменовавшем не только изменение общественного строя, но и кардинальную трансформацию пространственного бытия россиян. Смена дискурса: от тотального – к региональному.

Трансформации, связанные как с расширением или сжатием внешних границ страны, так и с внутренней административно-террито-

риальной перекройкой, происходили в России неоднократно. Но непосредственным предшественником регионализации 90-х гг. стало разрушение особого рода тотальности. Соответствовавший ей тотальный граничный дискурс сформировался в общественно-политической лексике нашей страны в начале 30-х гг. и пришёл на смену идее мира без границ, где бы можно было «без России, без Латвий, жить единым человеческим общежитием». Утверждался же он не столько официальными средствами партийной публицистики, сколько силой художественного слова. Заметную роль сыграли здесь тексты популярных советских песен («Катюша», «Три танкиста» и др.).

¹ Работа выполнена в рамках проекта № 0372-2015-0007 «Постколониальность Сибири: пространственная схема и социокультурная динамика» Комплексной программы фундаментальных исследований СО РАН «Интеграция и развитие».

² This work was performed as part № 0372-2015-0007 of the “Postcoloniality of Siberia: spatial scheme and the sociocultural dynamics» Integrated Program of Fundamental Research of SB RAS “Integration and Development”.

Нерушимость границ и связанная с ней социально-психологическая атмосфера тех лет были обусловлены не только мотивами внешней угрозы. Важнейшим внутренним фактором стало формирование особого рода триединой тотальности, объединявшей Власть, Собственность и Территорию («от Москвы до самых до окраин...»).

Во время Великой Отечественной войны данная триада существенно трансформировалась, но в послевоенный период основные тенденции её возрождения проявились с новой силой, что нашло своё отражение в тотальном граничном дискурсе периода холодной войны. Власть в качестве вершины упомянутой триады была персонифицирована. И граничный дискурс, приобретая черты тотальности, распространялся не только на топологию власти, но и на её антропологию. Социально-психологическую атмосферу тех лет гениально выразил Александр Твардовский в заключительной главе поэмы «За далью даль».

...Когда кремлёвскими стенами
Живой от жизни ограждён,
Как грозный дух он был над нами, –
Иных не знали мы имён...

Граничный дискурс становится у автора доминантой повествования-исследования не только благодаря использованию разнообразных синонимов слова «граница», но главным образом, за счёт особой предельной напряжённости текста. Это показательно для происходившей в середине 50-х гг. эрозии тотальности, которая потребовала соответствующей деперсонификации. Её воплощением стало разоблачение (преодоление) так называемого культа личности и его последствий.

Был ли происходивший в начале 90-х гг. распад пресловутого триединства (как в целом, так и по каждой его составляющей) – прямым следствием этих процессов или же трагической случайностью, теперь уже вряд ли можно определить.

В какой-то мере смена оптики в теоретическом воспроизведении процесса регионализации может быть обозначена как переход от однообразия к разнообразию. Отсюда и потребность в определённом схематизме при конструировании образа региона. И хотя попытка пунктирно наметить основные тенденции становления региона действительно схематична, тем не менее, схемы административно-территориального деления страны и отдельного региона, каркас расселения

территориальной общности, карты-схемы городов и т. д. способны дать представление о структурной зрелости рассматриваемого объекта с необходимой степенью глубины и подробности. Поэтому становление региона может быть интерпретировано как зарождение, усложнение и совершенствование такого рода структур, как реализация проекта самосозидания региона в его движении от схемы – к образу.

Но современный российский регион – это не только пространство в двух своих основных ипостасях (субстанциональное и реляционное), но и процесс. С точки зрения схематизма правомерно представить эти три аспекта как особые организационные типы: властный, производственный, поселенческий. В состоянии «индустриальной зрелости» они рационализируются и приобретают чётко выраженную, геометрически представимую структуру. В терминах теории графов это: «дерево» (аналог схемы властной иерархии) и два вида сети – ориентированная, или «сетевой график» (аналог схемы алгоритма – не только вычислительного, но и организационно-производственного), и обычная (аналог структуры расселения или же сети коммуникаций). С другой стороны, различие организаций и их структур можно наглядно представить на примере типических социальных объектов, в которых они наиболее полно воплощены: армия, завод, поселение.

Предложенная типология отличается от тех, которые обычно приняты в работах по теории и социологии организаций, хотя и не противоречит им. Вполне возможно, что потребность в геометрическом представлении такого рода и не возникала. Правда, аналогичные структуры применяются при построении баз данных в информационно-вычислительных системах. Там они соответственно носят названия: иерархическая, сетевая и реляционная. То, что одним лишь иерархическим упорядочением в организационном описании социальных объектов не обойтись, подтверждает методическую оправданность предложенной нами типологии.

Сложность проблемы отечественной регионализации не позволяет сформулировать её не то что в полном объёме, но даже конспективно. Поэтому ограничимся кратким изложением ключевых её моментов и одновременно сузим рамки рассмотрения до одного региона. Таким регионом, сочетающим в себе черты универсального (типичного) и уникального (единичного), является для

нас Тюменская область. Речь пойдёт о территориально-производственном комплексе, сформировавшемся в ней в ходе нового индустриального освоения в единстве времени, места и индустриального действия.

Новое промышленное освоение практически безлюдных просторов севера Тюменской области не просто надстроило над географической средой последовательные слои индустриальных производств, оно изменило суть данного пространства. Теперь о регионе уже невозможно говорить как о синониме территории или же как о чисто умственном конструкте. Правда, в последнее время российские регионы всё чаще рассматриваются как субъекты региональной политики. Политический лексикон делает своё дело, подменяя смыслы, интерпретируя место жизни и деятельности людей прежде всего как поле столкновения политических интересов. И на фоне накала политических страстей банальной кажется мысль, что регион и в нынешнем своём облике – это не только политико-административная единица, не только производственные мощности, не только нефть и газ, но прежде всего люди, которые заселили эту землю, обжили её, освоили эти мощности и, самое главное, видят (до поры до времени?) смысл в том, как они живут и что делают. То есть чувствуют себя на этой земле, в этом индустриальном пространстве на своём месте. Правда, некогда общий для большинства вчерашних мигрантов вектор интереса Человек – Место действительно распадается на множество векторов различной направленности. Составляют ли эти векторы единое поле, ибо без такого единства рассуждения об экономике, политике, о регионе – как о некоей целостности – будут лишены оснований? Постараемся подойти к этому вопросу ретроспективно.

Тюменская область была образована в результате перекройки границ, завершившей двадцатилетний период непрерывных изменений административно-территориального деления в этой части Западной Сибири. Большая её часть была выделена из состава Омской области, а четыре южных района ранее входили в состав Курганской области. По территории новая область оказалась самой большой в стране, но в экономическом и социальном отношении явно уступала своим соседям. В основном это была неудобно, казалось непригодным для жизни и хозяйственной деятельности. Территория, географическое пространство – вот основное богатство

области и предмет её гордости в ту пору. Истинные мотивы ликвидации Тюменской губернии в начале 20-х гг. и возврат к Тюменской области уже в новой конфигурации вряд ли так уж просто сейчас обнаружить. Но в итоге получилось так, что Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция почти полностью уместилась в границах Тюменской области.

Геологи, реализуя схемы поиска и разведки углеводородного сырья, разметили территорию, подготовили её к дальнейшему послойному освоению. Но при этом они произвели ещё одну разметку. Геологические партии, экспедиции – это одновременно и производственные коллективы, и «кочевые» поселенческие микрообщности, а сами геологи в силу особенностей своей профессии – наиболее яркие представители безместного (утопического) сознания. Они не только задали региону первоначальный палаточный стандарт, окрашенный романтикой неустроенности, но и на старте процесса освоения предопределили субординацию организационных структур – подчинили структуру расселения задачам производства. Затем эту эстафету подхватили строители, для которых безместность собственной жизни подчинена новоместности Великой стройки. Нефтяники, газодобытчики в профессиональном отношении ориентированы на менее мобильную организацию, но и они стали следовать заданному стандарту. Таким образом, в основу жизни людей закладывались, с одной стороны, геологическая разметка территории в сочетании со схемой административного подчинения её фрагментов, а с другой – динамичные индустриальные ритмы жизнедеятельности, которые требовали адекватных способов и структур расселения. В итоге образовалась организационно-технологическая матрица будущего региона. Она и стала первичной формой сцепления популяции.

Организационный комплекс, который превратил территорию в регион, можно было бы назвать территориально-индустриальным. Это сочетание целого ряда организационных структур различного назначения и уровня сложности. Главным в этом комплексе было то, что в производственно-технологическом и территориальном отношении он представлял собой единое целое, а организационные структуры властного типа были в нём более дробными и обособленными. Это было обусловлено целым рядом факторов: преобладание добывающей промышленности, её

привязка к конкретному месту, утилитарное отношение к ландшафту, проявившееся в тотальности объекта деятельности, многослойный индустриальный характер нефтегазового комплекса, прописанного в геолого-географических координатах единого объекта, особая практика проектирования и сооружения нефтегазопромысловых предприятий и др.

Но тотальность технологии не сразу стала работать на сплочение общности. Технологические цепочки производства и соответствующие им способы организации людей, вовлечённых в трудовой процесс (эскизно спроектированные на «большой земле»), распространялись и на остальные сферы их жизнедеятельности. По образу и подобию производственных технологий создаётся система отбора и первоначальной адаптации мигрантов. Постепенная замена формальных (технических) уз сцепления живыми человеческими связями вначале происходит по месту работы, в трудовом коллективе и в значительно меньшей степени – по месту жительства. Да и место жительства – это вначале ведомственный посёлок с проецируемой на него производственной иерархией.

Система, названная впоследствии административно-командной, повсеместно превратила трудовые коллективы и их организации в основные ячейки собственного воспроизводства. Последующая эволюция этих коллективов выдвигала нормы делового и внеделового взаимодействия, а фирменно-отраслевой принцип распределения большинства социальных благ удерживал коллектив от других вариантов трансформации. Конечно, о полном превращении коллектива в «общину» говорить не приходилось. Но даже если гипотетически принять этот вариант развития, то он не стимулирует общностные процессы. Скорее, наоборот – автономизация локальных коллективов препятствует формированию региональной общности. Тогда возникает вопрос: как возможна в этих условиях общностная интеграция? Постараемся ответить на него хотя бы в первом приближении.

Период нового промышленного освоения 60-х гг. был переходным с точки зрения роли властного типа организации. Его явное доминирование над производственной структурой было в прошлом, а технологизация и децентрализация процесса ещё не состоялись. Здесь необходимо небольшое пояснение. Из Великой Отечественной войны страна вышла, вооружённая совершенно

новым организационным опытом. Он укрепился в период послевоенного восстановления хозяйства и в какой-то степени преопределил последующую децентрализацию административно-территориального и экономического управления (в 1957 г. были существенно расширены права местных органов власти, а затем образованы совнархозы). Этот опыт в полной мере проявился в годы нового индустриального освоения Тюменской области. Прежде всего, как масштабный опыт штабно-фронтального «захвата» территории, расквартирования на ней, сооружения опорно-тыловых баз, налаживания не только производства, но и минимального быта и т. д. Если в ряде экономических районов процесс децентрализации тормозился из-за неразвитости периферийной (местной) организации производства, то в сибирских регионах всё разворачивалось по иной схеме. Когда спустя несколько лет было восстановлено централизованное отраслевое управление, удельный вес периферийных производств в составе каждой из представленных здесь отраслей был настолько велик, что их формальная значимость сразу же приобрела союзный ранг и была близка к статусу экстерриториальности. В этом была опасность для центральных органов отрасли и, конечно же, для параллельной системы административно-территориального деления и подчинения. Итогом их давнего соперничества стал компромиссный вариант: создание территориально-отраслевых управленческих структур при относительной сбалансированности тенденций ведомственности и местничества в их региональном проявлении. На уровне конечных звеньев отраслевых систем также стали возникать концентрические связи. При общей ориентации на постоянное заселение подобная сбалансированность стимулирует урбанизацию региона. И хотя вначале города складываются из отдельных ведомственных посёлков, сливаясь в агломерацию, они превращаются в аванпосты будущей региональной общности.

Освоение было спроектировано, однако уровень проработки различных фрагментов проекта был неодинаков. Там, где дело касалось объектов производственного назначения, существовали утверждённые и практикуемые нормы, подыскивались аналоги, включалась интуиция проектантов. Там же, где речь шла о размещении людей, устройстве их быта, в проектах зачастую оставались белые пятна. Да и к чему было созда-

вать детальный социальный проект, если на месте всё как-то стихийно утрясилось. Конечно, без расчёта численности персонала не обходилось, но графа численность (да ещё помноженная на коэффициент семейности) – это, пожалуй, единственное место в проекте, где люди как-то упоминались. Вместе с тем не хотелось бы говорить здесь ни о крупных просчётах в социальной политике, ни о пренебрежении судьбами людей. В те годы такой укрупнённый проектный подход не считался пренебрежением. Это был очередной акт утопии, когда упрощенность и абстрактность схем действия была рассчитана на определённый состав исполнителей.

Именно в эти годы, а точнее с конца 60-х гг., в обиходный язык прочно входит слово устройство. Раньше оно встречалось редко, считалось областным (сибирским), означало устройство нового места и «по совместительству» выполняло роль специального термина – строительство на нефтяных и газовых месторождениях. Теперь это был синоним устройства жизни, её благоустройства. С началом освоения Тюменских месторождений нефти и газа для всей страны

в очередной раз началась жизнь на новом месте, и люди стали эту жизнь обуустраивать. В экзистенциальном же измерении проблемная ситуация также становится утопической: отчасти гамлетовской («оборвалась времён связующая нить»), отчасти лировской (разорвалась связь пространств). В последние годы она дополнительно осложнена социально-территориальным конфликтом внутри Тюменской области (о чём необходимо говорить особо).

Как будет она развиваться в дальнейшем? Пока что ни один из известных нам прогнозных сценариев, специально посвящённых Тюменской области, не оправдался. Те же, кто смотрят на ситуацию извне, апеллируют опять-таки или к соседнему пространству, или к предшествующему времени, а далее действуют дедуктивным методом. Пессимистичная или оптимистичная трактовка привлечённых для этого аргументов, очевидно, обусловлена особенностями оптики интерпретатора. Но, как известно, оптимизм иной раз состоит в уверенности, что действительность непредсказуема, а прогнозы, как правило, не сбываются.

Список источников и литературы

1. Кант И. Критика чистого разума // Собр. соч.: в 6 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1964. – 661 с.
2. Лосев А. Ф. История античной эстетики. – М.: Искусство, 1969. Т. 2. – 641 с.
3. Месарович М., Мако Д., Такахара И. Теория иерархических многоуровневых систем. – М.: Мир, 1973. – 344 с.
4. Пригожин А. И. Современная социология организаций. – М.: Интерпакс, 1995. – 296 с.
5. Розин В. М. Введение в схемологию: схемы в философии, культуре, науке, проектировании. – М.: Либроком, 2011. – 256 с.
6. Чаадаев П. Я. Отрывки и разные мысли: в 2 т. Т. 1. – М.: Наука, 1991. – 704 с.
7. Щедровицкий Г. П. Заметки о мышлении по схемам двойного знания: избранные труды. – М.: Шк. культурной политики, 1995. – 800 с.

УДК 327
ББК Ф4(0),04

*Константин Николаевич Лобанов,
Белгородский юридический институт МВД России им. И. Д. Путилина,
г. Белгород, Россия*

**Политико-стратегический потенциал приграничного
сотрудничества в контексте перспективного
развития евразийской интеграции
(на примере еврорегиона «Слобожанщина»)**

В предлагаемой публикации рассматриваются вопросы организации и развития приграничного сотрудничества сопредельных административно-территориальных единиц Российской Федерации и Украины. Автор отмечает, что, несмотря на воздействие негативных факторов последнего времени, наиболее оптимальной организационно-правовой формой поддержания такого сотрудничества остаётся «еврорегион», позволяющий сопредельным субъектам максимально реализовывать локальные стратегии роста, а самим соседним государствам – удерживать присутствие в геополитическом и геоэкономическом поле евразийской интеграции.

Ключевые слова: евразийская интеграция, приграничное сотрудничество, Российская Федерация, Украина, «еврорегион», «Слобожанщина».

*Konstantin N. Lobanov,
Belgorod Law Institute of the Russian Interior Ministry,
Belgorod, Russia*

**Cross-Border Cooperation Political and Strategic
Potential in the Context of Prospective Development
of the Eurasian Integration
(on the Example of “Slobozhanschina” Euroregion)**

In the offered publication questions of the organization and development of border cooperation of adjacent administrative and territorial units of the Russian Federation and Ukraine are considered. The author notes that, despite influence of negative factors of the last time, the most optimum organizational and legal form of maintenance of such cooperation there is “euroregion” allowing adjacent subjects to realize as much as possible local strategy of growth, and to neighboring states – to hold presence at a geopolitical and geoeconomic field of the Euroasian integration.

Keywords: euroasian integration, border cooperation, Russian Federation, Ukraine, “euroregion”, “Slobozhanschina”.

Уход с политической арены СССР вызвал появление большого числа новых стран и обширного нового пограничья. Протяжённость новых границ России составила около 13 тыс. км, из которых 12 тыс. км – со странами бывшего Советского Союза. Новые российские границы не оформлены в договорно-правовом отношении, границы также не прикрыты в военном плане. Отсутствие полноценного обустройства границ предполагает известную «прозрачность» рубежей России, что делает территорию страны уязвимой со стороны различного рода угроз и рисков.

Таким образом, необходимость укрепления экономической и иной безопасности России требует и укрепления новых государственных границ. Различные темпы экономических преобразований, углубляющиеся различия в правовом пространстве, очевидно разные геополитические ориентации объективно способствуют усилению барьерной функции российских границ со странами СНГ. Однако, это лишь одна сторона вопроса.

Другая часть проблемы заключается в том, что ни Россия, ни большинство новых государств на её рубежах не могут позволить

себе колоссальные затраты, которых требует обустройство границ. А это означает, что ещё длительное время статус новых государственных границ России сохранит свой формальный («прозрачный» или «полупрозрачный») характер.

Оценка специфического положения новых российских границ, вместе с тем, возможна не только в негативном плане, т. е. с точки зрения угрозы национальным интересам и безопасности страны в приграничном пространстве. В передовых странах граница для прилегающих к ней районов – давно уже не источник угроз им самим и стране в целом, а одна из основ благосостояния, фактор притяжения высокодоходных и инновационных сфер деятельности. Поэтому в нынешних условиях необходима выработка «позитивного» – в смысле перспектив и основных направлений сотрудничества – подхода к приграничному взаимодействию сопредельных субъектов России и Украины, общая протяжённость границы между которыми – одна из самых больших в СНГ (2295,04 тыс. км).

К такому подходу располагают как минимум три обстоятельства: во-первых, это общая направленность общецивилизационного развития, которая заключается во всё большей регионализации глобализирующегося мира, во-вторых, это переход России к новой интеграционной стратегии в рамках «большого» СНГ, а именно – признанию многоуровневости и многообразия форм интеграции (Союзное государство с Беларусью, Евразийский экономический союз и Таможенный союз, ОДКБ), а также легитимации её новых субъектов – регионов, районов, муниципальных образований; в-третьих, формирование и необходимость удовлетворения этими приграничными территориями своих специфических интересов и потребностей.

Демонстрацией позитивного опыта приграничного взаимодействия может служить попытка формирования на рубеже 90-х и «нулевых» годов региона «Слобожанщина», включающего сопредельные Белгородскую область России и Харьковскую область Украины. Этот интеграционный конгломерат мыслился и создавался по модели так называемых «еврорегионов», представляющих собой социально-экономические системы из двух или нескольких территорий соседних стран, характеризующихся определённым единством природной первоосновы или расселения, трудовых и культурно-бытовых связей населения, хозяйства, инфраструктуры, нередко также исторических, этнических и культурных традиций [2].

Как и в случае с зарубежным опытом, отправной точкой для начала формирования приграничного сообщества стал консенсус местных политических и экономических элит и жителей приграничных территорий относительно тех выгод, которые может извлечь каждый субъект отношений из своего нового, приграничного положения [6]. В целом же, специфические интересы населения приграничных регионов можно условно разделить на экономические и гуманитарные.

Экономические интересы обуславливают, прежде всего, установление особого режима для предприятий, традиционно связанных с партнёрами на приграничной территории соседней страны. Без создания живой и самовоспроизводящейся ткани сотрудничества, т. е. субъектов экономической деятельности по обе стороны границы, объединённых общими хозяйственными интересами, невозможно запустить его экономический механизм, и любые экономические решения останутся большей частью благими пожеланиями. Для оживления предприятий в приграничной зоне в рамках интеграционного региона «Слобожанщина» были запланированы и частично реализованы ряд взаимных преференций:

- введение гибкого режима взимания ввозных и вывозных пошлин, НДС, акцизных и других сборов на обширную номенклатуру товаров и услуг;

- определение перечня продукции, вывоз которой в пределах местных квот возможен без пошлин и на основе местных лицензий;

- облегчение создания совместных предприятий и финансово-промышленных групп;

- упрощение таможенного оформления грузов, переправляемых в соответствии с договорами, заключёнными между предприятиями приграничных районов двух стран;

- создание гарантированных условий трансграничных взаиморасчётов и взаимозачётов, отсутствие препятствий для финансовых потоков, путём учреждения специальных совместных банков.

Значительную помощь в активизации приграничного экономического сотрудничества были призваны сыграть совместные инвестиционные проекты, о которых стоит упомянуть особенно. В последнее десятилетие намечилось несколько таких крупных площадок, где соиздание планировалось вести на паритетных началах российской и украинской стороной. Прежде всего, речь шла о сооружении на территории Белгородской области крупного авиатранзитного термина-

ла, способного обслуживать международные рейсы, в том числе и трансконтинентальные. Новый международный аэропорт мыслится не только как важный экономический объект, но и как системообразующий элемент складывающейся инфраструктуры «еврорегиона». Обращает на себя внимание активно развернувшееся строительство Яковлевского рудника в Белгородской области. Эти уникальные копи, где железная руда добывается открытым способом, а процентное содержание железа в сырье достигает максимальных в Европе 70 %, разрабатываются при участии украинской стороны, а часть продукции идет на покрытие нужд соседней Харьковской области. Долгосрочным и весьма продуктивным проектом можно считать и совместную экологическую программу по очистке русла реки Северский Донец на участках сопредельных областей. С украинской стороны весьма выгодным было предложение белгородским компаниям и банкам поучаствовать в модернизации Шебелинского газоконденсатного месторождения в Балаклейском районе Харьковской области. К этому списку можно также прибавить некоторые совместные инициативы в сфере дорожного строительства и обустройства конвертируемых систем оптоволоконной связи.

Гуманитарные интересы населения приграничного региона выражаются:

– в облегчении режима пересечения границы для жителей приграничных территорий. В этом направлении уже многое сделано, поскольку такая практика широко распространена во многих странах и регионах. Ближайшей целью здесь могло бы стать введение совместного пограничного и таможенного контроля;

– для жителей по обе стороны границы немаловажное значение имеет возможность обеспечения равных прав в сфере здравоохранения, образования, культуры и спорта. Иными словами, если в больнице российского райцентра, например, нет специализированного кардиологического отделения, то гражданин должен быть уверен, что его примут в таком отделении, расположенном неподалеку в сопредельном украинском городе по другую сторону границы (при возможности оперативного оформления соответствующих страховых полисов). Также речь может идти об использовании взаимных гуманитарных ресурсов, например, культурного и образовательного потенциала таких крупных университетских центров, как Харьков и Белгород.

Для абитуриентской молодежи в вузах двух областных центров могла бы быть размещена первоначально хотя бы небольшая квота на поступление и обучение;

– в освобождении жителей приграничных муниципалитетов от применения к ним норм и квот на перемещение через границу продуктов, произведенных в личных хозяйствах, на провоз личного имущества и нетоварных партий грузов;

– в обеспечении безопасности и правопорядка в приграничной зоне. В условиях проницаемых границ особое место в контактах соседних областей занимает сотрудничество правоохранительных органов. Преступники из сопредельной территории, как известно, не ожидают, пока местные прокуратуры направят в свои столицы запросы на их задержание соответствующими органами полиции/милиции. Поэтому, согласно устоявшейся и легализованной практике правоохранительных органов в европейских странах, у нас также могут проводиться совместные рейды стражей порядка в глубь территории сопредельных стран – до 30 км для преследования и задержания контрабандистов, террористов и иных правонарушителей [4, с. 350].

Стоит отметить, что далеко не все из перечисленных направлений обрели зримые очертания. Многие ещё предстоит воплотить в реальные действия. Здесь много объективных трудностей и препятствий. Так, к сожалению, приграничная политика на многих направлениях остаётся заложницей большой политики. Например, каково будущее «Слобожанщины» и всей российско-украинской границы, если отношения двух стран будут и дальше скатываться по нисходящей? Более того, по некоторым актуальным вопросам приграничного взаимодействия возникло очевидное напряжение после очередной смены власти в Киеве заявления нового Президента Украины П. Порошенко об «устойчивом решении страны и народа Украины двигаться в направлении европейской интеграции» [1].

Есть сложности и более фундаментального плана. Например, отсутствие государственной помощи и специальной федеральной пограничной политики. Разумеется, приграничные территории пытаются и сами решать многие проблемы, но местные бюджеты на это явно не рассчитаны. В целом же не вызывает сомнения, что региональные и центральные власти должны оказать при-

граничным территориям помощь в адаптации к их новому геополитическому положению. Важно также определить законодательно глубину трансграничного пространства. Должен ли льготный режим распространяться только на жителей пятикилометровой пограничной полосы, установленной в законе об охране государственной границы? Или же охватывать приграничные административные районы? Или целиком субъекты Федерации как в случае с Белгородской и Харьковской областями? Совместное решение этих проблем – одна из основ формирующейся в России и Украине концепций приграничной политики [3, с. 6–9].

Вместе с тем за приграничными территориями стоит будущее. По сути, они представляют «точечные» очаги интенсивного регионального сотрудничества, своего рода компактные свободные экономические зоны и зоны свободной торговли. При наличии

устойчивой политической воли региональных элит, развитию соответствующего государственного и местного законодательства такие фрагменты приграничного сотрудничества (существуют проекты создания нескольких «еврорегионов», например, «Днепр», «Припять», «Буг», «Ярославна») могут слиться в единую зону экономического роста, социально-политической стабильности, правовой защищённости всех субъектов деятельности [5]. Таким образом, приграничное взаимодействие и его материальное воплощение – «еврорегионы» – способны выступить в роли локомотива, вытягивающего весь комплекс интеграционных межгосударственных связей в рамках «большого» евразийского пространства, и в определённой мере быть буфером, амортизирующим на местном уровне последствия нередко жёстких и эмоционально окрашенных решений, принимаемых центральными властями.

Список источников и литературы

1. День. – 2014. – 7 сент.
2. Договор о дружбе, сотрудничестве и партнёрстве между Украиной и Российской Федерацией от 31.05.1997 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sevkrimrus.narod.ru/ZAKON/1997_god.htm (дата обращения: 24.01.2016); Договор между Украиной и Российской Федерацией о российско-украинской государственной границе от 28.01.2004 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=INT;n=17811;reg=doc> (дата обращения: 24.01.2016); Соглашение между Кабинетом Министров Украины и Правительством РФ о межрегиональном и приграничном сотрудничестве между Украиной и РФ от 27.10.2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://Russia.mfa.gov.ua/ru/Ukraine-gu/regions> (дата обращения: 24.01.2016); Программа межрегионального и приграничного сотрудничества между Украиной и РФ на 2011–2016 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zaki.ru/pagenews.php?id=58279> (дата обращения: 24.01.2016).
3. Еврорегионы: модель «малой» интеграции: материалы «круглого стола» // Современная Европа. – 2006. – № 2. – С. 6–9.
4. Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география. – М.: Аспект-Пресс, 2001. – С. 350.
5. Лобанов К. Н. Кризис украинской государственности // Белгородские изв. – 2014. – 26 апр.
6. Соглашение между Кабинетом Министров Украины и Правительством Российской Федерации о порядке пересечения российско-украинской границы жителями приграничных регионов Украины и Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://Russia-Ukraine.tk/news/2012-01-24-47> (дата обращения: 24.01.2016).

УДК 32:34
ББК Ф2(2Рос):Х0

*Наталья Евгеньевна Ильина,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Реализация региональной правоохранительной политики на приграничной территории

В статье рассматривается проблема формирования и реализации правоохранительной политики на региональном уровне в условиях приграничья. Проанализированы основные подходы к интерпретации понятия «правоохранительная политика». Выделяются и описываются характерные особенности приграничных регионов, оказывающие влияние на формирование государственной политики в правоохранительной сфере. Автор приходит к выводу, что федеральный центр обеспечивает обязанность правоохранительного пространства единством стратегического управления, бюджетным финансированием и материально-техническим обеспечением. Регионы вправе разрабатывать свою стратегию правоохранительной политики с учётом пространственно-географической специфики в рамках единого законодательства с соблюдением общенациональных интересов.

Ключевые слова: правоохранительная политика, региональная политика, правоохранительные органы, приграничное пространство.

*Natalia E. Ilyina,
Transbaikal State University,
Chita, Russia*

Implementation of Regional Law-Enforcement Policy in Border Areas

In the article the problem of forming and realization of law-enforcement policy is examined at regional level in the conditions of border-line location. The basic going is analysed near interpretation of concept "Law-enforcement policy". Selected and described characteristic features of border-line regions, having influence on forming public policy in law-enforcement sphere. An author is do a conclusion that a federal center is provided by the duty of law-enforcement space unity of strategic management, budgetary financing and logistical support. Regions are right to develop the strategy of law-enforcement policy taking into account a spatial-geographical specific within the framework of single legislation with the observance of national interests.

Keywords: law enforcement policy, regional policy, law enforcement, border area.

Согласно основному закону РФ, человек, его жизнь, здоровье, честь, достоинство признано высшей ценностью [5, с. 3]. Следовательно, одной из приоритетных функций правового демократического государства является правоохранительная, предусматривающая гарантированную защиту прав и свобод граждан путём обеспечения законности, правового порядка и защиты национальной безопасности страны в целом. Реализация правоохранительной функции происходит через правоохранительную политику, являющуюся элементом государственной политики.

В научно-исследовательской литературе существует несколько подходов к определению понятия правоохранительной политики. Так, например, С. П. Звягин пишет: «Под этим понятием подразумевается функция государственного управления по поддержанию законности и правопорядка, сохранения внутреннего и внешнего мира» [4, с. 21]. С. Н. Захарцев говорит о данной дефиниции в двух аспектах – субъективном и объективном: «В объективном смысле правоохранительная политика рассматривается как сфера общественных отношений, не зависящих от воли

правоприменителя. В субъективном смысле правоохранительная политика представляет собой совокупность волевых установок и поведенческих факторов, обуславливающих направленность и результативность деятельности конкретных субъектов реализации правоохранительной деятельности: как целого правоохранительного органа, так и конкретного государственного служащего» [3, с. 307]. Мы придерживаемся точки зрения группы исследователей Саратовского филиала учреждения РАН института государства и права РАН, разработавших концепцию правоохранительной политики РФ, декларирующую следующее: «Правоохранительная политика представляет собой научно обоснованную, последовательную и комплексную деятельность государственных и негосударственных структур по повышению эффективности охранительной функции права, по совершенствованию правоохраны, по выстраиванию полноценной правоохранительной системы» [6].

Необходимо отметить, что систематическое исследование проблемы как региональной составляющей реализации правоохранительной политики государства в стратегически важных, с точки зрения геополитики, регионах страны, пока носит эпизодический характер. Во многом это объясняется тем, что рассматриваемая нами проблема носит многоаспектный, комплексный, системный характер.

В приграничном регионе противодействие преступности как одно из ключевых средств обеспечения безопасности общества осуществляется преимущественно органами внутренних дел, деятельность которых направлена на контроль и поддержание законности и правопорядка. В условиях современных реалий можно выделить два направления реализации правоохранительной политики органами внутренних дел: 1) организационное. Включает в себя: создание структурных подразделений; обеспечение кадрового потенциала; создание системы гарантий, поддерживающей профессиональную деятельность сотрудников и обеспечивающей их социальную защиту; 2) правоохранительное. Реализуется во внешней и внутренней формах. Во внешней сфере деятельность сотрудников направлена на профилактику, пресечение, раскрытие правонарушений и как итог – привлечение к ответственности правонарушителей; во внутренней сфере находит своё отражение

внутрисистемная антикоррупционная деятельность по обеспечению законности правоохранительной политики государства.

Немаловажным условием правильного функционирования и реализации региональной правоохранительной составляющей государственного управления является научное обоснование её пространственного аспекта. Это направление включает исследование и объективное отражение влияния социально-экономических, национально-культурных и иных факторов в приграничных регионах страны на состояние борьбы с преступностью и обеспечение эффективного правоохранительного пространства. В качестве методологической основы российской правоохранительной стратегии можно выделить установку: «Правоохранительная сфера представляет собой полирегиональный организм, функционирующий на основе вертикальных (центр – регионы) и горизонтальных (межрегиональных) взаимодействий не только внутри страны, но и за её пределами» [1, с. 294]. В данном контексте отметим наличие уникального инструмента в решении локальных проблем приграничья – это приграничное сотрудничество. Приграничное сотрудничество является одним из приоритетных направлений современных международных связей регионов, поскольку именно на государственной границе происходит пересечение интересов государств, включая внешнеполитические, экономические и гуманитарные взаимоотношения. Анализ материалов Международного форума приграничного сотрудничества [2], проходившего 18 ноября 2015 г. в Чите, позволяет подчеркнуть исключительную роль приграничных регионов России, которая проявляется в способности наращивать прозрачность границ, сближение людей, проживающих на граничащих территориях, эффективности региональной правоохранительной политики, а также созданию благоприятных внешнеэкономических и внешнеполитических связей страны.

Разработка и осуществление новых направлений в реализации правоохранительной политики регионов требует активизации политики федеральных правоохранительных органов, совершенствованию правовых и иных моделей федеративных отношений. Проблемы разработки и апробации правоохранительных стратегий на приграничных территориях Российской Федерации в большей степени связаны с особенностями региональ-

ного управления, а также с влиянием социально-экономических, национально-культурных условий.

Природные, климатические, геополитические, экономические и иные особенности приграничных регионов определяют актуальность вопросов стратегического управления правоохранительной системой и поиски наилучших вариантов децентрализованного ранжирования прав и обязанностей в борьбе с преступностью и правонарушениями. Положительные результаты в противодействии с преступностью возможны лишь при наличии активной инновационной правоохранительной концепции, учитывающей специфику каждого региона. В настоящее время не допустимы ни излишний централизм, не способный учесть самобытность условий, традиций, ни исключительная ведомственность, игнорирующая интересы национальной безопасности. Отметим, что федеральный центр способствует укреплению общности правоохранительного пространства посредством внедрения единой системы стратегического управления и бюджетного финансирования. Важно, что регион вправе самостоятельно разрабатывать и реализовывать свою правоохранительную политику, но в рамках единого законодательства с соблюдением государственных интересов в системе национальной безопасности.

На уровне регионов в подходах к противодействию преступности особое внимание уделяется координации всех социальных институтов по профилактике правонарушений, обеспечению общественного порядка и т. д., разработке комплексных мер по обеспечению занятости населения, вовлечению

широких слоёв населения в охрану правопорядка. От эффективности мер, проводимых в рамках региональной правоохранительной политики, во многом зависит единство и целостность использования межрегионального правоохранительного потенциала и системы социальной безопасности внутри государства.

На процесс формирования и реализации правоохранительной политики региона оказывают влияние такие проблемы, как: отсутствие чёткого распределения компетенции между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации; дефицит демократической культуры; социально-культурные факторы; отсутствие в Указе Президента РФ «Об основных положениях региональной политики в Российской Федерации» [7] одной из важных задач – обеспечения социальной безопасности, защиты прав и интересов граждан региона от преступных посягательств и иных правонарушений.

Таким образом, для качественного функционирования правоохранительной системы приоритетным становится поиск единства правоохранительной стратегии с учётом многообразия региональных особенностей. Необходимым требованием к государственной правоохранительной политике является научное обоснование её пространственного аспекта, что предполагает объективное изучение и отражение влияния социально-экономических, национально-культурных и других условий в различных территориях страны на состояние борьбы с преступностью и обеспечение эффективного правоохранительного пространства в приграничных регионах.

Список источников и литературы

1. Андреев Н. А., Коробов В. Б. Стратегическое управление в правоохранительной сфере. – М.: Юнити-Дана, 2010.
2. Забайкальский форум приграничного сотрудничества-2015 начал работу в Чите [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.xn--80aaaac8algcgbgck3fl0q.xn--p1ai/project/forum/forum_novost_9 (дата обращения: 20.04.2016).
3. Захарцев С. Н. К вопросу о формировании понятия «правоохранительная политика» // Вестн. ТГУ. – 2010. – № 7.
4. Звягин С. П. Правоохранительная политика А. В. Колчака. – Кемерово, 2001. – С. 21.
5. Конституция Российской Федерации: текст с последними изменениями и дополнениями на 2016 год. – М.: Эксмо, 2016. – Ст. 2. – Гл. 1.
6. Концепция правоохранительной политики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.igran.ru/filials/Konserciya_Pravoohr_Politiki.pdf (дата обращения: 15.02.2016).
7. Указ Президента РФ от 03.06.1996 № 803 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/26.html> (дата обращения: 10.05.2016).

УДК 332.1
ББК У042

Виктор Николаевич Блохин,
*Белорусская государственная сельскохозяйственная академия,
г. Горки, Беларусь*

Состояние социально-экономической динамики сельских территорий российско-белорусского приграничья

Целью статьи является рассмотрение основных проблем и тенденций развития сельских территорий российско-белорусского приграничья в постсоветский период. Обращается внимание на особенности динамики сельских территорий приграничья. Изучение социально-экономической динамики приграничных сельских территорий – важная задача в контексте интеграционных отношений России и Беларуси.

Ключевые слова: сельские территории, российско-белорусское пригранижье, постсоветский период, динамика, развитие, проблемы, возможности.

Viktor N. Blokhin,
*Belarusian State Academy of Agriculture,
Gorki, Belarus*

Condition of Social and Economic Dynamics of the Rural Territories of Russia and Belarus Border Area

The purpose of the article is to examine the major challenges and trends in the development of rural areas of the Russian-Belarusian borderland in the post-Soviet period. It draws attention to the features of the dynamics of rural areas borderland. The study of the socio-economic dynamics of rural areas borderland is an important task in the context of the integration of relations between Russia and Belarus.

Keywords: rural areas, the Russian-Belarusian borderland, the post-Soviet period, dynamics, development, challenges, opportunities.

С момента распада Советского Союза в российском и белорусском обществах происходили значительные трансформации. Этот процесс не обошел стороной и сельские территории. С особенно серьезными проблемами столкнулись приграничные регионы России и Беларуси, что неминуемо отразилось на их месте в экономической и социальной жизни.

Сегодня в России и Беларуси продолжают преобразования на селе. Развитие сельскохозяйственного производства в обеих странах признаётся в качестве одного из приоритетов. Однако формы и методы проведения данных преобразований в значительной степени отличаются.

Современное состояние сельских территорий России и Беларуси во многом определяется совокупностью неоднозначных событий прошлого, большинство из которых вошло в историю в статусе социально-политического или экономического катаклизма.

На протяжении XX в. в России и Беларуси не было ни одного десятилетия, в котором не происходили бы крупные политические или экономические события, имеющие долговременные негативные последствия для благополучия рядовой семьи, в связи с чем основной задачей большей части населения было выживание, а не развитие.

Общая социально-экономическая нестабильность развития как России, так и Беларуси особенно сильно отразилась на крестьянстве и сельском хозяйстве, ключевая роль которых в достижении национальной безопасности страны часто существенно снижалась. Обновление экономических основ жизни общества, в частности сельских территорий, стало одной из основных задач в постсоветский период.

С начала 1992 г. Россия вступила на путь «шоковой терапии». Кардинальные реформы экономики сопровождались серьезными не-

гитивными последствиями для всех регионов России. Произошло снижение объёмов производства товаров и услуг, упала интенсивность межрегиональных связей, снизились доходы населения, выросла безработица. В этих условиях приоритетом социально-экономической политики, осуществлявшейся в регионах, стало не развитие и экономический рост, а удержание ситуации, преодоление многочисленных проблем [4, с. 51].

Рост незанятого населения в сельской местности вызывает острые социальные проблемы. Возрастают социальная напряжённость, конфликтность и преступность на селе. Возникает стихийная миграция сельского населения в города и другие регионы.

Как отмечает профессор З. И. Калугина, на начальном этапе реформ были созданы институциональные основы и правовая база для равноправного и эффективного развития всех форм хозяйствования на земле. Однако итоги проведенных в 1990-е гг. преобразований были неожиданными и парадоксальными по своей сущности. Парадоксы аграрной реформы проявились в экспансии мелко-товарного производства, неэффективности «капитализации» аграрной экономики, разрушении трудовой мотивации работников, обнищании сельского населения, деградации социальной сферы села. Падение объёмов собственного производства было столь стремительным, что встал вопрос о продовольственной безопасности страны [1, с. 117].

Белорусские сельские территории также не избежали многочисленных проблем и вызовов. Во времена Советского Союза Беларусь занимала лидирующие позиции по уровню развития сельского хозяйства. Однако либеральные реформы 1990-х гг. привели к разрушению прежней системы государственных дотаций сельскому хозяйству и росту убыточных сельскохозяйственных предприятий.

Проблема развития сельских территорий России и Беларуси является одной из острых и наиболее трудно решаемых. Сегодня она актуальна, как и в начале XX в. Начатый недавно процесс становления фермерских хозяйств практически остановился, сельские территории пустеют. Последствия этих процессов имеют не только экономическое, но и серьёзное культурное и геополитическое значение. Происходит сокращение культурного и социально-экономического пространства России и Беларуси, а это уже важная политическая проблема. Она настоятельно требует принятия эффективных решений.

В декабре 1999 г. вступил в действие Договор о создании Союзного государства России и Беларуси. Данный документ способствовал развитию интеграционных процессов между странами, появился ряд совместных проектов и программ.

Развитие сельских территорий, прежде всего, зависит от успешного осуществления важных направлений, мер и механизмов агропродовольственной политики государства, и в этом большую роль играет эффективное применение целевых программ.

Целевая программа является важным управленческим инструментом и позволяет определить основную цель, описать все уровни решения проблемы и требуемые для этого ресурсы, проконтролировать расходование выделенных средств и степень достижения поставленной цели. Кроме того, целевые программы позволяют сконцентрировать дефицитные ресурсы на наиболее приоритетных направлениях, поэтому являются эффективным инструментом государственного регулирования АПК [3, с. 429].

В России реализуется приоритетный национальный проект «Развитие АПК», Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» (от 29.12.2006 г.) включающий Доктрину продовольственной безопасности и Концепцию долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. В Беларуси действует «Программа устойчивого развития села», Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. Эти инициативы актуализируют необходимость научного осмысления источников возрождения села.

В 2013 г. завершился мониторинг социально-трудовой сферы села, который был инициирован Центром социальной политики и мониторинга сельского развития ГНУ «ВНИИЭСХ».

В результате 15-летних наблюдений за изменениями в состоянии и тенденциях в социально-трудовой сфере сельских территорий было отмечено, что трансформационный период России сопровождался огромными социальными издержками, которые легли в большей мере на сельское население. Уровень общей безработицы на селе почти вдвое выше, чем в городе (8,5 против 4,5 %).

Нарастает абсолютная разница в размере заработной платы в сельском хозяйстве и в целом по экономике. Доля населения с денежными доходами ниже прожиточно-

го минимума в сельских поселениях России в 1,9 раза больше, чем в городских. При этом основная масса сельчан не ждёт благоприятных перемен в среднесрочной перспективе. В то, что село твёрдо встаёт на путь возрождения и устойчивого развития, будет восстановлена роль российского крестьянина как основного кормильца народонаселения страны, верят только 14 % респондентов, остальные не видят «света в конце туннеля», в том числе 39,5 % считают, что село станет ещё более обезлюдившим и заброшенным.

Неблагоприятный социально-психологический климат в сельском социуме продуцирует широкомасштабные миграционные настроения: 29,1 % жителей села, в том числе 50 % молодёжи, либо точно намереваются уехать, либо задумываются об отъезде. Основной причиной миграционных настроений являются низкие доходы [2, с. 102].

Наличие названных проблем в сельских территориях белорусского приграничья было подтверждено в ходе проведённого автором в 2015 г. социологического исследования (методом анкетного опроса) на тему «Динамика агропромышленного комплекса Беларуси».

Социологическое исследование было направлено на изучение следующей проблемной ситуации: несмотря на значительную государственную поддержку аграрного сектора, и вообще сельских территорий Беларуси, сохраняется низкая рентабельность аграрного производства, невысокий уровень доходов сельских тружеников, низкая закрепляемость кадров на селе, часто отсутствует профессиональная мотивация.

Объектами изучения стали сельскохозяйственные предприятия Могилёвской и Витебской областей. В исследовании приняли участие 310 чел. (60 % респондентов составили мужчины и 40 % – женщины).

На вопрос о мере удовлетворённости условиями труда 29 % опрошенных ответили, что полностью не удовлетворены и по 23 % заявили, что скорее не удовлетворены и скорее удовлетворены. Лишь 19 % респондентов отметили, что полностью удовлетворены условиями труда.

Среди причин недовольства условиями труда (можно было выбрать несколько вариантов) 89 % отметили низкий уровень заработной платы, 56 % указали на отсутствие возможностей профессионального роста, еще по 22 % не довольны слаборазвитой инфраструктурой и малыми социальными гарантиями.

Среди наиболее привлекательных факторов в работе 55 % респондентов назвали свой коллектив, в то же время более 32 % отметили, что вообще не видят ничего хорошего. 55 % работников АПК оценили современное положение отрасли как сложное. Почти 23 % назвали положение катастрофическим. Лишь чуть более 19 % считают, что положение хорошее и прогресс очевиден.

Более 71 % участников анкетного опроса уверены, что сельское хозяйство Беларуси нуждается в реформировании. 60 % респондентов думают, что нужно реформировать, прежде всего, систему управления АПК. 26 % убеждены, что необходим переход к частному сельскому хозяйству. 87 % опрошенных работников аграрного сектора поддерживают развитие фермерства в Беларуси. В то же время только 22,6 % уверенно заявляют, что хотели бы стать фермерами. Почти половина опрошенных аграриев не готова взять на себя инициативу и ответственность заниматься фермерством.

Результаты анкетного опроса свидетельствуют о противоречивых настроениях работников аграрного сектора. С одной стороны, очевидно, что более половины аграриев не довольны своими доходами, уровнем жизни, поддерживают идею реформирования АПК, одобряют развитие фермерства. С другой стороны, половина сельских тружеников не готова взять на себя ответственность вести частное товарное хозяйство, работать в условиях жёсткой конкуренции.

В течение 1990-х гг. в приграничных сельских территориях России и Беларуси произошли существенные трансформации, что было обусловлено распадом Советского Союза. Наиболее радикальные рыночные преобразования испытали сельские территории России. Однако быстрый переход к рынку в основном негативно сказался на социально-экономическом положении сельских территорий. Прежняя система отношений, характеризовавшаяся низкой эффективностью, была разрушена, а новая система, основанная на рыночных механизмах, так и не дала ожидаемых положительных результатов.

Сельские территории Беларуси не смогли избежать негативных последствий распада СССР, начался новый переходный период. Однако в Беларуси не произошло таких радикальных преобразований, как в Российской Федерации, что позволило уменьшить негативный эффект для жителей села. Политика постепенного реформирования нашла под-

держку среди населения республики, была достаточно разумна на начальном этапе перехода к новой социально-экономической модели. В то же время, затягивание сроков реформирования, увлечение администрированием и консервация многих советских принципов развития села привели к снижению темпов социально-экономической динамики села при увеличении государственного субсидирования.

Таким образом, среди главных целей современного регионального развития России и Беларуси можно выделить следующие: укрепление единого экономического пространства, гармоничное развитие всех регионов на основе их оптимальной специализации в общегосударственном и международном разделении труда, использование ресурсного потенциала и других конкурентных преимуществ.

Список источников и литературы

1. Калугина З. И. Вектор посткризисного развития российской деревни // Регион: экономика и социология. – 2010. – № 3. – С. 115–135.
2. Рущицкая О. А., Рущицкая О. Е. Социальные аспекты несостоятельности сельскохозяйственных предприятий // Аграрный вестн. Урала. – 2014. – № 8. – С. 101–104.
3. Семирханова О. Н. Целевая программа как эффективный инструмент регулирования АПК // Труды вольного экономического общества России. – 2011. – Т. 151. – С. 428–451.
4. Суспицын С. А. Пространственные трансформации экономики России в контрастных сценариях её развития: постановка проблемы и эмпирические оценки // Регион: экономика и социология. – 2006. – № 1. – С. 51–71.

УДК 332.1
ББК У04-551

Екатерина Геннадьевна Кирсанова,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

**Инновационный потенциал региона:
к вопросу о реализации региональной
инновационной политики**

Статья посвящена рассмотрению инновационной политики государства на региональном уровне. Акцент делается на изучение теоретико-методологических аспектов региональной инновационной системы. Автор приходит к выводу, что инновационный потенциал региона велик, а региональный уровень реализации инновационной политики является не менее значимым для инновационного процесса страны, чем государственный.

Ключевые слова: регион, региональная инновационная политика, региональная инновационная система, точки роста.

Ekaterina G. Kirsanova,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

**Innovative Potential of Region:
the Issue of Implementation of the Regional
Innovation Policy**

The article analyzes the regional innovation policy. The emphasis is on the study of theoretical and methodological aspects of the regional innovation system. The author concludes that the innovative potential of the region is great and the regional level innovation policy is no less important for the innovation process of the country, than the state.

Keywords: region, regional innovation policy, regional innovation system, growth points.

Лидеры экономически развитых стран неоднократно заявляют о реализации инновационной политики и о построении национальной инновационной системы. Однако закреплённые в концептуальных документах положения, как правило, относятся к реализации мер на федеральном уровне и поэтому обращены к общегосударственным органам власти. Однако не менее важную роль в этом вопросе играет и региональный уровень. В этой связи мы можем говорить как о построении общей национальной инновационной системы (НИС), так и о региональной инновационной системе (РИС).

При использовании концепции региональных инновационных систем возникают как минимум три глобальных вопроса: 1) что конкретно должно входить в состав данной системы; 2) что подразумевается под понятием «регион»; 3) насколько целесообразно говорить о региональной системе, исходя из её потенциала (особенно это касается малых стран).

Во-первых, надо отметить, что РИС является составляющей частью общей НИС. Принцип перехода регионов России на инновационный путь развития опирается на принцип системного подхода к понятию инновационной экономики. Однако потенциал и ресурсы региона по сравнению со всей системой в разы меньше, что сказывается на возможности реализации того или иного направления или конкретной программы. Во-вторых, необходимо понимать, что приоритет в НИС принадлежит государству как главному игроку, поэтому определение институционального дизайна является предпочтением государства. В этой связи одним из главных аспектов функционирования РИС является выстраивание слаженного взаимодействия с Центром. В-третьих, если НИС вбирает в себя большое количество ресурсов, которое принадлежит данному государству, то РИС будет опираться преимущественно на то, чем «богат» регион. От этого зависят приоритетные линии развития инновационной политики на региональном уровне.

Существует большое количество подходов к определению национальной инновационной системы, каждое из которых акцентирует внимание на каком-либо аспекте. Говоря о региональной инновационной системе, мы сталкиваемся с похожей проблемой. К примеру, Э. А. Диваева рассматривает РИС как «комплекс (совокупность) организаций, ини-

цирующих и осуществляющих производство новых знаний, их распространение и использование, способствующих финансово-экономическому, правовому и информационному обеспечению инновационных процессов и функционирующих в едином социокультурном пространстве, взаимосвязанных между собой и имеющих постоянно устойчивые взаимоотношения» [4]. Л. П. Гончаренко приводит следующее определение: РИС – это «организационно-правовая структура, объединяющая субъекты инновационной деятельности» [3, с. 117]. Под региональной инновационной политикой понимают «совокупность установленных целей и приоритетов развития научно-инновационной деятельности в регионе, путей и средств их достижения на основе взаимодействия региональных и центральных органов управления» [5, с. 57].

Основными направлениями инновационной политики региона являются:

- формирование целевых инновационных программ региона и концентрация необходимых для их решения ресурсов;

- принятие определённых управленческих решений, направленных на создание эффективной инновационной системы региона;

- выявление существующих проблем, препятствующих осуществлению инновационной деятельности;

- развитие инновационной инфраструктуры;

- создание привлекательной среды для привлечения инвестиций в производственный сектор региона;

- содействие в коммерциализации результатов научных исследований и т. д.

Сущность инновационного потенциала региона представляет собой сложный и многоаспектный вопрос. Понятие «инновационный потенциал региона» вбирает в себя «совокупный результат научно-технического, кадрового, финансово-экономического, информационно-коммуникационного потенциалов, обеспечивающий инновационную деятельность и определяющий уровень развития экономики региона» [7, с. 115]. Безусловно, список ресурсов, которые могут содействовать инновационному развитию региона, можно продолжить. Однако автор не ставит своей целью изучение всех аспектов, а концентрирует своё внимание только на ключевых моментах. Рассмотрим подробнее содержательное наполнение каждого из обозначенных выше видов ресурсов.

Финансово-экономический потенциал включает совокупность возможностей для обеспечения научно-технического прогресса региона. Финансово-экономический ресурс является одним из самых сложных видов ресурсов, поскольку зависит от экономического состояния страны, что, в конечном счете, затрагивает общую экономическую политику и, как следствие, отражается на экономике региона.

Научно-технический потенциал можно определить как «наличную совокупность научно-исследовательских учреждений фундаментальной и прикладной науки, их финансового, материально-технического и информационного обеспечения, кадров специалистов и возможностей для их подготовки и повышения квалификации, а также – производственной базы, способной удовлетворять потребности экспериментальной науки и осваивать предлагаемые наукой нововведения» [6, с. 30–31]. Необходимые элементы научно-технического потенциала свидетельствуют о важности проведения эффективной и сбалансированной государственной политики в различных сферах – в области образовательной и научной политики, промышленного развития и т. д.

Кадровый потенциал имеет решающее значение для экономического развития региона. Инновационная экономика подразумевает не столько возможность и умение накапливать знания и информацию, сколько эти знания и информацию применять при разработке инноваций. Кадровый потенциал напрямую зависит от развития и состояния человеческого капитала, о чём неоднократно говорилось в первой главе. Таким образом, региональный подход к формированию кадров предполагает борьбу за квалифицированных работников, где приоритет будет за теми регионами, которые могут обеспечить более высокий уровень развития человеческого капитала.

Информационно-коммуникационный потенциал в последние десятилетия приобретает всё большую значимость. В процессе внедрения информационно-коммуникационных технологий происходит рост экономических показателей как на национальном, так и на региональном уровнях, увеличивается конкурентоспособность регионов, а также развиваются новые виды взаимодействия в рамках сотрудничества в невербальной среде. Более того, развитие информационно-коммуникационных технологий уже само по себе является той сферой, где могут

вращиваться инновации. Региональные администрации придают большое значение развитию данного направления ещё и по той причине, что это является средством развития элементов гражданского общества, позволяет вовлекать большее количества населения в процесс управления политическим процессом региона и контроля за региональной администрацией (электронное правительство, электронная приёмная, участие в обсуждении принимаемых региональных законов и программ с помощью интернет-ресурсов и т. д.).

Переход регионов на инновационный путь развития опирается на принцип системного подхода к понятию инновационной экономики. Однако важно также отметить, что региональная инновационная система может существовать и функционировать при наличии достаточно сформировавшейся национальной инновационной системы. На чём базируется такое утверждение? Региональная инновационная система является подсистемой национальной инновационной системы, которая встраивается в существующие «правила» функционирования. Подобные «правила игры» выражаются в виде основных приоритетов, заявленных на государственном уровне, формальных и неформальных принципов взаимодействия государственного и предпринимательского секторов с научным сообществом, существующей налоговой системой, системой построения научных институтов и т. д. Кроме того, региональная инновационная система фактически представляет собой накопленный капитал национальной инновационной системы. Если говорить о технополисах, важно заметить, что появление таких видов инфраструктур является закономерным следствием развития общей государственной инновационной политики многих экономически развитых стран мира, а также следствием определённого уровня развития национальной инновационной системы. Таким образом, можно утверждать, что региональная система практически не может существовать вне национальной системы.

Важнейшей составляющей региональной инновационной системы является инновационная инфраструктура, обеспечение разработок, технологий и инноваций, повышения научно-технического уровня производства. Можно сформулировать как минимум три группы стратегических приоритетов инновационного развития региона [2, с. 123]:

- меры, направленные на становление инновационного развития страны;
- меры, направленные на формирование инновационной системы государства;
- меры, обеспечивающие стратегические цели и задачи социально-экономического развития региона.

Тем не менее, более корректным с методологической точки зрения представляет собой подход к определению приоритетов, основанный на оценке инновационного потенциала региона. В основе такого подхода лежат внутренние факторы развития (в первую очередь, социально-экономические показатели региона, наличие или отсутствие инфраструктуры и т. д.). Одна из тенденций к осуществлению инновационного развития – изменение пространственной организации, или инновационное смещение регионов. Центр проводит целенаправленную корректировку государственной политики по изменению инновационной активности регионов, выделению новых функций городов, регионов; формируются новые центры инновационного лидерства. На основании реализации государственной политики Центра может происходить и существенное изменение приоритетов региональной инновационной системы. В качестве инструментов могут служить использование налоговых послаблений и создание свободной экономической зоны в регионе, построение инновационной инфраструктуры, объединение научного потенциала и т. д. Следовательно, существует разница не только в потенциале региона, но и в управлении этим потенциалом. Более того, эффективная региональная инновационная система выступает в роли фактора конкурентного преимущества региона.

Для осуществления модернизации инновационной политики на уровне региона мировой опыт показывает необходимость проведения ряда мер [1, с. 103–104]:

1) поддержание развития точек инновационного роста, которые могут быть представлены следующими видами инновационной инфраструктуры: города-агломерации, города-центры, кластерные системы инновационного развития производительных сил, а также другие виды точек роста, обеспечивающие появление и распространение инноваций;

2) развитие инфраструктуры, позволяющей сократить экономическое расстояние для экономических транзакций;

3) создание условий для развития интеллектуального капитала региона, его институционального устройства.

В условиях процессов глобализации многие правительства стараются уделять особое внимание инновационной политике на уровне регионов. В зарубежной литературе также используется понятие «новая экономическая география». Повышенное внимание к региональному инновационному управлению объясняется рядом причин.

Во-первых, регионы могут представлять собой «точки роста», которые влияют не только на развитие региона, но и на экономику государства в целом, а их потенциал эффективности может быть распространён на всю систему инновационного развития. Классическими примерами функционирования «точек роста» являются Силиконовая долина (США), Бостон Шоссе 812 (США), Цукуба (Япония), София Антиполис (Франция) и др.

Во-вторых, особое внимание к регионализации инновационного развития объясняется особенностями мирового инновационного развития. Увеличение прибыли за счёт увеличения количества продаж перемещается на второй план, стандартизированное масштабное производство постепенно уходит в прошлое. Прорывные инновационные технологии становятся залогом успешного развития как отдельных фирм, так и государств в целом. В таких условиях зачастую локальные союзы учёных, предпринимателей и местных администраций представляют собой значительный фактор в достижении успеха.

В-третьих, в условиях высокой мировой конкуренции многие страны углубляют промышленную и торговую специализацию, выбирая свою нишу. В итоге это приводит к усилению регионализации инновационного развития. Поддержку получают те регионы, которые концентрируют наибольшие технологические и интеллектуальные возможности.

В-четвёртых, важно понимать, что с переходом государства на путь инновационного развития акцентируется внимание на региональных достижениях в этой сфере. Это объясняется особой ролью малых и средних предприятий в инновационной политике.

Таким образом, мы видим, что региональный уровень реализации инновационной политики является не менее значимым для инновационного процесса страны, чем общегосударственный. Правительства пытаются

осуществлять сбалансированную политику по отношению к регионам, которые обладают различным инновационным потенциалом. Формирование точек роста, как показывает

практика, даёт толчок к социально-экономическому развитию не только самого региона, но и имеет весомое значение для развития всей страны.

Список источников и литературы

1. Батукова Л. Р. Управление инновационной модернизацией региона: институционализация методов и инструментов. – Саратов: КУБик, 2013. – 272 с.
2. Выбор стратегических приоритетов регионального развития: новые теоретико-методические подходы / под общ. ред. В. В. Окрепилова. – СПб.: Наука, 2008. – 240 с.
3. Гончаренко Л. П., Арутюнов Ю. А. Инновационная политика. – М.: Кнорус, 2009. – 352 с.
4. Диваева Э. А. Особенности формирования региональных инновационных систем [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.uecs.ru/uecs-25-252010/item/302-2011-03-25-08-19-57> (дата обращения: 12.03.2016).
5. Инновационная политика и региональное развитие в современном мире: сб. обзоров и рефератов / отв. ред. и сост. И. Г. Животовская, Т. В. Черноморова. – М.: ИНИОН РАН, 2011. – 196 с. – (Сер. Социальные и экономические аспекты глобализации).
6. Миндели Л. Э., Хромов Г. С. Научно-технический потенциал России: в 2 ч. Ч. 1. – М.: Ин-т проблем развития науки РАН, 2011. – 288 с.
7. Султанова А. В. Инновационная система как ключевая составляющая экономического развития: национальный и региональный аспекты. – Самара: Ас Гард, 2012. – 211 с.

УДК 331.5
ББК У240.5

Татьяна Анатольевна Федотова,
*Днепропетровский национальный университет им. О. Гончара,
г. Днепропетровск, Украина*

Регион как объект экономического анализа рынка труда

В статье на примере вынужденного переселения украинских граждан в приграничные регионы юга России рассмотрена методология регионального экономического анализа. Автор проанализировал сложившуюся ситуацию на рынке труда и социально-политические особенности в приграничном регионе юга России.

Ключевые слова: регион, рынок труда, экономический анализ, трудовая миграция, безработица, приграничное пространство.

Tatyana A. Fedotova,
*Oles Honchar Dnipropetrovsk National University
Dnepropetrovsk, Ukraine*

Region as an Object of Labor Market Economic Analysis

The article, considering forced migration of Ukrainian citizens in the border regions of southern parts of Russia, introduces the methodology of regional economic analysis. The author investigates the modern labor market situation and socio-political characteristics of the southern Russia border region.

Keywords: region, labor market, economic analysis, labour migration, unemployment, cross-border space.

Региональный экономический анализ состоит из таких составляющих:

- исследование взаимосвязи экономических процессов в регионе под воздействием объективных экономических, национальных, этнических, территориальных, социальных условий и факторов;
- обоснование и разработка региональных планов и прогнозов;
- оценка выполнения региональных планов;
- факторный анализ экономического развития региона;
- анализ тенденций экономического развития;
- выявление потенциальных резервов региона;
- изучение опыта других регионов и его имплементация;
- принятие оптимальных управленческих решений;
- обоснование направлений использования трудовых, материальных, энергетических, земельных, водных, лесных ресурсов и естественных ископаемых.

Одной из важнейших функций государственного управления в регионе, как и в государстве в целом, является анализ и регулирование процессов на рынке труда. Одним из основных методов проведения анализа считается аналитическое сопоставление территориальных показателей со средними внутри региона и по стране, определение соответствующих отклонений и разработка мер по их ликвидации.

Украина все постсоветские годы является вторым по значимости миграционным партнёром России, занимая второе место в сфере трудовой миграции после Узбекистана (по официальным данным работает около 50 тыс. украинцев) [2].

В 2013 г. численность трудовых мигрантов, по данным официальных источников, значительно возросла после принятия нового миграционного законодательства в 2012 г., в частности, речь идёт о выдаче миграционной карты и разрешения на трудоустройство в течение 3–10 дней. Однако следует учитывать, что большинство украинских мигрантов работает в России нелегально. Так, по различным оценкам общее количество трудовых мигрантов в России достигает 15 млн чел. [1].

Ограничение выезда со стороны украинских властей в связи с политическим противостоянием в свою очередь ведёт к росту нелегальной миграции. А остановка многих

предприятий и значительный рост безработицы в Украине увеличивают миграционные потоки в приграничные регионы. В данной ситуации особую актуальность приобретают нормы Законов РФ «О беженцах», «О вынужденных поселенцах», т. к. многие украинцы в сложившейся ситуации пока не стремятся возвращаться обратно.

Следует отметить, что наиболее проблемными во многих аспектах являются миграционные процессы в южном приграничном регионе России. Конфликтогенность возникает в первую очередь из-за негативной реакции местного населения на поток мигрантов из стран СНГ и других субъектов Российской Федерации (Средняя Азия, Закавказье, республики Северного Кавказа).

Города юга России тесно связаны с Украиной в экономическом, политическом и социальном аспектах. Политический кризис в Украине привёл к обострению факторов риска во всех этих сферах на юге России. По причине перехода политического противостояния в военное произошёл значительный рост миграционного потока из Украины в ЮФО.

В связи с затянувшимся решением конфликта в Украине многие беженцы, покидавшие страну на незначительный срок, вынуждены и/или готовы остаться в России на неопределённое время либо на постоянное проживание. В этой связи возникает вопрос их трудоустройства и обеспечения жильём, что обостряет напряжённость в регионе. Это усугубляется и разрывом существующих кооперационных связей и технологических цепочек между странами, что ведёт к сокращению рабочих мест, прибыльности предприятий, уменьшению поступлений в местные бюджеты и т. п.

Сегодня на юге России находится значительное количество мигрантов из Украины, которые проживают в неудовлетворительных условиях, не имеют работы и заработка, лишены прежних социальных связей и угнетены вынужденным переселением и неопределённостью ситуации. Эта социальная группа, которая в силу сложившейся ситуации люмпенизирована, может в определённых условиях привести к дестабилизации социально-политической обстановки в регионе. В то же время инфраструктура края не рассчитана на обслуживание такой численности населения, статьи бюджета не предусматривают финансирования переселенческих программ. Это ведёт к росту уровня региональной криминальности.

В итоге социально-политическая ситуация на юге России дестабилизируется в таких направлениях:

– рынок труда (рост конкуренции, уровня безработицы, снижение заработной платы в условиях растущего предложения рабочей силы);

– рынок недвижимости (рост цен на недвижимость, на аренду жилья);

– социальная инфраструктура (перегрузка объектов социальной сферы, в первую очередь – учреждений образования и здравоохранения);

– уровень жизни коренного населения (рост цен на товары первой необходимости и продукты питания в условиях возрастающего спроса и по некоторым позициям – ограниченного предложения, ограничение доступности социальных услуг, снижение финансирования определенных программ в регионе, расход бюджетных и целевых средств на обустройство поселенцев и беженцев);

– обострение других экономических, экологических, социальных, политических, этнических, религиозных проблем, что в конечном итоге негативно влияет на криминальную ситуацию в регионе.

Положение осложняется тем, что значительная часть мигрантов юга России от внутрирегиональных российских перемещений, не имея возможности легально трудоустроиться, и в силу исторических причин, клановости и ментальности кавказских этносов, существует за счёт криминальных доходов (перевозка и сбыт наркотиков, контрабанда, угон скота и захват пастбищ, похищение людей с целью выкупа и т. п.).

Приток мигрантов из Украины в условиях затянувшегося политического противостояния в стране ещё более обостряет перечисленные выше факторы социально-политической дестабилизации в регионе, а часть мигрантов, не имея официальных доходов, втягивается в отработанные схемы криминального бизнеса. Таким образом, вынужденное переселение украинских граждан, которое является наиболее активным в приграничных российских регионах и на юге России в частности, ведёт к росту социально-политической напряжённости и обостряет криминальную ситуацию в регионах переселения.

Список источников и литературы

1. Интервью Председателя Всеукраинского профсоюза работников-мигрантов в Украине и за её пределами С. Олейника для DW [Электронный ресурс]. – Режим доступа: migrant.org.ua/page/9/?lang=en (дата обращения: 02.03.2016).

2. Федеральная служба государственной статистики РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 02.03.2016).

УДК 327(57)
ББК Ф4(5),03

Айнура Майрамбековна Акматалиева,
Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б. Ельцина,
г. Бишкек, Кыргызстан

Многовекторность и гетерогенность региона Центральной Азии

После распада СССР политическое решение о создании региона Центральной Азии не вызывало сомнений, однако спустя два десятилетия академическое сообщество кажется разочаровано, что прогнозируемые процессы интеграции не сбылись, а остаётся лишь констатировать разные геополитические ориентации этих государств. Центральноазиатский регион является гетерогенным образованием, где единицы имеют разнонаправленные внешнеполитические приоритеты и больше подвержены стратегиям нерегинальных держав.

Ключевые слова: регион, Центральная Азия, многовекторная внешняя политика, геополитический статус.

*Ainura M. Akmataliyeva,
Kyrgyz-Russian Slavic University,
Bishkek, Kyrgyzstan*

The Multivector and the Heterogeneity of Central Asia

After the collapse of the Soviet Union the political decision to create the region of Central Asia did not pose a doubt, but after two decades scholars seem to be disappointed with the scenarios which did not occur and the need only to fix differing geopolitical orientations of the states. Central Asia is a heterogeneous entity, in which parts have differing foreign policy vectors and tend to be enhanced by the strategies of other non regional powers.

Keywords: region, Central Asia, multi-vector policy, geopolitical status.

Центральная Азия (ЦА) как регион, объединяющий пять республик – Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан – на данном этапе переживает интересный период развития. Если после распада СССР политическое решение о создании региона ЦА не вызывало сомнений, то спустя два десятилетия академическое сообщество кажется разочаровано, что прогнозируемые процессы интеграции не сбылись, а остаётся лишь констатировать разные геополитические ориентации этих государств.

Государства ЦА-региона характеризуются многовекторной внешней политикой, или стратегией многоуровневой лояльности, и слабостью интеграционных процессов. Многовекторность является результатом как активизации внешних игроков в ответ на снижение роли России в регионе, так и вынужденного поиска внешних гарантов стабильности самими республиками после распада СССР. Россия, практически теряющая своё бывшее детерминирующее влияние на ЦА-регион, все 90-е гг. не рассматривала его в качестве приоритетного направления своей внешней политики, и создавшийся «геополитический вакуум» стал постепенно заполняться такими акторами, как США, ЕС, Китай, Турция, Иран, Пакистан, Индия, Саудовская Аравия и Япония.

Важность ЦА в глобальных политических процессах возросла в связи с событиями 11 сентября 2001 г. в США и последующей за ними антитеррористической операцией «Несокрушимая свобода» в Афганистане. Именно благодаря своей географической близости к Афганистану регион стал одной из точек опоры антитеррористических сил и военно-политического присутствия США. Как считает Ю. Хаски, если бы Америка не подверглась атаке террористов и не предприняла ответных действий, направленных на

ликвидацию очага терроризма, Кыргызстан ещё сильнее бы привязался к России, но эти события повысили в значительной степени «стратегическое значение Кыргызстана для Запада» [8] и породили для Центральной Азии, по мнению Н. Омарова, «новые геополитические перспективы» [2].

Повышение геополитической роли ЦА привлекло к ней внимание исследователей из разных стран. Так, американский учёный С. Бланк указывает на регион в качестве «новой фронтьеры» для США [7], другие авторы обратились к проблемам изучения региона в контексте войны в Афганистане. Относительно ЦА и Афганистана стали говорить как о «дуге нестабильности», требующей особого внимания со стороны международных акторов для обеспечения региональной безопасности. Следует отметить, что если до этого всем международным акторам была свойственна непоследовательность политики в отношении данного региона, то после 2001 г. они стали корректировать свои стратегии. Это инициатива Большой Центральной Азии (БЦА) США; Экономический пояс Шёлкового пути КНР и проекты евразийской интеграции РФ. Важным итогом политики держав в регионе ЦА можно считать акцент на экономическую модель интеграции нежели на политические и политизированные ценности.

Центральноазиатский регион является гетерогенным образованием, где единицы имеют разнонаправленные внешнеполитические приоритеты и формируются преимущественно нерегionalными акторами, подвергаясь их стратегиям безопасности. Именно отсутствие у правящих элит государств ЦА политической воли и заинтересованности в региональной интеграции и выработке общего видения будущего, отсутствие спланированной легитимной региональной

державы снижают возможности эффективно-го решения существующих водно-энергетических, пограничных и миграционных проблем, порождая разнонаправленные геополитические ориентации. Ф. Толипов справедливо отмечает, что «реверсивность геополитических тенденций» в Центральной Азии определяется попытками режимов в «геополитизации» своего статуса [4, с. 59]. Кроме этого, ни одна держава не является однозначным гегемоном или доминирующей силой в регионе, что также позволяет им манипулировать интересами республик.

Региональные державы: Казахстан и Узбекистан. Геополитические амбиции Узбекистана и Казахстана стать региональными лидерами поддерживаются США, ЕС, Россией и Китаем, периодически артикулирующими свои предпочтения в пользу этих двух республик со времени распада СССР. З. Бжезинский ещё в начале 1990-х гг. указал на ключевую роль этих двух государств в Центральной Азии на шахматной доске евразийского пространства. Региональные авторы из Узбекистана склонны считать, что миф о соперничестве двух республик за лидерство является эффективным инструментом внешних акторов для продвижения собственных интересов: если для России это политика «разделяй и властвуй», то для США – политика «объединяй и властвуй». На наш взгляд, дискурс о соперничестве за лидерство между Казахстаном и Узбекистаном действительно был изначально задан внешними акторами, открыто актуализировавшими их противоречия.

Казахстан, территориальный и экономический гигант Центральной Азии, граничащий с Россией и Китаем, обладающий значительными запасами нефти и газа, государство с неопатримониальным режимом, претендует стать центром интеграции на постсоветском азиатском пространстве. По сути, региональное лидерство Казахстана активно поддерживается только Кыргызстаном и оспаривается Узбекистаном. Внешняя политика Казахстана, несмотря на декларируемую многовекторность, склонна делать крен в сторону Москвы – членство в ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, СНГ.

Претензии Узбекистана стать региональным лидером признавались ещё в советское время. Узбекистан – практически моноэтническое государство, с самым многочисленным населением в регионе, с многочисленной диаспорой в соседних респу-

бликах (около 6 млн чел.). Узбекистан может претендовать на региональное лидерство не без оснований: это единственная страна, граничащая со всеми остальными четырьмя республиками Центральной Азии, имеющая самую большую армию в регионе и с внушительными затратами на оборону.

Смелые заявления Ташкента дистанцируют соседей, опасаящихся его потенциала. Неоднозначные отношения Узбекистана с соседями складываются на фоне вопросов газа и воды, особенно с Кыргызстаном и Таджикистаном, и носят перманентно-конфликтный характер. Более того, состоятельность узбекского государства подвергает сомнению и международное сообщество, включая его в список несостоявшихся (failed) государств [9]. Периодически Узбекистан становится фаворитом Вашингтона благодаря способности Ташкента отказать или отстоять свою позицию перед Кремлём. Если с одной стороны мы видим, что США готовы оказывать значительную поддержку военным силам республики, то с другой стороны Москва списала долг в 865 млн долл. [6].

Таким образом, ни Казахстан, ни Узбекистан не являются региональными державами, а скорее, склонны привлекать третьи силы для легитимизации своего статуса в Центральноазиатском регионе.

Нейтральное государство – Туркменистан. Статусом постоянного нейтралитета среди центральноазиатских государств обладает только Туркменистан, он не является членом таких организаций, как СНГ, ОДКБ и ШОС, в которые входят остальные четыре республики. Туркменистан является членом исламских организаций – ОИК и ОЭС. Некоторые исследователи считают, что нейтралитет привёл республику лишь к политике изоляционизма и отсталости в социально-экономической жизни. Как отмечает Н. М. Омаров, «к концу 1990-х гг. в стране сформировался тоталитарный режим с элементами восточной деспотии» [1]. Однако после неожиданной смерти С. Ниязова в 2007 г. новая администрация во главе с Г. Бердымухамедовым намерена претворить в жизнь модернизацию республики путём демократизации и либерализации политической системы. Кроме преодоления отсталости в социально-экономической жизни и проведения политических реформ, Туркменистан сталкивается с необходимостью удержать нейтралитет в условиях жёсткой конкуренции за энергоресурсы крупных держав на евразий-

ском пространстве. Обладая, согласно данным «British Petroleum» за 2009 г., 7,94 трлн м³ запасов газа, республике сложно лавировать между интересами крупных акторов. В 2008 г. Президент Туркменистана впервые принял участие в саммите НАТО, проходившем в Бухаресте, на котором выразил открытость для расширения сотрудничества с альянсом и предложил дополнительные миротворческие услуги [5]. Однако зависимость республики от экспорта газа в Китай становится всё ощутимей и значимей.

«Водные державы», требующие справедливости. Экономически слабыми республиками Центральной Азии являются Кыргызстан и Таджикистан, они не обладают внушительными запасами нефти и газа, но имеют стратегические природные запасы пресной воды, которые, однако, тоже подвергаются сомнению. Так, согласно отчёту, выпущенному Экологической программой ООН (ЮНЕП) и Всемирной службой мониторинга ледников, площадь ледников в горах Тянь-Шаня в XX в. сократилась на 25–35 % (начиная с 1970-х гг. темпы таяния ледников резко повысились). В связи с этим критическое значение имеет совершенствование моделирования долговременных гидрологических, метеорологических, а также демографических и экономических тенденций в Центральной Азии [5].

Политическая ситуация в республиках характеризуется особой остротой. В Таджикистане в 1992 г. вспыхнула гражданская война, которая продолжалась до 1997 г.; в последние годы обстановка в стране тоже вызывает опасения, из-за активизации деятельности криминальных группировок и экстремистских организаций. В Кыргызстане смена власти произошла путём «тюльпановой революции» в 2005 г. и насильственной смены власти в 2010 г., сопровождавшейся этническим конфликтом на юге республики. Эти процессы являются яркими примерами дефицита легитимной смены власти в Центральной Азии.

Многовекторность внешней политики Кыргызстана и Таджикистана можно назвать условной и вынужденной. В большей степени

интересы этих двух республик направлены в сторону России, потому как её лояльность всегда проявлялась на высоком уровне: это и подписание Соглашения о вечной дружбе, и дискурс лидеров «о старшем брате» и «вечном союзнике». В республиках на государственном уровне созданы национально-российские университеты: Таджикско-Российский и Кыргызско-Российский Славянские университеты; в обеих республиках особое значение придаётся образованию на русском языке. В Кыргызстане – в единственной стране Центральноазиатского региона – русскому языку придан статус официального языка.

Вместе с тем для обеих республик характерны значительные потоки как внутренней миграции, так и трудовой миграции и эмиграции преимущественно в Казахстан и Россию (финансовые перечисления трудовых мигрантов практически равняются государственному бюджету их стран). «Островок демократии» после «тюльпанового сценария» очень быстро начал трансформироваться путём продолжительных конституционных реформ, противостояния власти и оппозиции и криминальных групп в типичную страну Центральной Азии с ограничением демократических ценностей.

Следует отметить, что Кыргызстан – единственная республика в Центральной Азии, на территории которой располагались авиабазы двух геополитических соперников – США и России, к тому же имеющих де-юре разные статусы. Вместе с тем можно сказать, что Кыргызстан выступает «индикатором отношений» между такими могущественными акторами, как Европа, США, Китай и Россия [8].

Таким образом, статус Центральной Азии определяется как периферийный в мировой политике, из-за промежуточного геополитического расположения между ключевыми глобальными акторами и низкого геоэкономического потенциала, что маргинализирует государства региона в глобальной политике. Центральная Азия как регион имеет малые импульсы для интеграции, а больше склонен искать нерегиональных акторов для сотрудничества.

Список источников и литературы

1. Омаров Н. М. Государства Центральной Азии в эпоху глобализации: поиски стратегии развития. – Бишкек: Принтхаус, 2008. – 123 с.
2. Омаров Н. М. На пути к глобальной безопасности: Центральная Азия после 11 сентября 2001 года. – Бишкек: Принтхаус, 2002. – 80 с.
3. Оценка региональных рисков в Центральной Азии: реагирование на угрозы в области водной, энергетической и продовольственной безопасности: программа развития Организации Объединённых Наций // Региональное бюро по странам Европы и СНГ. – 2009. – Янв. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.undp.org/rbec (дата обращения: 10.05.2016).

4. Толипов Ф. Стратегический "friction" в Афганистане и геополитический «реверс» в государствах Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ: журн. соц.-полит. исслед. – 2009. – № 2. – С. 51–61.
5. Туркмения расширяет сотрудничество с НАТО // Независимая газета. – 2008. – 13 мая.
6. Федеральный закон от 5 апреля 2016 г. № 83-ФЗ «О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан об урегулировании взаимных финансовых требований и обязательств»: от 05.04.2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/2016/04/08/soglasheniye-dok.html> (дата обращения: 08.04.2016).
7. Blank S., Allison R., Jonson L. The United States and Central Asia [Электронный ресурс] // Central Asian Security: The New International context. Royal Institute of International Affaires. – Washington, D. C.: Brookings Institution Press, 2001. – Режим доступа: <http://eprints.lse.ac.uk/7782/> (дата обращения: 06.06.2016).
8. Huskey E. Foreign Policy in a Vulnerable State: Kyrgyzstan as Military Entrepot Between the Great Powers // China and Eurasia Forum Quarterly. – 2008. – Vol. 6. – No. 4. – P. 5–18.
9. White M. J. No Development without Security: The transatlantic donor community needs to redesign aid for fragile states [Электронный ресурс] // The German Marshall Fund of the United States. – 2009. – Appendix 7. Fragile states. – March. – Режим доступа: <http://www.iaii.it/en/comunicati/german-marshall-fund-united-states-start-new-strategic-partnership-italian-institute> (дата обращения: 04.06.2016).

УДК 321.01:341(575)

ББК Х400.51:Х910.313(543)

Игорь Викторович Халанский,

*Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б. Ельцина,
г. Бишкек, Кыргызстан*

Погранично-территориальные проблемы государств Центрально-Азиатского региона

Статья посвящена характеристике спорных территориально-пограничных аспектов, сложившихся между некоторыми государствами Центрально-Азиатского региона после распада Советского Союза. Автор обращает внимание на то, что вопросы по прохождению государственной границы и принадлежности спорных приграничных территорий несут в себе потенциальную угрозу интересам национальной безопасности в регионе.

Ключевые слова: Центральная Азия, пограничные проблемы, спорная территория.

Igor V. Khalansky,

*Kyrgyz-Russian Slavic University,
Bishkek, Kyrgyzstan*

Border and Territory Issues of Central Asian States

The article evaluates some territorial and border disputes aspects between certain Central Asian states after the Soviet Union collapse. The author draws attention to the fact that the issues about boundaries and belonging of disputed border territories poses a potential threat to the national security interests of the region.

Keywords: Central Asia, border issues, the disputed territory.

Распад Советского Союза и появление в Центральной Азии новых независимых государств (Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан) создали новую геополитическую ситуацию в регионе, резко активизировав старые и вызвав мно-

жество новых территориально-этнических притязаний и конфликтов [1], что в нынешних условиях формирования нового мирового порядка ведёт к неизбежному росту дестабилизирующих факторов в сфере обеспечения безопасности, как отдельно взятого

государства, так и региона в целом. Приграничные проблемы Центральной Азии берут своё начало в национально-территориальном размежевании региона, проведённом в 1920-е гг. властями Советского Союза. Существовавшие в этом регионе до революции 1917 г. государственные образования (Бухарское и Хивинское ханства), а также ликвидированное Кокандское ханство имели иные границы, основанные не на этническом, а на конфессиональном и территориальном принципе. Здесь не было чётко сформированных этнических групп, которые были бы способны преобразоваться в нации, а также отсутствовали чёткие границы их проживания. Отсюда можно сделать вывод, что система межгосударственных отношений в Центральной Азии изначально базировалась на древних культурно-цивилизационных и хозяйственных компонентах (различное качество, степень и время восприятия ислама народами региона в ходе исторического развития, альтернативные типы хозяйственных культур и тому подобное).

Тем не менее в 1924 г. центральное руководство в Москве предприняло попытку разграничить территории каждой из национальных республик, включив территории с иноэтничным населением в состав тех или иных республик. В итоге состав их населения стал более полиэтничным, а сами республики – более управляемыми. Несмотря на то, что этот план советского руководства по национально-территориальному разделению сработал в значительной степени на подавление национально-религиозного сопротивления Центральной Азии, всё же разделение оставалось формальным. На протяжении всего существования союзных республик в рамках единого государства между ними не прекращалась борьба за отдельные территории, борьба, которая с новой силой возобновилась после обретения ими независимости.

К настоящему моменту в регионе установились границы, которые затрудняют в некоторых государствах доступ из одной части территории в другую. Так, например, чтобы доставить грузы из столицы Таджикистана в его областной центр Ходжент, необходимо проехать через Узбекистан. Устойчивые коммуникации между южными областями Кыргызстана (Ошской и Джалал-Абадской) возможны только через узбекскую территорию.

Часть противоречий существует в скрытом виде, некоторые противоречия проявляются открыто в виде различных конфликтов

и напряжённости в сферах водопользования, распределения энергоносителей, делимитации и демаркации «внутренних» границ между государствами. Особенность этих противоречий состоит в том, что в будущем они могут вылиться в противоречия на межгосударственном уровне.

В настоящее время из пяти стран Центральной Азии полностью делимитировал сухопутные границы только Туркменистан, подписавший соответствующие договоры с Узбекистаном в сентябре 2000 г. и Казахстаном в июле 2001 г. Основные проблемы по делимитации границы решил и Казахстан, урегулировавший большую часть вопросов с Узбекистаном, Кыргызстаном и Россией. Остаётся лишь нерешённой проблема разграничения акваторий Аральского моря.

Тем временем делимитация границ между Узбекистаном, Таджикистаном и Кыргызстаном до сих пор не завершена. Именно здесь в настоящее время и существует наибольшее число территориальных противоречий. Эпицентр конфликтности расположен в Ферганской долине, объединяющей границы этих трёх государств. Особенно сложными остаются узбекско-таджикские и узбекско-кыргызские отношения. Каждый год в период весенне-полевых работ возникают конфликты и инциденты между жителями соседних государств. В частности, на сегодняшний день имеется ряд земельно-водных вопросов в приграничных с Исфаринским районом Республики Таджикистан населённых пунктах Баткенского района Кыргызстана, а также в Бургандинском массиве Кадамжайского района Кыргызстана со стороны Узбекистана, и отдельные очаги напряжённости, связанные с разделением земли и режимом водопользования между республиками.

Приграничные проблемы в «конфликтном треугольнике» Кыргызстан – Таджикистан – Узбекистан резко обострились в ходе Баткенских событий 1999–2000 гг., когда вооружённые отряды Исламского движения Узбекистана (ИДУ) дважды осуществляли нападения из Северного Таджикистана в Кыргызстан и Узбекистан. Опасаясь повторного прорыва боевиков ИДУ, Ташкент начал одностороннее минирование границ с Таджикистаном и Кыргызстаном, что повлекло за собой многочисленные жертвы среди мирного населения. Недовольство кыргызской стороны вызвало и размещение вооружённых сил Узбекистана в анклавах Сох и Шахмардан.

Ещё более серьёзными оказались последствия баткенских событий для жителей таджикско-узбекского приграничья. В 2000 г. из 18 кишлаков Сурхандарьинской области Узбекистана были депортированы более 5 тыс. таджиков, которых перевезли в пустыню Шарабадского района, а все населённые пункты были уничтожены ВВС Узбекистана. Поводом для депортации послужили сведения о том, что во время вторжения формирований ИДУ проживавшие в этих кишлаках таджики сотрудничали с боевиками [4, с. 445–469]. Схожая политика стала проводиться вскоре и Душанбе. В целях более выгодной делимитации границы с Узбекистаном власти Таджикистана в конце 2007 г. стали оказывать давление на проживавших в приграничных районах Согдийской области узбеков, принуждая их принять гражданство республики.

В Центральной Азии наибольшей напряжённостью отличаются отношения между Узбекистаном и Таджикистаном. Более половины таджиков проживают в экономически отсталых и неразвитых районах Узбекистана – Сурхандарьинской, Ферганской, Кашкадарьинской областях, в которых уровень жизни значительно ниже среднего по стране. Среди населения наблюдается катастрофический уровень безработицы, при резком демографическом росте. В то же время, в Таджикистане имеется крупная узбекская диаспора, численностью более 1 млн чел., занимающая в количественном отношении второе место после титульной нации, составляя в общей сложности около четверти населения республики. Таким образом, расселение этнических групп таджиков и узбеков практически на 50 % не соответствует границам и географическому положению национальных государств – Республики Узбекистан и Республики Таджикистан, что создаёт почву для многочисленных противоречий, самыми опасными из которых являются межэтнические, оказывающие влияние на сложные межгосударственные отношения.

Усугубляет положение и то, что в Бухаре и Самарканде таджики составляют большинство населения, что является основой для выдвижения таджикскими научными и политическими элитами исторических претензий Бухаре и Самарканду, рассматриваемым ими в качестве «колыбели таджикского этноса и культуры».

В настоящее время на границе Кыргызстана и Таджикистана насчитывается около

70 спорных участков. Они располагаются в основном в Ляйлякском районе Ошской области, Баткенской области (Кыргызстан) и Исфаринском районе Ленинабадской области и Джиргатальском районе (Таджикистан). Так, Исфаринский район Таджикистана по численности населения – один из самых крупных не только в Ленинабадской области, но и во всей республике, при сравнительно небольшой территории. После принудительного перехода к оседлой жизни, осуществлявшейся в первые годы советской власти, и по причине недостаточных условий для земледелия (нехватка водных ресурсов и пахотных земель) часть кыргызов переселилась ближе к городу Исфара, на земли, традиционно заселённые таджиками, где постепенно возникли населённые пункты с преобладанием кыргызского этноса (Аксай, Самаркандек, Говсувор, Актатыр, Кочобюю, Шакча). Кроме того, при проведении границ центральным руководством в Москве в состав Таджикистана были включены районы с компактно проживавшим кыргызским населением, и наоборот.

Территориальный вопрос между Кыргызстаном и Таджикистаном сильно осложняется наличием анклавного фактора. На территории Кыргызстана находится сравнительно небольшой участок земли (130 тыс. км²), анклав Ворух – территория компактного проживания этнических таджиков в Баткенском районе, относящаяся к Исфаринскому району Худжандской области Таджикистана, в котором проживают примерно 40 тыс. этнических таджиков, что составляет 95 % населения, и ещё 5 % кыргызов [5, с. 432–434]. Главная причина конфликтов в этом районе – борьба двух этнических групп населения за ресурсы, орошаемые земли и поливную воду. В 1989 г., ещё при советской власти, на почве территориальных претензий здесь произошли кровавые столкновения с человеческими жертвами.

Ещё один важный момент – дорога через Ворух – единственная транспортная магистраль, соединяющая Ляйлякский район с остальной частью Кыргызстана. Несколько лет назад укрепление Таджикистаном границ своего анклава вызвало резкое недовольство кыргызов, которым приходилось дважды пересекать границу, чтобы попасть из Ляйлякского в Баткенский район по кратчайшему пути через Ворух. В октябре 2002 г. таджики поставили на границе КПП и ввели плату за проезд, из-за чего между таджикски-

ми пограничниками и кыргызской милицией не раз возникали конфликты. Таким образом, ситуация демонстрирует наличие сразу нескольких проблем: водные и территориальные споры, а также вопросы незаконного использования пастбищ. Эти проблемы и послужили в итоге фактором социальной напряжённости между кыргызами и таджиками. Характерной чертой кыргызско-таджикских противоречий является то, что они сказываются и на официальных межгосударственных отношениях.

В последнее время в кыргызско-таджикских взаимоотношениях на передний план стал выходить вопрос безопасности границ. Как известно, проникновение вооружённых отрядов экстремистов ИДУ в Баткенский район Кыргызстана в 1999 и 2000 гг. произошло именно с территории Таджикистана [3]. В создавшихся условиях кыргызские власти предпринимают жёсткие меры по защите своих границ с Таджикистаном посредством минирования горных перевалов, троп и ущелий. Свою роль и в этом вопросе играет и анклавный фактор. Упомянутый выше таджикский анклав Ворух является достаточно сложным для контроля со стороны какой-либо официальной власти, таджикской или кыргызской. Процессы, происходящие на этой территории, сложно отслеживать, что создаёт благоприятную почву для распространения радикальных настроений.

Территориальные проблемы – самый сложный нерешённый вопрос между Кыргызстаном и Узбекистаном. Межправительственная комиссия, созданная для решения вопроса спорных участков, сталкивается со множеством трудностей в своей работе, исходящих во многом из взаимных противоречий. Узбекская сторона отстаивает принцип проведения границы, опираясь на карту 1924 г., Кыргызстан выдвигает в качестве базы для переговоров карту 1955 г.

По историческим данным, определение административно-территориальной границы между республиками Центральной Азии впервые затеяли в 1924 г. 17 марта 1925 г. описание линии рубежа с перечнем административных единиц в каждой республике было согласовано и утверждено на заседании Среднеазиатского ликвидкома, а затем и Президиумом ЦИК СССР. На основании этих документов было составлено описание границы и графически оформлено её начертание на карте Военно-топографического отдела штаба Туркестанского округа. После

чего ЦИК объявил мораторий на обсуждение вопроса о границах в Ферганской долине, надеясь положить, таким образом, конец разногласиям [2].

Но приграничные колхозы и совхозы постоянно вступали в конфликты, оспаривая участки небольших размеров. Многочисленные земельные споры имели место с момента размежевания до 60-х гг. прошлого столетия. Чтобы разрешить их, Президиумы Верховных Советов Кыргызской ССР и Узбекской ССР заключили договорённость о рассмотрении всех спорных вопросов по межреспубликанской границе. Советы Министров республик утвердили состав паритетной комиссии по установлению линии разделения между ними, которая бы устроила обе стороны. Однако Президиум Верховного Совета СССР линию границ не утвердил, и вскоре в Москве о проблеме Ферганы и вовсе забыли, что отразилось на взаимоотношениях соседних государств уже в настоящем.

Итак, отметим одну из главных проблем, играющих очень важную роль в двусторонних взаимоотношениях – это анклавный фактор. Анклавы на территории Кыргызстана два – Сох и Шахмардан с населением, по разным данным, от 40 до 50 тыс. чел. В свою очередь и в Узбекистане имеется кыргызский анклав – село Барак, относящееся к сельской управе Ак-Таш Кара-Суйского района Ошской области, с населением 589 чел. Вышеперечисленные анклавы оторваны от основной территории своих государств, что создаёт значительные трудности для их населения. В этой связи узбекским руководством была предпринята попытка заключить со своими кыргызскими коллегами соглашение об обмене территориями, с тем чтобы анклав Сох был присоединён широкой полосой земли к части Узбекистана. В обмен Кыргызстану предлагалось передать южную часть Соха. Кыргызская сторона посчитала для себя невыгодным заключать подобное соглашение, т. к. в этом случае два района страны – Ляйлякский и Баткенский – почти полностью будут отрезаны от остальной территории.

При этом анклавы являются мощным инструментом давления Узбекистана на Кыргызстан. Характерно, что недостаточная готовность кыргызской армии противостоять вооружённым отрядам боевиков заставляет узбекское руководство предпринимать активные односторонние меры для защиты своих рубежей. Так, в последние годы узбекские власти, как уже говорилось выше, усилен-

но минируют свои границы с Кыргызстаном, пытаясь предотвратить возможное нежелательное проникновение на свою территорию. Однако на деле зачастую от этого страдают мирные жители приграничных районов обоих государств.

Другая проблема – напряжённая ситуация вокруг Бургандинского массива Кадамжайского района, включённого в 1955 г. в состав Кыргызстана Указом Верховного Совета Кыргызской ССР.

Годами позже, в 1985 г., Узбекистан попросил в аренду 351 га земли Бургандинского массива под строительство Северо-Сохского газохранилища. Кыргызская сторона удовлетворила эту просьбу, при условии, что Узбекистан будет выплачивать налоги и сборы, предусмотренные законодательством. Однако до сегодняшнего дня условия договора не были соблюдены, не была произведена оплата. Бургандинский массив Кадамжайского района используется предприятиями Ферганской области для добычи нефти и газа, занимая 184 га земли, Северо-Сохское газохранилище занимает 360 га. Ещё 65 га приходится на газопроводы высокого и низкого давления. А есть и ещё один газопровод – он проходит через территорию Ляйлякского района и занимает площадь более 600 га [7, с. 44].

Учитывая, что оба государства соприкасаются друг с другом в самом центре Центральной Азии, можно сделать вывод о том, что напряжённость здесь теоретически угрожает стабильности региона в целом. Всё это может быть использовано и во многом уже использовалось экстремистами для дестабилизации обстановки не только в данном регионе, но и во всей Центральной Азии.

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, можно выделить следующие проблемы, возникшие в приграничной зоне трёх центральноазиатских государств – Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана.

1. Водные проблемы: существующие водные системы в данном регионе имеют трансграничный характер. Баткенский и приграничные с ним Исфаринский (Таджикистан) и Сохский (Узбекистан) районы связывают единые водные артерии. В ходе такого процесса водопользования часто возникают споры между жителями приграничных регионов относительно вододеления.

2. Территориальные споры (земельные): процесс проведения делимитации и демаркации границ между Кыргызстаном и Таджикистаном ещё не завершён, из-за чего часто возникают споры по поводу принадлежности того или иного участка земли.

3. Таможенно-пограничные конфликты: затрудняется переход границ, которые имеют отношение к трансграничному транспортному сообщению. Таможенные и пограничные процедуры вызывают недовольство жителей, которым ежедневно приходится пересекать границу.

Отсюда делаем вывод, что территориальная неопределённость в приграничных районах центральноазиатских государств, усиленная острым дефицитом водных и земельных ресурсов, способствует эскалации межэтнической напряжённости [6, с. 122–129].

Кроме того, глобальные этнические и религиозные распри военно-политических группировок в борьбе за власть существенно осложняют ситуацию в приграничных территориях государств. Активизируется идеологическая и агитационная работа партии «Хизбут-Тахрир» среди жителей приграничных районов, особенно в анклавах Ворух, Сох, Шахимардан, что во многом способствует нагнетанию обстановки вокруг возникающих земельно-водных споров, перенося сущность конфликта на плоскость межнациональных отношений.

Сложное политическое и экономическое положение в странах Центральной Азии, а также обострение военно-политической обстановки в Афганистане и Пакистане, грозящее перекинуться к северу, создают контекст, в котором любое обострение этнотерриториальных конфликтов является чрезвычайно опасным.

Нерешённость погранично-территориальных проблем, в частности, по прохождению государственной границы и принадлежности спорных приграничных территорий, накладывает на характер взаимоотношений государств и несёт в себе потенциальную угрозу интересам национальной безопасности в самом регионе. Дестабилизация ситуации в любом из трёх наиболее конфликтных государств Центральной Азии – Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане – способна вызвать цепную реакцию по всему региону.

Список источников и литературы

1. Лунева С. Межгосударственные отношения в Центральной Азии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.analitika.org/article.php?story=20060421110748216> (дата обращения: 21.04.2016).

2. Мусаев Б. Узбекистан: региональная безопасность и социально опасные тенденции развития общества // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – № 3. – С. 110.
3. Рузалиев О. Исламское движение Узбекистана: штрихи к «портрету» // Центральная Азия и Кавказ. – 2010. – № 3. – С. 24–36.
4. Салиев А., Усубалиев Э. Формирование системы региональной безопасности в Центральной Азии // Северо-Восточная и Центральная Азия. Динамика международных и межрегиональных взаимодействий / под ред. А. В. Воскресенского. – М.: МГИМО (У) МИД РФ, 2010.
5. Трофимов Д. Этнорегиональные и пограничные проблемы в Центральной Азии // Северо-Восточная и Центральная Азия. Динамика международных и межрегиональных взаимодействий / под ред. А. В. Воскресенского. – М.: МГИМО (У) МИД РФ, 2010.
6. Khalanskey I., Han N. Ethnocentrism and Problem of Central Asian Integration: Current Status // The Copernicus Journal of Political Studies. – 2012. – No. 1.
7. Shi Ze. Situation in Central Asia and Transcaucasia and its prospects at the threshold of the new century // Marco Polo Magazine. – 2008. – No. 3.

УДК 94(571.54)
ББК ТЗ(2Рос.Бур)

Маргарита Максимовна Боронова,
Бурятский государственный университет,
г. Улан-Удэ, Россия

Республика Бурятия в контексте сибирской модернизации XX века

В статье рассмотрены основные тенденции исторического развития Республики Бурятия в XX веке. Анализ свидетельствует о том, что модернизационные процессы в регионе непосредственно связаны с промышленным освоением территории, богатой природными ресурсами. Особое внимание уделяется промышленному подъёму 1960–1980-х гг. Автор отмечает, что именно в эти годы значительно возрос экономический, научно-технический и образовательный потенциал республики.

Ключевые слова: модернизация, индустрия, экономика, прогресс, население, рынок, стратегия.

Margarita M. Boronova,
Buryat State University,
Ulan-Ude, Russia

The Republic of Buryatia in the Context of the Siberian Modernization of XX Century

The article describes the main trends of the historical development Buryat Republic in the twentieth century. The analysis shows that modernization processes in the region are close linked with the industrial development of territory, rich in natural resources. Special attention is paid to industrial lift 1960–1980^s. The author notes that it was during these years has greatly increased economic, scientific-technical and education potential of the Republic.

Keywords: modernization, industry, economy, progress, population, market, strategy.

Как показывает опыт, в XX столетии Россия развивалась в общем русле модернизационных процессов. Однако, являясь большой евроазиатской державой, она сохраняла особенности своего исторического развития.

Цивилизационная неоднородность обуславливала неравномерность развития данных процессов в разных частях государства. Регионы страны втягивались в модернизационные процессы не одновременно. Территори-

альная асимметрия, столь характерная для дореволюционной России, сохранялась и в советский период.

Основной экономический потенциал СССР был сосредоточен в европейской части и на Урале. Здесь на 1/4 территории страны проживало 70 % её населения, производилось 80 % промышленной и около 70 % сельскохозяйственной продукции, располагалось 75 % всех основных производственных фондов и потреблялось 75 % всех природных ресурсов [1, с. 77]. Азиатская же часть России, включая Сибирь и Дальний Восток, традиционно отставала от европейских районов. Рассматривая причины этого отставания, следует указать на неравные стартовые условия развития отдалённых от центра регионов.

Как известно, процесс вовлечения Сибири в орбиту промышленного развития начался лишь с сооружением Транссибирской железной дороги. Значительный шаг вперёд в подъёме производительных сил края был сделан в годы первых пятилеток и в период Великой Отечественной войны. Однако по-настоящему динамичное хозяйственное освоение Сибири происходило в 1960 – начале 1980-х гг. Тогда был взят курс на стимулирование ускоренного развития районов к востоку от Урала. Уже в годы семилетки (1959–1965 гг.) на развитие восточных районов предусматривалось направить свыше 40 % от общего объёма капиталовложений [3, с. 40].

Объективной предпосылкой экономического развития Сибири являлся богатый природно-ресурсный потенциал края. Ещё в XVIII в. великий русский ученый М. В. Ломоносов прозорливо писал: «Могущество российское прирастать будет Сибирью». Действительно, как утверждают учёные, в недрах Сибири находится почти вся таблица Д. И. Менделеева. Здесь сосредоточено почти три четверти минеральных и топливно-энергетических ресурсов, больше половины гидро-ресурсов, внушительная часть руд цветных металлов, приблизительно половина запасов промышленной древесины и пресной воды, пятая часть земельного фонда, пригодного для ведения сельского хозяйства [4].

До середины 1960-х гг. природные ресурсы Сибири использовались главным образом для удовлетворения локальных потребностей. Однако в дальнейшем, в связи с сокращением или исчерпанием много лет эксплуатировавшихся месторождений в европейской

части и на Урале, богатая полезными ископаемыми Сибирь становится главной сырьевой базой Советского Союза.

Сдвиг производительных сил на восток привёл к тому, что Сибирь начинает играть всё более важную роль в экономике страны. Особенно красноречиво это показали 1970-е гг. Так, во второй половине 1970-х гг. Сибирь обеспечивала свыше 90 % всего прироста добычи топлива, а по нефти не только дала весь общесоюзный прирост, но и компенсировала снижение добычи в других районах страны [1, с. 16–17].

В результате ускоренного наращивания производственного потенциала Сибирь вошла в группу наиболее развитых регионов СССР. Общий объём продукции материального производства в Сибири превысил суммарный выпуск в Казахстане и республиках Средней Азии. По величине душевого производства национального дохода в 1975 г. Сибирь примерно на 16 % превышала среднесоюзный уровень [6, с. 60]. Осуществление курса на ускоренный подъём районов к востоку от Урала создавало благоприятные условия для развития производительных сил Бурятии – одной из национальных республик Сибири.

Бурятия является интегральной частью российского государства с XVII в. Её история стала частью общероссийского исторического пространства, хотя локально-исторические процессы всегда имели и по сей день сохраняют свою особенность. В советский период республика добилась впечатляющих успехов в развитии производительных сил, подъёме уровня образования и культуры населения. Некогда отсталая, аграрная окраина царской России превратилась в экономически развитый район на востоке страны. В 1923 г., когда образовалась Бурят-Монгольская АССР, на её территории насчитывалось 17 мелких промышленных предприятий, на которых было занято всего 854 рабочих. Удельный вес промышленности в народном хозяйстве составлял 11,6 % [5, с. 13].

За годы социалистического строительства в Бурятии была создана современная многоотраслевая экономика, появились высококвалифицированные кадры рабочих, специалистов, интеллигенции. Курс на освоение территории к востоку от Урала стимулировал общее хозяйственное развитие республики, ускорил её интеграцию в единый народнохозяйственный комплекс страны. Поэтому в период так называемого «застоя» Бурятия оставалась одним из динамично развивавшихся районов Восточной Сибири.

Именно в 1960–1980-х гг. значительно возрос её экономический, научно-технический и образовательный потенциал. Историческое развитие республики в эти годы, безусловно, шло в русле общецивилизационных тенденций: распространения индустриальных технологий, урбанизации, подъёма образовательного уровня населения, увеличения удельного веса работников умственного труда, активно-го потребления природных ресурсов.

В результате возрос общий уровень развития региона и степень его интеграции в современную индустриальную цивилизацию. Вместе с тем следует отметить, что становление народнохозяйственного комплекса республики происходило в сложных и противоречивых условиях. Именно тогда были заложены те диспропорции в структуре её хозяйства, которые дают о себе знать сегодня.

Магистральной тенденцией развития производительных сил республики, как и всей Сибири, в рассматриваемый период стал ускоренный рост промышленности. Богатый природно-ресурсный потенциал открывал большие перспективы для её развития. С развитием промышленности неразрывно связаны количественные и качественные изменения в структуре рабочего класса и инженерно-технической интеллигенции. Повысился образовательный и квалификационный уровень рабочего класса, возросла численность дипломированных специалистов, сократилось число практиков, занимавших должности ИТР. Прогрессивные изменения в составе рабочего класса и инженерно-технической интеллигенции создавали объективные предпосылки для более активного участия их в решении проблем современного производства.

В то же время нарастание кризисных тенденций в экономике и в обществе не могло не отразиться на развитии производительных сил республики. Значительное расширение фронта нового строительства сопровождалось медленными темпами реконструкции и технического перевооружения действовавших производств. Несмотря на некоторый рост капиталовложений, выделявшихся на эти цели, их явно не хватало для стабильно-

го повышения эффективности общественно-го производства. В этих условиях усилилась тенденция технологической деградации производственного аппарата. Процесс обновления материально-технической базы замедлился. В результате износ основных производственных фондов в промышленности Бурятии к началу 1990-х гг. составил 41,7 %. На предприятиях чёрной и цветной металлургии, стекольной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности более половины машин, станков и оборудования выработали свой ресурс [2].

С распадом единого государства модернизационные процессы в крае существенно замедлились. Разрыв сложившихся за десятилетия производственных связей имел крайне негативные социально-экономические последствия для республики. Приватизация государственной собственности и «шоковая терапия» 1990-х гг. привели к банкротству и закрытию большинства промышленных предприятий. Произошла фактическая деиндустриализация региона, что неизбежно привело к росту безработицы, падению уровня жизни и начавшемуся оттоку населения за пределы республики. Отток населения «съедает» часть естественного прироста и приводит к отрицательным социально-экономическим последствиям, т. к. уезжает в основном наиболее образованная и квалифицированная часть населения. Это значительно осложняет процесс адаптации региона к условиям формирующегося в стране рыночного хозяйства.

Наблюдающаяся тенденция сокращения абсолютной численности населения на северных и восточных территориях представляет, по нашему мнению, реальную угрозу геополитическим интересам России в Азии. Её преодоление требует разработки и реализации долгосрочной стратегии приоритетного развития восточных территорий страны, огромный внутренний потенциал которых может быть задействован только при активной государственной поддержке и деятельной политике протекционизма в отношении региональных отечественных товаропроизводителей.

Список источников и литературы

1. Аганбегян А., Ибрагимова З. Сибирь на рубеже веков. – М.: Сов. Россия, 1984. – 272 с.
2. Бурятия. – 1993. – 30 марта.
3. Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза: стеногр. отчёт. Т. 1. – М.: Полит. лит., 1959. – 457 с.
4. Правда Бурятии. – 1986. – 3 янв.
5. Социалистическое строительство Бурятии за 10 лет. – Верхнеудинск: Респ. тип., 1933. – 67 с.
6. Тенденции экономического развития Сибири. 1961–1975 гг. – М.: Наука, 1980. – 255 с.

УДК 338.483.12:39(470)
ББК У433.5:Ч108.3(2Рос)

*Надежда Васильевна Дулина,
Игорь Николаевич Наумов,
Волгоградский государственный технический университет,
г. Волгоград, Россия*

*Дмитрий Юрьевич Шарапов,
Волгоградский государственный аграрный университет,
г. Волгоград, Россия*

Этнокультурный туризм как аспект диалога культур в эпоху глобализации (на примере памятников казачьей культуры юга России)

В статье поднимаются проблемы развития этнокультурного туризма на территории южных регионов России. Авторы акцентируют внимание на возможностях использования и перспективах создания туристической инфраструктуры на памятниках казачьего историко-культурного наследия для развития регионального этнокультурного познавательного туризма.

Ключевые слова: этнокультурный туризм, памятники казачьего историко-культурного наследия.

*Nadezhda V. Dulina,
Igor' N. Naumov,
Volgograd State Technical University,
Volgograd, Russia*

*Dmitry Yu. Sharapov,
Volgograd State Agrarian University,
Volgograd, Russia*

Ethnocultural Tourism as an Aspect of the Cultural Dialogue in the Era of Globalization (on the Example of Cossack Culture Monuments of the South of Russia)

In the article the problems of development of ethno-cultural tourism in the southern regions of Russia. The authors focus on the use and prospects of creation of tourism infrastructure at the monuments of the Cossack historical and cultural heritage for the development of regional ethno-cultural educational tourism.

Keywords: ethno-cultural tourism, monuments of the Cossack historical and cultural heritage.

Причины, по которым туристическая отрасль России в последние годы переживает сложные и противоречивые времена, носят двоякий характер. С одной стороны, это, конечно же, экономический кризис, падение курса рубля относительно мировых валют, санкции и т. д., которые вынуждают туроператоров кардинально пересматривать основные направления своей работы. Другая сторона, по нашему мнению, более масштабна. Это глобализация, охватившая все сферы человеческой деятельности. Причём обе эти причины дают, как нам кажется, лишний повод убедиться на практике в целесообразности этнокультурного туризма внутри страны.

Напомним, принято считать, что глобализационные процессы ведут своё начало со времени Великих географических открытий. На начальных этапах процесс глобализации охватывал главным образом экономическую и политическую области, но с момента появления новых технологий, средств связи и телекоммуникаций данный процесс распространился и на сферу культуры. И именно с этого момента влияние глобализации, если выразить словами В. В. Маяковского, стало проявляться «весомо, грубо, зримо» [3]. Причины видятся в следующем. С одной стороны, с тех давних времён, когда свершились великие географические открытия, измени-

лось и само общество, и человек. С другой стороны, особенностью глобализации современного периода является то, что она проникает в глубины социальных структур, «разбивая» их, превращая в носителей совершенно новых смыслов. Это касается, в первую очередь, «локальных» ценностей (традиций, обычаев, привычек местных сообществ и др.). Выход глобализации на новый уровень развития зафиксирован появлением в нашей жизни нового термина «культурная глобализация» – глобальные реалии радикально меняют даже консервативные, устойчивые структуры социального сознания и поведения. И в этом случае мы сталкиваемся с глобализацией в её негативной форме – когда она протекает не как естественный процесс, а как искусственное явление «упрощает культурное наследие различных этносов в попытке нивелирования соответствующего пространства путём приведения всех существующих культур к общему нормативу-знаменателю. Это повлечёт за собой определённую интеллектуально-культурную варваризацию общества, отрыв индивидов от своих социокультурных корней и превращение их в людей, забывших свою историю и гражданство, номадических индивидов» [2, с. 170].

Следствием такого агрессивного вхождения глобализации в нашу жизнь является необходимость поиска ответов на вопросы о сохранении национальных традиций, культурного своеобразия и духовных ценностей. И здесь на первое место в сохранении «локальных» ценностей выходит внутренний туризм, который должен способствовать сохранению и развитию туристической индустрии в стране. Одно из интереснейших его направлений в регионе – это туризм этнокультурный.

На Юге России есть интересные этнографические музеи, которые могут стать основой для создания музейно-развлекательных и образовательных комплексов. Например, в Волгоградской области наиболее подходящими для создания региональных этноцентров, посвящённых истории и культуре казачества, являются:

1. Музей народной архитектуры и быта донских казаков в Иловлинском районе. Представляет собой усадьбу казака-середняка, состоящую из нескольких сооружений. Главная функция музея – показ образцов материальной культуры казачества конца XIX – начала XX в. Музей – это «живая усадьба» с подлинными строениями и предметами быта, в которой нашли отражение главные

элементы традиционной культуры донского казачества: курень, летняя кухня, гончарная мастерская, хозяйственные постройки, в том числе амбар для хранения зерна, базы для скота, курник, лабаз, конюшня.

2. Музей истории Усть-Медведицкого казачества в г. Серафимович. У музея имеется земельный участок, на котором располагается и музей истории Усть-Медведицкого казачества, и дом-музей писателя А. С. Серафимовича. На территории, огороженной забором, находится также летняя концертная площадка, носящая название «Зелёный театр “Надежда”», на 150 посадочных мест. На усадьбе разбит фруктовый сад, устроены плиточные дорожки между зданиями, по всему периметру двора установлены светильники, что даёт возможность проведения различных мероприятий и в вечернее время.

При музее много лет работает народный театр казачьей песни «Донцы», который участвует в программах музея. Ежегодно музейный комплекс посещают до 4000 чел. Здесь также работает «сувенирная лавка», где можно приобрести книги местных авторов, значки с казачьей символикой, картины местных художников и сувениры мастеров прикладного искусства г. Серафимовича и района (подковы, фигурки из глины, вязаные салфетки и т. д.). Музейный комплекс идеально подходит для развёртывания на его территории анимационных и образовательных программ, особенно в летнее, каникулярное, время, когда музей посещает наибольшее количество гостей.

Вниманию гостей города и туристических групп МУК «Музей истории Усть-Медведицкого казачества» представляет также выставки по темам:

– «Усть-Медведицкие казаки в конце XIX и начале XX века». Выставке отведено 2 зала, где размещены уникальные экспонаты, относящиеся к указанному периоду в истории казачества: предметы быта, мебель, одежда казака и казачки, фотографии, церковная утварь и т. д.;

– «Зал воинской славы» с выставкой «Отсюда начиналась Победа» – Серафимовичский плацдарм: август 1942 – февраль 1943 г. Вниманию гостей представлены материалы, связанные с историей Великой Отечественной войны в казачьем крае: документы, оружие, фотографии, награды и др., свидетельствующие о героизме Усть-Медведицких казаков, отстаивавших свою землю согласно кодексу казачьей чести;

– «Природа родного края» – ещё одна выставка, связанная с историей края. Здесь представлены работы таксоидермистов (чучела птиц и животных, обитающих в районе), археологические находки (золотоордынские монеты, черепки керамики времён Золотой Орды, найденные археологами на раскопках средневековых поселений), окаменевшие отпечатки древних рыб на песчанике.

Посетителям и гостям музея истории Усть-Медведицкого казачества предоставляется несколько программ встречи гостей с участием народного театра казачьей песни «Донцы»:

– «Поклон от Тихого Дона» (театрализованный концерт казачьей песни);

– «На Дону гостям мы рады» (с дегустацией блюд казачьей кухни);

– «Слава Богу, что мы казаки» (с проведением обряда приобщения к казачьим традициям).

Сотрудники музея совместно с участниками народного театра «Донцы» проводят часть традиционного казачьего свадебного обряда «Казачьему роду нет переводу», пропагандируя сохранение старинных обрядов на Дону.

Гостям города и туристическим группам также могут быть представлены несколько экскурсионных маршрутов по городу Серафимович:

– «Исторические места ст-цы Усть-Медведицкой». Экскурсанты знакомятся с историей станицы, осматривают её достопримечательности, знакомятся с памятниками архитектуры, осматривают Задонье с высокого правого берега;

– «Дон православный» – маршрут с посещением церквей ст-цы Усть-Медведицкой (г. Серафимович), могилы провидицы Матушки Раисы, куда совершается паломничество за чудом исцеления. В маршрут входит доставка туристов в Спасо-Преображенский женский монастырь и рассказ о его истории;

– «Казачий край и Гражданская война» с посещением Креста Примирения на её вершине горы Пирамиды, памятника красногвардейцам, объектов, связанных с историей Гражданской войны в самом городе. (Тюремный замок, майдан, дом командарма II Конной армии Ф. К. Миронова и др.);

– «Отсюда начиналась Победа» – маршрут включает показ всех объектов, связанных с Великой Отечественной войной в крае с посещением «высоты 220» (Чепелева Кур-

гана) в окрестностях ст-цы Усь-Хоперской. В маршрут включен рассказ о Долине Смерти (между х. Затонский и хут. Б.-Поповский), о казаке Аверьянове, повторившем подвиг А. Матросова, и посещение братской могилы погибших солдат в боях за г. Серафимович в августе 1942 г.

3. Казачий музей Чернышковского муниципального района. Известность о нём давно шагнула за пределы района, его посетило более 100 тыс. чернышковцев, жителей соседних районов, а также ближнего и дальнего зарубежья. Посетителей привлекает возможность прикосновения к богатейшей истории казаков бывшего Второго Донского округа Области Войска Донского, к казачьим реликвиям, воинским и обрядовым традициям. Экспозиция включает в себя археологическую коллекцию, документы, редкие книги, собрание графики, живописи и скульптуры. Есть и нумизматические (монеты, награды, нагрудные знаки), палеонтологические, этнографические материалы и т. д.

Наибольшей популярностью у посетителей – взрослых и детей, пользуется коллекция оружия, униформы и снаряжения. Часто мероприятия проходят на музейном «стрельбище», где реконструкторы-аниматоры показывают приемы обращения со старинным фитильным мушкетом («ручницей»); стрельбы из рекурсивного русского конного лука; фланкировку казачьей шашкой и рубку лозы; метания казачьего дротика.

Подобными историко-этнографическими комплексами в ближайших регионах Юга России являются, например, «Раздорский этнографический музей-заповедник» казачьей культуры и этно-археологический комплекс «Затерянный мир» на Дону в окрестностях хут. Пухляковского и ст-цы Раздорской в Ростовской области [4, с. 55]. В экспозиции комплекса туристы увидят живую историю сельского хозяйства и домашнего ремесла на протяжении нескольких тысячелетий вплоть до передового казачьего «фермерского» хозяйства XIX в. Сотрудниками изготовлены реконструкции более 500 костюмов различных эпох, в частности, казачьего мундира XIX в., которые туристы могут примерить, сфотографироваться, почувствовать дух времени в антураже разных эпох!

Проект «Казачья станица» позволяет туристам погрузиться в этнокультурную среду Донского казачества, фольклорная программа знакомит с песнями, праздниками, обрядами, играми, устраиваются катания на

лошади, в повозке. По желанию гостей возможно и знакомство с местной кулинарией: традиционными казачьими блюдами и напитками.

Здесь же находится этнографический комплекс «Пухляковская казачья усадьба», где представлены предметы деятельности пухляковских казаков, связанных с земледелием, виноградарством и коневодством. В рамках программы «Казачья потеха в Пухляковке» желающие могут попробовать свои силы в атаке с пикой, рубке лозы шашкой, набрасывании аркана и т. п.

Интересны памятники гражданской архитектуры второй половины XIX – начала XX в. [4, с. 67–68] и культовые сооружения казачьих станиц, которых только в Волгоградской области насчитывается несколько десятков. Самыми почитаемыми храмами региона яв-

ляются Казанский собор (1875–1885) Спасо-Преображенского девичьего Усть-Медведицкого монастыря у г. Серафимович и храм Покрова Пресвятой Богородицы (1792) в г. Урюпинске. Сохранились церкви Сретения (1751–1765) в станице Михайловской, Архистратига Михаила (1796–1800) в станице Тепикинской и др. [5, с. 23–24, 27–29, 32–33].

Развитие внутреннего и въездного туризма с использованием казачьих музеев и храмов будет способствовать формированию позитивного образа России. Анализ и изучение подобного опыта других регионов, воплощение подобных проектов позволили бы не только привлечь большое количество туристов, но и положительно решить проблему исследования и сохранения культурного наследия регионов России, её самобытной культуры в целом.

Список источников и литературы

1. Дулина Н. В., Наумов И. Н., Шарапов Д. Ю. Возможности и перспективы использования туристическо-познавательных объектов Урюпинского района Волгоградской области в сфере социально-экономического развития региона // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – Ч. 2. – № 4. – С. 67–72.
2. Ильин А. Н. Массовая культура и субкультуры современного общества: специфика соотношения // Общественные науки и современность. – 2011. – № 4. – С. 167–176.
3. Маяковский В. В. Во весь голос ... // Интернет-библиотека Алексея Комарова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://library.ru/text/2387/p.1/index.html> (дата обращения: 07.03.2016).
4. Наумов И. Н., Шарапов Д. Ю. Проблемы и перспективы развития этнокультурного туризма на территории Волгоградской области // Изв. Волгогр. гос. ун-та. Сер. Проблемы социально-гуманитарного знания. – 2015. – Вып. 23. – № 9.
5. Серебряная В. В. Культовое зодчество Волгоградской области. – Волгоград: Издатель, 2002. – 336 с.

УДК 378
ББК 448

*Алина Ирнисовна Тимиргазиева,
Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы,
г. Уфа, Россия*

Тенденции развития современной образовательной сферы в Башкортостане как одном из ведущих регионов России

Статья посвящена анализу опыта управления образовательной сферой на рубеже XX–XXI вв. На примере Башкортостана как крупнейшего региона России рассматриваются основные проблемы и тенденции развития образовательной системы. Особое внимание уделяется особенностям общественно-гуманитарного образования как основополагающего в формировании нравственной, гуманитарной культуры студенческой молодежи.

Ключевые слова: высшая школа, наука, культура, образовательная сфера, гуманитарное образование, научные кадры.

Alina I. Timirgazieva,
M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University,
Ufa, Russia

Trends of the Development of Modern Educational Environment in Bashkortostan as a One of the Leading Russian Regions

This article analyzes the educational sphere of management experience at the turn of XX–XXI centuries. For example, in Bashkortostan region of Russia as a major problem and the basic tendencies of development of the educational system. Special attention is paid to the peculiarities of social and humanitarian education as a fundamental in the formation of the moral, humanitarian culture of students.

Keywords: high school, science, culture, education sphere, liberal arts education, brainpower.

В конце XX в. наша страна оказалась в затяжном системном кризисе, который охватывал сферы национально-государственного строительства, общественно-политического строя, экономики, социально-духовных отношений. Однако реальная эффективность высшей школы, особенно общественно-гуманитарного образования, начала вызывать серьёзные сомнения уже в 70-е гг. XX в. [5, с. 31]. В рамках развития отечественного образования явственно обозначились антидемократические перекосы: чрезвычайная централизация и монополизация, отказ от педагогических инноваций, выходящих за пределы партийно-государственных постановлений, увеличение потока бумажной отчетности, погоня за внешними показателями, т. е. за количественными оценками деятельности вузов по сохраняемости контингента и процентной успеваемости.

Именно в этот период отмечался непрерывный рост выпуска специалистов без достаточно обоснованного учёта, распыление сил и средств между многими вузами, готовящими кадры по одним и тем же специальностям, открытие новых высших учебных заведений без закладки надёжной основы для их успешного становления, размельчение специальностей, замедление темпов роста численности научных кадров. Всё это усиливало разрыв между качеством выпускаемых специалистов и запросами общества, темпами научно-технического прогресса [10, с. 10]. Под давлением обстоятельств властям приходилось задумываться над тем, как улучшить экономическое положение страны, но наука не могла быть им помощником даже тогда, когда они хотели получить реальную помощь, а не просто одобрение партийных

решений [8, с. 61]. Советская система образования, пройдя долгий путь становления, развития и совершенствования, оказалась малозффективной на завершающем этапе своего существования, в условиях усложнения общественного развития.

В российском обществе оживилась дискуссия о модернизации науки и образования, о соотношении спонтанных и регулируемых начал в развитии научной сферы и о целесообразности финансирования дорогостоящих исследовательских проектов [3, с. 4]. В постсоветский период в качестве основной цели для высшей школы провозглашалось «освобождение от многолетних бюрократических пут, укоренившихся шаблонов, мелочной регламентации» [9, с. 3]. На деле это приводило к тому, что воспитательные функции учреждений образования под предлогом деидеологизации уходили на задний план. С ликвидацией парткомов и комитетов ВЛКСМ вузы едва ли не повсеместно отказались от воспитания студентов. Так, если в записке отдела науки и учебных заведений Башкирского обкома КПСС о мерах улучшения воспитания учащихся общеобразовательных школ области от 18 мая 1982 г. отмечалось, что всё ещё не в полной мере реализуются возможности ученического коллектива в воспитании и самоуправлении [1, с. 79], то в последующем периоде деполитизация, невмешательство в личную жизнь выродились в сведение учебно-воспитательной работы к сугубо формальному чтению лекций и проведению семинаров, зачётов, экзаменов. Наблюдалось снижение познавательного интереса к гуманитарным дисциплинам. Диагностировалось опаснейшее заболевание высшей школы – целевая установка на подготовку професси-

онала, для которого нравственные категории оказывались «умными ненужностями». При этом вся история педагогической мысли и развития гуманитарных наук есть история предупреждения о губительной опасности образования, лишённого нравственной, гуманитарной основы [5, с. 35].

Консервация сохранявшихся элементов переходного периода в науке и образовании означали бы их дальнейший распад. Однако история учит нас, что развитие науки протекает непрерывно, что в науке есть внутренние механизмы самоочистки, регулирования и развития. Поэтому процесс получения нового знания не прерывался ни на один день в течение многих тысячелетий. Одной из насущных задач, возлагаемых на гуманитарные науки, стало преодоление разрушительных начал, возвращение к здравому смыслу, гуманизму, патриотизму.

Уже в 1992–1993 гг. в высшей школе сложилась более современная, последовательная система гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Наряду с иностранными языками и физической культурой она включила в себя содержательно обновлённый курс философии, а также социологию, политологию, культурологию, экономику, историю, психологию и педагогику, которые впервые стали преподаваться на всех направлениях и специальностях вузов.

Высшая школа как социальный институт перестраивалась медленно. Требовалось время для восстановления системообразующих целей функционирования высшего образования. В научно-педагогической литературе развернулась полемика о проблемах учебно-воспитательной работы в вузах. Подавляющее большинство авторов утверждало: необходимо, чтобы обучение в вузе не сводилось лишь к получению предметных знаний, а вписывалось в более широкую, многостороннюю систему формирования интеллигентного человека в целом.

В октябре 1999 г. приказом Минобрнауки РФ была утверждена «Программа развития воспитания в системе образования России на 1999–2001 годы». В обществе остро ощущался дефицит воспитанности, нравственности. В 1990-е гг. у многих людей произошла деформация понятия «патриот», имело место искажённое представление об Отечестве, что чревато утратой нацией своей самобытности, национальной идентичности. В конечном итоге это угрожает безопасности страны, поскольку патриотизм всегда является решающим фактором государственно-

го развития, принижение которого приводит к утрате общей и личной ответственности за судьбу Родины.

Важным направлением образовательной политики государства в 1990-е гг. стало сохранение научно-педагогического потенциала высшей школы. В Постановлении Совета Министров – Правительства РФ об утверждении Типового положения об образовательном учреждении высшего профессионального образования (высшем учебном заведении) Российской Федерации (1993) закреплялась обязательность осуществления в вузах научных исследований как составной части подготовки специалистов. Стали проводиться конкурсы грантов для финансовой поддержки научной работы в вузах. Однако из-за явно недостаточной государственной поддержки образования, нехватки учебной и методической литературы, недостатка средств, падения общественного престижа профессии преподавателя высшей школы научно-педагогический потенциал преподавательского корпуса снижался. Наблюдался спад конкурса абитуриентов и поступающих в аспирантуру.

Несмотря на все трудности, учёные Башкортостана развернули исследования над собственными научными программами общественно-гуманитарного профиля – по истории культуры, социологии, литературе, истории республики, языкознанию, экономике и т. д. В республике была разработана теория этнокультурных процессов в Волго-Уральском регионе, исследован генезис башкирской культуры и литературы, впервые был издан 2-томный толковый словарь башкирского языка (1993), открыты новые археологические памятники» [8, с. 52] и т. д.

С завершением переходного периода продолжают процессы модернизации научной и образовательной сфер. Очевидно, что стратегия прорыва – это единственно достойный для России выбор. Именно такое понимание проблемы заложено в принципиальных положениях Основ политики Российской Федерации в области науки на дальнейшую перспективу (приняты на совместном заседании Совета Безопасности РФ, Президиума Государственного Совета РФ и Совета при Президенте РФ по науке и высоким технологиям; утверждены Президентом РФ 30.03.2002 г.), где в качестве главной цели государственной политики в области науки был обозначен переход к инновационной экономике, а развитие науки отнесено к числу высших приоритетов государства [4, с. 5].

В России, где именно государство всегда являлось главным субъектом социального действия и основным мотором всех преобразований, без больших усилий с его стороны ещё долго не будет сколько-нибудь заметного гражданского общества с присущими ему формами поддержки науки. Значит, эта функция пока что должна в основном принадлежать государству. Именно то обстоятельство, что российская наука в советские времена имела достаточно серьёзную поддержку со стороны государства, позволило ей (при всех известных издержках для гуманитарной науки слишком тесной государственной опеки) совершить рывок к передовым рубежам научного знания. И это одно из бесспорных достижений прошлого, с которым страна вступила на трудный путь реформ.

Научно-педагогическая деятельность не может быть чисто самодеятельной, не нуждающейся в государственной поддержке. Современная наука и образование требуют эффективного управления, основанного на глубоких знаниях – прежде всего образовательного права, менеджмента, образовательного маркетинга и т. д. Сегодня администратор вынужден решать проблемы, связанные с растущей неопределённостью ситуации в образовании вообще, ростом конкуренции со стороны новых частных и зарубежных вузов, объективным включением образовательных учреждений в рыночные отношения, расширением самостоятельности высшей школы как субъекта финансово-хозяйственной деятельности, сохранением жестких бюджетных ограничений, интеграцией страны в мировое образовательное пространство [7, с. 11].

В 2006 г. в РФ был принят приоритетный национальный проект «Образование», результаты которого, в конечном счёте, должны повлиять на все сферы жизни общества. Для страны, которая ориентируется на инновационный путь развития, жизненно важно дать системе образования стимул к движению вперёд – это и есть первоочередная задача образовательного проекта.

Современные проблемы высшей школы, обострённые и ярко выраженные в России в силу трудностей перехода к новому устройству, тем не менее, по своей сути не являются уникальными национальными проблемами и должны рассматриваться в общемировом контексте информационного общества и глобализации политики и экономики. Конкретно они состоят в значительно возросшем запросе на образовательные услуги, его смещении в сторону гуманитарных наук.

В современном мире образование теряет привычные модели трансляции знаний и образцов и вынуждено искать новые. В такой ситуации разрыва наступает то, что называется образовательным кризисом, то есть поиском новой парадигмы образования, которая заключается в ориентации на развитие личности, её творческих способностей, введение гибких и проектных форм обучения, увеличение доли в объёме часов на индивидуальные формы подготовки, обеспечение индивидуальных траекторий обучения студентов [2, с. 29]. В этих условиях научная и педагогическая общественность остро ставит вопрос о гуманизации и гуманитаризации процесса образования и воспитания.

Гуманитарное образование помогает человеку найти самого себя, отстаивать своё право на самореализацию, самоопределение, создаёт его культурное поле, т. е. берёт на себя груз проблем мировоззренческого, общекультурного, духовного и интеллектуального развития личности» [10, с. 6]. Образование не может находиться даже в относительной стагнации, иначе оно начинает давать «сбои» в связи с непрерывным процессом движения науки вперёд [6, с. 252]. При этом излишняя нацеленность на извлечение доходов порождает конфликт интересов и подмену целей [4, с. 115].

Среди основных мировых тенденций можно выделить: рост общего уровня образованности населения, повышение требований к уровню культуры и профессиональной квалификации всех граждан, становление системы непрерывного образования [2, с. 6].

Республика Башкортостан отражает общемировые и общероссийские тенденции развития и процессы модернизации. За последние пять лет были открыты более 30 новых специальностей в высших учебных заведениях. Существенно повысился статус ряда вузов. Университеты республики имели высокий рейтинг и входили в первую десятку российских вузов своего профиля.

Башкортостан занимает одно из передовых мест в стране по объёмам средств, выделяемых на науку. Только в 2002 г. на финансирование фундаментальных исследований было направлено из республиканского бюджета более 61 млн р., то есть почти на 6 % больше, чем в 2001 г. За 5 лет финансирование Академии увеличилось в 2,8 раза [6, с. 293].

Подготовку специалистов с высшим образованием в республике осуществляют 12 самостоятельных государственных выс-

ших учебных заведений и 17 филиалов государственных вузов Москвы, Самары, Челябинска, Оренбурга, Екатеринбургa. Обучение ведётся по 47 направлениям и 217 специальностям. В республике функционируют пять самостоятельных негосударственных высших учебных заведений и 8 филиалов московских негосударственных вузов.

Особенностью гуманитарных исследований XX–XXI вв. является создание крупных обобщающих коллективных трудов. Так, историками республики завершена и издана трёхтомная (в пяти книгах) «История Башкортостана с древнейших времён до наших дней». Все книги «Истории Башкортостана» были написаны на основе широкого круга разнообразных источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Исходя из новых требований к освещению исторических событий и фактов, в последних книгах «Истории Башкортостана» подвергся пересмотру целый ряд проблем истории края конца XIX и начала XX в. К юбилею Салавата Юлаева историками республики была подготовлена и издана персональная энциклопедия «Салават Юлаев». Обобщающая коллективная работа энциклопедического характера «Башкортостан. История. Культура. Этнография» была подготовлена к 450-летию добровольного вхождения Башкирии в состав России. Подготовка и издание этого историко-культурного атласа, детища не только историков, но и всех гуманитариев республики, стали заметным явлением в научной жизни Башкортостана. Наряду с обобщающими коллективными работами историками республики в последние годы опубликован ряд крупных монографических

исследований, освещающих малоисследованные этапы истории Башкортостана. Сегодня историки республики вместе с другими гуманитариями приступили к разработке семитомной истории башкирского народа. Безусловно, это исследование, возложенное в основном на плечи историков республики, даст возможность, во-первых, написать систематическую историю одного из крупных этносов России, во-вторых, определить его место среди народов Евразии, в-третьих, наметить пути его дальнейшего развития.

Больших успехов добились археологи Башкортостана. Ими открыто свыше 2000 новых курганов, стоянок, могильников на Южном Урале и в прилегающих к нему областях, создана уникальная карта археологических памятников Башкортостана, проведено монографическое исследование ряда проблем древней истории региона. Открытые археологами Института истории, языка и литературы царские курганы сарматов имеют мировое значение. К успехам археологов республики следует отнести и открытия последних лет, связанные с городищем Уфа II, которые позволили выдвинуть гипотезу о существовании на территории современного города Уфы города Башкорт [11].

Многообразие культур и традиций – характерная черта жизни республики, и в сложившихся условиях субъектная позиция научно-педагогических кадров особенно существенна в смысле реализации ими своей культурной, общественной и профессиональной миссии. Научно-педагогической интеллигенции принадлежит определяющая роль в организации духовного производства, в формировании общественного мировоззрения.

Список источников и литературы

1. Алмаев Р., Баишев И., Тимиргазиева А. Школьное образование на Южном Урале в советский период: сб. док. и материалов: в 2 т. Т. 2. 1946–1991 гг. / под общ. ред. Р. З. Алмаева. – Уфа: БГПУ, 2014. – 112 с.
2. Гаязов А., Хамитов Э., Каримов З. Европейское измерение в высшем педагогическом образовании. – Уфа: Дизайн Полиграф Сервис, 2005. – 248 с.
3. Дынкин А. Наука и государственная научная политика: теория и практики. – М.: Наука, 1998. – 300 с.
4. Законодательство о науке: современное состояние и перспективы развития / отв. ред. В. В. Лапаева – М.: Норма, 2004. – 400 с.
5. Запесоцкий А. Высшее образование: доступное и платное // Высшее образование в России. – 2004. – № 9. – С. 30–39.
6. История Башкортостана в XX веке / под ред. М. Б. Ямалова, Р. З. Алмаева. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2007. – 308 с.
7. Козьмина Г. Нужны ли администраторы образования // Высш. образование в России. – 2004. – № 5. – С. 11–13.
8. Кудров В. К научной оценке советской экономической модели // Общество и экономика. – 1997. – № 6. – С. 47–63.
9. Лисовский В. Т. Советское студенчество: социологические очерки. – М.: Наука, 1990. – 118 с.
10. Салахов М. Н. Высшее образование в Азербайджанской ССР в период развития социализма (1945–1980): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. – Баку: АН АзССР. Ин-т истории, 1990. – 424 с.
11. Хисамитдинова Ф. О развитии гуманитарных наук в Башкортостане [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bashinform.ru/news/167066-firdaus-khisamitdinova-rasskazala-nauchnomu-forumutyurkologov-o-razvitiigumanitarnykh-nauk-v-bashkortostane> (дата обращения: 14.03.2016).

УДК 008:39(571.511)
ББК Ч108.3(253)

*Владимир Кызыл-оолович Биче-оол,
Уральский государственный университет физической культуры,
г. Челябинск, Россия*

Полуостров Таймыр: этнокультура приграничного региона в условиях глобализации

В данной статье автор рассматривает этнокультуру коренных малочисленных народов Таймыра. Даёт характеристику современного состояния этнокультуры в условиях глобализации. Анализирует влияние глобализационных процессов на этнокультуру региона, выделяет положительные и отрицательные стороны глобализации.

Ключевые слова: культура, этнос, взаимодействие, Таймыр, регион, глобализация.

*Vladimir K. Biche-ool,
Ural State University of Physical Culture,
Chelyabinsk, Russia*

The Taimyr Peninsula: the Ethnic Culture of the Border Region in Conditions of Globalization

In this article the author examines the ethnic culture of indigenous peoples of Taimyr. The characteristic of the current state of ethnic culture in the context of globalization. It analyzes the impact of globalization processes on the ethnic culture of the region, highlights the positive and negative aspects of globalization.

Keywords: culture, ethnicity, interaction, Taimyr, region, globalization.

В современном научном знании изучение трансграничных регионов ведётся в разных аспектах – в геополитическом, социальном, историческом, демографическом, экологическом. В последнее время наметилась ещё одна важная составляющая – социокультурная, фиксирующая сохранение трансграничного региона как самостоятельного, самодостаточного явления на «стыке» взаимодействующих национальных культур [6, с. 3].

Культура любого народа является частью мирового культурного пространства, в рамках которого происходит взаимодействие этнических культур, формируются быт, нравственно-этические, эстетические устои. Происходит признание ценности и значимости этнокультуры на разных уровнях. Этнокультура способна сохранить свою уникальность только в рамках диалога, объединяя, синтезируя культуру прошлого и будущего, культуру ближних и дальних этносистем. Её сущность базируется на нравственных, моральных, общечеловеческих ценностях, воспринимается как духовный посыл для выживания этноса.

Этнокультура – это конкретное творчество жизни, создаваемое народом, преследующим свои цели. Это совокупность традиционных ценностей, отношений и поведенческих особенностей, воплощённых в материальной, духовной и социальной жизнедеятельности этноса, сложившихся в прошлом, развивающихся в исторической социодинамике и постоянно обогащающих этнической спецификой культуру в различных формах самореализации людей.

Каждый этнос зарождается и формируется на вполне определённой территории с определённым климатом и специфическим ландшафтом. Особенности природы во многом определяют пути развития данного этноса и его культуры – от способа производства до национального характера. Взаимодействуя с иной культурой, этническая группа утрачивает свою культуру, при этом, не установив тесных контактов с другой культурой, претерпевает маргинализацию.

Историческое взаимодействие этносов, неизбежно сопровождающееся социокуль-

турными заимствованиями, формирует региональные особенности культуры. Ярким примером тому служит культурное пространство России, ни один из регионов которой не походит на другие [7, с. 10].

Регион – это и культурная общность, густая сеть культурных взаимодействий, взаимовлияний, в результате которых формируется некое единство, называемое региональной культурой, культурным пространством региона [Там же, с. 6].

Для большинства региональных культур России характерна объединяющая тенденция, обусловленная историческими условиями, общей хозяйственной деятельностью, ментальностью отечественной культуры.

Трансграничный регион (от лат. *trans* (*trans-border*) – «простирающийся через пространство», или *cross* (*cross-border*) – «скрещенный, гибридизированный») является потенциальным регионом: разделён суверенитетом соседствующих государств, обладает комплексом национальных, региональных, зональных элементов с собственными характеристиками, отражает их историко-культурное своеобразие, взаимодействует между сопредельными приграничными регионами для сохранения, управления и развития своего «жизненного» пространства, формируется государственной административно-территориальной границей. Социокультурное пространство трансграничного региона формируется как единое «глокальное» поле и представляет собой динамическую структуру, позволяющую социокультурному разнообразию двух сопредельных приграничных культур функционировать как единому целому [6, с. 9].

Как известно, Таймыр является многонациональным арктическим районом Красноярского края и отличается специфическими историко-этнографическими особенностями. Таймырскую землю осваивали люди различных национальностей, которые не могли не оставить определённый след в истории и не оказать влияния на культуры друг друга. На сегодняшний день в муниципальном районе проживают представители более 70 народов и национальностей, последователи различных вероисповеданий. В процессе сосуществования и сотворчества многочисленных народов сформировалось уникальное социокультурное пространство, которое характеризуется общностью духовных ценностей, терпимостью и взаимопониманием.

Таймыр – самый северный полуостров Евразийского континента, почти целиком

лежащий за Полярным кругом, является своеобразным этнокультурным регионом Российской Федерации. С 1930 по 2006 г. Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ был субъектом СССР (затем Российской Федерации), с 2007 г. Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район является частью Красноярского края [1, с. 22].

Динамика развития современной России отражает мировые тенденции глобализации. Учитывая тот факт, что эти процессы имеют объективные, естественные причины, необходимо позиционировать роль и значение социокультурного и правового потенциала по сохранению самобытных национальных культур как на государственном, так и на региональном уровне. Проникновение западных и восточных традиций и обычаев в жизненный уклад коренных этносов Таймырского полуострова имеет ощутимый эффект, который, так или иначе, влияет на проблему сохранения культурного наследия малочисленных народов, населяющих Таймыр: долган, ненцев, нганасан, эвенков, энцев.

Культура аборигенов на современном этапе вынужденно включает в себя культуру трёх уровней. Это этнокультура, в которой приоритетное значение должно отдаваться не столько материальной, сколько духовной культуре (язык, обычаи, верования, фольклор, этнопедагогика, художественное творчество); общероссийская культура на основе русского языка и общероссийских историко-культурных ценностей и культурных форм; это современная материальная и духовная культура, которая проистекает из общецивилизационных достижений – глобальная культура [Там же, с. 23].

Глобализация культуры – ускорение интеграции наций в мировую систему в связи с развитием современных транспортных средств и экономических связей, формированием транснациональных корпораций и мирового рынка благодаря воздействию на людей СМИ. Термин «глобализация культуры» появился в конце 80-х гг. XX в., в связи с проблемой сближения наций и расширением культурных контактов народов. Глобализация культуры имеет позитивные и негативные стороны.

Говоря о положительных чертах глобализации в отношении культур коренных народов Таймыра, отметим, что особое внимание сегодня уделяется сохранению традиционного фольклора народов Таймыра. В программы образовательных учреждений вводится изу-

чение фольклора народов Таймыра. Система образования на основе общероссийских стандартов включает национально-региональный компонент, связанный с изучением природы и истории региона, истории северной литературы, этнохореографии, народоведения и т. д.

С уникальной традиционной культурой народов Таймыра ныне имеют возможность познакомиться не только жители соседнего Норильского промышленного района Красноярского края, но и России, ближнего и дальнего зарубежья. Сегодня весь мир знает о произведениях художников Б. Н. Молчанова, М. С. Турдагина, о творчестве фольклорных коллективов «Нгамтусу'о», «Хэнсю» «Дентэдиэ», «Юктэ», Таймырского ансамбля песни и танца народов Севера «Хэйро», детского образцового ансамбля «Таймыр», творческих коллективов «Харп», «Чокуркан».

В Таймырском краеведческом музее представлены традиционные жилища (чум), предметы быта, костюмы и обувь, украшения коренных малочисленных народов Таймыра, шаманские атрибуты и комплект костюма последнего нганасанского шамана Т. Д. Костёркина.

Особый вклад в сохранение нганасанской культуры вносит норильский меценат и коллекционер О. Р. Крашевский. В его коллекцию входят работы нганасанских художников и мастеров декоративно-прикладного искусства, традиционная нганасанская одежда, элементы шаманской атрибутики. Различные экспонаты данной коллекции периодически представляются на различных выставках.

Каждый вечер на Таймырском радио звучат радиопередачи на языках коренных народов Таймыра. Жители города Дудинки и отдалённых посёлков муниципального района слушают новости и передачи, подготовленные дикторами-переводчиками, радиожурналистами национальной редакции Л. Я. Турдагиной, Е. Ч. Сидельниковой, Р. Я. Яптунэ, В. Н. Поротовым. Ежемесячно выходит страничка на родных языках (долганском, ненецком, энецком, эвенкийском, нганасанском), подготовленная Н. С. Кудряковой, Е. Ч. Сидельниковой, Н. Н. Болиной, Т. М. Эшанкуловой, Т. В. Болиной в газете «Таймыр». Телевизионные передачи на ненецком и нганасанском языках в ГРТК «Таймыр» ведут журналисты Р. П. Яптунэ, Е. Ч. Сидельникова.

В регионе последние десятилетия проведён ряд мероприятий, активизирующий

возможности культуры коренных малочисленных народов Таймыра, локализацию и сохранение культуры:

- Арктический фестиваль «Притяжение Таймыра»;
- III районный фестиваль «С верой в Россию. С любовью к Таймыру»;
- фестивальное движение «Минута славы по-таймырски»;
- открытые районные конкурсы «Юные дарования Таймыра»;
- районные фестивали «Моя Россия – Салют Побед», «Мы сможем сердцем Арктику согреть»;
- день оленевода, рыбака, коренных аборигенных народов мира и др.

Регион ежегодно участвует:

- в Международной выставке-ярмарке «Северная цивилизация. Сокровища Севера»;
- в Международном фестивале этнической музыки и ремёсел «Мир Сибири»;
- в Международном фестивале художественного творчества коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока «Северное сияние»;
- во Всероссийском фестивале «Манящие миры. Этническая Россия» [2, с. 212].

К сохранению уникальных культур призывают её исследователи и местная интеллигенция: доктор искусствоведения, доцент О. Э. Добжанская, кандидат культурологии, доцент В. К. Биче-оол, кандидат исторических наук, доцент О. Н. Хакимулина, кандидат педагогических наук А. А. Барболина (долганка), С. Н. Жовницкая (нганасанка), Т. В. Болина (эвенка), Заслуженный артист РФ В. Э. Сигуней (ненец), Д. С. Болина (энка) и др. Необходимо отметить огромный вклад этномузыковеда О. Э. Добжанской и ныне покойного фольклориста К. И. Лабанаускаса. Благодаря им с 1994 г. на Таймыре ежегодно проходит фестиваль «Фольклорная классика Таймыра», в котором участвуют представители интеллигенции пяти коренных таймырских этносов [1, с. 25].

Негативные моменты глобализации кроются в тенденции к утрате культурной самобытности. Всё больше наблюдается забвение обычаев и обрядов своего народа, традиционных промыслов и видов искусства, незнание родного языка и основ культуры.

В сегодняшнем сложном мире малочисленные этносы Таймыра с трудом сохраняют первозданность древних обычаев и самобытность национальной культуры, объединившись в этнографические коллективы. Сохранение и развитие культуры и источников средств

к существованию коренных малочисленных народов Таймыра необходимо сделать главной целью многих культурных проектов – как общероссийских, так и региональных.

Сегодня творческая интеллигенция коренных малочисленных народов Таймыра проводит работу по сохранению культуры, истории и фольклора своих народов.

Список источников и литературы

1. Биче-оол В. К. Влияние глобализационного процесса на культуру Таймыра // Проблемы и перспективы гуманитарной науки в контексте глобализации: сб. материалов I Всерос. науч.-практ. конф. – Йошкар-Ола: Коллоквиум, 2011. – С. 22–28.
2. Биче-оол В. К. Политика сохранения культурного наследия в Таймырском Долгано-Ненецком муниципальном районе // Вестн. Дагестан. гос. ун-та. Сер. Экономика, философия. – 2015. – № 5. – С. 205–215.
3. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / гл. науч. ред. и сост. С. Ю. Солодовников. – Минск.: Минск. ф-ка цветной печати, 2002. – 1008 с.
4. Глобалистика: междунар. междисциплинарный энцикл. слов. / гл. ред. И. И. Мазур. – М.; СПб.: Питер; Нью-Йорк: Элима, 2006. – 1160 с.
5. Горлова И. Культурная политика в современной России: региональный аспект. – Краснодар: Сов. Кубань, 1998. – 319 с.
6. Емченко Д. Г. Трансграничный регион как социокультурный феномен: дальневосточная модель: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. – Челябинск: ЧГАКИ, 2011. – 24 с.
7. Захарова Л. Н., Фахрудтинова Ф. Д. Региональная культура: теория, методология, практика. – Тюмень: ТГАКИИСТ, 2013. – 132 с.: ил.
8. Кузнецов В. Что такое глобализация? // Мировая экономика и международные отношения. – 1998. – № 2. – С. 12–21; № 3. – С. 14–19.
9. Соколов К. Б. «Дикая» глобализация и традиционные культуры // Традиционная культура. – 2005. – № 2. – С. 70–79.
10. Хренов Н. А. Традиционная культура в эпоху глобализации // Традиционная культура. – 2005. – № 2. – С. 53–59.

УДК 339
ББК У428

Светлана Николаевна Грибова,
Читинский институт (филиал)
Байкальского государственного университета,
г. Чита, Россия

Фактор соседства в российско-монгольском экономическом пространстве

В данной статье представлено исследование состояния торгово-экономических отношений российских регионов, прилегающих к российско-монгольской границе. Кроме того, дан анализ структуры экспортно-импортных операций приграничных регионов. Автор также показал перспективы и проблемы развития российско-монгольского экономического пространства.

Ключевые слова: российско-монгольское сотрудничество, торгово-экономические отношения приграничных регионов, Республика Бурятия – Монголия, Республика Алтай – Монголия, Республика Тыва – Монголия, Забайкальский край – Монголия.

Svetlana N. Gribova,
Chita Institute of Baikal State University,
Chita, Russia

Neighborhood Factor in the Russian-Mongolian Economic Area

The article presents a study state of trade and economic relations of the Russian regions on the Russian-Mongolian border and analyzes export-import operations structure of border regions. Besides, the author illuminates prospects and problems of Russian-Mongolian economic area development.

Keywords: Russian-Mongolian cooperation, trade and economic relations of border regions, Republic of Buryatia-Mongolia, Republic of Altai-Mongolia, Republic of Tuva-Mongolia.

Международная экономическая политика Монголии с 90-х гг. претерпела значительные изменения. В силу невозможности России оказывать поддержку экономике соседа Монголия выбрала «многоопорную политику» сотрудничества [1]. Среди основных партнёров обозначились Япония, Республика Корея, КНР, страны Европейского союза. Заметную поддержку стали оказывать МВФ, Мировой банк, ЕБРР, Азиатский банк развития, Программа развития ООН, ЭСКАТО, ВОЗ, ЮНЕСКО и др. Монголия, географически находясь между двумя крупными экономиками, сформулировала политику «третьего соседа». Таковым в разное время выступали те или иные страны. В настоящее время в качестве роли «третьего соседа» выступает США. Активизировалась внешнеэкономическая, политическая, военная деятельность США в Монголии [2]. Многовекторность монгольской политики дала свои положительные результаты. Так, за 2002–2012 гг. объём ВВП Монголии вырос в 11,2 раза, объём дохода на душу населения вырос в 7,1 раза. В значительной мере этому способствовал рост цен на медь, золото на мировом рынке, которые являются экспортной продукцией страны. Учёные Монголии [2, с. 76] выделяют и негативные внешние факторы развития:

- высока зависимость от консультаций и рекомендаций международных и региональных финансово-экономических организаций, растёт внешний долг страны;

- высока зависимость от мировой конъюнктуры (глобальное изменение состояния на мировых рынках США, ЕС, Япония), негативные изменения цен на основные монгольские экспортные товары на этих рынках вызывают социально-экономическое напряжение в стране;

- большая зависимость от экономического состояния двух соседних стран (РФ, КНР), что проявляется в импорте нефтепродуктов из России, в экспорте сырья горнодобывающей отрасли и животноводства в Китай.

Российско-монгольский товарооборот за период 2011–2015 гг. составлял от 1920 до 1160 млн долл. ежегодно. В общем внешнеторговом обороте России это величина незначительна – 0,2–0,5 %. Более значимым становится сохранение и развитие добрососедства на российско-монгольской границе.

Протяжённость российско-монгольской границы в целом составляет 3543 км, здесь функционирует 8 автомобильных и 2 железнодорожных перехода. Приграничными субъектами Российской Федерации являются Республика Тыва, Республика Алтай, Республика Бурятия, Забайкальский край. За период 2011–2015 гг. российско-монгольская приграничная торговля снизилась на 55 % (с 71,3 до 37,1 млн долл.). Устойчиво негативную тенденцию показывает экспорт. Импорт с минимального значения 2012 г. (3,0 млн долл.), вызванного вступлением России в ВТО, постепенно наращивает своё значение. В 2015 г. он составил уже 6,2 млн долл. (см. рис. 1).

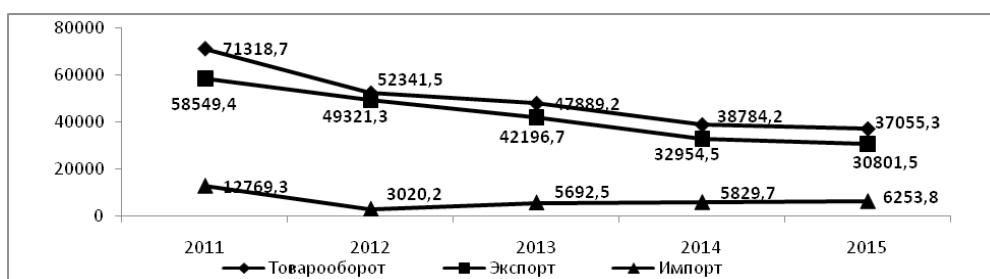

Рис. 1. Российско-монгольская торговля приграничных регионов (тыс. долл.)

Основным партнёром в приграничном сотрудничестве с Монголией выступает Республика Бурятия, определяя 81 % общего товарооборота и 70 % экспорта. Вторым является Забайкальский край – 13 % приграничного товарооборота и 8 % экспорта. Республика Алтай даёт 5 % российско-монгольской приграничной торговли, Республика Тыва всего 1 %. В основе таких различий лежит разница экономических потенциалов российских приграничных регионов и обе-

спеченность объектами инфраструктуры. Пример тому – достаточно крупный и обустроенный железнодорожный переход в Бурятии: Наушки – Сухэ-Батор, соединяющий Транссиб с Монгольской железной дорогой и обеспечивающий железнодорожное сообщение России с Китаем. В Забайкальском крае второй ЖДПП Соловьёвск – Эренцав. В приграничном товарообороте экспорт в Монголию составляет подавляющую часть – 77,7 %.

Торговая структура экспорта российских приграничных регионов в 2015 г. представлена продовольственными товарами – 54 %; машинами, оборудованием и транспортными средствами – 24 %; продукцией нефтехимического комплекса 10 %; древесиной и целлюлозно-бумажной продукцией – 4 %; продукцией топливно-энергетического комплекса – 4 %; группой металлов – 4 % (см. рис. 2). Главные экспортёры продовольственных товаров – Республика Бурятия и

Республика Алтай. Они поставляют молочную продукцию, овощи, масло-жировые продукты, готовую продукцию из мяса и рыбы, продукцию мукомольно-крупяной промышленности, корма.

Структура импорта из Монголии отличается узостью номенклатуры. Главным образом из Монголии вывозится мясо (говядина, баранина, конина). Незначительно – картофель, строительные материалы – известь, цемент, штукатурные материалы (см. рис. 3).

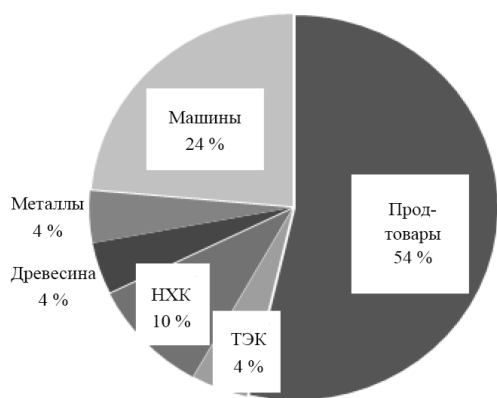

Рис. 2. Экспорт субъектов, граничащих с Монголией, 2015 г.

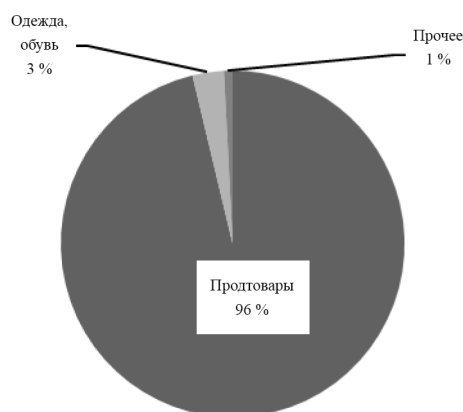

Рис. 3. Импорт субъектов, граничащих с Монголией, 2015 г.

Республика Бурятия в приграничном сотрудничестве с Монголией. Республика Бурятия является ведущим партнёром в приграничной торговле. Внешнеэкономические отношения Республики Бурятия с Монголией имеют давние исторические традиции. В настоящее время они регулируются Соглашением между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии «О торгово-экономическом, научно-техническом и приграничном сотрудничестве с Республикой Бурятия», заключённым в 1999 г.;

протоколом о торгово-экономическом и гуманитарном сотрудничестве между Правительством Республики Бурятия (Российская Федерация) и Администрацией Селенгинского аймака Монголии, подписанным в 2009 г. Среди других стран доля торговли Бурятии с Монголией невелика. В 2015 г. она составила 2,1 %, или 32,2 млн долл. Экспорт Бурятии из Монголии на протяжении 2011–2015 гг. неуклонно снижался. В 2011 он составил 52,5 млн долл., а в 2015 г. только 26,1 млн долл. (см. рис. 4).

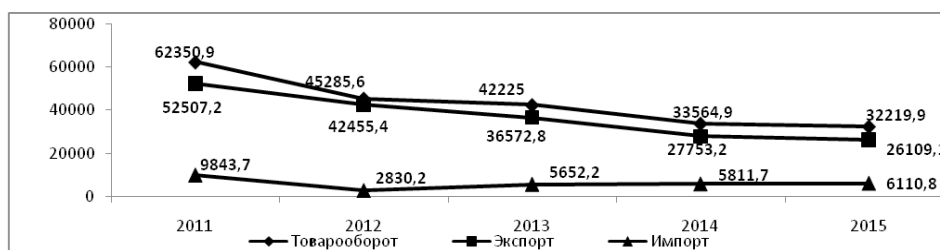

Рис. 4. Торговля Республики Бурятия с Монголией (тыс. долл.)

Главным образом из Бурятии в соседнюю страну поставляют: молочную продукцию, яйцо, мёд – 10,7 % от всего экспорта в Монголию; готовые продукты из мяса, рыбы – 9,5 %; злаки – 4,8 %; муку, крупу – 4,4 %; топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки – 4,9 %; древесину и изделия из неё – 4,7 %; оборудование, механические устройства, электрические машины – 16 %. Из Монголии в Бурятию ввозится мясо 80,5 % всех поставок и картофеля – 13,5 %. Размеры поставок мяса на промышленную переработку из Монголии определяются по установленным квотам. За рамками квоты таможенная пошлина увеличивается в несколько раз, и ввоз становится невыгодным. Получение квоты требует аккредитации российского импортёра. Тарифную квоту на импорт мяса имеет только ООО «Бурятмяспром». Размер квот на мясо недостаточен для существующих в республике мощностей. Так, в 2013 г. в Бурятию ввезено всего 400 т мяса, за 1-е полугодие 2014 г. – 280 т. Во время визита Президента Российской Федерации в Монголию (сент. 2014 г.) Президент Монголии Элбэгдоржа обратился с просьбой о снятии ограничений на поставку мяса. По результатам этого визита в ноябре 2015 г. была выделена квота по сбыту на российский рынок 100 тыс. т монгольского мяса, и основная его часть будет предоставлена Республике Бурятия [4]. Таким образом, расширяются и упрочняются приграничные российско-монгольские торговые отношения.

Забайкальский край в приграничном сотрудничестве с Монголией. Доля торгового оборота Забайкальского края с Монголией составляет 0,5–0,6 %, примерно 3–4 млн долл.

Для более глубокого изучения приграничного торгового сотрудничества Забайкальского края и Монголии следует дать краткий экономический обзор сопредельного региона. Край граничит с Восточным районом Монголии (Восточным и Хэнтийским аймаками). Отношения Забайкальского края с Восточным районом Монголии регулируются Соглашением Правительства Забайкальского края и Администрации Хэнтийского аймака Монголии о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве (2009), Соглашением Правительства Забайкальского края и Администрации Восточного аймака Монголии о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве (2009). Восточный район по основным

экономическим и социальным параметрам уступает всем другим районам Монголии. Доля Восточного района составляет 3,9 % от общего объёма ВВП страны. По данным диссертационного исследования А. Даваасурэна [2, с. 77], влияние Восточного района на ВВП страны составляет всего 1 %. В структуре ВРП Восточного района доминирует сельское хозяйство в части животноводства, хотя сосредоточено только 15 % всего поголовья скота страны, заготовка мяса в районе составляет 15,6 % (29,1 тыс. т). Менее других регионов Восточный район заготавливает шерстяное, кашемировое и кожевенное сырьё – 11 % объёма страны. С 2009 г. в Монголии в целом и в Восточном районе, в частности идёт сокращение объёмов экспорта мяса. По мнению монгольских специалистов [2, с. 95], это объясняется: во-первых, распространением инфекционных болезней животных из-за разрушения после проведения приватизации в стране успешно функционировавшей системы ветеринарно-профилактической службы; во-вторых, несоответствием международным требованиям и стандартам условий убоя скота, заготовки мяса и мясопродуктов; в-третьих, скотоводы перестали уделять внимание добровольной вакцинации частного скота и улучшению породы путём проведения селекции; в-четвёртых, страны-импортёры монгольского мяса и мясопродуктов предъявляют жёсткие требования к импорту мяса и мясопродуктов, что препятствует увеличению объёмов экспорта монгольского мяса на внешний рынок.

Доля промышленной продукции Восточного района Монголии сопредельного Забайкальскому краю составляет 2,7 % от промышленной продукции страны. По количеству месторождений полезных ископаемых Восточный район является самым бедным. Здесь находится 5,3 % месторождений золота, отсутствуют месторождения меди; 20 % составляют месторождения железной руды; 16,2 % – месторождений угля; 10,2 % – месторождения других полезных ископаемых. С 1998 г. Монголия ведёт добычу нефти с месторождения «Тамсаг», расположенного в Восточном регионе. В 2012 г. объём добычи составил 3 568 тыс. баррелей. Между Правительством Монголии и китайской компанией «Петрочайна Дачин Тамсаг» заключён «Договор распределения продукции», по которому сырая нефть прямо экспортируется в КНР. Кроме того, сырьё с месторождения полиметаллов, расположенного в Восточном аймаке

Восточного района, напрямую поставляется в КНР, что не вносит никакого вклада в социально-экономическое развитие данного региона.

Восточный район отличается самым низким среди регионов Монголии ВВП на душу населения – 2866,8 тыс. туг. (по стране – 4910,4 тыс. туг.) (см. рис. 5) и высокий уровень безработицы – 10,8 %. Район относят к неблагополучным [2, с. 119]. К неблаго-

получным можно отнести и Забайкальский край, что во многом объясняет уровень экономического сотрудничества.

За период 2011–2015 гг. товарооборот Забайкальского края с Монголией сократился почти на 40 % и составил 2,6 млн долл. Начиная с 2012 г. величина импорта мизерна – 24,1 тыс. долл.; фактически отсутствует ввоз мяса с территории Монголии. До 2012 г. импортировалось ежегодно от 600 до 1800 т.

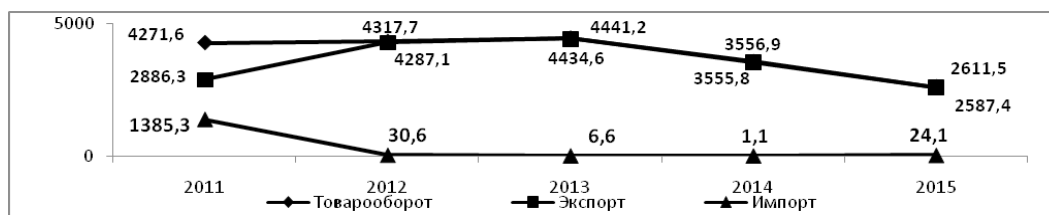

Рис. 5. Торговля Забайкальского края с Монголией (тыс. долл.)

С 2012 г. после вступления России в ВТО введение тарифных квот сопровождалось увеличением таможенных пошлин на ввозимую вне квот говядину, баранину, свинину. Российские импортёры обязывались пройти аккредитацию. Расчёт квот исходит из объёма поставок мяса за последние три года. Трудно сказать сегодня о возможности получения квоты при фактическом отсутствии поставок с 2012 г. Край импортирует из Монголии преимущественно известь, цемент, штукатурные материалы (код ВЭД ТН ЕАЭС – 25). Таким образом, товарооборот сводится к величине экспорта. Ввозятся из соседней страны, по данным 2015 г., разные пищевые продукты – 47,0 %; алкогольные и безалкогольные напитки – 13,5 %; корма для животных – 2,8 %; керамические изделия – 13,7 %.

Республика Алтай в приграничном сотрудничестве с Монголией. Доля торгового оборота Республики Алтай с Монголией составляет 3–4 %, примерно 1,0–1,8 млн долл. В осуществлении внешнеэкономических связей с Монголией приоритет сотрудничества отдаётся западным аймакам (Кобдосскому, Баян-Ульгийскому, Увсинскому аймаку), с которыми имеются соглашения о пригранич-

ном торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве (2001 г.).

Республика Алтай относится к дотационным субъектам РФ. Бюджет Республики более чем на 90 % формируется за счёт дотаций. Из промышленных отраслей в её хозяйстве представлены – пищевая переработка и цветная металлургия, лесозаготовка. Это находит своё отражение в экспорте республики в Монголию (см. рис. 6). Перечень экспортных товаров довольно широкий, и включает: продовольственные товары 26,7 % (фрукты, орехи, корма для животных, масло-жировая продукция, мука, злаки); топливо минеральное, нефть – 37,3 %; продукцию химического комплекса – 4,5 %; древесину – 5,4 %; средства наземного транспорта в основном автомобили УАЗ – 5,8 %; изделия из чёрных и цветных металлов – 4 %; мебель – 3,4 %. Размер импорта за 2011–2015 гг. незначителен. Из Монголии в основном ввозятся предметы одежды из шерсти. Традиционное (торговое) сотрудничество с Монголией дополняется созданием совместных предприятий по переработке мяса (одно – в Баян-Ульгийском аймаке МНР, второе – в Кош-Агачском районе Республики Алтай).

Рис. 6. Торговля Республики Алтай с Монголией (тыс. долл.)

Республика Тыва в приграничном сотрудничестве с Монголией. Доля торгового оборота Республики Тыва с Монголией составляет 15–30 %, примерно 0,4–0,7 млн долл. Среди прилегающих к Монголии российских субъектов Тыва имеет самую протяжённую границу – 1330 км, самый малый товарооборот, но значение торговли с этой страной для республики экономически более значимо. Тыву роднят с соседней Монголией многовековые связи, общность истории и религии, близость культуры и традиций. Особое значение имеет поддержание связей с этническими тувинцами, проживающими на территории Монголии, в том числе в Баян-Ульгийском аймаке.

Общая для российских приграничных регионов тенденция к сокращению торгового оборота с Монголией характерна и для Республики Тыва (см. рис. 7). Небольшой по размеру экспорт (414,3 тыс. долл.) представлен следующей группой товаров: фрукты, орехи – 2,5 %; продукция мукомольно-крупяная – 7,5 %; корма для животных – 7,4 %; древесина и изделия из неё – 3,9 %; керамические изделия – 5,1 %; изделия из чёрных и цветных металлов – 7 %; оборудование, электрические машины – 7 %; средства наземного транспорта – 19,0 %; товары народного потребления – 14,8 %. С 2012 г. практически отсутствует импорт, который составлял до 1,5 млн долл., преимущественно мясо.

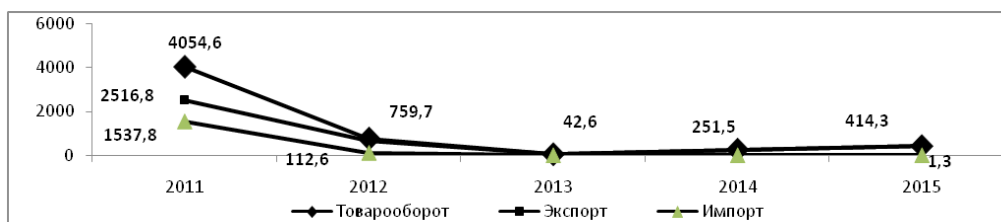

Рис. 7. Торговля Республики Тыва с Монголией (тыс. долл.)

Таким образом, все российские регионы, прилегающие к российско-монгольской границе, лишились традиционной поддержки пищевой отрасли, подспорьем которой были поставки монгольского мяса, что негативно отразилось на их экономическом развитии.

Приграничное сотрудничество не ограничивается торговыми отношениями. Фактор соседства проявляется в сотрудничестве в транспортной, энергетической, горнодобы-

вающей отраслях, в развитии гуманитарных, спортивных, культурных, образовательных сферах. Особое место занимает туризм. Визит Президента России (2014 г.) в Монголию открыл новые перспективы. Было подписано 15 документов, включая соглашения о безвизовом режиме и о военно-техническом сотрудничестве на безвозмездной основе, значительно увеличена квота на поставку монгольского мяса.

Список источников и литературы

1. Батмэнд Рэцен Развитие Восточного района Монголии: экономическое сотрудничество Монголии, России, Китая [Электронный ресурс] // Приграничное сотрудничество: Россия, Китай, Монголия: материалы междунар. конф., 2009 г. – Режим доступа: <http://минмсвэст.забайкальскийкрай.рф> (дата обращения: 25.03.2016).
2. Даваасурэн А. Пространственная организация региональной экономики Монголии: теория и практика: дис. ... д-ра. экон. наук: 08.00.05. – Улан-Удэ: ВСГУТ, 2014. – 331 с.
3. Кузьмин Ю. В. Поиск Монголией нового места в международной экономике и мировой геополитике [Электронный ресурс] // Приграничное сотрудничество: Россия, Китай, Монголия: материалы междунар. конф., 2009 г. – Режим доступа: <http://минмсвэст.забайкальскийкрай.рф> (дата обращения: 25.03.2016).
4. Россия предоставила монголам очередную квоту по сбыту на российский рынок 100 тыс. т говядины [Электронный ресурс] // Мясной эксперт. – Режим доступа: <http://www.meat-expert.ru> (дата обращения: 25.03.2016).
5. Таможенная статистика за 2011–2015 гг. [Электронный ресурс] // Сибирское таможенное управление ФТС. – Режим доступа: <http://stu.customs.ru> (дата обращения: 20.03.2016).

УДК 008:316.7(470+571:517.3)
ББК Ч104.5:С524.221(2Рос:5Мон)

Баира Батоевна Нимаева,
*Читинский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
г. Чита, Россия*

Социокультурные аспекты сотрудничества России и Монголии

В данной статье приводится сравнительная характеристика нормативно-правовой базы в сфере культуры России и Монголии, как ответ на социокультурные вызовы применяется термин «культура памяти», на обсуждение широких научных кругов выносятся значимость «Эв модны наадам» в области развития приграничных связей.

Ключевые слова: Монголия, Россия, «Эв модны наадам», культура памяти, стереотипы.

Baira B. Nimaeva,
*Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Chita, Russia*

Sociocultural Aspect of Russian-Mongolian Cooperation

Russian-Mongolian cooperation is considered in this article within the framework of comparative description of cultural normative-legal base. The term 'The culture of memory' is used as an answer to sociocultural problems. "Ev modny nadaam" meaning in cross-border relationships is discussed on the level of academia.

Keywords: Russia, Mongolia, "Ev modny nadaam", the culture of memory, stereotype.

В последние годы тема взаимоотношений России и Монголии развивается в русле общемирового «взгляда на восток» и выстраивания новых форматов межгосударственных отношений. Экономическая и политическая обстановка, возможности транспортных потоков, логистики и энергоресурсов, товарооборот двух государств и неиспользуемые возможности – ключевые проблемные зоны, освещаемые в информационном поле взаимоотношений государств. Экономические и политические категории характеризуют глубину модернизационных процессов, которые нивелируют социокультурные вызовы. Хотя культура становится активным проводником национальных и транснациональных политических интересов.

Отсюда попытки воссоздания «системности» отношений с российской стороны и «многопорность» монгольской политики с другой наталкиваются на скрытые противоречия. В данном случае, не раскрыв со-

циокультурных противоречий и аспектов, затруднительно найти причины высоких оправданных/неоправданных ожиданий на уровне государственной политики, наличия устойчивых стереотипов в отношении «Россия – Монголия» в коллективной памяти граждан двух государств.

Под социокультурными аспектами автор статьи понимает зеркальное отображение образа государства и народа, в котором ищут объяснения своей территории и своих предков. Задачей данной статьи является соотнесение знаний прошлого с современными проблемами через изучение культуры «памяти», культуры «взаимности». Нормативная база статьи включает в себя изучение законов и соглашений между двумя государствами, действующих в настоящее время. В международных документах культурное сотрудничество, межкультурный диалог рассматриваются как залог справедливости и демократии, что является условием пре-

дотращения международных и межэтнических конфликтов, насилия и войн. В соответствии с Конвенцией ЮНЕСКО «О защите культурных ценностей в случае вооружённого конфликта» (1954) [2] культура обладает правом на международную защиту в ситуации войн и конфликтов. Международная культурная правовая база, как известно, начала формироваться с 1945 г. в послевоенное время. Значимым событием стало создание ЮНЕСКО – универсальной межправительственной системы ООН.

У Российской Федерации имеется несколько сотен соглашений в области культуры, науки и образования, культурные связи поддерживаются с более 140 государствами. В дополнение к ст. 44 Конституции РФ в 2014 г. Президентом РФ были утверждены «Основы государственной культурной политики», а культура признана «гарантом сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности России» [9]. Распоряжением Правительства РФ от 29.02.2016 г. утверждена «Стратегия государственной культурной политики до 2030 года» [6]. Министерство культуры Российской Федерации является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере культуры, искусства, культурного наследия (в том числе археологического). К ведению Министерства культуры относятся вопросы кинематографии, архивного дела, туристской деятельности, авторского права и смежных прав и функции по управлению государственным имуществом.

В Монголии культура не имеет самостоятельного ведомства, а относится к ведению федерального Министерства образования, культуры и науки – «Боловсрол, соёл, шинжлэхууааньяам» [8]. Соответственно прослеживается нормативно закреплённая взаимосвязь сферы культуры, конкурентоспособного образования и инноваций в области науки и технологий. Миссия деятельности ведомства – воспитание конкурентоспособного «истинного Монгола» в многогранных образовательных условиях на основе социальных и культурных ценностей. Задача подразделений культурного ведомства – создание базовых условий для развития культуры и искусства, в том числе через нормативно-правовое обеспечение, осуществление грамотного менеджмента культуры, развитие кадрового

потенциала, организационных систем и профессиональных организаций в сфере охраны культурного наследия. Согласно Постановлению Правительства Монголии за № 12 от 30.06.2014 г. [8], особая роль в развитии культуры отводится органам местного самоуправления, общественным организациям, неправительственным организациям и средствам массовой информации.

В культурной политике России и Монголии прослеживаются общемировые тенденции – признание культуры как экономического ресурса национального человеческого потенциала. Общие точки развития двусторонних отношений заключены в Программе сотрудничества между Министерством культуры Российской Федерации и Министерством образования, культуры и науки Монголии на 2015–2017 годы [7]. Изучение имеющейся нормативной базы позволяет сделать вывод, что в российских реалиях всё-таки речь идёт о сфере культуры (обширное понимание), а для Монголии более характерна трактовка культуры как отрасли (суженное понимание). При этом, анализируя современный этап социокультурного взаимодействия двух государств, нужно помнить объективные реалии геополитического расположения (наличие сухопутной границы длиной 3,5 тыс. км и многовековые традиции исторических, экономических и культурных связей), что подразумевает практически непрерывный процесс приграничного взаимодействия. К поиску новых подходов межгосударственных отношений на основе общего исторического опыта обращаются Президент Российской Федерации В. В. Путин и Президент Монголии Ц. Элбэгдорж [5].

Апелляция к историческим основам социокультурного взаимодействия требует конкретизации и масштабного изучения, ограниченность статьи позволяет обратиться лишь к отдельным элементам социокультурного взаимодействия, в частности к термину «культура памяти». Он получил распространение в 1990-х гг. и исходит из далеко не нового представления о том, что любые воспоминания о прошлом всегда сконструированы с учётом настоящего и будущего и порой играют важную роль в процессе формирования групповой, общественной и национальной идентичности [4].

Нестрогое собирательное понятие для совокупности неспецифических научных обращений к истории в общественной сфере применимо для анализа социокультурного взаимодействия России и Монголии. В англ-

лоязычной литературе определения «коллективная»/«культурная память» используются в одной и той же смысловой позиции. В контексте темы статьи культурная память рассматривается как основа формирования памяти коллективной. С этой точки зрения, вынужденное отдаление России от Монголии в 1990-х гг. (политические, социокультурные и экономические последствия которых до сих пор влияют на сотрудничество двух стран) является переживанием «травматического исторического опыта» по обе стороны границы. Во время больших социальных разломов культура памяти радикально трансформируется. Схожие проблемы исследователи отмечают в странах бывшего коммунистического блока [4]. В научных кругах данной проблематикой занимается «теория возвращения к естественности». При этом нужно понимать, что опыт преодоления «разлома» Монголии значительно отличается от опыта Восточной Европы – нет явной антироссийской направленности. В культурной памяти доминируют позитивные образы России, связанные в основном с Халхин-Голом.

Отсутствие последовательности при реализации крупных экономических проектов в Монголии – строительство железной дороги, освоение месторождений – объяснимо с помощью действия социокультурной (возможно политической) «линзы», обладающей серьёзным искажающим эффектом. Примером является постулат «мир (эпоха, время), который мы потеряли».

Коллективная память о совместном прошлом может носить позитивный эффект, всё зависит от конструирования определенного символа или события с учётом настоящего и будущего. Как пример, практически не изученный опыт приграничного взаимодействия – «Эв модны наадам» («Игры дружбы»)

[1]. Первые свидетельства об «Эв модны наадам» датируются 1774 г., по словам краеведов г. Чойбалсан, начало игр приходится ещё на более ранние сроки. Праздник дощечек согласия возник в противовес мерам маньчжур, которые, опасаясь усиления борьбы монгольского народа, попытались изолировать его от соседей-русских путём усиления караульных служб. Как известно, сдвоенные дощечки издревле являлись символом дипломатии. «В назначенный день на высокий холм поднимались дзанги (начальник) монгольского пограничного караула и начальник русского караула. Каждый из них вынимал половинку дощечки – кедрового четырёхугольника длиной в одну пядь, шириной менее пяди, толщиной в палец – и прикладывал их друг к другу. При совмещении половинок получались надписи на монгольском и русском языках, которые гласили: “Пусть живут в мире и дружбе русские и монголы”» [3]. Как сами игры, так и символ «дощечки» являются подтверждением и знаком событий позитивности культурной памяти.

В заключение, исходя из логики непрерывности приграничного сотрудничества, отметим, что баланс социокультурного взаимодействия всегда будет определять оправданность/неоправданность политических ожиданий. Совокупность относительно устойчивых во времени ценностей, установок и ориентаций, норм морали и других элементов сознания, а также реальный исторический опыт определяют наличие стереотипов в коллективной памяти. При этом они могут носить как искажающий, так и позитивный эффект реализации внешней политики. Всё зависит от возможностей совместного конструирования позитивного будущего через двустороннее преодоление (Россия – Монголия) «травматического опыта».

Список источников и литературы

1. Исследовательский дневник Б. Б. Нимаевой по итогам поездки в Дорнод и Хэнтийский аймаки в 2015 г.
2. Международные нормативные акты ЮНЕСКО / сост. И. Д. Никулин. – М.: Логос, 1993. – 640 с.
3. Москва и Улан-Батор отмечают месячник монголо-российской дружбы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1046136> (дата обращения: 18.02.2016).
4. Никжентайтис А. Модели памяти и культурных воспоминаний: Польша, Литва, Россия, Германия // Слово.ру: Балтийский акцент. – 2012. – № 3. – С. 17–32.
5. Путин: Россия и Монголия преумножат традиции дружбы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/politics/20140903/1022591291.html> (дата обращения: 18.02.2016).
6. Распоряжение Правительства РФ от 29 февраля 2016 г. № 326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/laws/acts/17/515054451088.html> (дата обращения: 19.02.2016).
7. Сайт Министерства культуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mkrf.ru/press-tsentri/novosti/ministerstvo/detail.php?ID=638740> (дата обращения: 18.02.2016).
8. Сайт Министерства образования, культуры и науки Монголии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.meds.gov.mn/SBZG> (дата обращения: 18.02.2016).
9. Указ Президента РФ от 24.12.2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения: 19.02.2016).

УДК 908:399.9(571.55:517.3)
DOI 10.17150/1993-3541.20
ББК Д891:У5.59(2Рос-4Чит:5Мон)

*Виктор Иванович Яковлев,
Читинский институт (филиал)
Байкальского государственного университета,
г. Чита, Россия*

Перспективы развития закупочной логистики мясоперерабатывающих предприятий Забайкалья в контексте интенсификации внешнеэкономических связей с Монголией

В основе функционирования любого предприятия вне зависимости от организационно-правовой формы находится обеспечение материально-техническими ресурсами. Проводя анализ закупочной деятельности предприятия, следует отталкиваться от карты целей и задач закупочной логистики для выяснения слабых мест в обеспечении предприятия необходимыми материальными ресурсами. В статье рассматривается возможность для предприятия, находящегося в приграничном регионе совершать закупки сырья, необходимого для своего функционирования и улучшения конкурентоспособности, в Монголии. Приводятся методики расчёта стоимости доставки и массового выхода сырья разных сортов. Автором сделаны необходимые расчёты и подробный анализ вариантов закупки и доставки сырья. Оценивается полученный экономический эффект и соответствие представленных результатов карте целей закупочной логистики.

Ключевые слова: закупочная логистика, управление закупками, материальные ресурсы, цели закупочной логистики, задачи закупочной логистики, мясопереработка.

*Viktor I. Yakovlev,
Chita Institute of Baikal State University,
Chita, Russia*

Prospects for the Development of Procurement Logistics Meat Processing Plants Transbaikalia in the Context of Intensifying Foreign Economic Relations with Mongolia

The heart of the functioning of any company, regardless of the legal form is providing material and technical resources that studied by procurement logistics. When analyzing the procurement of the company, should start from the maps the goals and objectives of purchasing logistics for finding weaknesses in providing businesses the necessary material resources. The article deals with the possibility for an enterprise located in the border region to make the purchase of raw materials in Mongolia because this is necessary for its operation and to improve competitiveness. The technique of calculating the cost of shipping raw materials and of calculating the mass exit of different varieties of the meat. Also this article has the necessary calculations and a detailed analysis of options for the purchase and delivery of raw materials. It describes the economic effect of the project and compliance with purposes of the procurement logistics.

Keywords: procurement logistics, procurement management, material resources, purpose of purchasing logistics, procurement logistics tasks, meat processing.

Как известно, закупочная логистика – это управление материальными потоками в процессе обеспечения предприятия материальными ресурсами. Любое предприятие, как производственное, так и торговое, имеет службу, осуществляющую закупку, доставку и временное хранение сырья, полуфабрикатов и товаров народного потребления [3, с. 12].

С точки зрения перспектив развития мясоперерабатывающей промышленности Забайкальского края, одной из важнейших целей развития закупочной логистики является необходимость обеспечения непрерывного потока сырья, поставок комплектующих и предоставления услуг, необходимых для работы компаний, производящих мясную продукцию [4, с. 94].

Достижение данной цели требует выполнения задач, способствующих рационализации системы закупок, основными из которых являются:

- определение структуры закупок;
- выбор поставщика;
- определение объёма закупок;
- формирование оптимальных условий закупок [2, с. 74].

В настоящий момент у мясоперерабатывающих предприятий Забайкальского края появилась хорошая перспектива для роста, т. к. потенциальным рынком сбыта продукции может стать, ранее недоступный для российской продукции мясопереработки рынок Китайской Народной Республики. Мясная промышленность Забайкальского края в достаточной мере обеспечена необходимыми ресурсами и условиями для успешного функционирования: накоплен производственный

потенциал, имеются свободные производственные мощности по ряду производств, имеется определённый кадровый потенциал. Однако слабым местом в ресурсном потенциале отрасли является недостаточная сырьевая база. Попытаемся обосновать данное заключение анализом сырьевых возможностей одного из лидеров данной отрасли в Забайкальском крае ООО «Маккавеевский пищекомбинат».

По данным статистической отчётности ООО «МПК-Сельхоз», загруженность мощностей данного предприятия составляет только 50 %. В 2014 году предприятие использовало 610 т говядины (366 т блочной говядины и 244 т – говядины на кости). При этом произведено было 4536 т продукции (4023 т в 2013 г.).

Таким образом, для стопроцентной загрузки производственных мощностей необходимо дополнительно закупить 610 т мяса.

Нельзя отрицать, что производители мясопродуктов Забайкальского края не первый год закупают мясо в Монголии, но оформляется и ввозится это мясо через Республику Бурятия, а не напрямую. Однако из-за довольно равномерного распределения стада КРС по территории Монголии поставки могут осуществляться из аймака Дордон, который располагает стадом КРС в размере 1392,2 тыс. голов скота, через пункты пропуска Верхний Ульхун или Соловьёвск, а также из аймака Хэтий (3268,8 тыс. голов скота) через пункт пропуска Верхний Ульхун, а не через пункт пропуска Кяхта на границе с аймаком Сэлэнгэ (1469,8 тыс. голов скота) (см. рисунок).

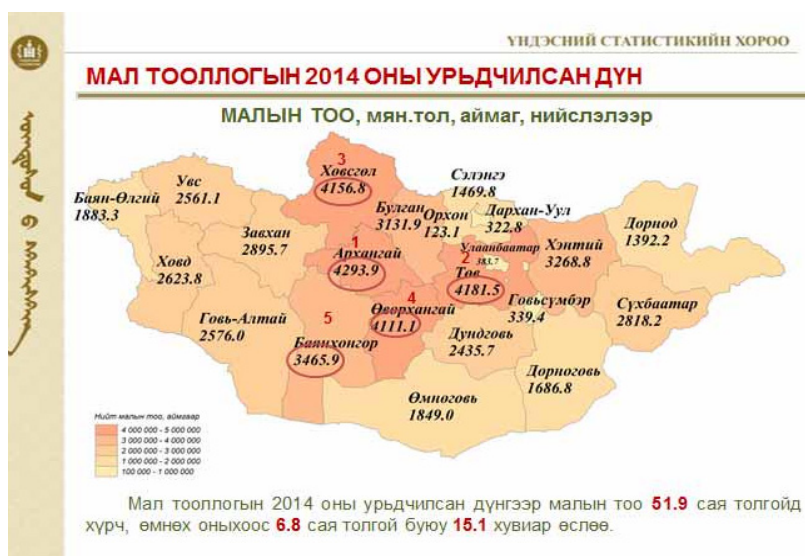

Рисунок. Размещение стада КРС по территории Монголии в 2014 г., тыс. голов

Помимо монгольского мяса предприятиями края используется мясо из стран Латинской Америки. Latinoамериканское мясо оформляется в одном из морских торговых портов Санкт-Петербурга и следует до Читы железнодорожным маршрутом протяжённостью 6 856 км.

С точки зрения расстояния транспортировки, даже поверхностного анализа достаточно, чтобы обосновать эффективность поставки мяса из Монголии. Однако для более убедительных выводов в расчётах эффективности необходимо учитывать большее количество факторов, в том числе: вид транспорта, его грузоподъёмность, условия поставки и т. д. Целью наших расчётов являлось сравнение эффективности маршрутов транспортировки мясного сырья от границ РФ до предприятий Забайкальского края. Оценка затрат на транспортировку с учётом данных факторов представлена в таблице.

Протяжённость маршрутов взята из атласа автодорог и атласа железных дорог Российской Федерации. Грузоподъёмность транспорта, средняя скорость движения, расход топлива взяты из технических характеристик данного вида транспорта. Цена дизельного топлива составляет 35 р. за литр. В расчетах стоимости транспортировки использовались данные по стоимости услуг компании ООО «Деловые линии». Стоимость часа работы авторефрижератора составляет 1500 р. Стоимость погрузки – 4000 р. (включены погрузочные работы и «простой» транспорта). Альтернативой поставкам из Монголии в настоящий момент являются импортные поставки из Уругвая (Латинская Америка), которые осуществляются через Санкт-Петербург. Стоимость данных перевозок использовалась в анализе, представленном в таблице сравнений. Контрактная цена указана на основании данных ФТС России за первый квартал 2015 г.

Таблица

Сравнительная стоимость транспортировки

Название маршрута	Верхний Ульхун	Соловьёвск авто	Соловьёвск ж. д.	Кяхта	Наушки	Санкт-Петербург
Расстояние, км	312	468	427	890	812	6856
Вид транспорта	Авто	Авто	Ж.д.	Авто	Ж.д.	Ж.д.
Грузоподъёмность транспортной единицы, кг	20000	20000	47000	20000	47000	47000
Стоимость транспортировки, р.	28336	40504	80000	73420	120000	300000
Транспортные издержки на 1 кг мяса, р.	1,42	2,03	3,08	3,67	4,62	11,55
Контрактная цена 1 кг мяса, долл.	2,88	2,88	2,88	2,88	2,88	2,90
Контрактная цена 1 кг мяса, р.	149,76	149,76	149,76	149,76	149,76	150,80
Итого за 1 кг, р.	151,18	151,79	152,84	153,43	154,38	200,56

Примечание. Составлено автором.

Наиболее выгодной с экономической точки зрения является транспортировка мяса по маршруту Верхний Ульхун – Чита, однако использованию данного маршрута может препятствовать неразвитость инфраструктуры на территории Монголии. Уровень развития дорожной инфраструктуры позволяет осуществлять автомобильные перевозки грузовым транспортом, но делает их дорогостоящими по причине наличия только грунтовой дороги, что в свою очередь повлечёт необходимость постоянного ремонта подвижного состава монгольской стороны. При этом сле-

дует учитывать, что потенциальная выгода поставок больших объёмов мяса для Монгольской стороны будет способствовать развитию приграничной инфраструктуры, к тому же развитие данного участка границы уже намечено в планах Правительства Монголии. Таким образом, наличие хотя бы протокола о намерениях между бизнесменами России и Монголии станет отправной точкой в реализации этого проекта.

При сравнении авто- и железнодорожных маршрутов из Соловьёвска, наиболее выгодным оказывается автомаршрут, т. к. изна-

чально предусматривает доставку «до дверей», тогда как при использовании железнодорожного маршрута необходимо будет дополнительно привлекать транспортные средства, находящиеся на балансе предприятия, для перевозки груза с грузового двора непосредственно до предприятия. К тому же перегрузка товара и стандартизированный график делают железнодорожный маршрут гораздо менее конкурентным по сроку поставки.

Нельзя отрицать эффективность маршрута доставки автотранспортом от МАПП «Кяхта», которая и осуществляется в настоящее время. Несмотря на пройденное расстояние, в конечном пересчете на 1 кг мяса разница составит 2,09 р. по сравнению с автотранспортировкой из Соловьёвска, что делает данный маршрут вполне конкурентоспособным.

Маршрут доставки латиноамериканского мяса от МТП «Санкт-Петербург» по железной дороге более затратен в пересчёте на 1 кг мяса. Учитывая факт покупки этого мяса у оптовых поставщиков, а не напрямую у производителя, брали во внимание минимальную торговую наценку оптовика (30 %) и уплаченный им НДС в размере 10 % от добавленной стоимости. Однако, несмотря на более высо-

кую цену мясного сырья, перевозки по данному маршруту осуществляются, а данное сырьё пользуется всеми мясоперерабатывающими предприятиями края.

Таким образом, наиболее эффективным, с экономической точки зрения, представляется доставка мясного сырья автотранспортом через ДАПП «Верхний Ульхун».

Опираясь на карту целей закупочной логистики и выводы по проекту, можно констатировать, что проект закупки мясного сырья в Монголии:

1) позволяет обеспечить непрерывный поток сырья из Монголии в Забайкальский край;

2) рассчитан на государственные инвестиции в модернизацию приграничных пунктов пропуска, которые увеличивают эффективность данного проекта;

3) позволяет осуществлять поставки от нескольких частных поставщиков с территории Монголии с привлечением одной государственной заготовительной конторы;

4) направлен на использование монгольского сырья только с целью промышленной переработки;

5) формирует устойчивые положительные предпосылки для развития предприятий в стратегической перспективе.

Список источников и литературы

1. Аникин Б. А., Тяпухин А. П. Коммерческая логистика. – М.: Проспект, 2005. – 363 с.
2. Гаджинский А. М. Логистика: учебник. – М.: Дашков и Ко, 2004. – 408 с.
3. Залманова М. Е. Закупочная и распределительная логистика. – Саратов, 1992. – 82 с.
4. Козловский В. А., Козловская Э. А., Савруков Н. Т. Логистический менеджмент. – М.: Лань, 2002. – 272 с.

УДК 339.5(517.3:470+571)
ББК У428-18(5Мон:2Рос)

Ганхуяг Алтандош,
Бурятский государственный университет,
г. Улан-Удэ, Россия

Внешняя политика Монголии в отношении России

В статье рассматриваются вопросы российско-монгольских взаимоотношений в контексте внешнеполитической концепции Монголии и изменения моделей сотрудничества в двусторонних отношениях в условиях новой рыночной экономики. Представлены наиболее острые проблемы развития российско-монгольского торгово-экономического сотрудничества и пути их преодоления.

Ключевые слова: монгольско-российские отношения, внешнеполитическая концепция, взаимоотношения, политика, экономика.

*Ganhuyag Almandos,
Buryat state University,
Ulan-Ude, Russia*

Concept of Mongolia's Foreign Policy and Relations with Russia

The article considers the issues of Russian-Mongolian relations in the context of the foreign policy concept of Mongolia and about changes of models of cooperation in bilateral relations in conditions of new market economy. The author identifies the most acute problems of development of Russian-Mongolian trade and economic cooperation and ways to overcome them.

Keywords: Mongolian-Russian relations, the foreign policy concept, relationships, politics, economics.

СССР традиционно сотрудничал с Монголией. Россия имеет важные стратегические интересы в Монголии, в том числе в политической, экономической, военной, экологической, культурной, гуманитарной и других сферах. Россию и Монголию связывают общая граница, протяжённостью 3,5 тыс. км и многовековая история преимущественно дружественных взаимоотношений. СССР внёс большой вклад в возрождение и защиту государственности и независимости Монголии, в развитие экономики и культуры, в превращение её в современное цивилизованное, процветающее государство. Для двух стран характерны общая направленность политических и социально-экономических преобразований после 1990 г., во многом совпадающие стратегические национальные интересы, заинтересованность в обеспечении безопасности в АТР, в развитии региональной и глобальной экономической интеграции.

Отношения России с Монголией имеют самостоятельное значение. Но они должны учитываться и в общем контексте российско-китайских отношений. Как отмечал В. В. Грайворонский, сейчас идёт поиск новой модели российско-монгольских отношений, нового механизма сотрудничества. Пока отсутствует чёткая долгосрочная концепция таких отношений, наблюдается стагнация в реализации достигнутых договоренностей и обязательств, несогласованность в работе отдельных министерств и ведомств России и Монголии, бюрократическая волокита [3].

Сегодня, когда идёт процесс переосмысления истории, есть резон обратиться к прошлому российско-монгольских и советско-монгольских отношений, что даст возможность, не повторяя ошибок прошлого, выработать пути сотрудничества двух соседних стран на основе новой модели развития.

Сегодня, как отметил А. Арбатов, на Дальнем Востоке существуют два очень важных для России вопроса. Далее он писал, что «монгольский нейтралитет и суверенитет будут для России значительным фактором безопасности в Азии, имея в виду геостратегическое положение Китая, проецируемое на российское Забайкалье, Казахстан и Кыргызстан. В случае установления китайского доминирования в Монголии российские оборонительные потребности в этом районе утратятся, а коммуникации с Дальним Востоком станут ещё более уязвимы [3].

В соответствии с обновлённой Концепцией внешней политики (2011) Монголия стремится проводить самостоятельную, независимую, «многоопорную» внешнюю политику, направленную на поддержание сбалансированных отношений с Россией, Китаем, другими развитыми и влиятельными странами Запада и Востока. Важное место в монгольской внешней политике занимает концепция «третьего соседа», которая распространяется на США, Японию, ЕС, Индию, Республику Корея и Турцию. При этом Монголия стремится избегать чрезмерной односторонней зависимости от какой-либо одной державы. Нынешнее руководство страны ориентируется преимущественно на западные ценности демократии и стандарты рыночной экономики. В последние годы особый акцент делается на развитие всесторонних, прежде всего, торгово-экономических связей с ЕС, на внедрение европейских стандартов и норм.

После 2009 г. российско-монгольские отношения носят во многом декларативный характер. При внешнем благополучии многие ранее достигнутые договоренности и соглашения не выполняются, в том числе по вине монгольской стороны. Отсутствует заметный прогресс в реализации двух новых крупных

совместных проектов, договорённости по которым были достигнуты в 2009 г. Речь идёт о компании «Развитие инфраструктуры», которая была создана совместно с ОАО «РЖД» с целью модернизации Улан-Баторской железной дороги и строительства новых железных дорог для транспортировки угля по маршруту Таван-Толгой – Сайншанд – Чойбалсан – Соловьёвск с выходом на Транссиб и далее в Японию и Южную Корею.

В мае 2013 г. Правительство Монголии приняло решение о продаже ОАО «РЖД» своей доли акций (50 %) КОО «Развитие инфраструктуры». В настоящее время все 100 % акций этой компании принадлежит ОАО «РЖД». Достигнута договорённость о том, что в ближайшие годы усилия компании будут сосредоточены на модернизации Улан-Баторской железной дороги.

В декабре 2013 г. в Улан-Баторе состоялось первое совещание представителей железнодорожных ведомств России, Китая и Монголии, на котором обсуждались актуальные вопросы сотрудничества в области транзитных перевозок, в частности, по международному транспортному «Северному коридору», являющемуся «естественным сухопутным мостом в направлении Азия – Европа».

В 2009 г. было подписано межправительственное соглашение о создании совместной российско-монгольской компании «Дорнод уран» для разведки, добычи, переработки и использования урановых месторождений в Восточной Монголии. В 2010 г. стороны заключили соглашение о принципиальных условиях создания компании и достигли договорённости о подписании в возможно более короткие сроки её учредительных документов на основе согласованных принципов. Однако дальнейшего развития этот проект не получил.

Длительная задержка с реализацией подписанных соглашений объясняется тем, что в мае 2011 г. канадская компания «Khan Resources» предъявила иск к Правительству Монголии в связи с незаконным, по её мнению, отзывом лицензии на добычу урановой руды на месторождении Дорнод. Уже несколько лет этот иск рассматривается в международном арбитраже.

Россия проиграла в конкурентной борьбе за участие в освоении крупнейшего угольного месторождения Таван-Толгой, в строительстве новых железных дорог протяжённостью более 1800 км. До последнего времени дву-

сторонние торгово-экономические отношения развивались недостаточно быстрыми темпами, что стало особенно заметным на фоне динамично развивающихся отношений Монголии с другими ведущими странами, особенно с Китаем.

Доля России в общем внешнеторговом обороте Монголии в 2010–2013 гг. составила в среднем 15–18 %, тогда как доля Китая – около 50 % [6]. В 2012 г. доля России в монгольском импорте составляла 27,4 %; в экспорте – всего 1,8 %; а доля Китая в монгольском экспорте – 92,6 %; импорте – 27,6 % [7]. Кроме того, уже на протяжении нескольких лет Китай уверенно лидирует по числу иностранных инвестиций в экономику Монголии. По данным монгольских источников, в 1990–2010 гг. прямые китайские инвестиции в экономику Монголии достигли 1,8 млрд долл., или почти 53 % всех прямых иностранных инвестиций. В течение этих двадцати лет в Монголии было открыто более 5 300 предприятий с участием китайского капитала, что составляет почти 50 % всех предприятий с иностранным участием [4]. За тот же период было создано 769 предприятий с российским капиталом, а доля России в общем объёме ПИИ в экономику Монголии не превысила 2 % [Там же].

Существенными препятствиями на пути развития отношений между Монголией и Россией являются: высокие таможенные пошлины на традиционные товары монгольского экспорта в Россию, высокие транспортные тарифы на транзит монгольских товаров по территории России, сложные бюрократические процедуры согласования, оформления деловых сделок, прохождения таможенного контроля. Как следствие, многие монгольские бизнесмены предпочитают иметь дело не с российскими, а с китайскими, японскими и западными компаниями. Но заметным шагом в сближении двусторонних отношений следует отметить встречу на высшем уровне В. В. Путина и Ц. Элбэгдоржа в Улан-Баторе 3 сентября 2014 г., в ходе которой был подписан ряд межправительственных соглашений, и в том числе об отмене визового режима между Россией и Монголией.

В условиях обострившейся конкуренции между имеющими свои интересы в Монголии крупными державами (Китай, США, Япония, Республика Корея, страны ЕС, Великобритания, Канада, Германия и др.) и ТНК нельзя допускать дальнейшего ослабления позиций России и роста негативных для неё диспро-

порций в «четырёхугольнике» Россия – Монголия – Китай – США (в ближайшем будущем к нему, видимо, присоединится и Япония).

В связи с этим необходимо:

1. Последовательно проводить курс на активизацию и повышение эффективности двусторонних отношений по всем направлениям, указанным в Декларации о развитии стратегического партнёрства между Российской Федерацией и Монголией (2009), на принципах равенства и взаимной выгоды; строго и оперативно выполнять принятые на себя обязательства; сохранять прежние достижения и завоёвывать новые позиции во всех областях жизни Монголии.

2. Более полно учитывать национальные интересы и предложения монгольской стороны; укреплять и развивать двустороннее стратегическое партнёрство.

3. Принять дополнительные меры к расширению двусторонней торговли и сокращению растущего дисбаланса в ней.

4. Исходя из позитивного и негативно опыта советско-монгольских и российско-монгольских отношений в XX веке, обратить особое внимание на формирование и закрепление традиционного, в целом дру-

жественного позитивного образа России в сознании новых поколений монголов; вести последовательную активную борьбу с попытками некоторых монгольских политиков и историков под видом восстановления исторической правды односторонне, преимущественно негативно трактовать сложную, неоднозначную историю советско-монгольских отношений и роль России/СССР в истории Монголии в XX веке.

5. При разработке и реализации долгосрочных и среднесрочных программ/проектов социально-экономического и культурного развития Восточной Сибири, Бурятии, Забайкальского края и других субъектов РФ, граничащих с Монголией, по возможности более полно учитывать интересы и потенциал сотрудничества с Монголией.

6. Шире использовать неограниченные возможности Монголии как страны-транзитера для развития торгово-экономического, энергетического, логистического, туристического и другого сотрудничества с Китаем и другими странами АТР; развивать взаимовыгодное трёхстороннее сотрудничество и партнёрство между Россией, Монголией и Китаем.

Список источников и литературы

1. Монголия сегодня. – 2012. – 11 марта.
2. Монголия сегодня. – 2013. – 10 янв.
3. Поиски Монголией нового места в мире // Сайт МИОН «Межрегиональные исследования в общественных науках» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/history/doc/e4_9.htm (дата обращения: 29.03.2016).
4. Baatar Ts. Foreign direct investment in Mongolian case // X Конгресс учёных монголоведов мира = Proceedings of the 10th International Congress of Mongolists. Vol. 3. Mongolia's Economy and Politics. – Улан-Батор, 2012. – С. 145–148.
5. Mongolian Statistical Yearbook: сб. статистики Монголии. – Улан-Батор, 2012, 2013.
6. Mongolian Statistical Yearbook: сб. статистики Монголии. – Улан-Батор, 2010, 2011, 2012. – С. 197.
7. Mongolian Statistical Yearbook: сб. статистики Монголии. – Улан-Батор, 2012, 2013. – С. 269–271.

УДК 339.9(470+571:517.3:510)

ББК У59(2Рос:5Мон:5Кит)

Цэнд Баатар,

Институт международных отношений

Академии наук Монголии

Баатар Баттогтох,

Монгольский государственный университет,

г. Улан-Батор, Монголия

Трёхстороннее приграничное сотрудничество

Россия – Монголия – Китай

В статье дана оценка сегодняшнего положения трёхстороннего приграничного сотрудничества России, Монголии и Китая, сделан анализ торгово-экономических, инфраструктурных, туристических отношений между нашими странами, также сделан прогноз роли приграничных отношений в осуществлении мегапроектов для создания экономического коридора.

Ключевые слова: экономический коридор, приграничное сотрудничество, мегапроекты, Россия, Монголия, Китай.

Send Baatar,

Institute of International Relations

Academy of Sciences of Mongolia

Baatar Battogtokh,

Mongolian State University,

Kyrgyz-Russian Slavic University,

Ulan-Bator, Mongolia

Mongolia – Russia – China: Gross-Border Triangle Cooperation

This presentation made an analysis of current state of the trilateral border cooperation between Mongolia, Russia and China. The presentation also touches on the importance tourist relations between the countries and role of cross-border relations in the implementation of mega-projects to build economic corridor.

Keywords: Mongolia, Russia, China, gross-border cooperation, economic corridor, trade, tourism.

Экономическое положение Монголии. Несмотря на неблагоприятную экономическую ситуацию, связанную с экономическим застоём, упадком цен на сырьё и другие факторы, которые негативно влияют на экономику Монголии, автором даны перспективы развития Монголии очень положительно. Потому что наше правительство, парламент способны преодолеть эти кризисные, временные трудности. Это прежде всего связано со среднесрочными и долгосрочными экономическими тенденциями, которые дадут положительный результат.

Нестабильность в мировой экономике, кризисная ситуация на биржах горной и энергетической промышленности сказываются и на зарубежной инвестиции и развитии разработки стратегических месторождений

Монголии, которые в свою очередь являются основной надеждой и козырем быстрого и «желаемого» развития страны. С учётом начала эксплуатации горного комбината «Оюу-Толгой» и реализацией других мегапроектов мы надеемся на серьёзные сдвиги, которые повлияют на экономический рост.

С начала июля 2015 г., когда мы начали экспортировать продукцию горного комбината «Оюу-Толгой», получена возможность для поддержания экономики на должном уровне. Таким образом, благодаря миллиардным инвестициям в нашу экономику можно надеяться на хорошую отдачу и улучшение экономической ситуации.

Правительство Монголии весь год добивалось того, чтобы продвинуть развитие скрытой шахты в Оюу-Толгое, и 16 декабря

2015 г. в Улан-Баторе состоялась церемония подписания документа о финансировании разработки скрытой шахты Оюу-Толгой. Смысл этого заключался в том, что 15 международных банков и финансовых организаций из Канады, Австралии и США дают кредит в размере 4,4 млрд долл. для финансирования разработки скрытой шахты в Оюу-Толгое [9].

Также для снабжения Оюу-Толгой электричеством предусматривается строительство электростанции Таван-Толгой, которое сдвинулось с места в результате длительных переговоров. В тендере победила японская корпорация «Марубени», которая будет выступать в качестве внешнего инвестора, а внутренним инвестором выступает компания «М си эс». Стороны подписали договор 24 июня 2016 г. на сумму 1 млрд долл. Я считаю, что все это даст положительный эффект для иностранных инвесторов [10].

Другим положительным шагом в улучшении экономического положения стало принятие 7 августа 2015 г. на внеочередной сессии ВГХ Закона о поддержании экономической гласности. Таким образом, в Монголии второй раз был принят закон об экономической амнистии, вследствие которой, по данным Управления национальной статистики Монголии, около 10 тыс. граждан и юридических лиц «раскрыли» имущество, счета, собственность в общей сложности на 34,7 трлн тугриков (примерно 27 % от ВВП 2015 г.), которые были освобождены от уголовной ответственности и налоговых обязательств в размере 10,8 трлн тугриков [11].

Таким образом, в целях уменьшения теневой экономики правительство Монголии действует по принципу «понять и простить». Эксперты полагают, что у данного закона есть другая «неотложная и своевременная» цель, которая заключается в том, чтобы заполнить дефицит госбюджета.

Следующим положительным шагом явилось вступление в силу Соглашения об экономическом партнёрстве между Монголией и Японией с июня 2016 г. В результате осуществления этого соглашения будет увеличен поток торговли и инвестиций между двумя странами. Кроме того, данное соглашение имеет большое значение для присоединения Монголии в региональной экономической интеграции. Согласно указанным в соглашении условиям, 5700 наименований товаров с монгольской стороны и около 9 300 наименований товаров с японской стороны будут

непосредственно и поэтапно освобождены от импортных таможенных пошлин, что даёт возможность предпринимателям обеих стран поставлять продукцию с сертификатом происхождения по льготным тарифным условиям [7].

Несмотря на мрачные показатели экспорта, дохода от сырьевых продуктов, зарубежной инвестиции и внешнего долга страны, экономика Монголии в прошлом году выросла на 2,5 %, инфляция составила 2,9 %, что является минимумом за последние 6 лет. По данным первого полугодия 2016 года экономический рост составил 3,5 %, инфляция – 1,8 % [12]. По последним данным поголовье скота достигло впервые в истории 73 млн голов [10].

Таким образом, достижение нужных результатов в развитии инфраструктуры, энергетики и финансовой системы – залог процветания страны. Это понимают все, но без устойчивого дохода от горной промышленности и стабильной правительственной политики нам не достичь этой цели.

Трёхсторонняя инфраструктурная кооперация. В силу исторических и геополитических традиций и тенденций развития Россия, Монголия и Китай на протяжении длительного периода являются стратегическими партнёрами в сфере внешнеэкономической деятельности. Глобализация внешнеэкономической деятельности диктует необходимость для каждой страны определить свою нишу и стратегические цели в процессах международной экономической интеграции.

Углубление трёхстороннего сотрудничества и общий выбор стратегий развития во внешнеэкономической сфере тесно связаны с тремя международными мегапроектами: китайской инициативой «Экономического пояса Шёлкового пути», монгольской инициативы «Степного пути» и российского проекта Транс-Евразийской железнодорожной магистрали. В соответствии с интересами национального развития руководители Российской Федерации, Монголии и Китая предпринимают активные действия в долгосрочной перспективе развития.

В 2014 г. главы трёх стран в Душанбе успешно провели переговоры, запустили механизм встреч между тремя государствами на высшем уровне, провели важную подготовительную работу и составили план углубления сотрудничества.

Экономическое сотрудничество стало ключевой сферой трёхстороннего взаимо-

действия. Россия, Монголия и Китай, в рамках вышеуказанных инициатив, продвигают идеи делового сотрудничества в таких областях, как строительство экономического коридора, развитие земледелия и скотоводства. Одновременно с этим стороны расширяют политическое, гуманитарное и таможенное взаимодействие, стремясь к тому, чтобы трёхстороннее сотрудничество между ними стало классическим примером многоплановой и полномасштабной региональной кооперации [5].

На второй трёхсторонней встрече лидеров Монголии, России и Китая в Уфе в 2015 г. подписан меморандум о взаимопонимании по созданию единого экономического коридора на территории трёх соседних государств на основе сопряжения концепции монгольского проекта «Степной путь», китайской идеи «Экономического пояса Шёлкового пути» и российской инициативы Евразийского экономического союза.

Договорённость о создании экономического коридора была достигнута 23 июня 2016 г., на трёхсторонней встрече лидеров стран в Ташкенте [6]. В ходе создания экономического коридора предполагается реализовать 32 проекта. Это строительство трансграничной авто- и железнодорожной магистрали, развитие транзитного транспорта, расширение сотрудничества в промышленном, энергетическом, туристическом, образовательном и научно-техническом секторах, в сфере сельского хозяйства, окружающей среды, здравоохранении и гуманитарном обмене. Это также облегчение процедуры пограничного и таможенного досмотра, обустройство пограничных пунктов пропуска.

«В плане практической реализации этой программы считаем перспективной идею монгольской стороны учредить совместный центр инвестиционного проектирования. Его основной задачей должна стать проработка новых предложений по сотрудничеству в области транспорта, строительства линий связи и электропередач, маршрутов доставки энергоносителей. Со своей стороны имеем в виду уделить приоритетное внимание инфраструктурным инициативам. В частности, российский бизнес готов участвовать в модернизации Улан-Баторской железной дороги. Мы об этом много раз говорили с президентом. Её пропускная способность будет доведена до 100 млн вагонов в год. Намерены развивать рынок автомобильных грузоперевозок», – заявил Президент России Владимир Путин [6]. «Наше сотрудничество не должно ограничи-

ваться экономическими коридорами, транспортными и таможенными вопросами», – так же считает Президент Элбэгдорж. Одно из направлений – региональное взаимодействие. «Мы в принципиальном плане поддерживаем идеи китайской стороны по развитию сотрудничества восточных регионов Монголии, России и Китая», – объявил он, предложив развивать связи и в области сельского хозяйства, борьбы с чрезвычайными ситуациями и их последствиями [Там же]. Монголия тут, по сути, – связующее звено. То есть с точки зрения геополитики через этот коридор Китай выйдет в Европу, а для России – это новые инвестиции. Президент Монголии Цахиагийн Элбэгдорж предложил провести следующие трёхсторонние переговоры в августе-сентябре в Улан-Баторе.

Председатель КНР Си Цзиньпин, в свою очередь, отметил позитивные результаты сотрудничества в сфере транзитных перевозок, туризма и спорта. «Всё это говорит, что, будучи соседями, мы способны наладить сотрудничество», – отметил Си Цзиньпин.

Создание экономического коридора между Россией, Монголией и Китаем является одним из шагов в развитии интеграции между странами на Евразийском континенте.

Приграничное сотрудничество Монголии и России. Характер размещения населения, распространения инфраструктуры, банковских и социальных услуг по территории Монголии и России является неравномерным. Поэтому приграничные отношения Монголии и России представляют собой естественную и важную составляющую внешней политики наших стран.

Уровень торгово-экономического сотрудничества между нашими странами остаётся низким. По данным монгольской статистики, в 2014 г., когда цены на энергоносители были сравнительно высоки, объём торгового оборота между нашими странами составил 1,6 млрд долл. В 2015 г. объём торговли сократился, так как существенно снизилась цена на энергоресурсы, и объём двусторонней торговли составил 1 млрд долл. [8]. Это в пять раз меньше, чем объём двусторонней торговли Монголии с Китаем. Около 70 % взаимного товарооборота приходится на региональное и приграничное сотрудничество. Особенно активными участниками приграничных отношений являются Иркутская область, Республика Бурятия, Тыва, Забайкальский край и другие субъекты РФ, а с монгольской стороны Дорнод, Селенгийский аймак, Увс, Хэнтий и Баян-Улгий.

В аймаках Восточного региона Дорнод и Хэнтий развивают своё традиционное сотрудничество с Забайкальским краем что в настоящее время даёт возможность содействовать развитию трёхстороннего экономического сотрудничества. Между Дорнод аймаком и Забайкальским краем в определённой сфере осуществляется и развивается сотрудничество, которое охватывает в основном такие сферы, как сельское хозяйство, производство, транспорт, образование и культуру.

Решение вопроса об импорте скота и мяса из Монголии на уровне Правительства Российской Федерации даёт широкую возможность сотрудничества приграничных районов. В дальнейшем есть перспективы развития проектов в сфере переработки сельскохозяйственного сырья, улучшения породы скота Дорнод аймака и их оздоровление, использование запасов пастбищ для заготовки сена, развития зернового хозяйства и земледелия в районе Халхин-Гола, выращивания овощей и т. д.

Создаются благоприятные условия для расширения рамок обменов производственными товарами и приграничной торговли. В этом регионе десятки иностранных компаний ведут геологоразведочные работы полезных ископаемых, нефти, смешанных металлов, но в основном эффективно работают в сфере урана. Также в данном регионе закладываются производственные фундаменты по добыче и переработке нефти, цветных металлов и железа. Для дальнейшего улучшения инфраструктуры в этой сфере потребуется развитие железной и автомобильной дорог, стабильное снабжение энергосистемы, поэтому заинтересованные стороны должны сейчас последовательно развивать сотрудничество.

Соединение Соловьёвск-Чойбалсанской железной дороги через Тамсаг с Аршантом (КНР) создаст благоприятные условия для экономического развития приграничных округов, аймаков, сумунов, а также туризма, торговли и особенно для сотрудничества в гуманитарной сфере. Необходимо построить автодороги через Чойбалсан в Россию, в том числе дорогу, которая объединяла бы Забайкальский край с приграничными провинциями Китая. Для ускорения развития туризма есть возможность открыть авиарейс Чита – Чойбалсан – Улан-Батар, Улан-Батар – Чойбалсан – Харбин. Следовательно, широкое развитие системы связи активизирует куль-

турное взаимоотношение трёх соседних стран и придаст важный импульс развитию культуры, религии и традиции Монголии.

В этом контексте мы затрагиваем актуальные проблемы расширения сотрудничества между нашими государствами по всем направлениям на всех уровнях, а именно, на уровнях приграничных районов Монголии, России и Китая.

По мнению монгольских и российских экспертов, причинами снижения товарооборота между Монголией и РФ являются:

- 1) неблагоприятная экономическая обстановка в обеих странах;
- 2) сложная система взаиморасчётов;
- 3) высокие российские таможенные тарифы на монгольские товары;
- 4) высокая стоимость перевозки грузов;
- 5) несовпадение по времени товарных потоков из России и Монголии;
- 6) слабость контактов между монгольским правительством, руководством монгольских аймаков, с одной стороны, и администрациями сибирских регионов – с другой;
- 7) сохранение во многих случаях бартерной формы расчётов, особенно при недостатке денежных средств у той и другой стороны;
- 8) неразвитая система гарантий сделок и инвестиций, проблемы транспортного и таможенного обслуживания.

Зная сложное финансовое положение монгольских экспортёров, т. е. нехватку оборотных средств, зависимость от банковских кредитов, российская сторона, получив мясо, осуществляет платежи половины контрактной стоимости, а погашение оставшейся части растягивает на годы. Подобные несправедливые действия являются самыми существенными препятствиями в сфере торговли мясом между Монголией и РФ.

В то время, пока остаются нерешёнными вопросы затруднения экспорта мяса из Монголии в Россию, монгольские экспортёры мяса уже вышли на рынок Ближнего Востока, куда осуществляется поставка монгольской баранины, а в Японию импортируется конина.

В связи с отменой визового режима с ноября 2014 г. между Монголией и РФ увеличился двусторонний приток населения, так в течение года пересечение границы в обоих направлениях увеличилось вдвое. По данным Бурятского Управления Федеральной миграционной службы России, в течение 9 месяцев 2015 г. государственную границу Российской Федерации в международных пунктах пропуска, расположенных на территории Бурятии,

в обоих направлениях (въезд-выезд) пересекли более 600 тыс. иностранных граждан (в 2,4 раза больше, чем за аналогичный период прошлого года). Большинство пересекших границу (92 %) являлись гражданами Монголии [1]. Турпоток по-прежнему растёт, и сегодня в Министерстве экономики Бурятии отмечают, что это позволило вывести сотрудничество между Монголией и Россией, в частности Бурятией, на новый уровень.

В последние годы Монголия активно развивает свободные экономические приграничные зоны. Одной из таких зон, наиболее приближенной к Республике Бурятия и Забайкалью, является Алтанбулагом. Большую роль в поощрении кооперации и сотрудничества в этой сфере играет трёхсторонний форум торгово-промышленных палат наших стран. 21–22 мая 2016 г. в свободной экономической зоне Алтанбулаг успешно прошли трёхсторонние форумы торгово-промышленных палат «Алтанбулаг Экспо-2016». Также 5–6 августа 2016 г. в городе Чите Забайкальского края успешно прошёл XI Объединённый форум торгово-промышленных палат России, Монголии и Китая. Наше правительство придает большое значение созданию трансграничной торгово-экономической зоны в направлении Замын-Ууд-Эрээн, в восточной зоне – созданию трёхсторонней Монгольско-Китайско-Российской свободной зоны.

Россия, Китай и Монголия намерены создать туристический «Чайный путь», в этом году в рамках первого международного туристического форума «Великий чайный путь» представители трёх стран подписали соглашение об учреждении туристического союза, целью которого станет продвижение новой линейки туристических маршрутов между нашими странами.

Исходя из вышеизложенного, целесообразно выделить следующие основные направления сотрудничества между Монголией и Россией:

- совершенствование законодательной базы, регламентирующей вопросы сотрудничества двух стран;
- принятие закона о приграничном сотрудничестве;
- повышение эффективности деятельности совместных предприятий;
- стимулирование инвестиционной деятельности;
- либерализация торговли;
- сотрудничество в обрабатывающей промышленности;

- сотрудничество в сельском хозяйстве;
- дальнейшее развитие контактов в гуманитарной области.

Приграничное сотрудничество Монголии и Китая. Монголия принимает меры для повышения уровня торгово-экономического взаимодействия с Внутренней Монголией, которая граничит с нашей страной.

В рамках трёхстороннего взаимодействия каждый год проводятся торгово-экономические ярмарки. Например, в июле прошлого года в городе Бугат, в августе – в Эрэльяне, в октябре – в Хух-хоте успешно прошли ярмарки Торгово-промышленной палаты Монголии, в мае этого года в свободной торговой зоне Алтанбулаг прошла ярмарка «Алтанбулаг Экспо-2016». Проведение этих ярмарок даёт импульс развитию отношений с двумя соседями, потому что затрагивает ряд отраслей, включая производство изделий машиностроения и электроники, бытовой электротехники, товаров ширпотреба, оборудования, строительных и отделочных материалов. В рамках проведения ярмарок запланированы выставки продукции, переговоры по реализации проектов о сотрудничестве.

По сообщению парламентария Монголии Н. Батбаяр, 90,9 % от общего объёма внешней торговли между Монголией и Китаем реализовалось именно через КПП Эрлянь-Хото. На монгольско-китайской госгранице, общая протяжённость которой превышает 4600 км, расположены более 10 КПП, при этом 10 из них находятся на территории автономного района Внутренняя Монголия. Так что Внутренняя Монголия стала основным коридором грузовых перевозок двух стран [4].

Монгольская сторона также выразила готовность к укреплению сотрудничества в железнодорожных, автодорожных и воздушных перевозках в районах вдоль коридора сотрудничества Китая, Монголии и России, а также развитию трансграничной логистики, туризма, отрасли инвестиции и финансов в свободной экономической зоне Дзамын-Удэ и Свободной торгово-экономической зоне Алтан-Булаг.

Глава Азиатского департамента Министерства коммерции КНР Чэнь Чжоу сказал, что за последние 20 лет китайско-монгольские торгово-экономические отношения получили быстрое развитие. В 2010 г. объём внешней торговли между двумя странами достиг 3,98 млрд долл., что на 64 % больше показателя предыдущего года [2]. Автоном-

ный район Внутренняя Монголия, представляющий собой важное северное окно Китая в плане открытости внешнему миру, играет всё более важную роль в расширении торгово-экономических связей между Китаем и Монголией.

По статистике, в прошлом году объём экспорта и импорта автономного района Внутренняя Монголия достиг 1,7 млрд долл. На долю Внутренней Монголии приходится 43 % от общего объёма внешней торговли между двумя странами [3].

Как считает китайская сторона, автономный район готов к совершенствованию механизма регионального сотрудничества и активизации сотрудничества с Монголией в области содействия инвестициям, обеспечения порядка торговли, осуществления карантина животных и растений, финансовых расчётов, сквозной транспортировки, строительства инфраструктуры, упрощения формальностей для прохождения через таможи и создания приграничной зоны экономического взаимодействия.

Внутренняя Монголия обладает преимуществами в сфере производства и экспорта товаров ширпотреба и сельскохозяйственной продукции, а также в реализации подрядов на строительные проекты и предоставлении трудовых услуг. Страна планирует добычу полезных ископаемых, а Внутренняя Монголия имеет богатый опыт и передовые технологии в горнодобыче, поэтому, на наш взгляд, между сторонами существует большая взаимодополняемость в сфере освоения природных ресурсов.

Как было сказано выше, в дальнейшем трансграничное сотрудничество между тре-

мя странами может расширяться и углубиться в рамках осуществления договорённости, подписанной лидерами трёх стран, о создании экономического коридора, что предполагает осуществление 32 проектов, основы которых уже заложены и успешно начались претворяться в жизнь.

Для успешного развития трёхстороннего приграничного сотрудничества необходимо сделать акцент на областях строительства инфраструктуры, комплексной взаимосвязанности, приграничной торговли, индустриализации, туризма и гуманитарных связей, усилить сопряжение в промышленной сфере, продвигать субрегиональное сотрудничество в интересах развития приграничных регионов наших стран.

В рамках развития зоны сотрудничества между нашими странами предпринимаются следующие конкретные меры:

- поддержка проектов сотрудничества приграничных районов города Маньчжурия с приграничными территориями Монголии;
- совместное ускорение строительства высокоскоростного шоссе и железной дороги на участке Маньчжурия – Ар Хашаат – Чойбалсан;
- развитие сотрудничества в сфере авиaperевозок и открытие новых авиалиний;
- улучшение условий пересечения государственной границы и повышение пропускной способности.

Создание экономического коридора между Россией, Монголией и Китаем является одним из шагов в развитии интеграции между странами на Евразийском континенте и в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Список источников и литературы

1. Баргузинска правда. – 2015. – 01 дек.
2. Внутренняя Монголия принимает меры в целях повышения уровня торгово-экономического взаимодействия с Монголией [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31518/7582300.html> (дата обращения: 27.06.2016).
3. Внутренняя Монголия принимает меры в целях повышения уровня торгово-экономического взаимодействия с Монголией [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31518/7582300.html> (дата обращения: 27.06.2016).
4. Жэньминь Жибао. – 2015. – 16 мая.
5. Монголия сегодня. – 2015. – 04 окт.
6. Россия, Монголия и КНР создают экономический коридор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vestifinance.ru/articles/72211> (дата обращения: 27.06.2016).
7. Соглашение об экономическом партнёрстве с Японией вступило в силу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.montsame.mn/политика/соглашение-об-экономическом-партнёрстве-с-японией-вступило-в-силу> (дата обращения: 07.06.2016).
8. Состоялся визит спикера парламента Монголии З. Энхболда в РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.vom.mn/i/11537> (дата обращения: 25.02.2016).
9. Засгийн газрын мэдээ. – 2016. – 24 июня.
10. Өдрийн сонин. – 2016. – 25 июня.
11. ЭЗ-ийн ил тод байдлын хуулиар 34.7 их наяд төгрөгийн хөрөнгө, орлого ил болжээ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zaluu.com/read/401d828a> (дата обращения: 25.02.2016).
12. «Эрдэнэс Таван Толгой» ХК-ийн хувьцааг худалдсан мөнгийг эргэлдүүлэх боломж [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://golomtsecurities.com> (дата обращения: 07.06.2016).

УДК 008(470+571:517.3)
ББК Ч104.5(2Рос:5Мон)

Загдаа Алтанхуяг,
представитель Национальной
торгово-промышленной палаты Монголии,
г. Чита, Россия

Культурное сотрудничество России и Монголии

В статье анализируется двустороннее сотрудничество России и Монголии в области культуры в XXI в. Автор уделяет внимание правовым основам современных российско-монгольских культурных связей.

Ключевые слова: Россия, Монголия, российско-монгольское культурное сотрудничество, двустороннее соглашение, образование, наука, язык.

Zagdaa Altanhuyag,
The Representative Of The National
The chamber of Commerce of Mongolia,
Chita, Russia

Cultural Cooperation Between Russia and Mongolia

In the article the author analyzes two-sided cultural cooperation between Russia and Mongol in the 21st century and draws attention to the legal foundations of modern cultural relations between Russia and Mongolia.

Keywords: Russia, Mongolia, Russian-Mongolian cultural relations, bilateral agreements, education, science, language.

Сотрудничество в области культуры является интегральной частью международных отношений в целом. Они играют важную роль в междоцивилизационном диалоге наций, способствуют взаимному обогащению национальных культур, формированию взаимопонимания и взаимного доверия между народами. Культурное взаимодействие – действенный фактор сближения разных стран и народов.

Россия и Монголия – два географически и исторически взаимосвязанных государства. Много веков подряд их отношения не ограничиваются только областями политики и экономики, они простираются шире, выходят на цивилизационный уровень, демонстрируют культурное взаимное тяготение наших народов.

Россию и Монголию издавна связывает культурное сотрудничество в самых различных областях. Но следует заметить, что Россия оказывала на Монголию более широкое воздействие, как влияет страна крупномасштабная и развитая, на страну малую, ещё не преодолевшую отставание, особенно в области экономики [11].

Обе страны вступили в XXI в., имея за плечами огромный исторический опыт до-

брососедства и сотрудничества. Культурные связи занимают в нём одно из главных мест. Предпосылки дальнейшего развития и углубления культурного сотрудничества весьма обширны и разнообразны. Монгольская культура сама по себе уникальна, как любая культура других народов.

С установлением официальных политических отношений между Россией и Монголией в ноябре 1921 г. начинается история культурного сотрудничества двух стран с новой государственностью.

В известном соглашении 1921 г. об установлении дружеских отношений между Россией и Монголией (ст. 11) отмечалось, что между Россией и Монголией завязываются не только экономические, но и культурные взаимоотношения и что «по сему предмету будет возможно в скором времени заключено специальное соглашение» [9].

Культурное направление в сотрудничестве новой России и Монголии с самого начала заняло одно из главных мест. Это было обусловлено необходимостью поднятия культурного уровня населения, в первую очередь, ликвидации неграмотности. Поэтому вопрос о развитии культуры и образования в стране

был поднят на государственный уровень, что нашло широкое отражение в официальных партийных и правительственных документах. Но без внешней помощи малая страна с отсталой экономикой не могла бы в сжатые сроки решить культурные базовые проблемы – ликвидацию неграмотности, развитие образования и науки.

В 1940 г. X Съезд МНРП и VIII Великий народный хурал подвели итоги культурных преобразований за годы после революции и выдвинули развёрнутую программу культурного строительства в МНР. Этим временем датируется переход Монголии к решению задач социалистического строительства, в том числе – к формированию нового уровня социалистической культуры.

Советско-монгольские отношения к тому моменту окрепли, влияние страны советов на МНР стало полностью доминирующим. Поэтому развитие социалистической культуры в СССР начало всё сильнее воздействовать на характер культурного строительства в МНР.

Культурное сотрудничество между СССР и МНР было несколько ослаблено в период Великой Отечественной войны Советского союза против фашистской Германии и империалистической Японии. Но оно стало быстро компенсироваться ускоренным его развитием после окончания Второй мировой войны. Начавшийся после того довольно продолжительный период мирного развития в сфере культурного сотрудничества между СССР и МНР стал временем реализации многочисленных специальных соглашений и договорённостей, как по общегосударственной линии, так и межведомственной.

Подписание Договора о дружбе от 27.02.1946 г. сделало этот документ важным гарантом стабильности политической обстановки на Дальнем Востоке, обеспечило благоприятные условия для дальнейшего сотрудничества СССР и МНР по всем направлениям, включая сотрудничество в области культуры. Одновременно с новым Договором было подписано советско-монгольское Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве. Это соглашение имело большое значение для культурного строительства в МНР [14]. К моменту его подписания потребности Монголии в ускорении темпов культурного строительства определялись как достигнутыми к тому времени успехами, так и новыми, возросшими культурными запросами населения в связи с обретением полной

государственной независимости МНР. Значение советской помощи при этом продолжало увеличиваться. Основные направления культурного российско-монгольского сотрудничества на перспективу нашли определение в новом соглашении между правительствами двух государств.

19 декабря 1956 г. было подписано новое межправительственное Соглашение о культурном сотрудничестве между СССР и МНР. Оно дало новый импульс двустороннему сотрудничеству во многих отраслях науки и культуры, его реализация способствовала ускорению темпов культурного строительства в МНР. В соответствии с этим соглашением, сторонами разрабатывались годовые планы культурного и научного сотрудничества, в них предусматривались обмены в области культуры и искусства [10].

Большую роль в дальнейшем развитии культурного советско-монгольского сотрудничества сыграло заключение и реализация Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и МНР от 15 января 1966 г. Этот договор был полностью посвящён определению отношений СССР и МНР в области культуры. Статья 3-я гласила: «Высокие договаривающиеся стороны будут неуклонно развивать культурные связи между обеими странами путём дальнейшего расширения взаимного сотрудничества в области образования, здравоохранения, науки, литературы, искусства, печати, радио и телевидения, а также физической культуры и спорта» [1]. Фактически эта статья представляла собой целую программу развития культурных связей двух стран. Договор был первым крупным соглашением, в котором были подробно прописаны основные направления сотрудничества на длительную перспективу.

20 января 1993 г. во время государственного визита Президента Монголии П. Очирбата в РФ был подписан Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Монголией и Россией. В преамбуле к Договору было сказано, что его основой является Декларация о дружбе и добрососедском сотрудничестве между МНР и РСФСР, принятая 12 января 1991 г. Также была дана высокая оценка монголо-российскому соглашению от 05.11.1921 г. Договор 1993 г. заменял предыдущий Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1966 г. и был заключён на 20-летний период с правом автоматического продления на последующие пятилетние периоды.

Этот договор стал первым документом подобного рода, подписанным на уровне глав Монголии и России. Он стал базовым, регламентирующим отношения между нашими странами в новый период.

Особенностью культурных связей России и Монголии в 1990-е гг. и в начале 2000-х гг. явился более широкий их региональный аспект, особенно чётко обозначившийся в сфере приграничного сотрудничества. Пункт о культурном сотрудничестве стал систематически включаться в тексты соглашений, заключаемых между администрациями российских и монгольских регионов. Такой пункт содержится, например, в соглашении между администрациями Читинской области и Хэнтийского и Восточного аймаков Монголии о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве, утверждённом Правительством РФ 11 сентября 2001 г. Активно развивают связи с Монголией в области различных отраслей культуры и другие российские регионы – Республика Бурятия, Иркутская область, Республика Тыва, Алтайский и Забайкальский край.

К тому же в России стали уделять всё больше внимания этой форме взаимодействия с зарубежными странами в целом, включая и Монголию. 8 апреля 1994 г. Правительство РФ приняло Постановление «Об образовании Российского центра международного научного и культурного сотрудничества», функции которого постоянно совершенствуются. 5 февраля 2002 г. вышел Указ Президента РФ «О Российском центре международного и культурного сотрудничества при Министерстве иностранных дел РФ». На его основании 23 июля 2002 г. Российское правительство утвердило положение об этом центре. Создание такого органа в принципе облегчает организацию культурного сотрудничества России с другими странами.

Большую работу ведёт Российское общество друзей Монголии, пришедшее в ноябре 1992 г. на смену обществу советско-монгольской дружбы.

Основной задачей нового общества по-прежнему остаётся содействие укреплению взаимопонимания, доверия, дружеских связей и всестороннего сотрудничества между народами России и Монголии, ознакомление общественности обеих стран с их историей, культурой и традициями. В Монголии основными партнёрами данной организации являются Общество дружбы «Монголия –

Россия», Федерация монгольских организаций мира и дружбы, а также Союз монгольских обществ дружбы со странами СНГ.

В настоящее время характер и направления российско-монгольского сотрудничества в сфере культуры, науки, образования в огромной степени зависят от сущности и тенденций культурного строительства в Монголии и потребностей этой страны в сотрудничестве такого рода с Россией.

Перемены в экономической и социально-политических областях жизни монгольского общества существенно повлияли на культурное строительство в Монголии. Фактически в стране началось формирование новой культурной среды, заметными явлениями которой на сегодняшний день стали следующие черты:

- возрождение старых традиций монгольской культуры, поддерживающих идею монгольской самобытности и государственности, уважительное отношение к буддийской и к любым другим религиям, усиление внимания к национальным видам искусства;

- зарождение на национальной почве элементов демократической культуры, в частности, культуры межпарламентских отношений и культуры бизнеса;

- произошло сокращение возможностей России на бесплатной основе в широком масштабе готовить монгольские кадры, соответственно в Монголии стал падать интерес к изучению русского языка. Эти негативные явления препятствуют укреплению позиций России в этой соседней стране. В конце 1990-х гг. появились первые серьёзные признаки повышения роли РФ в культурной жизни новой Монголии.

Перемены в характере развития России и Монголии способствовали очищению культурного сотрудничества от идеологических наслоений. Культурные связи с Российской Федерацией в рассмотренных новых условиях начинают трансформироваться. По форме многие из них сохраняют традиционный характер, но условия их реализации меняются, приобретают коммерческую форму. Масштабы культурных контактов заметно сузились, хотя в последние годы некоторое оживление в этой области становится всё заметнее.

Формирование новой культурной среды в России и Монголии означало появление новых требований, предъявляемых к сотрудничеству в области культуры. Отметим их в первую очередь:

– переход на коммерческие основы сотрудничества;

– сохранение в немалых масштабах спонсорства России в отношении Монголии; Россия продолжает оказывать поддержку в области культуры, особенно в подготовке квалифицированных кадров;

– поддержка старых, хорошо зарекомендовавших себя прежде форм культурного сотрудничества – проведение общих широко-масштабных культурных мероприятий, обмен делегациями творческих работников и т. п.

Таким образом, сотрудничающие стороны обоюдно стремятся к сохранению уже накопленного потенциала культурного взаимодействия и учёту изменений во внутренней и внешней политике России и Монголии.

Правовые основы двусторонних отношений в гуманитарной сфере были заложены подписанием 5 апреля 1995 г. Соглашения о культурном и научном сотрудничестве между Правительствами России и Монголии и затем дополнены межправительственной программой 2003 г., соответствующими положениями Уланбаторской и Московской деклараций 2000 и 2006 гг. и Декларации о развитии стратегического партнёрства 2009 г. [8; 15].

20 апреля 2015 года заместитель министра культуры РФ и заместитель министра образования, культуры и науки Монголии подписали Программу сотрудничества между Министерством культуры РФ и Министерством образования, культуры и науки Монголии на 2015–2017 гг., что предусматривает проведение обменных мероприятий, национальных Дней культуры и Недель кино, способствует содействию развитию сотрудничества в области музыкального, театрального, танцевального, в том числе балетного искусства [7].

Согласно вышеперечисленным документам, Россия и Монголия развивают сотрудничество в области культуры, науки, образования, спорта, туризма, издательского дела и прессы, радио и телевидения, кинематографии на принципах взаимного уважения и паритетности.

Сотрудничество в области науки. В 1992 г. создана российско-монгольская межправительственная комиссия по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, которая разрабатывает и принимает программы научно-технического сотрудничества между Россией и Монголией. Их содержание ежегодно корректируется

и уточняется. Заседания проходят поочередно в России и Монголии. В ноябре 2015 г. в городе Чите состоялось XIX заседание этой комиссии, на котором стороны отметили повышение эффективности двустороннего сотрудничества. Это будет способствовать реализации программы российско-монгольского сотрудничества в области культуры, науки и образования на 2012–2015 гг. [4].

Сотрудничество между Академией наук Монголии и Российской академией наук основывается на традициях и конкретных совместных исследованиях. В 2001 г. академии подписали соглашение о двустороннем научном сотрудничестве. Стороны договорились о том, что будут содействовать организации совместных исследований по научным направлениям и проблемам, представляющим взаимный интерес в области естественных, технических, гуманитарных и общественных наук [2]. В 2010 г. Российская академия наук и Академия наук Монголии, «выражая стремление осуществлять научное сотрудничество между академиями на долгосрочной основе, руководствуясь соответствующими международными соглашениями», подписали Протокол о научном сотрудничестве на 2011–2015 гг. В приложении к подписанному протоколу обозначены 84 темы для совместных исследований по самым различным направлениям [5].

Сотрудничество институтов и других научных подразделений академий в этой сфере реализуется в следующих формах: осуществление научно-исследовательских и технологических проектов, в том числе силами совместных коллективов, содействие созданию государственных и частных структур для развития научно-технического сотрудничества, внедрению его результатов, обмен учёными и специалистами, проведение совместных семинаров, конференций, симпозиумов и научно-технических выставок.

Происходит сотрудничество монгольских учёных с коллегами из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска и других научных центров. В начале нового столетия вышли из печати совместные работы историков России и Монголии, ставшие результатом их многолетнего труда: «Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке», «Россия и Монголия на пути стратегического партнёрства», большой монгольско-русский академический словарь в 4 томах, сборник статей «Вторая мировая война и Монголия» и др.

К одному из ведущих направлений в научном сотрудничестве между Россией и Монголией можно отнести исследования в архивной области. Знакомство и изучение исторических документов в России и Монголии позволяют лучше узнать культурные традиции народов, населяющих эти страны, служат двустороннему укреплению дружбы и сотрудничества. Начало активному взаимодействию архивных служб двух стран было положено в 1992 г., когда Россия и Монголия начали пересматривать и переоценивать всю историю монголо-советских отношений и формировать новые договорно-правовые основы двустороннего сотрудничества.

Взаимодействие в сфере образования по-прежнему занимает ведущее место в сфере гуманитарного сотрудничества между Россией и Монголией. Одной из его главных составляющих, имеющих серьёзное значение для Монголии, является подготовка специалистов различных отраслей в вузах России. В нынешних условиях правовой основой в сфере образования служит межправительственное соглашение о сотрудничестве в области образования, культуры и науки, заключённое 05.04.1995 г., в соответствии с которым постоянно увеличивается число монгольских студентов, обучающихся в России. С 1994 г. в России по квоте Российского правительства учились и повышали квалификацию 15 студентов, 5 аспирантов, более 10 специалистов в различных областях из Монголии. В 2016–2017 учебном году данная квота была повышена до 376 чел. [6].

Новой, перспективной формой монголо-российского сотрудничества в области высшего образования в последние годы стало открытие филиалов ведущих московских и региональных российских вузов в Улан-Баторе и других городах Монголии. В настоящее время в Монголии действуют филиалы пяти российских вузов: Улаанбаатарский и Сүхбаатарский филиалы Восточно-Сибирского государственного технологического университета, филиал Бурятского государственного университета, филиал Российской экономической академии им. Г. В. Плеханова, филиал Иркутского государственного университета путей сообщения. Основными задачами филиалов являются развитие международного сотрудничества между РФ и Монголией в сфере культуры, науки и образования, удовлетворение образовательных потребностей монгольского населения.

По-новому организуется совместная работа в школьном образовании. Россия и Монголия в сфере общего образования продолжают сотрудничество по совершенствованию деятельности совместной монголо-российской школы в Улаанбаатаре, развиваются партнерские связи со школами, ведущими обучение на русском языке в городах: Улан-Батор, Дархан, Эрдэнэт. Намечено содействие обмену опытом организации частных образовательных учреждений различного уровня и сотрудничеству между государственными и муниципальными образовательными учреждениями [3].

В 1990-х гг. в Улан-Баторе открылись частные школы с преподаванием на русском языке: «Эрин», «Мечта», «Орлёнок», «Искра», «Русская гимназия», «Галакси», «Ромашка», «Кириллица», «Эрэл» и др. Изучение русского языка в Монголии. Важным направлением сотрудничества в сфере образования остаётся изучение русского языка. До 1990-х гг. русский язык был обязательным предметом школьного образования и заложил основы фундаментальной, инженерно-технической, гуманитарной и других наук в Монголии.

В 2006 г. Министерство образования, культуры и науки Монголии приняло постановление о том, что с 2006–2007 учебного года во всех средних школах, начиная с 7 класса, русский язык будет изучаться в качестве второго обязательного иностранного языка после английского.

В настоящее время русский язык изучают:

- в монгольских общеобразовательных средних школах, где традиционно имеется самый большой контингент школьников, изучающих русский язык;
- в монголо-российских средних школах Улан-Батора, где все предметы ведутся на русском языке в полном соответствии со стандартами российских средних школьных программ;
- в некоторых средних школах с углублённым изучением русского языка;
- в частных школах с обучением на русском языке [12].

В Забайкальском крае обучается более 30 студентов из соседних аймаков Монголии. В 2016 г. Правительство Забайкальского края приняло распоряжение, согласно которому краевым министерствам образования, культуры, международного сотрудничества и внешнеэкономических связей обеспечило организацию приёма на обучение в государственных учреждениях 10 абитуриентов из Хэнтийского и Восточного аймаков [13].

В течение многих лет город Чита является местом проведения международных фестивалей, конкурсов и других мероприятий, формирующих дополнительные возможности для культурного взаимообогащения, укрепления творческих и общественных контактов между регионами, в которых неизменно активное участие принимают гости из Монголии, в том числе детские коллективы.

Правительством Забайкальского края оказывается поддержка клубу любителей русского языка «Матрёшка», созданному на базе технико-технологического колледжа г. Чойбалсан Восточного аймака Монголии, который занимается популяризацией русского языка и культуры. В ноябре 2015 года состоялось открытие филиала «Матрёшка» в г. Чингис Хэнтийского аймака Монголии под названием «Катюша» [16].

Изучение языка – способ познания массива культуры и отсюда к этому огромный интерес. Важную роль в развитии российско-монгольских культурных связей играет деятельность двусторонних подкомиссий по сотрудничеству в области культуры, науки и образования. По нашему мнению, есть основания считать, что их тесное взаимодействие приведёт к ещё большей координации, углублению и расширению двусторонних контактов в гуманитарной сфере. А это будет стимулировать дальнейшее формирование общественной базы стратегического партнёрства и развития российско-монгольских отношений в целом.

Таким образом, перспективы сотрудничества в культурной сфере – важная составляющая российско-монгольских отношений партнёрства и стратегического взаимодействия.

Список источников и литературы

1. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой: 15 янв. 1966 г. // Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы: в 2 т. Т. 2. – М.: Улан-Батор, 1976. – С. 3.
2. Заключённые РАН соглашения о международном сотрудничестве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ras.ru/about/cooperation/intagreements.aspx> (дата обращения: 19.06.2016).
3. Нямдолжин А. Образование как сфера интенсификации сотрудничества // Россия и Монголия на пути стратегического партнёрства. – М.: Улан-Батор, 2011. – С. 281.
4. О сотрудничестве в гуманитарной области: протокол XVI Заседания Российско-Монгольской межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. – Улан-Батор, 2012. – С. 13.
5. Протокол о научном сотрудничестве между Российской академией наук и Академией наук Монголии на 2011–2015 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ras.ru/presidium> (дата обращения: 19.06.2016).
6. Российский центр науки и культуры. Монголия (Улан-Батор) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mng.rs.gov.ru> (дата обращения: 19.06.2016).
7. Россия расширяет культурные связи с Монголией [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mkrf.ru/press-center/news/ministerstvo/rossiya-rasshiryayet-kulturnye-svyazi-s-mongoliey> (дата обращения: 19.06.2016).
8. Совместное российско-монгольское коммюнике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.Kremlin.ru> 08.12.2006; <http://www.midru> 14.04.2008 (дата обращения: 19.06.2016).
9. Соглашение между Правительством Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и Народным правительством Монголии об установлении дружеских отношений между Россией и Монголией // Советско-монгольские отношения. 1921–1974. 1921–1940. – М.: Улан-Батор, 1975. – Т. 1. – С. 61.
10. Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Монгольской Народной Республики // Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы материалы. – М.: Улан-Батор, 1976. – Т. 2. – Ч. 1. – С. 136.
11. Цивилизационный аспект взаимоотношений между Россией и Монголией практически впервые подвергся широкому обсуждению на международной научной конференции в Звенигороде (РФ) в июне 2001 г. по теме «Россия и Монголия в свете диалога евразийских цивилизаций».
12. Энхтайван Г. М. Вклад общеобразовательных русскоязычных школ в изучение и распространение русского языка и пропаганду российской культуры в Монголии // Монголо-российское сотрудничество в образовательной сфере: материалы «круглого стола» (Улан-Батор, 9 дек. 2012 г.). – Улан-Батор, 2012.
13. ARD [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://asiarussia.ru> (дата обращения: 19.06.2016).
14. Монгол Улс, Оросын Холбоны Улсын найрсаг харилцаа, хамтын ажиллагааны тухай гэрээ // Монгол-Оросын харилцаа баримт бичгүүд. 1991–2004. – Т. 24–28.
15. Улаанбаатарын тунхаглал = Улан-Баторская декларация // Засгийн газрын мэдээ = Правительственный вестн. – Улан-Батор. – 2000. – № 212.
16. Zabinfo.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zabinfo.ru/> (дата обращения: 19.06.2016).

УДК 008:39
ББК Ч1:Т521(=64)-7

*Алтанхуяг Баярсайхан,
Загдаа Алтанхуяг,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Международный фестиваль «Алтаргана» как феномен духовной культуры бурят-монголов

В статье идёт речь о роли международного праздника «Алтаргана» в сохранении и развитии традиционных культурных ценностей идентичности бурят, проживающих в субъектах России, Монголии и Китая.

Ключевые слова: традиционная культура, культурная политика, национальный праздник, спорт, духовность, идентичность.

*Altanhuyag Bayarsaihan,
Zagdaa Altanhuyag,
Transbaikal State University,
Chita, Russia*

International Festival “Altargana” as a Phenomenon of Spiritual Culture of the Buryat-Mongols

The article is devoted to the role of the festival “Altargana” in the preservation and development of traditional cultural values and identity of Buryats, settled in regions of Russia, Mongolia and China.

Keywords: traditional culture, cultural politics, national festival, sport, spirituality, identity.

Праздник – одна из наиболее устойчивых форм духовной культуры. Во время праздника осуществляется связь не только живущих поколений, но и существовавших на протяжении всей истории народа. Праздник служит мощным импульсом для развития разного рода художественного творчества, поскольку он побуждает людей к активному участию в оформлении праздника, к изготовлению специальной утвари и костюмов, созданию музыки, песен и танцев, чтобы сделать его пышным и красочным. Праздник содействует познанию истории и культуры страны, развивает художественный вкус, любовь к природе, способствует воспитанию в духе уважения истории народа и её традиций, ведёт к сплочению каждой семьи, отдельных коллективов, всей нации [2].

Определённую роль в сохранении, трансформации традиционной культуры бурят-монголов играет возрождение таких национальных праздников, как «Алтаргана». «Международный фестиваль “Алтаргана” зародился в монгольской глубинке в начале 90-х гг. XX в. Это было время, когда в Мон-

голии, как и в России, начались демократические процессы, обусловившие рост национального самосознания и возрождение бурятской культуры, языка, традиций... Фестиваль «Алтаргана» первоначально был задуман как песенный конкурс, но вскоре стал настолько популярным, что перешагнул границы государства и стал международным всебурятским праздником», – рассказывает Э. Болотова на страницах альманаха «Созвездие дружбы» (2006, № 2).

Идея провести бурятский фестиваль родилась в Монголии. Инициатором и организатором первого такого фестиваля, главной целью которого было культурное единение бурят Монголии стала художественный руководитель ансамбля «Хан Хэнтэй» Б. Мунхжаргал. Она обратилась к Губернатору аймака А. Балдандоржу с идеей провести песенный праздник бурят в Дадал сомоне Хэнтэйского аймака. Название фестиваля придумали жители Дадал сомона. Масштабный фестиваль бурят всего мира получил своё название от бурятского названия степного кустарника семейства бобовых – «караганы

карликовой». Алтаргана (от бур. алтан – «золото», рус. золотарник) – невзрачное, скромное растение с мелкими листочками и жёлтыми цветами, получило своё имя благодаря золотистому цвету своей коры. Мощная корневая система позволяет ему закрепляться на каменистых и щебнистых склонах гор, в каменистых пустынях и песчаных степях. Ареал распространения алтарганы в основном совпадает с историческими границами проживания бурят – от Байкала до пустыни Гоби. По мнению организаторов фестиваля, это удивительно живучее растение, и её корни символизируют неразрывную связь бурят с родной землей, своей историей, культурой и традициями [4].

История праздника «Алтаргана» насчитывает более 22 лет. Безусловно, за этот период произошла определённая эволюция содержания и смысла фестиваля, но при этом, на наш взгляд, сохранились базовые формальные характеристики – периодичность и «кочевой» характер: раз в два года в определённое время определённое место становится центром притяжения всех, кто связывает себя с бурятской этнической общностью, бурятской землёй, историей и культурой [5].

Первые праздники «Алтаргана» как проявление осознания этнической самообытности населения бурятского этнического анклава в Монголии были ориентированы на локальную этнокультурную традицию (в основном было задействовано бурятское население Хэнтийского и Дорнодского аймаков).

С 1994 г. буряты в разных странах мирах в Монголии, России, Китае, Австралии, США, Европе раз в два года собираются на свой этнический фестиваль, преодолевая свою «расселённость по миру», утверждая себе в качестве естественного «моста» в отношениях между странами, в которых живут буряты. В первую очередь, это касается России, Монголии и Китая.

Первые четыре фестиваля «Алтаргана» проходили с 1994 по 2000 гг. в разных аймаках Монголии как праздники бурятской песни. Так, буряты в Монголии, численность которых там составляет до 80 тыс. чел., перестали стесняться и скрывать свою этническую принадлежность. Одним из инициаторов фестиваля был народный артист Монголии Д. Жаргалсайхан, бурят по национальности. Вот как проходили фестивали:

I фестиваль «Алтаргана-1994» – Дадал сомон, Хэнтийский аймак (Монголия).

II фестиваль «Алтаргана-1996» – Биндэр сомон, Хэнтийский аймак (Монголия). Приняло участие всего 90 чел. Здесь впервые заявили о себе представители Агинского Бурятского автономного округа, руководителем делегации был начальник управления культуры Р. Ц. Цыдендоржиев.

III фестиваль «Алтаргана-1998» – Батширээт сомон, Хэнтийский аймак (Монголия). В культурной программе конкурса активное участие принял детский ансамбль Агинской средней школы № 1 «Залуу наһан». По предложению народного артиста Монголии Д. Жаргалсайхана следующий фестиваль было решено провести в 2000 г. на его малой родине.

IV фестиваль «Алтаргана-2000» – Дашбалбар сомон, Восточный аймак (Монголия). Открытие фестиваля началось с торжественного выхода 11 родов хоринских бурят. Впервые состоялись спортивные соревнования: конные скачки, в которых участвовали более ста скакунов, соревнования по бурятской (монгольской) национальной борьбе (128 борцов). В песенном конкурсе участвовало около 200 артистов. На фестиваль приехали помериться силой, талантом, мастерством жители нескольких сомонов и аймаков Монголии – Баян-Уул, Биндэр, Цагаан-Овоо и Дадал.

Следующие семь раз фестиваль «Алтаргана» проходил в ранге международного. Впервые он вышел за пределы Монголии и бурятской диаспоры в 2002 г. С тех пор эстафету бурятского фестиваля передают друг другу главы трех регионов России (Бурятия, Забайкальский край, Иркутская область) и Монголии, а в качестве участников фестиваля выступают также представители нескольких аймаков Внутренней Монголии КНР, бурятских диаспор в разных странах мира.

V Международный фестиваль «Алтаргана-2002» – Агинский Бурятский автономный округ (АБАО, Российская Федерация). В пятом фестивале «Алтаргана» впервые приняли участие представители трёх бурятских субъектов РФ (Бурятия, Усть-Ордынский и Агинский Бурятский автономные округа), Монголии, Китая, а также буряты, проживающие в Иркутской, Читинской областях, в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске и других городах России.

«Алтаргана» – это возвращение к истокам, дань памяти предков, уважение к старшим, знание родословной, – сказал тогда в своем обращении к жителям округа Баир

Жамсуев, глава АБАО, – пусть сияние вершин Алханая, аромат целительного воздуха, сила легендарной реки Онон и чистейших родников, а главное, гостеприимство агинцев вдохновляют каждого участника и гостя на удачу». В нём приняли участие представители Монголии, Китая, бурятских субъектов Российской Федерации – Бурятии, Усть-Орды, Аги, бурятских землячеств из других регионов России. Фестиваль приобретает международный статус и способствует развитию не только культурных связей, но и экономического сотрудничества между странами и регионами.

VI Международный фестиваль «Алтаргана-2004» – город Чойбалсан, Дорнод аймак (Монголия). На этом фестивале спортивные состязания (по национальной борьбе, стрельбе из лука и скачкам) приобрели ярко выраженный соревновательный накал. Для обеспечения участников и судей фестиваля спортивным национальным инвентарём и экипировкой были приобретены монгольские луки, шуудак (широкие плавки), дополнительно заказаны бурятские луки, сшита национальная одежда для судей и наездников, изготовлены суры (мишени). В национальной борьбе тогда первенствовали хозяева фестиваля, а среди мэргэнов победу праздновали стрелки из лука Могойтуйского района Агинского Бурятского округа.

VII Международный фестиваль «Алтаргана-2006» – Улан-Удэ, Республика Бурятия (Российская Федерация). В фестивале приняли участие 2 500 участников и 6 000 гостей фестиваля, организатором фестиваля выступило Правительство Бурятии.

На центральном стадионе г. Улан-Удэ состоялась церемония открытия фестиваля. Праздник открыл приветственным словом Президент Республики Бурятия Леонид Потапов, который выразил уверенность в том, что фестиваль сыграет большую роль в развитии бурятского этноса, его межрегионального и международного сотрудничества. К стадиону подошли колонны одетых в национальные костюмы участников из районов республики, Агинского и Усть-Ордынского автономных округов с шарами и флагами. Далее прошли шэнэхэнские буряты из Внутренней Монголии (КНР), колонны представителей 12 аймаков Монголии. Все гости из соседних стран также были в национальной одежде. Такое всебурятское шествие впервые имело место в истории нашего народа. Оно символизировало многообразие, многогранность и глубину луч-

ших культурных традиций народа, уходящих своими корнями в далёкое прошлое и пронесённых через все вековые испытания [7].

VIII Международный фестиваль «Алтаргана-2008» – Иркутск, Иркутская область (Российская Федерация). Среди участников фестиваля, который проходил под эгидой губернатора Иркутской области Александра Тишанина, были представители пяти субъектов РФ, Монголии, Китая, бурятских диаспор городов России, стран СНГ, Кореи, Японии, США, Канады, Франции и Австралии. Кроме Иркутска фестиваль «Алтаргана» прошёл в пос. Усть-Ордынский, городах Ангарске, Шелехове, Иркутском и Ольхонском районах Иркутской области.

В 2008 г. прошёл большой праздник открытия Алтарганы. Крупные фестивальные мероприятия состоялись в центре округа – Усть-Орде, на стадионах городов Ангарска и Шелехова. Делегация Республики Бурятия включала руководящих работников, большие группы деятелей культуры и спорта. В Иркутск прибыли делегации Читинской области и Агинского автономного округа. Количество гостей составило 2,5 тыс. чел.

Население Иркутской области и Усть-Ордынского автономного округа впервые видело такую массовую демонстрацию бурятской народной культуры, включавшую конкурсы по 16 номинациям, и национальных видов спорта [1]. Основное внимание уделялось культурной составляющей фестиваля – песенному (народной и современной песни), поэтическому и фольклорному конкурсам улигершинов, бурятской юрты, бурятского костюма, конкурсу красавиц.

IX Международный фестиваль «Алтаргана-2010» был проведён в городе Улан-Батор. Впервые бурятский фестиваль приобрёл в Монголии общегосударственный статус и прошёл под эгидой Правительства Монголии в столице страны. В творческих и спортивных соревнованиях приняли участие более 3 000 тыс. чел., за результатами которых следили десятки тысяч зрителей. Здесь проявили себя представители Забайкальского края, Республики Бурятия, Иркутской области, нескольких аймаков Монголии, и Внутренней Монголии (КНР). В состав делегации Забайкальского края вошли 300 чел., из них 190 чел. Участники культурной программы и 90 чел. – спортсмены, остальные – члены официальной делегации края. По итогам пятнадцати культурно-спортивных конкурсов фестиваля «Алтаргана-2010» забайкальцы

завоевали пять Гран-при, 11 золотых, четыре серебряных и две бронзовых награды. На «Алтаргана-2010» особенно обострилось противоречие между идеей единения всех бурят и соревновательным характером творческих и спортивных конкурсов. С другой стороны, именно благодаря состязательности фестиваль приобрёл в Монголии широкую популярность, а его участники значительно повысили свой статус.

X Международный фестиваль «Алтаргана-2012» вновь прошёл на агинской земле (Российская Федерация). После красочного и эмоционального торжественного парада-шествия с приветствием к гостям и участникам фестиваля обратился Губернатор Забайкальского края Равиль Гениатулин, отметивший, что «фестиваль имеет глубочайший изначальный смысл. Это пропаганда истории, культуры, быта, героического прошлого бурятского народа» и объявил фестиваль открытым.

Трудно передать словами потрясающую атмосферу добра и сердечности, дружбы и братства, молодости и красоты, сплочённости и гордости, которые царили на стадионе [3].

Хозяева фестиваля из Агинского Бурятского округа впервые выставили три команды – Агинского, Могойтуйского и Дульдургинского районов. Они и выиграли общекомандное первенство, взяв 7 Гран-при, а также 15 золотых, 15 серебряных и 8 бронзовых медалей в творческих и спортивных состязаниях. Бурятия завоевала лишь один Гран-при (конкурс модельеров), 11 золотых, 7 серебряных и 8 бронзовых медалей. Делегация Монголии выиграла в общей сложности 13 медалей, из них 3 золотых. Десятый фестиваль показал пик интереса к состязательной части этого международного праздника.

Надо подчеркнуть, что представители Агинского Бурятского округа добились на соревнованиях высоких результатов, установили рекорды в спортивных состязаниях. Международный бурятский национальный фестиваль таким образом приобрёл большое значение, имел широкий резонанс.

XI Международный фестиваль «Алтаргана-2014» – Дадал сомон, Хэнтийский аймак (Монголия). В седьмой раз «Алтаргана» прошла на территории Монголии, в том же Дадал сомоне, где зародился самый первый фестиваль.

Праздник состоялся под патронатом премьер-министра Монголии Норовын Ал-

танхуяга. Победителями вновь стали представители Агинского Бурятского округа. Они приехали на фестиваль во главе с губернатором Забайкальского края Константином Ильковским, который поздравил делегации и участников на монгольской земле XI Фестиваля «Алтаргана», имеющего многолетние традиции и ставшего поистине международным праздником, и сказал в приветствии следующее: «В основе фестиваля – идея единения, солидарности людей, бережного отношения к корням и почитания предков. Его философия строится на возрождении и очищении ментального образа современного человека. Это вечные ценности, приобретающие в складывающихся в мире политических реалиях особенную важность и значение».

XII Международный фестиваль «Алтаргана-2016» успешно прошёл в г. Улан-Удэ с 1 по 3 июля (Российская Федерация). Праздник стал ярким и незабываемым событием. В «Положении о международном бурятском национальном фестивале “Алтаргана-2016”» подчёркивалось, что главной целью праздника является всемерное содействие процессу возрождения, сохранения и трансляции традиционной культуры и национальных видов спорта бурятского этноса, показ лучших достижений в искусстве, литературе, кино, спорте и в целом в социально-экономическом развитии». Участниками фестиваля являются делегации районов Республики Бурятия, Агинского и Усть-Ордынского бурятских округов, Иркутской области, Забайкальского края, Монголии и Китая, бурятские диаспоры РФ, ближнего и дальнего зарубежья.

Глава Забайкальского края Наталья Жданова направила приветствие участникам и гостям XII Международного фестиваля «Алтаргана-2016»: «Фестиваль зарождался в 1994 г. в Хэнтийском аймаке Монголии. Его цель – сохранение и развитие бурятского языка, традиций и культуры. “Алтаргана” является праздником мира, дружбы и добра, единения всех бурят, добрососедских отношений различных национальностей, которые проживают в нашем регионе. В фестивале принимает участие и большая команда забайкальцев, в основном из Агинского Бурятского округа. В составе этого коллектива артисты, журналисты, спортсмены, ветераны труда, герой труда РФ Далай Гунгаев – всего более 600 чел. Проведением международного всебурятского фестиваля такого уровня, здесь, в Байкальском регионе, мы доказываем, что залог мирной и счастливой жизни –

это добрососедские отношения, взаимное уважение друг к другу и совместная работа во имя благих целей».

Наталья Жданова пожелала всем участникам фестиваля «Алтаргана» успехов, творчества, побед, ярких впечатлений и дружбы на все времена.

Успех «Алтаргана» был во многом связан с тем, что при формулировке его концепции смогли избежать присущей идеологии многих этнорегиональных элит попытки сведения этнической культуры к единому образцу, что в свою очередь позволило представить вариативность развития бурятских традиций в различных природно-географических, социально-политических, социокультурных контекстах, показать специфику локальных бурятских миров.

Один из признанных лидеров бурятского национального движения Ц. Б. Баяртуев, будучи Президентом Всебурятской ассоци-

ации развития культуры, подчеркнул: «Этот праздник имеет свою философию – философия эта строится на возрождении, на определении ментального образа современного человека, цель заключается и в том, что на данном этапе мы должны оглянуться в прошлое, чтоб понять настоящее и заглянуть в будущее».

Дальнейшее проведение фестиваля «Алтаргана» приведёт также и к обмену опытом развития экономики и государственности бурятского народа совместно с народами соседних стран. Таким образом, «Алтаргана» прочно утвердилась как международный праздник бурят-монголов в области культуры и спорта. Сложилась концепция фестиваля, что привлекает к его проведению родственные народы мира, углубляя и расширяя их общие цели и задачи в сохранении национальной идентичности и духовной культуры.

Список источников и литературы

1. «Алтаргана» – символ единения Краткий экскурс в историю Всебурятского праздника [Электронный ресурс] // Агинская правда. – Режим доступа: http://www.aginsk-pravda.ru/news/altargana_simvol_edinenija/2016-05-20-4593 (дата обращения: 15.06.2016).
2. Достижения национальной культуры Республики Бурятия / сост. Л. В. Сахаровская. – Улан-Удэ: Респ. тип., 2007. – С. 50.
3. Константин Ильковский примет участие в фестивале «Алтаргана» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zabinfo.ru/116990> (дата обращения: 15.06.2016).
4. Летопись Алтаргана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.slideshare.net/AlexandrAsargaev/ss-53305218> (дата обращения: 15.06.2016).
5. Манжуев Г. Н. Иркутск готовится к приёму гостей // Вершины. – 2008. – № 1. – С. 3–5.
6. Положение о международном бурятском национальном фестивале «Алтаргана-2016» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.байкалфолк.рф> (дата обращения: 15.06.2016).
7. Санжиева Е. Г. Роль праздника в культурном развитии монгольязычных народов // Вестн. Бурят. ун-та. – 2010. – № 7. – С. 71–72.

УДК 355.01:321
ББК Ц01:Ф031

*Евгений Валерианович Суслов,
Марийский государственный университет,
г. Йошкар-Ола, Россия*

Гибридные войны как производное от межгосударственных конфликтов гибридных политических режимов

Написание предлагаемой статьи вызвано необходимостью, во-первых, выявления сущности гибридных войн как явления, ставшего индикатором вторжения глобализационных процессов в структуры современных войн и военных конфликтов. Во-вторых, определения, насколько подвержены гибридизации существующие политические режимы. В-третьих, установления роли военного (милитаристского) компонента в функционировании гибридных политических режимов. В-четвёртых, выяснения возможности блокировки смещения авторитарных режимов в направлении приобретения гибрид-

ных характеристик. Результатом работы автора статьи стал вывод о том, что развёртывание гибридных войн – это не только следствие столкновения межгосударственных интересов гибридных политических режимов, хотя эта гипотеза в значительной степени получила подтверждение. Это и результат ускорения хода глобализации, в которой определяющим наряду с применением военной силы становится использование широкого комплекса средств от современных информационных технологий до пренебрежения всех норм морали и нравственности, когда невозможно определить начало и окончание самой войны, статус её участников, побеждённого и победителя. Выяснилось, что гибридации в наибольшей степени подвержены авторитарные режимы, которые из соображений презентабельности стремятся заимствовать демократические формы, отказываясь от их внутренней сути. Важнейшим параметром авторитарных режимов, отражающим их гибридный характер, является военно-мобилизационный потенциал, используемый для решения международных проблем с позиций силы или угрозы их применения под видом защиты национальных интересов. Возможность противодействия приобретению авторитарными режимами гибридных характеристик существует и заключается в приведении гибридности в неустойчивое состояние, что обеспечивается вовлечённостью режима в международные экономические и политические структуры, а также количеством демократических институтов, имитирующих режим, но способных через определённое время стать аутентичными демократиями.

Ключевые слова: авторитарный и демократический политические режимы, гибридизация, военно-мобилизационный потенциал, мятеж-война.

*Eugeny V. Suslov,
Mari State University,
Yoshkar-Ola, Russia*

Hybrid Wars as Derived From Inter-State Conflicts of Hybrid Political Regimes

Writing the proposed article is caused by necessity, first, of identifying the essence of hybrid warfare as a phenomenon that has become an indicator of the invasion of globalization processes in the structure of modern wars and military conflicts. Second, determine how much existing political regimes are exposed by hybridization. Third, the establishment of the role of the military component in the functioning of hybrid political regimes. Fourth, to investigate the possibility of locking the displacement of authoritarian regimes in the direction of purchasing a hybrid characteristics. The result of the work of the author of the article was the conclusion that the deployment of hybrid wars is not only a result of the collision of intergovernmental interests of hybrid political regimes, although this hypothesis has been increasingly confirmed. This is the result of the acceleration temp of globalization, where defining in one row with using of military power utilization of the wide complex of tools becomes from modern information technology to the neglect of all norms of morality and ethics, when it is impossible to determine the beginning and the end of the war, the status of the participants, the loser and the winner. It was found that authoritarian regimes, which for reasons of presentability tend to adopt democratic forms, abandoning their inner essence, are the most vulnerable to hybridization. The most important parameter of authoritarian regimes, reflecting their hybrid nature, is the military mobilization potential, used to solve international problems by force of power or the threat of sanctions under the guise of protecting national interests. The possibility of impeding the acquisition hybrid characteristics of authoritarian regimes exists and consists in bringing hybridity in the unstable state, that provided involvement of the regime in international economic and political structures, as well as a number of democratic institutions, simulating the mode, but can over time become authentic democracies.

Keywords: authoritarian and democratic political regimes, hybridization, military mobilization potential, rebellion-war.

Оперируя понятиями «война» и «военный конфликт», исследователи редко когда связывают причины их начала с особенностями политического строя, сложившегося в стране, с теми пружинами внутренней политики, которые распрямляясь, обнаруживают свой внешнеполитический характер. Между тем немало войн в истории человечества начиналось из-за внутренних неурядиц в виде экономических и политических кризисов, для выхода из которых считалось приемлемым оказаться в состоянии войны с кем-либо из соседних государств. Это «веское» обстоятельство, во-первых, давало возможность во всех бедах обвинять «агрессивного» соседа, на обуздание которого и тратится львиная доля бюджета, во-вторых, позволяло сплотить нацию под угрозой часто мнимой внешней опасности вокруг национального лидера или единственной политической партии.

Войны, как никакое другое социально-политическое явление, отражают тесную связь между внешней и внутренней политикой. Если исходить из представления о приоритетности внешней политики с позиции силы, то, несомненно, политическое руководство государства, вооружившегося подобной стратегией как самой оптимальной, должно отдавать себе отчет в том, что такой сценарий всегда очень дорого стоит. Предпочтение насильственным способам решения международных проблем, как правило, позволяет идентифицировать тип политического режима, господствующего в стране с подобной логикой внешнеполитического поведения. Однако в этом вопросе нет очевидной причинно-следственной связи, поэтому для понимания природы современных войн, предпосылок их начала, особенностей ведения и логики их завершения считаем необходимым обратиться к понятию «гибридная война». В научном сообществе утвердилось достаточно конвенциональное представление о том, что современные войны являются преимущественно гибридными. Поэтому оценкой современных войн как войн гибридных сегодня уже мало кого удивит: XXI век стал веком «гибридных войн» [5, с. 18].

В рамках предлагаемой статьи попытаемся решить следующие задачи. Во-первых, выявить сущность гибридных войн как явления, ставшего индикатором вторжения глобализационных процессов в структуры локальных войн и военных конфликтов. Во-вторых, выяснить, насколько велика роль военного (милитаристского) компонента в функциони-

ровании гибридных политических режимов. В-третьих, определить, есть ли механизмы, блокирующие дрейф авторитарных режимов в направлении приобретения гибридных характеристик.

При этом мы ясно осознаём, что в предмет нашего рассмотрения входят не все войны и вооружённые конфликты, поскольку мы ограничиваемся теми из них, которые являются следствием гибридности политических режимов.

Исходя из заявленной темы и соответствующих задач, необходимо, прежде всего, уяснить сущность гибридных политических режимов, что в дальнейшем позволит их соотнести с гибридными войнами. Затем интерпретировать само понятие «гибридная война».

Понятие «политический режим» достоянием политической науки стало относительно поздно. Это произошло после окончания Второй мировой войны, когда появилась необходимость «для описания социального характера и порядка отношений управителей и управляемых, а также методов и эффективности властвования в целом» [6, с. 153]. Сам термин «политический режим» происходит от латинского *regimen*, что означает «направление», а в переносном смысле «кормило, правитель» [Там же]. Этим понятием стали пользоваться преимущественно в евроконтинентальной политической науке, нежели в англо-американской, где приоритет отдан политической системе» [11, с. 160]. В нашем представлении, политический режим – понятие идеологически не ангажированное и представляющее собой совокупность средств и методов, обеспечивающих политическое властвование.

Существует два подхода к пониманию политического режима – правовой и социологический. В первом случае фактически происходит отождествление политического режима с понятием «форма правления», когда всё ограничивается официальными нормами и правилами отправления власти, осуществляемыми государством. Исходя из формально-правовых принципов, трудно оценить суть политического режима, поэтому есть опасность впасть в заблуждение.

Второй подход является более адекватным для объективной характеристики политического режима, поскольку при его оценке учитывается не только деятельность официальных структур власти и объём их полномочий, но и реальное участие в политике

неформальных агентов власти, обладающих значительными ресурсами. Кроме того, социологический подход берёт во внимание значимость таких неформальных факторов, как межклановые отношения сил внутри правящей элиты. В рамках предлагаемой статьи важным оказывается, например, соотношение сил между партиями «ястребов» и «голубей» внутри политической элиты. Перевес одних либо других предопределяет формирование различных сценариев военной политики государства. Или она строится, исходя из принципа необходимой достаточности, или значительная часть ресурсов тратится на усиление военной мощи страны либо под предлогом мнимых военных угроз, либо реальных. Не менее значимыми при социологическом подходе оказываются тип легитимности власти, картины мира, сложившиеся в сознании лиц, принимающих решение, а также характер международной поддержки существующего режима. Иными словами, антисистемные компоненты политики в отдельные периоды истории, характеризующиеся переходом от одной политической системы к другой, имеют решающее значение. Нетрудно догадаться, что в рамках предлагаемой статьи мы будем руководствоваться требованиями социологического подхода к оценке военных прерогатив политического режима.

Типологией политических режимов занимались многие видные западные политологи (Р. Даль, С. Хантингтон), однако, «наибольшее распространение получила типология политических режимов, предложенная американским учёным Хуаном Линцем, который выделил пять основных типов режимов – демократический, авторитарный, тоталитарный, посттоталитарный и султанистский. Отличаются эти режимы друг от друга по четырём главным характеристикам: по степени политической мобилизации граждан, уровню плюрализма, степеням идеологизации и конституционности власти лидера либо правящей группы» [6, с. 156].

Можно попытаться определить, какие политические режимы наиболее привержены гибриднему тренду, и какие их параметры приводят к межгосударственным конфликтам, порождающим гибридные войны.

С этой целью необходимо уяснить смысл понятия «гибрид». Как следует из энциклопедического словаря, слово происходит (от лат. *hibrida* – «помесь») – организм, полученный в результате скрещивания генетически раз-

личающихся родительских форм (видов, пород, линий и др.) [4]. В переносном значении гибрид – совмещающий признаки различных предметов, явлений.

Возвращаясь к классификации политических режимов Х. Линца, отметим: схема, предложенная политологом для убедительности своих суждений, позволяет увидеть, что демократические и авторитарные режимы в четырёхмерном измерении располагаются ближе всех друг к другу. И это, возможно, объясняет постулат о том, что авторитаризм находится на перепутье между демократией и тоталитаризмом, поэтому «демократически ориентированные авторитарные режимы недолговечны, и их реальной перспективой является более устойчивый в современных условиях тип политической системы – демократия» [12, с. 197]. Утверждение о недолговечности сегодня уже вызывает сомнение, поскольку авторитарные режимы демонстрируют чудеса изобретательности в интересах как можно более продолжительного своего существования. Поэтому в реальной политике эти режимы разительно отличаются и потому в современных условиях, как отмечает В. М. Кулагин, «противостояние между демократией и авторитаризмом остаётся коренным фактором, влияющим на центральную парадигму всего мирового взаимодействия и дальнейшее развитие мировой истории» [8, с. 217].

Нас интересует, прежде всего, их возможное стремление к гибридизации, т. е. к совмещению одним режимом признаков другого режима с целью, как представляется, презентации в более благоприятном виде. И в этом стремлении авторитарные режимы вне конкуренции. Не случайно одним из разновидностей такого режима являются «имитационные демократии», где конституционно закреплены, но не функционируют на практике демократические институты, а управление осуществляется по принципам несменяемого мирным путём единовластия [Там же, с. 219].

Попыток демократических режимов публично представляться авторитарными в политической практике не зафиксировано. И, тем не менее, случаи вырождения демократических режимов в авторитарные были. Либо это были прецеденты, когда с «имитационных демократий» срывались маски, либо реставрация авторитарных порядков происходила в вялотекущем режиме. С уничтожением демократических институтов, дискредитацией демократии как формы и либерализма – как содержания.

Как утверждает Е. Шульман, «теория гибридных режимов возникла на фоне распада другой теории – о демократическом транзите. Дело в том, что в конце 80-х и начале 90-х гг. XX в. считалось, что в мире есть чёткое разделение стран на демократические и тоталитарные, или авторитарные. И развитие шло, как считалось, линейно: суровые режимы распадаются, и на смену им приходят демократии» [15]. Действительно, посткоммунистическая политическая практика оказалась намного более сложной, с откатами и многочисленными зигзагами в политической динамике. «Режимы многих стран, не оправдав надежд, “застыли” где-то посередине перехода, превратившись в гибридные, то есть сочетающие демократические процедуры и механизмы управления с авторитарными. При этом, что самое существенное, такая ситуация оказалась не временной, но способной сохраняться продолжительное время, а значит – представлять собой равновесие (эквilibриум)» [3]. Можно предположить, что демократические режимы обращались к авторитарным практикам вынужденно, но тогда возникает вопрос о прежней идентификации этих режимов.

Важнейший ресурс авторитарных режимов – их военно-мобилизационный потенциал, который имеет субстанциональную и косвенную составляющие. Обращение к этому ресурсу сближает авторитаризм с некоторыми чертами тоталитарных режимов, которые не могут да и не пытаются рядиться в демократические «одежды». Субстанциональным компонентом, отражающим их гибридный характер, является устойчивая приверженность к разрешению международных конфликтов с позиций силы или угрозы их применения, что нередко приводит к гибридным войнам. Это, как правило, происходит под видом защиты национальных интересов и при массовой поддержке населения, которому внушается мысль о пребывании страны в состоянии осаждённой крепости, либо – о необходимости возвращения утерянной территории, воспринимаемой как национальная травма.

Автор этих строк нашёл подтверждение своему тезису о стремлении авторитарных режимов сохранить существующее статус-кво за счёт международных конфликтов с себе подобными режимами в возобновлении в начале апреля 2016 г. «замороженного» конфликта между Азербайджаном и Арменией на границе непризнанной Нагорно-Карабахской Республики и Азербайджаном. Как

сообщают информационные агентства, стороны конфликта обвиняют друг друга в начале стрельбы. Именно так и бывает в случае с гибридными войнами и конфликтами, когда ни одна из сторон не берёт на себя ответственность за первоначальные действия по нарушению перемирия.

Начало боевых действий невозможно объяснить лишь одной причиной, пусть самой веской. Поэтому у расконсервированного вооружённого конфликта как минимум есть причины внешние и внутренние. Внешним фактором, на наш взгляд, является опосредованное участие в случившемся соседней Турции, пытающейся таким образом «пригласить» Россию к переговорам о примирении, в котором Турция, похоже, нуждается больше, чем Россия. С этой целью авторитарный режим Турции, начиная испытывать экономические сложности от потери российского рынка сбыта сельскохозяйственной продукции и потери русских туристов на своих средиземноморских курортах, подтолкнул Азербайджан к боевым действиям. Цель – осложнить жизнь Армении как стратегическому партнёру России. Наблюдается сложносоставный международный конфликт с участием государств, пытающихся скрыть свой авторитарный политический тренд, однако, легко идентифицируемых по признаку своей приверженности решать международные проблемы с использованием военной силы.

Внутренний фактор внешнеполитического поведения авторитарного режима Азербайджана заключается в том, что этой стране, имеющей военный бюджет, превышающий весь бюджет Армении в несколько раз за счёт высоких цен на нефть, удалось создать хорошо оснащённую современную армию. Поэтому использование её по прямому назначению позволит, во-первых, проверить её боеспособность. Во-вторых, в Азербайджане по причине резкого снижения цены на нефть и, соответственно, последующей девальвации национальной денежной единицы (манат) начинают обнажаться острые социальные проблемы, которые и потребовали возвращения несколько подзабытого образа внешнего врага. Тем более, до событий 1990-х гг. Нагорный Карабах был автономной областью в составе Азербайджанской ССР. И этот фактор является своеобразным карт-бланшем с позиций международного права добиваться Азербайджаном возвращения территорий непризнанной республики под свою юрисдикцию.

Косвенный компонент военно-мобилизационного потенциала авторитарных режимов проявляется в специфической риторике, отражающей уподобление мирной повседневности военной. Как отмечают авторы книги «История России: конец или новое начало?», «слово “победа” приобрело в официальном языке универсальное звучание и распространялось на любые успехи и достижения – как реальные, так и имитируемые. Предельно широкое значение было придано и таким словам, как “бой”, “битва”, “сражение”, “штурм”, не говоря уже о “борьбе”: они могли относиться и к проведению коллективизации, и к сбору урожая, и к форсированному строительству нового завода, и к развитию “метода социалистического реализма”. Но едва ли не самым универсальным, наряду с “борьбой”, стало слово “фронт”, который мог быть трудовым, промышленным, сельскохозяйственным, идеологическим, культурным, бытовым – каким угодно. И это была лексика, обслуживавшая новую практику, которая выстраивалась по армейскому образцу» [1, с. 332].

В силу преобладания авторитарного стиля мышления в массовом сознании и поведении недемократических обществ милитаристская лексика не считалась и не считается патологией, достойной обструкции и исключения из общественного дискурса, что, на наш взгляд, является благоприятной средой для гибридизации авторитарных режимов. Поэтому актуальным остаётся вопрос о возможности воспрепятствования дрейфу авторитарных режимов в направлении приобретения гибридных характеристик. Опасность подобного смещения заключается в том, что гибридные режимы с большой вероятностью могут привести страны, в которых они господствуют, либо к формам диктатур, имевшим место в новейшей истории, либо к несостоятельным государствам, которые, в конечном счёте, распадаются.

Политическая наука ведёт поиск ответов и на этот непростой вопрос. И возможность противодействия приобретению авторитарными режимами гибридных характеристик существует. Этими факторами могут быть, как отмечает политолог Е. Шульман, «во-первых, вовлечённость режима в международные экономические и политические структуры. Чем больше эта вовлечённость, тем выше шансы на дрейф к демократии. И наоборот – ставка на изоляционизм позволяет выиграть автократии. Во-вторых, количество

демократических институтов, которые режим имитирует. Не важно, насколько они декоративны, – чем больше режим развешивает вывесок, притворяясь демократией, тем больше у него шансов постепенно в неё превратиться. В социально-политическом организме ничего абсолютно формального не бывает. Всё, что делают люди, наполняется человеческим смыслом. Наконец, в-третьих, наличие крупного внешнего торгового и политического партнёра» [15]. Второй фактор, который приводит Е. Шульман, всё-таки вызывает сомнение, поскольку мы уже доказывали, что, «имитационные демократии» имеют обыкновение в вялотекущем режиме приобретать параметры авторитарного порядка. Поэтому, учитывая аргументы известного политолога, оставим вопрос открытым, требующим более взыскательного исследования феномена имитационности демократии.

Правомерным в контексте выяснения склонности авторитарных и демократических политических режимов к гибридизации остаётся вопрос об использовании военной силы демократическими политическими режимами. Кроме того, есть необходимость подтвердить или опровергнуть известный тезис о том, что демократии друг с другом не воюют.

Исследуя причины возникновения регулярных вооружённых сил, Д. З. Мутагиров отмечает, что «до 1600 г. ни одна страна Европы, за исключением Османской империи, не имела постоянной армии. Считалось общепризнанным, что для миролюбивых стран, нуждающихся только в защите, достаточно милиции – вооружённого народа, тогда как постоянная армия считалась орудием агрессии» [10, с. 506]. С течением времени человечество, обогатившись культурой и образованием, не стало менее воинственным и склонным к компромиссам и общественным договорам. Императивы бессознательного в человеке, ориентирующие, прежде всего, на собственное самосохранение, подталкивали его к привычным средствам достижения цели – силе, по возможности, военной. В массовое сознание легко инкорпорировались мифы о том, что «вооружённые силы являются гарантией безопасности государства, что у государства есть только два союзника – армия и флот, и что “кто не желает кормить свою армию, вынужден будет кормить чужую”. В результате господства таких ложных постулатов крупные государства содержат в настоящее время многомиллион-

ные армии, а за ними вынуждены следовать и все остальные государства мира, тратя на их содержание львиную долю национальных богатств» [10, с. 507].

Случаи, когда армии в одиночку отражали вражескую агрессию, возможно, и были, однако, успех в продолжительной войне – это всегда сплав усилий армии и народа, способного мобилизоваться в тяжёлый час для Отечества. Поэтому «вооружённый народ считается наилучшим способом защиты страны от вторжений извне и общества от переворотов и попыток узурпации власти кем бы то ни было, а также безопасного отказа от содержания крупных постоянных армий во время мира. Постоянные армии во время мира опасны для свободы, могут использоваться авторитарными режимами для подавления выступлений народа в защиту демократии» [Там же, с. 509]. Чтобы избежать подобного сценария, полноценно функционирующее гражданское общество в условиях демократического режима обеспечивает гражданский контроль над вооружёнными силами и другими силовыми ведомствами. Сильное гражданское общество одного демократического государства, солидаризируясь с гражданским обществом другого демократического государства, почти не оставляет шансов для войны между демократиями.

Эта проблема впервые стала предметом научного исследования в рамках теории демократического мира, разрабатываемого в США с 80-х гг. прошлого столетия. Первоначально еще в 1965 г. М. Хаас выдвинул предположение, что отношения между демократическими странами менее конфликтны, чем между недемократическими [2, с. 309]. Позже М. Дойл в книге «Кант, либеральное наследие и международные дела» подтвердил: демократии друг с другом не воюют [Там же, с. 310]. В то время (1983) это и не требовало особых доказательств, поскольку мир, разделённый на два лагеря: капиталистический, ассоциировавшийся с демократией, и социалистический, воспринимаемый как недемократический, допускал войну лишь между ними.

В новых исторических условиях, когда радикально изменился миропорядок, конструкция демократического мира приобрела новый статус как «эмпирически выведенный закон международных отношений, фиксирующий каузальную зависимость между типом политического режима, существующего в стране, и поведением последней на международной арене» [Там же].

Многие учёные в качестве аргумента в пользу теории демократического мира приводили тезисы Канта из его знаменитой работы «К вечному миру». По Канту, гарантией невозможности войн между демократиями являются нравственные нормы и правовые принципы, разделение властей, народное представительство и общественный контроль.

Творчески развивая учение Канта, современные теоретики обнаружили новые гарантии. Так, Б. Рассетт выделяет структурные (институциональные) ограничители, к которым относит принцип формирования правительств демократических государств политическими партиями, победившими на выборах. Поскольку войны оплачиваются кровью соотечественников и их материальными средствами, то при непомерно высокой цене потерь политическая партия, приведшая страну к войне, рискует проиграть на выборах. Есть и экономические ограничители, поскольку демократические государства, будучи «торговыми государствами», заинтересованы в создании безопасной международной среды.

Справедливости ради отметим, что у теории демократического мира есть и противники, которые утверждают о переоценке роли демократических институциональных ограничителей и невозможности с помощью демократических норм регулировать внешнюю политику. Так, С. Лакофф, подчёркивая переоценку сторонниками демократического мира роли общественного мнения как фактора предотвращения войны, отмечает: «Электорат может, пребывая в патриотическом угаре, ратовать за войну, надеясь, что больших жертв удастся избежать... В современных условиях ожидание, что военные удары будут осуществляться с хирургической точностью и что всё это будет происходить вдалеке, с минимальными потерями в живой силе, может побуждать даже демократический электорат рассчитывать на то, что войну можно вести без больших издержек» [16, с. 306–307].

Иными словами, С. Лакофф утверждает, что соблазном гибридности может быть охвачено любое общество, в том числе и демократическое, оказавшись на какое-то время под спудом манипулятивных возможностей заинтересованного государства и неосознанно став одной из сторон в гибридной войне.

Позиция противников теории демократического мира, частично принимаемая нами во

внимание, вынуждает нас признаться в том, что развёртывание гибридных войн – это не только следствие столкновения межгосударственных интересов гибридных политических режимов, но и результат ускорения хода глобализации и использования наряду с применением военной силы широкого комплекса современных информационных технологий. Роль информационного компонента в гибридной войне настолько велика, что позволяет в массовом сознании совершить невозможное – превращать агрессора в освободителя, а жертву – в людей вне закона и совести.

По этой причине принято считать, что гибридная война – это исключительно современное явление. К тому же в научный оборот дефиниция «гибридная война» попала лишь в последнее десятилетие XX в. Между тем, не называя её, конечно, гибридной, о сущности её и доминирующих характеристиках в СССР говорили уже в конце 1920-х гг. Известный советский военный теоретик А. Е. Снесарев в своей работе «Философия войны» сформулировал «закон непрерывности войн». При этом он исходил из того, что война предопределяет течение нашей жизни «не только тогда, когда «разгорается», но и тогда, когда «спит» [13, с. 31]. По Снесареву, «воюют не в момент только войны, а воюют много раньше, чем раздались первые звуки выстрелов: женщины рожают и воспитывают воинов, учёные изучают войну и её новые формы, заводы льют пушки и готовят снаряды. Зерно победы в том, кто кого перерождает, какой страны женщина более окажется сильной в выполнении своей государственной задачи» [14].

В сущности, русский генерал Снесарев, впоследствии перешедший на службу в Красную армию, констатирует военно-мобилизационное состояние массового сознания, в концентрации которой накануне Февральской революции остро нуждалась Российская империя. Эта же идея оказалась вполне востребованной в Советской России, руководство которой в первые десятилетия существования страны Советов мечтало о мировой революции и советизации значительной части мира. Несмотря на большие заслуги перед новой властью, которая, следуя сталинской логике усиления классовой борьбы по мере движения к социализму, обвинила крупного востоковеда и военного учёного в контрреволюционной деятельности, Снесарев был сослан в один из лагерей ГУЛАГа, откуда был выпущен лишь глубоко больным

человеком незадолго до смерти. Воздавая должное его провидческому таланту, можно отметить: Снесарев задолго до современных исследователей гибридных войн предсказал характер будущих войн, а именно – их не явно выраженный характер и размывание границы между войной и миром, что делает практически безрезультатными усилия по установлению и поддержанию мира.

К другому русскому военному теоретику, полковнику Генерального штаба русской армии Е. Э. Месснеру, эмигрировавшему из России в конце Гражданской войны, судьба оказалась более благосклонной. Наше обращение к личности этого человека связано с тем, что Месснер, создавая свои военно-теоретические труды, работал, как сегодня сказали бы, в парадигме гибридной войны. В работе «Мятеж – имя третьей всемирной» (1960 г., Буэнос-Айрес) он предложил ввести новое понятие «мятеж-война», которая, в его представлении, являла собой новый тип войны, характеризующийся «воеванием в стиле мятежа: революциями, переворотами, восстаниями, беспорядками, вредительством, шпионажем, подпольным террором, партизанством (герильей) и повстанчеством, военно-политическим бандитизмом, психи и тайноевоеванием, потаенными нападениями, провокациями, пропагандой и агитацией, другими всевозможными способами размывания культур, структур народа, разложения армии и т. д.» [9, с. 392].

Путь эмигранта, оставшегося верным воинской присяге, был тернист в житейском смысле, однако, способствовал его творчеству как военного писателя и теоретика. Месснеру, как и Снесареву, удалось предвосхитить некоторые тенденции гибридной войны. К оценке современной войны как мятеж-войны Месснер пришёл, наблюдая за военными действиями во Вьетнаме в 60-х гг. XX в. Поэтому он оперировал такими понятиями, как «тактика комаров», «психологическое воевание», «партизанство», «криптоармия», «тайноевоевание», «воевание без войск», «мятежинвазии», «успехи коммунистической мятежинвазии», «холодная война» как историческая фаза «всемирной мятеж-войны» и т. д.

Последователями Снесарева и Месснера в интерпретации современных войн как гибридных стали преимущественно американские политологи из многочисленных «фабрик мысли», каждый из которых внёс свою лепту в понимание феномена гибридной войны.

Так, Ф. Хоффман отмечает ярко выраженный насильственный характер такой войны, участие в нём как государств, так и негосударственных структур, а также использование любых доступных средств – от самых архаичных до сверхсовременных. М. ван Кревельд предложил новое видение войны, которое подвергает ревизии доминирующее положение знаменитого немецкого военного теоретика К. Клаузевица о том, что война есть продолжение политики другими средствами. По Кревельду, война – это культурно обусловленный вид человеческой деятельности, поэтому является не средством, а целью. В противовес Клаузевицу, придерживавшемуся принципа тринитарности, Кревельд утверждает, что гибридная война – это война «нетринитарная, т. е. не скованная правилами» [7, с. 37]. Как видим, автор, в сущности, продолжает развивать идею Месснера о мятеж-войне.

До недавнего времени казалось, что мир вполне объясним, поскольку между причиной и следствием существует линейная связь. Сегодня в силу неравновесности, диссипативности и стохастичности мировых политических процессов появился новый тип войны – «многомерный нелинейный», который характеризуется разрывностью и непредсказуемостью. Так, например, одержание победы в виде захвата чужой территории или навязывание угодной победителю формы правления совсем не означает реальной победы.

Мы убедились в том, что гибридные войны, какими бы причинами ни были вызваны, кем бы ни велись, являются предупреждением для человечества, лидеров и элит, что это может быть последняя война в истории человечества.

Проведённый анализ природы гибридных войн, причин их возникновения и зависимости от особенностей политических режимов даёт основание для формулирования выводов о том, что:

– гибридации в наибольшей степени подвержены авторитарные режимы, которые из соображений презентабельности стремятся заимствовать демократические формы, отказываясь от их внутренней сути;

– важнейшим параметром авторитарных режимов, отражающим их гибридный характер, является военно-мобилизационный потенциал, используемый для решения международных проблем с позиций силы или угрозы их применения под видом защиты национальных интересов;

– возможность противодействия приобретению авторитарными режимами гибридных характеристик существует и заключается в приведении гибридности в неустойчивое состояние, что обеспечивается вовлечённостью режима в международные экономические и политические структуры, а также количеством демократических институтов, имитирующих режим, но способных через определённое время возможно стать аутентичными демократиями;

– развёртывание гибридных войн – это не только следствие столкновения межгосударственных интересов гибридных политических режимов, но и результат ускорения хода глобализации, в которой определяющим наряду с применением военной силы становится использование широкого комплекса средств от самых архаичных до современных информационных технологий, когда невозможно определить начало и окончание самой войны, статус её участников, побеждённого и победителя.

Список источников и литературы

1. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Новое изд-во, 2008. – 464 с.
2. Баталов Э. Я. Проблема демократии в американской политической мысли XX века (из истории политической философии современности). – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 376 с.
3. Бусыгина И. Как российский политический режим доказывает свою привлекательность // Отечественные записки. – 2013. – № 6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/oz/2013/6/5b.html> (дата обращения: 31.03.2016).
4. Гибрид [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tolkslovar.ru/g2252.html> (дата обращения: 30.03.2016).
5. «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / под ред. П. А. Цыганкова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2015. – 384 с.
6. Категории политической науки. – М.: МГИМО (У): РОССПЭН, 2002. – 656 с.
7. Кревельд М. ван. Трансформация войны. – М.: ИРИСЭН, 2005. – 344 с.
8. Кулагин В. М. Соревнование «либерального» и авторитарного» проектов в контексте глобализации // Современные глобальные проблемы мировой политики / под ред. М. М. Лебедевой. – М.: Аспект-Пресс, 2009. – 256 с.
9. Месснер Е. Э. Мятеж – имя третьей всемирной // Хочешь мира, победи мятежвойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера. – М.: Военный ун-т, 2005. – 485 с.

10. Мутагиров Д. З. Демократия как универсальная ценность. – М.: Логос, 2014. – 560 с.
11. Мухаев Р. Т. Теория политики. – М.: Юнити-Дана, 2005. – 623 с.
12. Пугачев В. П., Соловьёв А. И. Введение в политологию. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Аспект-Пресс, 2002. – 477 с.
13. Радиков И. В. Войны-«хамелеоны»: изменение характера вооружённой борьбы в XXI веке // «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / под ред. П. А. Цыганкова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2015. – 384 с.
14. Снесарев А. Е. Из письма 9–10 февраля 1917 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://a-e-snesarev.ru/daniilenko1.html> (дата обращения: 31.03.2016).
15. Шульман Е. М. Между демократией и автократией. Есть теория, определяющая нынешнее развитие более сложным, чем нам кажется: интервью С. Кускова с Е. Шульман [Электронный ресурс] // Независимая газета. – 2015. 24 нояб. – Режим доступа http://www.ng.ru/stsenarii/2015-11-24/10_autokratia.html (дата обращения: 29.03.2016).
16. Lakooff S. Democracy. History, Theory, Practicte Westview Press. – Boulder, 1996.

УДК 376
ББК 4427.7

Юрий Алексеевич Головин,

*Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова,
г. Ярославль, Россия*

Развитие гражданской активности молодёжи в процессе военно-патриотического воспитания¹

В статье даётся характеристика современного состояния военно-патриотического воспитания в России в целом и на территории отдельных регионов, в частности. Отдельно характеризуется развитие патриотического воспитания в Забайкальском крае. Автор отмечает значимость кадетских классов, а в дальнейшем – суворовских училищ.

Ключевые слова: патриотизм, военно-патриотическое воспитание, физическая подготовка, регионы, региональное развитие.

Yury A. Golovin,

*P. G. Demidov Yaroslavl State University,
Yaroslavl, Russia*

The Development of Civic Engagement of Youth in the Process of Military-Patriotic Education²

The article describes the contemporary state of military-Patriotic education in Russia as a whole and within individual regions, in particular. Separately is characterized by the development of Patriotic education in Zabaykalsky Krai. The author notes the importance of the cadet classes, and later Suvorov schools.

Keywords: patriotism, Patriotic education, physical-setting training, regions, regional development.

Успешная реализация пограничной политики в современной России возможна при наличии высококвалифицированных кадров, способных отстаивать национальные инте-

ресы нашей страны и обладающих высокими морально-боевыми качествами. Такие качества защитников Отечества необходимо воспитывать с раннего возраста. Важным

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 16-03-00394 «Управление гражданской активностью на региональном уровне: инструменты и результаты (на примере Ярославской области)».

² RHSF has financially supported research as part of a research project № 16-03-00394 “Management of Civil activity at the regional level: tools and results (using the Yaroslavl region as an example)”.

документом для организации военно-патриотического воспитания российской молодёжи стала Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 31.12.2015 г., в которой в качестве одной из приоритетных задач определяется повышение роли школы в воспитании молодёжи как ответственных граждан России на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, а также в профилактике экстремизма и радикальной идеологии [6].

Положительный опыт военно-патриотического воспитания накоплен в школах, где созданы кадетские классы. В Приаргунском районе работает уникальное образовательное учреждение – Зоргольская средняя школа имени Героя Советского Союза Н. П. Губина. Примечательна она тем, что на её базе функционируют кадетские классы. За всё время работы из стен учреждения выпустились десятки мальчишек, ставших потом курсантами военных училищ и институтов, а затем и кадровыми военнослужащими – моряками, пограничниками, десантниками. Село Зоргол было основано в 1774 г. как пограничный караул, и сейчас здесь располагается пограничное отделение имени Виталия Козлова, совершившего свой подвиг в августе 1945 г. Уже в современной России здесь проходил срочную службу Андрей Туркин, Герой России (посмертно), в составе спецподразделения ФСБ спасавший детей в захваченной террористами бесланской школе.

По словам депутата Законодательного Собрания Забайкальского края, начальника кадетских классов, полковника в отставке Вячеслава Антонова, кадетские классы появились в 2004 г., для учёбы в них были отобраны 27 юношей из разных школ района. Материально-технической базой для будущего кадетского городка стал комплекс помещений бывшего колхозного детсада, который находился в запустении. За годы существования кадетские классы прошли путь от экспериментальной площадки в своеобразную «военную кафедру», где происходит ориентация детей на служение Родине.

Чтобы попасть в школу, ребята и их родители проходят собеседование. В августе перед началом учебного года кандидаты в кадеты сдают нормативы по физической подготовке, пишут тест по математике, диктант, проходят собеседование по истории России. Конкурс составляет 2,5 чел. на место. Те, кому повезло с достоинством выдержать

все испытания, облачаются в форму. Они, помимо изучения общеобразовательных программ, постигают историю боевой техники, обучаются владению боевым оружием, проходят строевую подготовку, порою участвуют в «марш-бросках» совместно со служащими Приаргунского пограничного отряда. Для юношей режим в школе армейский – жить приходится в общежитии казарменного типа. Ранний подъём, послеобеденный сон. Но ребятам такой ритм жизни по душе, поскольку они знают – быть кадетом престижно [2].

Особое внимание уделяется военно-патриотическому и культурно-нравственному воспитанию кадетов. Ученики регулярно принимают активное участие в мероприятиях краевого и федерального масштаба и занимают там призовые места. Успешно действует кадетское научное общество, студия изобразительного искусства, коллектив художественной самодеятельности. Работать с ребятами помогают и пограничники. Совместно с отделением воспитательной работы службы в пгт. Приаргунск кадеты благоустраивают памятники, места захоронения воинов.

Пристальное внимание уделяется физической подготовке – проводятся спортивные праздники, соревнования, организуются сплавы по рекам Ингода и Шилка. Стоит отметить, почти половина воспитанников – дети из социально-неблагополучных, неполных семей, сироты. Некоторые из воспитанников за совершение правонарушений ещё до поступления в кадеты состояли на оперативно-профилактическом учёте в правоохранительных органах, а в процессе пребывания в кадетских классах были сняты с него как исправившиеся. В последние годы система кадетского образования активно развивается во всех регионах России. В Ярославской области также созданы кадетские классы в средних образовательных школах, в том числе пограничной направленности в средней школе № 14 имени В. Н. Лататуева.

В феврале 2016 г. по итогам совместной работы представителей Администрации Президента России, Государственной Думы, Совета Федерации, министерств и ведомств, органов исполнительной власти субъектов РФ, общественных объединений и организаций Российской Федерации, при Министерстве образования и науки создан Совет по Кадетскому образованию. Главная цель этого органа – совершенствование условий получения знаний по основам военной или

иной государственной службы, в том числе государственной службы российского казачества.

Первоначальным источником педагогических концепций, на которых основываются кадетские корпуса во всём мире, были древние Афины, из которых эти концепции распространились сначала на Древнюю Грецию, а затем также и на весь эллинистический мир. Даже можно было бы сказать, что источником системы кадетского образования была афинская демократия. Однако афинская демократия была лишь последним этапом в истории афинского полиса. Система же публичных гимназий в Афинах зародилась раньше, хотя она продолжала существовать и в последний, демократический период Афин. Кроме того, эта афинская система включала в себя многие общегреческие элементы, в основном спартанские. В Спарте детей обучали уже с восьми лет, в первую очередь гимнастическим и военным предметам. Такое военизированное обучение в Спарте продолжалось 13 лет, включая последних два походных года. Современные источники системы кадетского воспитания находятся в России, во Франции и в Германии. Уже в XV и XVI вв. в России существовали полки «дворянских детей», которые иногда даже принимали участие, в качестве вспомогательных частей, в военных действиях. Эти полки и являются прямыми отечественными предшественниками русских кадетских корпусов.

Император Пётр Великий основывает в России в 1701 г. Морскую кадетскую школу, под названием «Школа навигацких и математических наук». В 1732 г. Императрицей Анной Иоанновной был основан первый русский армейский кадетский корпус. Всего в России в XVIII в. было 4 кадетских корпуса, в XIX в. – 22 кадетских корпуса, в XX в., до Первой мировой войны, – 4 кадетских корпуса [1].

Суворовские военные училища в Советском Союзе были созданы в 1943 г. – году коренного перелома в Великой Отечественной войне и всей Второй мировой войны в целом. Инициатива создания суворовских военных училищ по образцу дореволюционных кадетских корпусов принадлежала генерал-лейтенанту Красной армии, бывшему выпускнику Пажеского корпуса, графу А. А. Игнатьеву. В апреле 1943 г. он обратился с письмом к И. В. Сталину, в котором говорилось: «Специфика военного ремесла требует привития к нему вкуса с детских лет, а недостаток дисциплинированности детей

в домашней, школьной обстановке вызывает необходимость создать специальные военные средние школы для подготовки нравственно воспитанных и физически развитых будущих командиров Красной армии» [4].

Одним из пунктов Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21.08.1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобождённых от немецкой оккупации» наряду с другими мероприятиями по устранению последствий разрушительной войны предусматривалось создание для детей воинов Красной армии и партизан Отечественной войны, а также детей-сирот, родители которых погибли от рук немецких оккупантов, суворовских военных училищ «типа старых кадетских корпусов, по 500 человек в каждом, всего 4500 человек со сроком обучения 7 лет, с закрытым пансионом для воспитанников» [5].

За прошедшие 70 лет суворовские военные и нахимовские военно-морские училища выпустили более 120 тыс. воспитанников. Многие из них, учитывая целевую направленность созданных суворовских военных и нахимовских военно-морских училищ, стали офицерами и генералами, продолжателями дела своих великих предшественников – полководцев П. А. Румянцева и генералиссимуса А. В. Суворова, фельдмаршала М. И. Кутузова и адмиралов – флотоводцев Ф. Ф. Ушакова и П. С. Нахимова.

Активное и целенаправленное движение по объединению выпускников СВУ и НВМУ началось в конце 80-х гг. прошлого столетия. Первым таким объединением стал Всесоюзный суворовско-нахимовский клуб (сопредседатели Ю. Г. Стрельцов и В. А. Джанибеков), созданный в 1986 г. Позже, в 1988 г., был создан Московский суворовско-нахимовский клуб (МСНК), первым председателем которого стал выпускник 1-го (1948) выпуска Свердловского СВУ В. Е. Аниканов. В последующем, пройдя соответствующую трансформацию (Московский суворовско-нахимовский союз – с 1993 г., Московское суворовско-нахимовское содружество – с 1998 г.), с апреля 2010 г. объединение приобрело статус – «Московское содружество суворовцев, нахимовцев и кадет».

В 2007 г. на Первом Съезде кадет России был создан Всероссийский союз кадетских объединений России «Открытое содружество суворовцев, нахимовцев и кадет России» (ОССНКР), в которое вошли общественные объединения выпускников суворовских

военных и нахимовских военно-морских училищ СССР, России и стран СНГ всех выпусков большинства регионов Российской Федерации, а также Объединения выпускников русских кадетских корпусов за рубежом, тем самым было сформировано и оформлено кадетское движение России.

Сегодня кадетское движение России включает в себя более 120 000 своих членов, является общепризнанным национальным лидером в вопросах кадетского образования, а также в вопросах патриотического воспитания, оно зарекомендовало себя как мощное патриотическое движение и значимая часть гражданского общества России, число членов кадетского движения России ежегодно увеличивается на несколько тысяч суворовцев, нахимовцев и кадет, выпускников порядка ста учреждений кадетского образования страны и армии.

В 1992 г., впервые в современной России по инициативе и на средства Московского суворовско-нахимовского клуба был создан Первый Московский кадетский корпус, первым директором которого, по решению Совета Московского клуба стал выпускник Свердловско-

го СВУ полковник Владимир Владимирович Кирсанов. В последующем в Москве и России появились другие кадетские образовательные учреждения, но только в 2012 г. в связи с принятием Федерального закона № 273 «Об образовании в Российской Федерации» кадетские образовательные учреждения приобрели правовой статус своего существования. Развитие военно-патриотического воспитания школьников в рамках кадетского образования повышает политическую безопасность личности в современной России [3].

Сейчас, наряду с суворовскими военными и нахимовскими военно-морскими училищами, при поддержке и непосредственном участии суворовских объединений, решаются многие вопросы организации и развития кадетского образования в стране. Участие представителей зарубежных кадет в деятельности объединений выпускников СВУ и НВМУ на протяжении более 2 десятилетий стало традиционным: взаимное участие в проводимых съездах, посещение кадетских учебных заведений в целях передачи традиций начатого около 3 столетий назад кадетского образования в России.

Список источников и литературы

1. Андрушкевич И. Кадетское письмо: сб. ст. «Русская кадетская педагогическая система». (Кадетское письмо № 72) [Электронный ресурс]. – Буэнос-Айрес, 2015. – Режим доступа: Mailto:kadetpismo@hotmail.com (дата обращения: 10.06.2016).
2. Болтаевская Ю. Мы – кадеты. Мы – дети России // Забайкальский рабочий. – 2015. – 26 февр.
3. Головин Ю. А. Политическая безопасность личности в Российском государстве // Общество. Государство. Политика. – 2009. – № 1. – С. 74–82.
4. Горьковское суворовское военное училище / сост. В. А. Гурковский. – М.: Атлет-Пресс, 2014. – С. 27.
5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1953. – С. 1011–1012.
6. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. // Рос. газета. – 2015. – 31 дек.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Акматалиева А. М. – канд. пед. наук, доцент кафедры политологии факультета международных отношений Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б. Н. Ельцина, г. Бишкек, Кыргызстан.

Akmatilieva A. – Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, International Relations Faculty of the Kyrgyz-Russian Slavic University named after First Russian President Boris Yeltsin, Bishkek, the Kyrgyz Republic.

Алтанхуяг Баярсайхан – аспирант Забайкальского государственного университета, г. Чита, Россия.

Altanhuyag Bayarsaihan – Postgraduate of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Баатар Баттогтох – аспирант Монгольского государственного университета, г. Улан-Батор, Монголия.

Baatar Battogtokh – Postgraduate of the Mongolian State University, Ulan-Bator, Mongolia.

Баярмагнай Очирсурэн – лейтенант, Центр исследования Военной истории в НИИ Оборона Монголии, г. Улан-Батор, Монголия.

Ochirsuren B. – Lieutenant, Military History Research Center at the Defense Institute of Mongolia, Ulan-Bator, Mongolia.

Беликова Е. О. – канд. социол. наук, доцент, доцент кафедры русского языка и документалистики Института филологии и межкультурной коммуникации Волгоградского государственного университета, г. Волгоград, Россия.

Belikova E. – Candidate of Sociological Sciences, Docent, Associate Professor, Department of Russian Language and Documentary, Institute of Philology and Intercultural Communication, Volgograd State University, Volgograd, Russia.

Биче-оол В. К-О. – канд. культурологии, доцент кафедры, заместитель заведующего кафедрой социально-гуманитарных наук по научной работе факультета экономики, юриспруденции и гуманитарных наук Уральского государственного университета физической культуры, г. Челябинск, Россия.

Biche-ool V. – Candidate of Culturology, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Social and Human Sciences for Research of Economics, Law and Humanities Faculty, Ural State University of Physical Culture, Chelyabinsk, Russia.

Блохин В. Н. – магистр ист. наук, ст. преподаватель кафедры истории и педагогики Белорусской государственной сельскохозяйственной академии, г. Горки, Беларусь.

Blokhin V. – Master in History, Senior Lecturer, Department of History and Pedagogical Education, Belarusian State Agricultural Academy, Gorki, Belarus.

Боронова М. М. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории Бурятии исторического факультета Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, Россия.

Boronova M. – Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Professor Department of History of Buryatia, Faculty of History, Buryat State University, Ulan-Ude, Russia.

Ганжуурдалайн Цолмон – Монгольский государственный университет образования, г. Чойбалсан, Монголия.

Ganzhuurdalain Tsolmon – Mongolian state University of education, Choibalsan, Mongolia.

- Ганопольский М. Г.** – д-р филос. наук, профессор, гл. науч. сотрудник сектора этнологии Института проблем освоения Севера СО РАН, г. Тюмень, Россия.
- Ganopolsky M.** – Doctor of Philosophical Sciences, Full Professor, Chief Scientific Officer of Ethnology, Institute of Development Problems of the North, Russian Academic Society, Tyumen, Russia.
- Ганхуяг Алтандош** – переводчик монгольского языка, аспирант Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, Россия.
- Almandos G.** – Translator Mongolian language, Postgraduate of Buryat State University, Ulan-Ude, Russia.
- Головин Ю. А.** – д-р полит. наук, профессор, заведующий кафедрой социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова», г. Ярославль, Россия.
- Golovin Yu.** – Doctor of Political Sciences, Full Professor, Head of the Social and Political Theories Department, PG Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia.
- Гончигдорж Нямдорж** – военный журналист, полковник, директор газеты «Соёмбо» вооружённых сил Монголии, г. Улан-Батор, Монголия.
- Nyamdorzh G.** – military journalist, Colonel, Director of the “Soyombo Symbol” newspaper of the Armed Forces of Mongolia, Ulan Bator, Mongolia.
- Гордеев Н. В.** – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры экономической теории, истории и философии экономического факультета Читинского института (филиала) Байкальского государственного университета, г. Чита, Россия.
- Gordeev N.** – Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Professor Department of Economic Theory, History and Philosophy, Faculty of Economics, Chita Institute (Branch) of Baikal State University, Chita, Russia.
- Грибова С. Н.** – д-р экон. наук, доцент, профессор кафедры мировой экономики экономического факультета Читинского института (филиала) Байкальского государственного университета, г. Чита, Россия.
- Gribova S.** – Doctor of Economic Sciences, Docent, Professor Department of World Economy of the Faculty of Economics of the Chita Institute of Baikal State University, Chita, Russia.
- Дугаров В. Д.** – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории исторического факультета Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, Россия.
- Dugarov V.** – Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Professor Department of Russian and General history, Faculty of History, Buryat State University, Ulan-Ude, Russia.
- Дулина Н. В.** – д-р социол. наук, профессор, заведующая кафедрой истории, культуры и социологии факультета экономики и управления Волгоградского государственного технического университета, г. Волгоград, Россия.
- Dulina N.** – Doctor of Sociological Sciences, Full Professor, Head of the Department of History, Culture and Social Studies of Economics and Management Faculty of Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia.
- Еланцева О. П.** – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории и архивоведения Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.
- Elantseva O.** – Doctor of Historical Sciences, Professor Department of Domestic History and Archive Management of the School of Humanities of Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

- Жамсаранова Р. Г.** – д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Забайкальского государственного университета, г. Чита, Россия.
- Zhamsaranova R.** – Doctor of philological Sciences, Docent, Professor Department of of theoretical and applied linguistics, Transbaikal State University, Chita, Russia.
- Загдаа Алтанхуяг** – магистр, представитель Национальной торгово-промышленной палаты Монголии, слушатель Забайкальского государственного университета, г. Чита, Россия.
- Zagdaa Altanhuyag** – Master, the representative of the national chamber of Commerce and industry of Mongolia, the listener of the Transbaikal State University, Chita, Russia.
- Ильина Н. Е.** – лаборант кафедры истории исторического факультета Забайкальского государственного университета, г. Чита, Россия.
- Ilina N.** – Laboratory assistant, Chair of History of the Faculty of History of Transbaikal State University, Chita, Russia.
- Карпенко Е. В.** – аспирант кафедры всеобщей истории Сибирского федерального университета, г. Красноярск, Россия.
- Karpenko E.** – Postgraduate of the Department of General history of Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.
- Кирсанов Р. Г.** – канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник Института российской истории Российской академии наук, г. Москва, Россия.
- Kirsanov R.** – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
- Кирсанова Е. Г.** – канд. полит. наук, ассистент кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия.
- Kirsanova E.** – Candidate of Political Sciences, Assistant of the Department of the Russian Policy of the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
- Константинова Н. Н.** – канд. ист. наук, учёный секретарь Забайкальского краевого краеведческого музея им. А. К. Кузнецова, г. Чита, Россия.
- Konstantinova N.** – Candidate of Historical Sciences, Scientific Secretary of the Transbaikal Regional Museum named after A. K. Kuznetsov, Chita, Russia.
- Косых В. И.** – канд. ист. наук, доцент кафедры истории исторического факультета Забайкальского государственного университета, г. Чита, Россия.
- Kosykh V.** – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor Chair of History of the Faculty of History of Transbaikal State University, Chita, Russia.
- Косых Е. С.** – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак, Россия.
- Kosykh E.** – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law of the Institute of Law of Bashkir State University Sterlitamak Branch, Sterlitamak, Russia.
- Крылов Д. А.** – д-р филос. наук, заведующий кафедрой политологии исторического факультета Забайкальского государственного университета, г. Чита, Россия.
- Krylov D.** – Doctor of Philosophy Sciences, Head of the Chair of Political Science of the Faculty of History of Transbaikal State University, Chita, Russia.

- Кузнецов В. В.** – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры истории, проректор по воспитательной и социальной работе Забайкальского государственного университета, г. Чита, Россия.
- Kuznetsov V.** – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor Chair of History, Vice-Rector for Social and Educational Work of Transbaikal State University, Chita, Russia.
- Кузьмин Ю. В.** – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры мировой экономики и международного бизнеса Байкальского государственного университета, г. Иркутск, Россия.
- Kuzmin Yu.** – Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Professor Department of World Economy and International Business of Baikal State University, Irkutsk, Russia.
- Курас Л. В.** – д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия.
- Kuras L.** – Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Chief Researcher, Department of History and Culture of Central Asia of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia.
- Лобанов К. Н.** – д-р полит. наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-политических дисциплин Белгородского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации им. И. Д. Путилина, г. Белгород, Россия.
- Lobanov K.** – Doctor of Political Sciences, Docent, Associate Professor Department of Humanitarian and Sociopolitical Disciplines of I. D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, Belgorod, Russia.
- Наумов И. Н.** – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры истории, культуры и социологии факультета экономики и управления Волгоградского государственного технического университета, г. Волгоград, Россия.
- Naumov I.** – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor Department of History, Culturology, and Sociology of the Economics and Management Faculty of Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia.
- Нимаева Б. Б.** – канд. полит. наук, доцент кафедры экономики, управления и права Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Читинский филиал), руководитель Центра этносоциальных исследований и приграничного сотрудничества, г. Чита, Россия.
- Nimaeva B.** – Candidate of Political Sciences, Associate Professor Department of Economics, Management and Law of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Chita branch), Head of the Center for Ethnosocial Studies and Cross-Border Cooperation, Chita, Russia.
- Парамонова В. А.** – канд. социол. наук, доцент, доцент кафедры социологии института истории, международных отношений и социальных технологий Волгоградского государственного университета, г. Волгоград, Россия.
- Paramonova V.** – Candidate of Sociological Sciences, Docent, Associate Professor Department of Sociology of the Institute of History, International Relations and Social Technologies of Volgograd State University, Volgograd, Russia.
- Рачков М. П.** – д-р экон. наук, профессор, советник ректора Байкальского государственного университета, г. Иркутск, Россия.
- Rachkov M.** – Doctor of Economic Sciences, Full Professor, Advisor to the Rector of Baikal State University, Irkutsk, Russia.

- Родиков Б. Г.** – штурман военной авиации, полковник в отставке, писатель, краевед, исследователь авиации Забайкалья, член Союза журналистов России, г. Чита, Россия.
- Rodikov B.** – Military Aviation Navigator, a Retired Colonel, Writer, Student of Local Lore, Researcher of the Aviation of Transbaikalia, Member of the Russian Union of Journalists, Chita, Russia.
- Сануйдагва Ганболд** – полковник, Центр исследования военной истории в НИИ обороны Монголии, г. Улан-Батор, Монголия.
- Gandbold S.** – Colonel, Research Center of Military History at the Mongolia Research Institute of Defense, Ulan-Bator, Mongolia.
- Сеченов И. В.** – командир поискового отряда Иркутского авиационного техникума «Восточный рубеж», г. Иркутск, Россия.
- Sechenov I.** – Commander of the search party “Vostochniy Rubezh” of Irkutsk Aviation Technical College, Irkutsk, Russia.
- Сигачева Е. Л.** – канд. юрид. наук, доцент кафедры гуманитарных наук факультета управления и экономики на транспорте Забайкальского института железнодорожного транспорта, г. Чита, Россия.
- Sigachyova E.** – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department “Humanities” faculty of Management and Economics in transport Transbaikal railway transport Institute, Chita, Russia.
- Суслов Е. В.** – канд. полит. наук, доцент кафедры филологии и журналистики историко-филологического факультета Марийского государственного университета, г. Йошкар-Ола, Россия.
- Suslov E.** – Candidate of Political Sciences, Associate Professor Department of Philology and Journalism of the Faculty of History and Philology of Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia.
- Суходолов А. П.** – д-р экон. наук, профессор, ректор Байкальского государственного университета, г. Иркутск, Россия.
- Sukhodolov A.** – Doctor of Economic Sciences, Full Professor, Rector of the Baikal State University, Irkutsk, Russia.
- Суходолов Я. А.** – канд. экон. наук, ст. преподаватель кафедры истории и международных отношений Байкальского государственного университета, г. Иркутск, Россия.
- Sukhodolov Ya.** – Candidate of economic Sciences, senior lecturer of the Department of history and international relations of the Baikal State University, Irkutsk, Russia.
- Таракановская М. Г.** – член совета Общества российских граждан в Монголии, г. Улан-Батор, Монголия.
- Tarakanovskaya M.** – member of the Board of Community of Russian Citizens in Mongolia, Ulan-Bator, Mongolia.
- Таракановский А. А.** – председатель правления фонда «Возрождение сан», г. Улан-Батор, Монголия.
- Tarakanovskiy A.** – President of Fund “Vozrozhdenie San”, Ulan-Bator, Mongolia.
- Тимиргазиева А. И.** – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории Института исторического и правового образования Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, г. Уфа, Россия.
- Timirgazieva A.** – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor Department of Domestic History of the Institute of Historical and Law Education of M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russia.

- Фартусов Д. Б.** – аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории исторического факультета Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, Россия.
- Fartusov D.** – Postgraduate, Department of the General and Domestic History of the History Faculty of Buryat State University, Ulan-Ude, Russia.
- Федотова Т. А.** – канд. экон. наук, доцент Днепропетровского национального университета им. О. Гончара, г. Днепропетровск, Украина.
- Fedotova T.** – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor Oles Honchar Dnipropetrovsk National University, Dnepropetrovsk, Ukraine.
- Хайнзан Шагдар** – д-р ист. наук, профессор, ведущий научный сотрудник НИИ обороны Монголии, исполнитель международного проекта «Монголия во Второй мировой войне», НИИ обороны Монголии совместно с ИМБТ СО РАН, г. Улан-Батор, Монголия.
- Khaynzan Shagdar** – Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Leading Researcher of Mongolia Research Institute of Defense, Executor of the International Project «Mongolia in the Second World War» of Mongolia Research Institute of Defense jointly with Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan Bator, Mongolia.
- Халанский И. В.** – канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой политологии факультета международных отношений Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б. Н. Ельцина, г. Бишкек, Кыргызстан.
- Khalansky I.** – Candidate of Historical Sciences, Docent, Head of Department of Political Science of the Faculty of International Relations of the Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyzstan.
- Цыбенков Б. Д.** – канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия.
- Tsybenov B.** – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Department of History and Culture of Central Asia of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia.
- Цэнд Баатар** – д-р экон. наук, профессор, ведущий научный работник Института международных отношений Академии наук Монголии, Улан-Батор, Монголия.
- Send Baatar** – Doctor of Economic Sciences, Full Professor, Leading Researcher of the Institute of international relations Academy of Sciences of Mongolia, Ulan-Bator, Mongolia.
- Чапыгин И. В.** – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры мировой истории и международных отношений исторического факультета Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия.
- Chapugin I.** – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor Department of World History and International Relations of the Faculty of History of Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.
- Шарапов Д. Ю.** – канд. ист. наук, доцент кафедры агротуризма и регионального краеведения факультета сервиса и туризма Волгоградского государственного аграрного университета, г. Волгоград, Россия.
- Sharapov D.** – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor Department Agritourism and Regional Local Lore of the Faculty of Service and Tourism of Volgograd State Agricultural University, Volgograd, Russia.
- Шемелин А. В.** – канд. юрид. наук, д-р полит. наук, профессор, заведующий кафедрой социально-правовых дисциплин юридического факультета Забайкальского государственного университета, г. Чита, Россия.
- Shemelin A.** – Candidate of Juridical Sciences, Doctor of Political Sciences, Full Professor, Head of the Chair of Social and Legal Disciplines of the Faculty of Law of Transbaikalian State University, Chita, Russia.

Яковлев В. И. – аспирант, ассистент кафедры коммерции и предпринимательства Читинского института (филиала) Байкальского государственного университета, г. Чита, Россия.

Yakovlev V. – Postgraduate, Assistant of the Department of Commerce and Entrepreneurship of the Chita Institute of Baikal State University, Chita, Russia.

Якунин В. Н. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры туризма и рекреации, проректор по научной и инновационной деятельности Поволжского государственного университета сервиса, г. Тольятти, Россия.

Yakunin V. – Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Professor Department of tourism and recreation, Vice-rector for scientific and innovative activities, Volga Region State University of Service, Tolyatti, Russia.

Якупов Р. И. – д-р ист. наук, профессор, ведущий науч. сотрудник Института истории языка и литературы Уфимского научного центра РАН, г. Уфа, Россия.

Yakupov R. – Doctor of Historical Sciences, Full Professor, leading researcher of Institute of history, language and literature Ufa scientific center, Russian Academic Society, Ufa, Russia.

Научное издание

РЕГИОН В ПРИГРАНИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Часть 1

REGION IN BORDER SPACE

Part 1

Дизайн обложки Д. А. Крылов

Редактор О. Ю. Гапченко
Вёрстка И. Н. Аргуновой

Подписано в печать 01.08.2016.
Формат 60×84/8. Гарнитура Times New Roman. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 23,8. Уч.-изд. л. 20,1. Заказ № 16222. Тираж 200 экз.

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30